

**П Р О Б Л Е М Ы
ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО
Я З Ы К О З Н А Н И Я**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

ПРОБЛЕМЫ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЭТЮДЫ
ПО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКЕ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва — 1964

Ответственный редактор

В. Н. Топоров

ДРЕВНЕЙШИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКО-СЕМИТСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

В основательно забытом „Индоевропейско-семитском словаре“ Г. Мёллера¹ среди множества фантастических или малоправдоподобных этимологий выделяется небольшая группа весьма вероятных сближений индоевропейских и семитских слов. Эти сближения, однако, обычно относятся к той сфере лексики, которая меньше всего может отражать словарный фонд постулируемого Мёллером индоевропейско-семитского праязыка: перед нами термины культуры, чаще всего распространяющиеся путем заимствования. Список соответствий такого рода может быть существенно расширен и дополнен. В предлагаемом ниже перечне мы ограничиваемся образованиями, имеющими общеиндоевропейское распространение или обнаруживающимися по крайней мере в нескольких индоевропейских диалектах; с другой стороны, здесь отмечены родственные разбираемым семитским словам образования других афразиатских (семито-хамитских) языков.

1. И.-е. *tauro-*, м. 'бык' ~ сем. *tawru, м. 'бык' (Möller 255—256)²: греч. ταῦρος | лат. *taurus* | ср.-ирл. *tarb* | лит. *taūras* 'туп' | слав. *turъ (Рок. 1083) ~ акк. *šuru* | угар. *tr* | др.-евр. *šōr* | сир. *taurā* | ар. *ṭaurun* | юж.-ар. *ṭwr* | геез. *sōr* (Ges. 816, Gordon 335)³.

2. И.-е. **g^hou-*, м. и ф. 'бык; корова' ~ афроаз. *g-w, м. 'бык' (в семитском не засвидетельствовано)⁴: др.-инд. *gāus*, м. и ф. 'бык; корова' | арм. *kov* 'корова' | греч. (дорич.) βῶς, м. 'бык' | лат. *bōs*, м. | др.-ирл. *bó*, ф. 'корова' | др.-в.-нем. *chiuo*, ф. | лтш. *gūovs*, ф. | тох. А *ko*, В. *kau* 'корова' (Рок. 482—483) ~ ер. *gw* 'вид быка' || кушит.: агав (куара) *kiwā*, (агавмедр) *kiwā* 'бык' | сомали *aḡwi* | каффа *gāi*, *gō* || чадск.: болева

¹ H. Möller. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911.

² Одно из самых ранних (и явных) сближений. Обычно здесь предполагали заимствование из семитского в индоевропейский (ср., например: H. Lewy. Die semitische Lehnwörter im Griechischen. Berlin, 1895, стр. 4; дается история этой этимологии) или заимствование из третьего неизвестного языка (так у Г. Мёллера; ср. еще, например: G. Ipsen. Der Alte Orient und die Indogermanen. „Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft“, 1924, стр. 227—228).

³ У. Олбрайт предполагает связь семитского названия быка с глагольным корнем *t-w-r (акк. *šaru* 'прыгать, надавать', ар. *tāra*), ср.: W. Albright. Notes on egypto-semitic etymology. — JAOS, vol. 47, 1927, стр. 229.

⁴ Из афразиатского название быка было, по-видимому, весьма рано заимствовано африканскими шелкающими языками, ср. сандаве *leu* 'бык' ~ готтентот. *Igao*, сев.-бушм. *Igau*, *Ikau*, юж.-бушм. *Ihau* (J. Greenberg. Studies in African linguistic classification. — SWJA, vol. VI, 1950, стр. 238). Сходное образование обнаруживается в тибето-китайском: др.-кит. *ngiəu 'бык' ~ таи *ngud ~ бирм. *ngua* (P. Benedict. Thai, Kadai and Indonesian. . . — AAnthr., vol. 44, 1942, стр. 590). Менее очевидна связь рассмотренных слов с шумер. *gud* 'бык', в котором часто видели источник индоевропейского слова (ср., например: G. Ipsen. Указ. соч.).

kwō 'бык' (Cohen 112; Reinisch SAW 128⁷, 18; Pilszczikowa RO 24, 110).

3. И.-е. **ghaid-*, м. и ф. 'козленок, коза' ~ сем. (<афроаз.) *gadju, м. 'козленок; коза': лат. *haedus*, м. 'козленок, молодой козел' | гот. *gaitis*, ф. 'коза' (Pok. 409-410) ~ акк. *gadū* 'козленок' | др.-евр. |*gādī*, пун. *gd'* | араб. *gadja* | ар. *ḡadjun*, м. 'коза' || бербер. (туарег.) *əgəjd*, (бени снус) *igid* (Ges. 130, Cohen 119).

4. И.-е. **ag^h* | *h* по-, м. и ф. 'ягненок; овечка' ~ сем. (<афроаз.) *iglu, 'ягненок; молодое животное': греч. *ἀρνός*, м. и ф. | лат. *agnus*, первоначально м. и ф. | др.-ирл. *uan* | др.-англ. *ēanian* 'ягниться' <**auna-* | слав. *jagne (Pok. 9) ~ угар. *gl* 'ягненок' | др.-евр. *egēl* | араб. *igla* | ар. *iglu* | геез *əgʷəl* 'детеныш животного', амхар. *gəlgəl* 'ягненок' || ег. *g(n)-* в составе ряда названий домашних животных || кушит.: агав (билин) *gūal* 'телка' (Ges. 562, Gordon 302, Leslau Gaf. 202, Cohen 87).

5. И.-е. **agro-*, м. 'нива, возделываемое поле' ~ сем. *h-d-r, м. 'огороженный участок, двор; обитаемое место' (Möller 2)⁵: др.-инд. *ágras* 'поле, луг' | арм. *art* 'нива' | греч. *ἀρός* 'нива; деревня' | лат. *ager* 'нива' | гот. *akrs* (Pok. 6) ~ акк. *ašāru*, *ušāru* 'двор' | угар. *h̄r* | др.-евр. *hāšēr* 'огороженный участок, двор', финик. *h̄sr* 'двор' | сир. *hēr'tā* 'лагерь' | ар. *hadrun* 'двор, обитаемое место', *hadarun* 'постоянное местожительство (оседлого населения)' | юж.-ар. *h̄dr* 'передний двор' (Ges. 253, Gelb 71).

6. И.-е. **kā(k)hā*, *kək(h)ā*⁶, ф. 'ветвь с развилкой; соха' ~ сем. (<афроаз.) **s-k(k)* 'острие (f.); боронить, пахать' (Möller 111): др.-инд. *sākhā* 'ветвь' | гот. *hōha*, м. 'плуг' | лит. *šakā* 'ветвь', *sākės*, pl. 'вилы' | слав. *soxa 'соха' (Pok. 523) ~ акк. *šakāku* 'боронить', *šikkatu*, ф. 'колышек, гвоздь; острие' | др.-евр. *sikkim*, pl. 'шипы' | сир. *sektā* 'гвоздь' | ар. *šakšakaton*, ф. 'острие' || ег. *šk* 'пахать' *šk*. *t* 'пахотная земля', копт. (саид.) *skai*, (бохейр.) *sxai*, (фаюм.) *skei* | бербер. (Мзаб) *skká* 'лемех' (Erman ZDMG 46, 128; Ember ZÄS 50, 80; Zyhlarz ZÄS 70, 114)⁷.

7. И.-е. **andh-* 'растения, употребляемые в пищу' ~ сем. (<афроаз.) *h-n-t 'набирать почки; созревать; пшеница, злаки' (f.) (Möller 10): др.-инд. *ándhas*, п. 'растение, из которого получали сому' | арм. *and* 'поле' | греч. *ἄνθος*, п. 'цветок', *ἄνθινον εἶδος* 'растительная пища (лотос)' (Pok. 40—41) ~ угар. *h̄tt* 'пшеница' | др.-евр. *h-n-t* 'набирать почки', *hit̄tā* 'пшеница' | араб. *hit̄tā* 'пшеница' | ар. *h-n-t* 'созревать, давать плоды', *hin-tatun* 'пшеница' | юж.-ар.: сокотри *hin̄teh*, мехри *heȳt* 'пшеница' || ег. *hnd* 'вид злака' || кушит.: сомали *hayd* 'ячмень', *haḡud* 'злаки' (Ges. 224, Gordon 264, Leslau Soq. 182, Cohen 102).

8. И.-е. **bh(ə)r(s)-* 'зерно, крупа' ~ сем. (<афроаз.) **b-r(r)* 'зерно, обмолоченное зерно' (Möller 34)⁸: лат. *far*, Gen. *farris*, п. 'полба, крупа' | др.-исл. *barr*, м. 'зерно, ячмень' | слав. *boъr 'род проса' (Pok. 111) ~ др.-евр. *bar* 'обмолоченный хлеб' | ар. *burrun* 'пшеница' | юж.-ар.: сокотри *bor*, мехри *barr* 'зерно, пшеница' || ег. *b'*. *t* 'вид зерен' || бербер. (туарег.) *ābōra* 'сорго с большими зернами' || кушит.: беджа *biltu* 'просо' |

⁵ С этими образованиями связано и шумер. *agar*, (Eme-Sal) *adar* 'орошаемая территория, нива', ср.: A. Schott. Indogermanisch-Semitisch-Sumerisch. „Germanen und Indogermanen“, Bd II. Heidelberg, 1935, стр. 83. Необычное соответствие *g* ~ Eme-Sal *d* (обычно *g* ~ Eme-Sal *m*) может указывать на исходный латеральный в шумерском, аналогичный сем. *d (ср. об этом ниже). В картельских языках находим др.-груз. *agaraki*, 'поле, земля, деревня'.

⁶ Первоначально, возможно, корневая основа: Nom. **kəkēH(-s)* (ср. лит. *sākės*), Gen. *kākH-es (ср. др.-инд. *sākhā* с *-kh-* <**kH-*).

⁷ Ср. еще чадские образования: логоне *sxē* (pl. *sāxēn*) 'нива', котоко *sge* (J. L. uk a s. Die Logone-Sprache im Zentralen Sudan. Leipzig, 1936, стр. 119; J. Mouchet. Vocabulaires comparatifs de quinze parlers du Nord-Cameroun. „Études Camerounaises“ vol. 3, 1950, стр. 19).

⁸ Заимствование из семитского в индоевропейский предполагал Б. Грязный (Hrozný 38).

агав (куара) *bórtā* | сомали *bur* 'зерно' (Leslau Sq. 98; Cohen 174; Reinisch SAW 128⁷, 2).

9. И.-е. *dhōnā, f. 'зерно, хлеб' ~ сем. *duhnu, m. 'просо, сорго': др.-инд. *dhānās*, f. pl. 'зерновые'; перс. *dāna* 'зерно, просо' | лит. *dūona* 'хлеб' | тох. В *tāno* 'зерно' (Fraenkel 111) ~ акк. *duhnu* | др.-евр. (позднее) *dōhan* | араб. *duhna* | ар. *duhnu*, диал. *dōhan*, *dhin* (Ges. 150, Hrozny 33).

10. И.-е. **g^hern(u)*, **g^hreun-*⁹ 'жернов' ~ сем. **g-r-n*¹⁰ 'молоть, размалывать' (Möller 99—100)¹¹: др.-инд. *grāvan*, m. 'камень для выжимания сомы' | арм. *erkan* 'жернов' < **g^hrēnā* | др.-ирл. *bráu* < **g^hrāu* | гот.-*qairnus* | лит. *girnos*, f. pl. | слав. *žbrny (Pok. 477) ~ угар. *grn* 'ток (служащий одновременно местом судилища)' | акк. *magratu* 'место судилища в Нузу' | др.-евр. *gōrēn* 'ток' | ар. *g-r-n* 'молоть, размалывать', *gurnun* 'ток; (диал.) ступка' | геез *g^hern* 'ток' (Ges. 148, Gordon 252).

11. И.-е. **uoino-* 'вино' ~ сем. *wajnu, m. 'виноград; вино' (Möller 214)¹²: хет. *wi-ja-na-a*; лувийск. *win-* | греч. (микенск.) *wo-no-*, (эолийск.) *Ῥοῖνος* | лат. *vīnum* | алб. (гер.) *vēnë*, (тоск.) *verë*, f. < *uoinā | арм. *gini* (Pok. 1121) ~ акк. *īnu* 'вино' | угар. *jn* | др.-евр. *īaiin* | ар. *uainun* 'черный виноград' | юж.-ар. *wjn* 'вино' | геез *uāin* 'виноград; вино' (Ges. 299, Gordon 272).

12. И.-е. **alu(t)*, n. 'терпкий или сладкий напиток; пиво' ~ сем. *h-l-w 'сладкий; сладкий напиток': осет. (ирон.) *ælūton*, (дигор.) *æluton* 'пиво особой варки' | греч. (Гесихий) *ἀλόδ(ο)ῖνον πικρὸν παρὰ Σόφρονι* ('острое' — у Софрония) | лат. *alūmen*, n. 'квасцы' | др.-англ. *ealud*, n. 'пиво' | др.-прусс. *alu*, n. 'медовый напиток' | слав. *olъ, m. 'род пива' (Pok. 33—34, Абаев 129—130) ~ сир. *halīā* 'сладкий', *hulīā* 'медовый напиток' | ар. *h-l-w* 'быть (делать) сладким', *hulūun* 'сладкий' | юж.-ар. *hlj 'сладкие хлебцы' | эфиоп.: харари *alli* 'медовый напиток' (Ges. 232, Cohen Eth. 311).

13. И.-е. *medhu, n. 'мед; медовый напиток' ~ сем. **m-t-k-* 'сладкий' (Möller 157)¹³: др.-инд. *mādhu* 'мед' | греч. *μέθυ* 'вино' | др.-ирл. *mid* 'медовый напиток' | др.-в.-нем. *metu*, m. | др.-пр. *meddo*, n. 'мед' | слав. *medъ, m. | тох. В *mit* (Pok. 707) ~ акк. *matku* 'сладкий; растение, дающее сладкий сок' | угар. *mtk* 'сладкий' | др.-евр. *m-t-k-* 'быть сладким', *mātok* 'сладкий' | араб. *m-t-k-*, *m^htikā* | геез *metuk* 'сладкий' (Ges. 475)¹⁴.

14. И.-е. **dhuer-* 'двор; дверь' ~ сем. **t-w-r-* 'ограда; огороженный двор' (Möller 63-64)¹⁵: др.-инд. *dvāras*, pl. 'двери'; авест. Асс. Sing. *dva-rāt* 'ворота; двор' | арм. *durk*, pl. 'двери', *durñ* 'дверь; двор' | греч.

⁹ И.-е. **g^hreun-* является, вероятно, результатом метатезы первоначальной *-u*-основы **g^hernu*.

¹⁰ Сем. *g-r-n восходит к корню **g-r-*, ср. *g-r-s 'растирать' (ар. *g-r-š*, др.-евр. *gērēš* 'размолотые зерна').

¹¹ Ср. картвельские образования: чан. *γurni* 'мельничный желоб' ~ сван. *gurana* 'пест' (Абаев 612).

¹² Картвельское название вина (груз. *γvino*, чан. *γvini*, мегр. *γvini*, сван. *γvī-nāl*), часто приводившееся для доказательства «средиземноморского» происхождения соответствующих индоевропейских и семитских названий (ср., например: G. I r s e n. Указ. соч., стр. 227), скорее всего заимствовано из протоармянской формы, к которой восходит арм. *gini* (и.-е. *u* > *γu > **g-*), ср.: O. S c h r a d e r. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Straßburg, 1901, стр. 944. Более вероятны древние связи с интересующими нас словами картвельского названия виноградной лозы (виноградника): др.-груз. *venaqi*, груз. *venaxi* 'виноградник' ~ чан. *binexi* 'виноградная лоза' ~ мегр. *binexi* ~ сван. *venāq* 'виноградник' (Арн. Ч и к о б а в а. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, стр. 133).

¹³ Из индоевропейских языков название меда рано распространилось на север (финно-угор. *mete < индоиран.) и восток (др.-кит. *mjēt < тох.). С сем. **m-t-k-*, несомненно, связаны восточно-суданские образования: динка *mit* 'быть сладким', шилаук *met* ~ дидинга *med* (J. G r e e n b e r g. Указ. соч., стр. 160).

¹⁴ Ср. еще кушит.: агав (билин) *mīd*, (куара) *mīz* 'медовый напиток', сахо *mēz* (Reinisch SAW 106, 395).

¹⁵ Ср. шумер. *tur* 'двор, скотный двор' (A. S c h o t t. Указ. соч., стр. 83).

(гомер.) *θύραι*, pl. 'двери' | алб. *derë*, f. 'дверь' | лат. *forēs*, pl. 'двери', *forum* 'рыночная площадь, форум' | др.-ирл. *dorus*, n. 'дверь' | др.-в.-нем. *turi*, pl. 'двери' | лит. *dūrys*, pl. | слав. *dъrьi, pl. 'двери', *dvorъ 'двор' тох. В *twere* 'двери'; кочевой лагерь, окруженный оградой' | сир. *ṭiārā* 'загон' | ар. *ṭuqārūn* 'ограда', *ṭūrun*, m., *ṭuqaratun*, f. 'двор' | юж.-ар. *mṭwr* 'род колоннады' (Ges. 275).

15. И.-е. **klāu-* 'запирать; ключ' ~ сем. (<афроаз.) **k-l-* 'запирать' (Möller 133)¹⁶: греч. (дорич.) *κλαῖς* 'ключ' | лат. *clāvis* 'ключ', *claudō* 'запираю' | др.-ирл. *cló* 'гвоздь' | лит. *kliūti* 'попадать; застревать; препятствовать' | слав. *ključь 'ключ' (Рок. 604-605) ~ акк. *kalā* 'запирать, задерживать' | др.-евр. *k-l-* 'препятствовать; запирать', *kālē* 'тюрьма' | сир. *k-l-* 'препятствовать' | ар. *k-l-* 'охранять' | геэз *k-l-* 'запирать, удерживать' || ег. *kr.t* 'засов, замок', копт. (санд.) *kelle* (Ges. 345).

16. И.-е. **nāu-*, f. 'судно; сосуд' ~ сем. (<афроаз.) **n-w-* 'сосуд; судно': др.-инд. *nāus* 'судно' | арм. *nav*¹⁷ | греч. (гомер.) Асс. *νῆα* | лат. *nāvis* | др.-ирл. *nāu* 'судно', валл. *noe* 'квашня' | др.-сканд. *nōr*, m. 'судно', норв. *nō* 'корыто' (Рок. 755-756) ~ акк. *unātu*, f. 'сосуд' | др.-ханаан. (эль-Амарна) *anaji*, др.-евр. 'oni' 'судно' | сир. *mānā* 'сосуд' | ар. 'inā'un | геэз *nawaj* || ег. *in(w)* 'горшок' (Ges. 54, Cohen 80).

17. И.-е. **peleku-*, m. 'секира, топор' ~ сем. **p-l-k-* 'раскалывать; топор' (Möller 199)¹⁸: греч. *πέλεκυς* | др.-инд. *paraśūs* (Boisacq 761) ~ акк. *pilaḳku* 'топор', *palāku* 'убивать' | сир. *pelkā* 'топор' | ар. *p-l-k-* 'расщеплять' (ср. Zimmer 12).

18. И.-е. **k^hrei-*, **k^heri-* 'покупать, торговать' ~ сем. **k-r-* 'торговать' (Möller 141—142) — др.-инд. *krīṇāmi* 'покупаю', *vi-krīṇāmi* 'продаю' | греч. *πρίαμαι* 'покупаю' | др.-ирл. *cren(a)im* | ст.-лит. Gen. *krieno* 'вено' | др.-рус. *krъnuti* 'покупать' | тох. А *kuryar* 'торговля', тох. В *kāry-* 'торговать', *karyor* 'покупка' (Рок. 648) ~ др.-евр. *k-r-* 'торговать', *māker* 'цена' | сир. *m^hkirā* 'супруга' (собственно, 'купленная') | ар. *k-r-* 'сдавать в наем' | юж.-ар. 'krj, pl. 'арендная плата' (Ges. 361).

19. И.-е. **dap-* 'жертвоприношение' ~ сем. (<афроаз.) *d-b-h 'приносить в жертву' (Möller 44—45)¹⁹: лат. *daps*, f., pl. *dapēs* 'жертвоприношение' | арм. *tawn* (<*dapni) 'праздество' | др.-сканд. *tafn* 'жертвенное животное' (Ernout—Meillet 293) ~ угар. *dbh* 'жертвоприношение', *mdbh* 'алтарь' | др.-евр. *zābah* 'жертвенное животное', *mizbēah* 'алтарь' | сир. *d^hbhā* 'жертвоприношение' | ар. *d-b-h* 'приносить в жертву', *dibhu* 'жертва' || ег. *dbh* 'просить', *dbh.thṭp* 'жертвоприношение', копт. *tōbeh* 'просить' (Ges. 192, Gordon 254).

20. И.-е. *(*a*)*ster-* 'звезда' ~ сем. **-t-t-r*²⁰ 'обожествленная звезда'

¹⁶ Ср. картвельские образования: др.-груз. *klite* 'ключ', груз. *klite* 'запор' ~ мегр. *kəla* 'ключ', *kəluə* 'запирать' ~ чан. *kola* 'ключ' ~ сван. *kəl* 'ключ', *kl-* 'запирать'.

¹⁷ В картвельском, вероятно, древнее заимствование из протоармянского: груз. *navi* 'лодка' ~ сван. *nāv*.

¹⁸ Предположение о заимствовании индоевропейского слова из семитского (аккадского) впервые высказал Ф. Гоммель (ср. подробную библиографию в кн.: W. Wüst. Idg. *pēleku-* 'Ахт, Веил'. Helsinki, 1956, стр. 17—23; этимология самого Вюста, исходящего из корня **lek-*, представляется нам маловероятной). С рассматриваемыми словами, возможно, связано алтайское название молота *paluka (монг. письм. *aluqa*, ср.-монг. *haluqa* ~ нанайск. *paloa*ⁿ, эвенк. *halka*), ср.: К. Н. Menges. Zwei alt-mesopotamische Lehnwörter im Altaischen. — UAJ, Bd 25, 1953, стр. 300—301.

¹⁹ Ср. картвельские образования: сван. *ibəl-* 'жертвовать', *litbali* 'жертвоприношение' ~ мегр. *sadabado* 'молитвенный обряд с жертвоприношением курицы или теленка' (И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914, стр. 221) ~ груз. *dabiri* 'оракул'.

²⁰ Семитское образование, возможно, восходит к афроазиатскому, ср. бербер. *itri* 'звезда', туарег. *tatrit*, f. 'утренняя звезда, Венера' ~ кушит. *terig* 'луна' ~ чадск.: нгизим. *tira*, болева *tere*, вандала *tre*, музгу *tra* 'луна' (J. H. Greenberg. The languages of Africa. Bloomington, 1963, стр. 59—60; Le P. de Foucauld. Dictionnaire abrégé touareg-français, vol. II. Alger, 1920, стр. 667; J. Mouchet. Указ. соч., стр. 17).

(Венера)²¹: др.-инд. Instr. Pl. *stṛbhīś*, авест. Acc. Sing. *stāram* | хет. *aštira-* | арм. *astt* | греч. ἀστὴρ, m. | лат. *stella* | бретон. *sterenn* | гот. *stairno*, f. | тох. A Pl. *šreñ*, тох. B *šcirye* (Pok. 1027—1028, Friedrich 37) ~ акк. *ištar* 'Иштарь, божество, символизируемое звездой'²² | др.-евр. *aštoret*, f., финик. *štrt* 'Астарт — богиня плодородия и войны', ср. ег. *štrt* < др.-ханаан. | араб. *tr* | юж.-ар. *ttr*, m. (Ges. 627).

21. И.-е. **(a)nsu-* 'божество; демон' ~ сем. (< афроаз.) **h-n-z* 'обоженное светило, божество; перемещаться (о светилах)': др.-инд. *ánu-*, авест. *añhu-* 'жизненное начало'; др.-инд. *aśura-* 'божество; злой демон', авест. *ahura-* 'верховное божество, властелин' | венет. *ahsu-* 'культовое изображение' | др.-сканд. *áss* 'полубог'; гот. (Иордан) Pl. *anses* (Pok. 48) ~ ар. *hanzabun* 'сатана', *hunnasun*, coll. 'планеты' || ег. *hnsw* 'Хонс — божество луны', *hns* 'перемещаться, проходить', копт. (бохейр.) *raḥōp*, (саид.) *rašōnes* (< *рп. *hnsw*) 'девятый месяц, месяц бога Хонса' (Cohen 108, Spiegelberg 91).

22. И.-е. **septm* 'семь' ~ сем. (< афроаз.) **|š|-b'-tu*, f. (в сочетании с именами мужского рода), *|š|-b'-u* (с именами женского рода)²³ 'семь' (ср. Möller 227)²⁴: др.-инд. *saptá*, авест. *hapta* | хет. **šiptam* | арм. *evt'n* | греч. ἑπτά | лат. *septem* | др.-ирл. *secht n-* | др.-в.-нем. *sibun* | лит. *septyni* | тох. A *špāt*, B *suk(t)* (Pok. 909) ~ акк. *sibittu*, *sibu*²⁵ | др.-евр. *šib'ā*, *šeba'* | араб. *šib'ā*, *šba'* | ар. *sab'atun*, *sab'un* | юж.-ар.: шаури *šibéet*, *šo'*, мехри *hibéyt*, *hōbā* | геез *sāb'ātū*, *sāb'ū* || ег. *šfb*, копт. (ахимм.) *saḥef*, (бохейр.) *šašef*, (саид.) *sašef* (Ges. 803, Leslau Soq. 140, Spiegelberg 142).

23. И.-е. **ġam-* 'жениться; соединять супругов' ~ сем. (< афроаз.) **q-m* (*q-m-d*, *q-m-m*, *q-m-r*) 'запрягать в общую упряжку; соединять; соединять супругов' (Möller 73—74): др.-инд. *viġāmis* 'находящийся в свойстве', др.-инд. *jāmātar*, авест. *zāmātar* 'зять' | греч. γάμος 'свадьба', γαμέω (Аог. дорич. ἑγάμα) 'женюсь' (Pok. 369—370) ~ акк. *šamādu* 'впрягать в ярмо', *šindu* 'упряжка' | др.-евр. *š-m-d* 'привязывать', *sāmed* 'упряжка' | араб. *š-m-d* 'привязывать' | ар. *q-m-d* 'впрягать', *q-m-m* 'присоединять' | геез *z-m-d* 'впрягать; привязывать', *z-m-r* 'связывать, сочетать браком', *māzmer* 'супружество' || ег. *dmd* (метатеза) 'вместе', *dmdj* 'соединять' (Ges. 686).

24. И.-е. **arjo-*, m. 'господин, представитель господствующей прослойки' ~ сем. **h-r-(r)* 'освобождать; свободнорожденный' (Möller 16): др.-инд. *ar(i)ya-* 'господин', *ār(i)ya-* 'арья, представитель высшей касты',

²¹ Заимствование индоевропейского слова из семитского (аккадского) предполагал уже Г. Циммерн.

²² Ср., например: K. Frank. Bilder und Symbole babylonisch-assyrischen Götter. — LSS, Bd 2, 1906—1908, стр. 19.

²³ Подобное аномальное распределение форм числительных от трех до 10 в прото-семитском следует объяснять, вероятно, дифференциацией первоначальных форм имен женского рода на *-tu* ('семерка' и т. п.). Во всяком случае основной формой числительного была форма на *-tu*, употреблявшаяся с именами мужского рода (ср. ее обобщение для обоих родов в языках Эфиопии: амхар. *sābat*, тигринья *šob'atte*, харари *sabatta*, см. Leslau Gaf. 229).

²⁴ Включение названия семерки в круг терминов культуры определяется сакральным характером этого числа (лунная фаза равна семи суткам), ср.: J. Hehn. Siebenzahl und Sabbat. — LSS, Bd 2, 1906—1908. С семитскими и индоевропейскими образованиями, несомненно, связаны картвельские: др.-груз. *šwidi*, груз. *švidi* ~ мегр. *škviiti* ~ чан. *škvit*, *škit* ~ сван. *išgvid*. Из индоевропейских (индоиранских) языков название семерки в разное время заимствовалось финно-угорскими языками, ср.: A. Ross. An indoeuropean-finnougrian loanword problem. — TrPhS, 1944, стр. 45—94.

²⁵ В аккадском из сем. **š-* ожидали бы **š-*. Начальный *s-*, как в ряде других слов, может отражать здесь др.-акк. *š* (< сем. **š*, **š*), отличавшийся от др.-акк. *š* (< сем. **š*), ср.: J. Aro. Die semitische Zischlaute (*š*) *s š š* und ihre Vertretung im Akkadischen. „Orientalia“, t. 28, 1959, стр. 327—332 (труднее предполагать в этих случаях особый прото-семитский звук, как это делает А. Гётце — A. Götze. The sibilants in Old Babylonian. — RA, vol. 52, 1958, стр. 140—149).

авест. *airyō* 'арийский' | ирл. *aire* 'знатный' | др.-сканд. (рунич). Pl. *arjō-stēR* 'знатнейшие' (Пок. 67) ~ др.-евр. *hōrim*, pl. 'знатные, свободно-рожденные' | сир. *h-r-r* 'освобождать', *hērā* 'свободный' | ар. *h-r-r* 'освобождать; быть свободным', *hurrun* 'свободный', набатейск. *br hrj* 'свободно-рожденный' | юж.-ар.: сокотри *hor* 'свободный', мехри *horr* | геез *hārrāwi* 'свободный; знатный' (Ges. 255, Leslau Sq. 192).

Перечисленные случаи допускают в принципе несколько возможностей истолкования. Если исключить (для этих случаев) гипотезу об индоевропейско-семитском родстве, остаются возможности: 1) заимствования из индоевропейского в семитский, 2) заимствования из третьего языка в индоевропейский и в семитский и 3) заимствования из семитского в индоевропейский.

Первую возможность (и-е. > сем.) следует отклонить: а) ни одно из рассмотренных индоевропейских слов не этимологизируется собственно индоевропейскими средствами²⁶; б) структура корня многих слов не соответствует обычному индоевропейскому типу: **tauro-*, **g^hern(u)-*, **u|o|ino-* (сочетание двух сонантов), **tauro-*, **ghaid-*, **dap-*, **gam-* (-а- в середине корня), **peleku-* (полная огласовка двух соседних слогов); в) принимая эту возможность, следует принять и возможность заимствования из индоевропейского в афроазиатский (для слов, представленных в несемитских афроазиатских языках), что крайне маловероятно.

Вторая возможность (язык *x* > и-е., язык *x* > сем.) остается чисто гипотетической, пока мы оперируем неким неизвестным языком. Реально учитывать ее следует в связи с наличием ряда образований, сходных с семитскими и индоевропейскими, в двух соседних языковых группах — картвельской (см. № 5, 11, 15, 19, 22) и шумерской (№ 5, 14, возможно № 2). В период увлечения теориями средиземноморского (алародийского, яфетического) субстрата картвельские данные использовали для подтверждения „субстратного“ характера соответствующих индоевропейских и семитских слов. Если оставаться на почве фактов, картвельский вариант нужно отклонить, исходя из соображений, изложенных при рассмотрении индоевропейской гипотезы (пункты а и в). Соответствующие картвельские образования должны трактоваться как древние заимствования из индоевропейского (ср. вероятные заимствования из протоармянского — названия вина и лодки, см. № 11, 16), семитского или из третьего источника. Шумерские слова многие исследователи рассматривали как общий источник семитских и индоевропейских образований. Однако непосредственное заимствование из шумерского можно допустить только для семитского: в то время как в семитском представлены заимствования из шумерского, не обнаруживающиеся в индоевропейском²⁷, в индоевропейском находим лишь те шумерские по происхождению слова, которые проникли и в семитский. Остается принять [путь заимствования „шумерский > семитский > индоевропейский“].

Третья возможность (сем. > и-е.) оказывается наиболее вероятной: 1) многие семитские образования восходят к соответствующим афроазиатским (№ 3, 6, 7, 8, 15, 16, 19, 21, 22, 23, ср. № 2) и хорошо этимологизируются на семитском (афроазиатском) материале (№ 4: 'дет-

²⁶ Предлагавшиеся для ряда слов объяснения явно носят характер народной этимологии: **tauro-* — к **(s)teuə-* 'жиреть', **aġro-* — к **aġ-* 'гнать', **g^hern(u)-* — к **g^her-* 'тяжелый', **u|o|ino-* — к **uei-* 'витья', **(a)ster-* — к **ster-* 'простирать'.

²⁷ Ср., например, шумер. **anaga* 'свинец' (в текстах *nagga*) > сем. **anaku* 'свинец' (акк. *anaku*, др.-евр. *anāk*, сир. *anēkā*, ар. *anukun*, геез *nā'ek*); шумер. **haigal* 'дворец' (в текстах *egal*) > сем. **haikalu* 'дворец' (акк. *ekallu*, др.-евр. *hēkal*, сир. *haiklā*, ар. *haikalun*); шумер. **gurzaj* 'трон; сиденье' (в текстах *guza*) > сем. **kursiju* 'трон' (акк. *kursū*, *kussū*, араб. *kurs^ejā*, ар. *kursiju*, ср. агав (куара) *k^haz* 'сиденье' < эфиоп. сем.), см.: P. L e a n d e r. Über die sumerischen Lehnwörter im Assyrischen. Uppsala, 1903 (UUA), стр. 20, 28, 23.

ныш животного' > 'ягненок'; № 6: 'острие' > 'пахать'; № 7: 'созревать' > 'злаки'; № 17: 'раскалывать' > 'топор'; № 21: 'перемещаться — о светилах' > 'обожевленное светило'; № 24: 'освобождать' > 'свободнорожденный'); 2) в ряде случаев семантика индоевропейских слов хорошо объясняется развитием первоначального значения, сохраненного в семитском (№ 5: 'нива' < 'обитаемое место'; № 10: 'жернов' < 'размалывать'; № 11: 'вино' < 'виноград'; № 12: 'сладкий напиток' < 'сладкий'; № 13: 'мед' < 'сладкий'; № 19: 'жертвоприношение' < 'приносить в жертву'; № 23: 'соединять супругов' < 'впрягать в упряжку'; № 24 'господствующий' < 'свободнорожденный, не раб'), а необычная для индоевропейского структура корня некоторых слов (ср. выше) нормальна для семитского; 3) наконец, немногие шумерские по происхождению слова проникли в индоевропейский не прямо из шумерского, а через посредство семитского.

Займствование разобранных индоевропейских образований из прото-семитского — единственного неафриканского языка афроазиатской семьи — наилучшим образом объясняет всю совокупность фактов. Мы принимаем это положение в качестве рабочей гипотезы и, исходя из него, предлагаем лингвистический комментарий ряда сближений.

В трех случаях индоевропейским палатализованным *ǵ, *ǵ̃ соответствуют протосемитские фонемы *d̥, *s̥, для которых многие исследователи предполагают латеральную или латерализованную артикуляцию²⁸ (№ 5: и.-е. *aǵro- ~ сем. *h-d-r; № 23: и.-е. *ǵam- ~ сем. *d-m; № 6: и.-е. *k̃|ā|k(h)ā- ~ сем. *s-k-k-²⁹). Преобразование латеральных в задненебные — весьма распространенный процесс³⁰. В самом афроазиатском аналогу индоевропейской рефлексии представляет египетское соответствие семитскому *d̥ — палатализованный d̥ (фонетически точнее обозначение ǵ), звук, отражающий также афроаз. *g̃ перед гласными переднего ряда³¹. Таким образом, индоевропейские данные косвенно подтверждают предположение о латеральной артикуляции сем. *d̥, *s̥; с другой стороны, в период заимствования в индоевропейском палатализованные задненебные, по-видимому, существовали как самостоятельные фонемы.

В трех случаях в соответствии с индоевропейскими лабиовелярными обнаруживаются лабиовелярные в семитских языках Эфиопии (№ 4: и.-е. *aǵ^hhno- ~ геэз 'aǵ^wal, ср. агав (билин) ǵūal; № 10: и.-е. *ǵ^hern(u) ~ геэз ǵ^hern; ср. случай с нелабиализованным k — № 15: и.-е. *kl|ā|u- ~ геэз k-l'-) или в других афроазиатских языках (№ 2: и.-е. *ǵ^hou- ~ сомали aǵwi, болева kwō). Эти примеры, слишком малочисленные для определенных выводов, все же позволяют по-новому взглянуть на остающийся спорным вопрос о реконструкции лабиовелярных в протосемитском

²⁸ Ср. в особенности: J. Cantin et al. Le consonantisme du sémitique. „Semitica“, vol. 4, 1953, стр. 84—87; A. Martinet. Remarques sur le consonantisme sémitique. — BSLP, t. 49, 1953, стр. 72—74. В дополнение к аргументации Ж. Кантино в пользу латеральной артикуляции сем. *s̥ (она основывается на произношении юж.-ар. s̥ как латерализованного s, — указ. соч., стр. 87, ср. Leslau Soq. 31—32) можно привести случай субституции сем. *s̥ греческим сочетанием λσ в древнем заимствовании: греч. βάλσαμον 'бальзам, благовонное масло' < сем. (др.-ханаан.?) *bašamu 'благовоние' (др.-евр. bāšām, bāšēm, акк. bašamu, ар. bašamun), ср. Ges. 119.

²⁹ Особняком стоит случай соответствия и.-е. *k̃ ~ сем. *k(k), см. № 17.

³⁰ Ср., например, рефлексацию прадагестанских латеральных по отдельным языкам: здесь представлены различные типы палатализованных и непалатализованных задненебных, см.: N. Troubetzkoу. Les consonnes latérales des langues caucasiennes septentrionales. — BSLP, t. 23, 1922, стр. 184—204; Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 67, 73—75.

³¹ См.: J. Vergote. Phonétique historique de l'égyptien: les consonnes. Louvain, 1945, стр. 34, 147. Ср. еще арамейский рефлекс сем. *d̥ — арам. q (позднее '), хорошо объясняемый исходной латеральной артикуляцией (см.: N. Yušmanov. La correspondance du dād arabe au 'ayn araméen. „Comptes rendus de l'Académie des Sciences de l'URSS“, 1926, стр. 44).

и афроазиатском³². Что касается индоевропейского, то здесь нужно допустить в период заимствования существование лабиовелярных фонем и, следовательно, существование трех фонематических рядов задненебных.

Дважды и-е. *dh передает протосемитский смычногортанный (> „эмфатический“ в ряде языков) **t̥* (№ 7: и-е. *andh ~ сем. **h-n-t̥*; № 14: и-е. *dhuer ~ сем. **t̥-w-r*; ср. еще № 13: и-е. *medhu ~ сем. *m-t-k, где *dh-, вероятно, восходит к **t̥k* < *tk-. Протосемитские и афроазиатские смычногортанные отражены во многих языках как звонкие (арабский, берберские, некоторые кушитские, частично египетский). Индоевропейские данные позволяют думать о значительной древности подобной рефлексии³³.

Сем. **t̥* передан как и-е. *t перед гласным (№ 1: и-е. *tauro ~ сем. *tawru*); такой же рефлекс, возможно, отражен и в и-е. *(*a*)*ster*-при сем. **-tt-r* (№ 20), если принимать диссимиляцию **-tt* > **-st* в индоевропейском); сем. *d соответствует и-е. *d (№ 19: и-е. *dap ~ сем. *d-b-h). В индоевропейском отсутствовал ряд передненебных звуков, аналогичных семитским **t̥*, **t̥*, *d (спиранты или аффрикаты³⁴); эти звуки были заменены близкими по артикуляции фонемами, причем противопоставление по глухости—звонкости было сохранено.

Случаи соответствия и-е. *a- в начале слова слогу с начальными ларингальными *h- (№ 5, 7, 12, 24), **-* (№ 20) и *h- (№ 21) в семитском можно истолковать как указание на сохранение индоевропейского ларингального тембра *a* (**H^a*) в период заимствования. Однако и-е. *a- может отражать также лишь аналогичный семитский гласный первого слога: начальный ларингальный мог быть просто опущен в индоевропейском, если в системе языка звуки такого рода отсутствовали. Более определенны данные и-е. **ag^hhno*- (№ 4), где тембр гласного можно объяснить лишь утратой ларингального, существовавшего в индоевропейском (ср. сем. *iglu с гласным *-i*-, соответствующим обычно и-е. *e) и и-е. *dhōnā (№ 9), где подобным же образом следует объяснить долготу гласного (ср. сем. *duhni). Реконструкция корня *dapH- (см. № 19) с конечным ларингальным согласуется с наличием *-ē*- основы (< *-eH*) в лат. *dapēs*

³² Попытка Г. Гримме доказать древность эфиопских лабиовелярных (H. Grimme) Theorie der ursemitischen labialisierten Gutturale. — ZDMG, Bd 55, 1901, стр. 407—486 потерпела неудачу прежде всего потому, что другие семитские языки, где лабиовелярные отсутствуют, не давали материала для непосредственного сопоставления. Сравнение же с разнородными семитскими фактами („непостоянные“ *w*, *b* в корне и т. п.), к которому был вынужден прибегнуть Гримме, оказалось неудовлетворительным. В то же время не все случаи лабиализации в эфиопских языках могут быть объяснены комбинаторными изменениями (ср.: Cohen 129; E. Ullendorf. The Semitic languages of Ethiopia. London, 1955, стр. 85). Для решения проблемы необходимо, по-видимому, тщательное сопоставление данных всех афроазиатских языков, где представлены лабиовелярные, — семитских эфиопских, кушитских и чадских. Особенно важно сравнение семитских эфиопских и кушитских данных с чадскими, поскольку какое бы то ни было взаимовлияние в этом случае исключено. Ограничиваясь материалами М. Коэна и Н. Пильщиковой, можно привести следующие случаи соответствия „эфиопско-кушитских“ лабиовелярных чадским (в чадских также сочетания задненебных с *u*): амхар. *k^wola* 'genitalia' ~ арав. *kūla* 'testiculi' ~ хауса *k^walatai* (Cohen 127); тигринья *k^wənč*, амхар. *g^wənč* 'щека' ~ арав. *kumīš* ~ хауса *kunči* (Cohen 121); геэз *k^wəml* 'вошь', амхар. *k^wənəčča* 'блоха' ~ хауса *k^wuma* 'блоха' (Cohen 116); геэз *g^wər'ē* 'глотка' ~ хауса *mak'ogwaro* (Cohen 120); сахо *unkūalale* 'яйцо' ~ хауса *k^wai*, нгизим *agwai* (Cohen 117, Pilszczikowa RO 24, 127); арав. *kūara* 'солнце' ~ хауса *k^wana* 'день' (Cohen 127); арав. *gūi* 'подниматься', дембья *agūa* 'верх' ~ канаккуру *k^wai* 'голова' (Pilszczikowa RO 24, 127); сомали *agwi* 'бык' ~ болева *k^wō* (см. № 2).

³³ Я. Виленик предполагал для протосемитского сжатогортанные со звонкой инкурсией и глухой экскурсией (J. Vilenčik. Welchen Lautwert hatte ṣ im Ursemitischen? — OLZ, Jg. XXXIII, 1930, стр. 90—91).

³⁴ О возможности реконструировать эти фонемы как аффрикаты см.: A. Cuny. Essai sur l'évolution du consonantisme dans la période du sémitique commun. — MSLP, t. XV, 1908, стр. 13—16; J. Vilenčik. Указ. соч., стр. 93. А. Мартине предполагает здесь ряд палатализованных, см.: A. Martinet. Указ. соч., стр. 75.

и одновременно дает возможность понять причину оглушения в индо-европейском (сем. **bh-* > и.-е. **pH-*)³⁵.

Обычный в семитском гласный **a* передается индоевропейским **a* (№ 1: и.-е. **tauro-*; № 3: и.-е. **ghaid-*; ср. № 19, 23). Следовательно, в период заимствования этот гласный уже существовал в индоевропейском (он развился здесь в сочетаниях с ларингальным тембра *a*: **H^ae-* > **Ha-* и т. п.). И.-е. **o* в соответствии с сем. **a* представлен в корне лишь в соседстве с лабиальным (№ 1: и.-е. **u|o|ino-*; ср. № 2: и.-е. **g^oou-*, где гласному предшествует лабиовелярный). Сем. **u* передано и.-е. **o* (№ 9: и.-е. **dhōnā*), а и.-е. **e*, вероятно, отражает сем. **i* (ср. № 17: и.-е. **peleku-* при акк. *pilakku*; № 22: и.-е. **septm* при акк. *sibittu*). На сохранение активности древнейших индоевропейских чередований в период заимствования указывают и.-е. **dh^uer-* (*dh^uor-*, *dhur-*) и и.-е. **k²rei-*, *k²eri-* (№ 14, 18).

Среди рассмотренных индоевропейских имен велико число *-ū-* основ (№ 12, 13, 17, 21, возможно № 10); заманчиво было бы связать это явление с наличием в семитском форманта Nom. имен **-u*. Неясно, однако, почему лишь часть индоевропейских имен оформлена таким образом. Заслуживают внимания случаи совпадения рода индоевропейских и семитских имен: masculina — № 1, 5, 17, femininum — № 6 (ср. общий род индоевропейских названий животных при мужском роде в семитском — № 3, 4, ср. № 2). Семитское название семерки **|š|-bⁱ-tu* (№ 22) заимствовано в индоевропейский с формантом женского рода: вероятно, в период заимствования эта форма, употреблявшаяся с именами мужского рода (ср. об этом выше), была воспринята как числительное, стоящее вне родовых противопоставлений. В и.-е. **ar i^o-* (№ 24) можно видеть отражение семитского относительного прилагательного **h|ar(r)i ju* 'относящийся к свободнорожденным'.

Мы ограничились здесь рассмотрением языкового аспекта проблемы. На данном этапе исследования полезно воздержаться от поспешных выводов нелингвистического характера.

СОКРАЩЕНИЯ

AAnthr.	American Anthropologist
Абаев	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958
Boisacq	E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 3 éd. Heidelberg—Paris, 1938
BSLP	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
Cohen	M. Cohen. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. Paris, 1947
Cohen Éth.	M. Cohen. Études d'Éthiopien méridional. Paris, 1931
Ernout — Meillet	A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, I—II. 3 ed. Paris, 1951
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955
Friedrich	J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954
Gelb	I. J. Gelb. Glossary of Old Accadian. Chicago, 1957

³⁵ В области консонантизма отметим еще случай соответствия и.-е. **n* ~ сем. **l* (№ 4: и.-е. **ag^hhno-* ~ сем. **iglu*). Возможно, мы имеем здесь дело с преобразованием слова на индоевропейской почве (включение в класс имен с суффиксом *-n*?). С другой стороны, известно, что в семитском недопустимо соседство звуков *l* и *n* в корне: это указывает на близость их артикуляций. В египетском семитскому **l* соответствует *r*, (т. е. обычные соответствия сем. **r*) или *n* (в последнем случае в коптском представлено *l*, что обычно считают указанием на чисто графический характер египетского обозначения *n*). Любопытно, что в интересующем нас образовании в египетском находим как раз *n*: ег. **g(n)-* (ср. № 15: ег. *kr.t sr* при и.-е. **kl|ā|u-*); формы с *n* обнаруживаются также в кушитских (джанджеро *wagnā*, coll. 'овцы', см. E. Cerulli. Studi etiopici, III. Roma, 1938, стр. 87) и чадских языках (музук *yagine* 'баран' см.: J. Lukas. Deutsche Quellen zur Sprache der Musgu in Kamerun. Berlin, 1941, стр. 82).

- Ges. W. G e s e n i u s. Hebräisches und aramäisches Wörterbuch über das Alte Testament, bearbeitet von Fr. Buhl. Berlin, 1954
- Gordon C. H. G o r d o n. Ugaritic manual, pt. 3. Glossary. Roma, 1955
- Hrozný F. H r o z n ý. Das Getreide im Alten Babylonien, T. I. Wien, 1913 (SAW, Bd 173, Abh. 1)
- JAOS J o u r n a l o f A m e r i c a n O r i e n t a l S t u d i e s
- Leslau Gaf. W. L e s l a u. Étude descriptive et comparative du Gafat. Paris, 1956
- Leslau Soq. W. L e s l a u. Lexique Soqotri. Paris, 1938
- LSS L e i p z i g e r S e m i t i s t i s c h e S t u d i e n
- Möller H. M ö l l e r. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911
- MSLP M é m o i r e s d e l a S o c i é t é d e l i n g u i s t i q u e d e P a r i s
- OLZ O r i e n t a l i s t i s c h e L i t e r a t u r z e i t u n g
- Pok. J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd I. Bern, 1959
- RA R e v u e d ' a s s y r i o l o g i e e t d ' a r c h é o l o g i e o r i e n t a l e
- RO R o c z n i k o r i e n t a l i s t y c z n y.
- SAW S i t z u n g s b e r i c h t e d e r A k a d e m i e d e r W i s s e n s c h a f t e n i n W i e n, p h i l . - h i s t. K l a s s e
- Spiegelberg W. S p i e g e l b e r g. Koptisches Handwörterbuch. Heidelberg, 1921
- SWJA S o u t h - w e s t e r n J o u r n a l o f A n t h r o p o l o g y
- TPhS T r a n s a c t i o n s o f t h e P h i l o l o g i c a l S o c i e t y
- UAJ U r a l - a l t a i s c h e J a h r b ü c h e r
- UUA U p p s a l a U n i v e r s i t e t s Å r s s k r i f t
- ZÄS Z e i t s c h r i f t f ü r ä g y p t i s c h e S p r a c h e u n d A l t e r t u m s k u n d e
- ZDMG Z e i t s c h r i f t d e r D e u t s c h e n m o r g e n l ä n d i s c h e n G e s e l l s c h a f t
- Zimmern H. Z i m m e r n. Akkadische Fremdwörter als Beweis für den babylonische Kultureinfluss. 2 Aufl. Leipzig, 1917

РАЗВИТИЕ ФОРМАТИВОВ ВРЕМЕНИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Цель данной статьи — указать, как развивались формальные показатели категории времени в индоевропейском языке. Надо отдавать себе отчет в том, что в определенном языке возможность выражения тех или иных временных отношений — это одно, а образование определенных морфологических элементов, первоначальной функцией которых было именно выражение определенных противопоставлений, связанных с категорией времени, — другое. В каждом языке можно передать любую мысль. Это подтверждается тем, что любой текст можно перевести с одного языка на другой. Вопрос состоит в том, каким способом выражаются определенные противопоставления в разных языках. Например, при переводе с польского языка на французский мы сразу сталкиваемся с фактом отсутствия склонения во французском языке. Может ли это означать, что по-французски нельзя передать отношений, выражающихся падежами в польском? Ясно, что это не так. Только средства для выражения этих отношений во французском языке иные, чем в польском: отношения, выражающиеся синтетически в польском языке, по-французски надо передать аналитически, используя предлог, а возможно, и порядок слов. Таким образом, во французском языке нет морфологических показателей категории падежа, хотя смысл, который мы выражаем по-польски посредством падежных форм, конечно, можно без труда выразить и по-французски.

Возвращаясь к категории времени, мы формулируем проблему так: существовали ли и какие в данном случае морфологические элементы системы, служившие для выражения категории времени в индоевропейском языке?

Давно известно, что индоевропейская система глагола не опиралась на категорию времени. Она учитывала способ совершения действия, но не временные отношения, т. е. опиралась на противопоставление видового характера. На этой основе различают три группы формаций, образующих систему спряжения: формации презенса, формации аориста и формации перфекта. По распространенному мнению, формы презенса выражали понятие несовершенного действия, формы аориста — понятие совершенного действия, формы же перфекта означали состояние как следствие действия.

Совершенно ясно, что это тройное деление скрывает в себе древнейшее состояние с двойным противопоставлением, так как противопоставление совершенной—несовершенной выступает только в границах презенс—аорист, но не касается перфекта. Отсюда следует сделать вывод, что более древняя фаза развития опиралась на другое противопоставление, а именно, с одной стороны, действие (т. е. презентно-аористная система), с другой — состояние (т. е. система перфекта).

Древнейшая индоевропейская система спряжения, которую мы можем в настоящее время восстановить путем реконструкции, охватывала только две формации, т. е., с одной стороны, презентно-аористную формацию, а с другой — формацию перфекта. Я не касаюсь здесь различий, связанных с категорией залога: во-первых, потому, что противопоставление актив — медиум относительно поздняя индоевропейская инновация, возникшая на основе древнего противопоставления перфект — презенс — аорист; во-вторых, потому, что с точки зрения временных отношений медиальная система не отличалась от активной.

Представленная здесь как древнейшая двойная система противопоставления формаций, выражающих, с одной стороны, действие (презенс—аорист) и, с другой стороны, состояние (перфект), находит опору в анализе системы личных окончаний, так как в формах презентно-аористной системы появляются те же окончания: существует один общий ряд презентно-аористных окончаний; их разделение на группу окончаний так называемых первичных и вторичных является свидетельством развития, которое в настоящее время мы уже можем в значительной мере восстановить. Перфект же имеет, как известно, особую, свою собственную систему личных окончаний.

Возникает вопрос, выражала ли эта древнейшая система категорию времени.

Прежде всего надо отметить, что для столь отдаленной праиндоевропейской эпохи определенно не принимается в расчет будущее время, так как нет такой праязыковой формации, которой можно было бы приписать выражение будущего времени как первичной функции. Во всех индоевропейских языках формация футурум по происхождению — модальная формация, получившая вторичное употребление для выражения будущего. Речь, следовательно, идет только о том, можно ли при противопоставлении действия и состояния предположить также различие настоящего от прошлого при помощи морфологических средств.

Анализ системы окончаний опровергает такое предположение. В презентно-аористной системе выступают тесно связанные между собой так называемые первичные окончания: *-mi*, *-si*, *-ti*, *-nti* и так называемые вторичные окончания: *-m*, *-s*, *-t*, *-nt*. Однако в эпоху, которая здесь имеется в виду, противопоставление первичных и вторичных окончаний, возможно, еще не существовало. На древнейшей, доступной для реконструкции стадии индоевропейского праязыка были в употреблении, пожалуй, только вторичные окончания; так называемые первичные окончания являются следствием уже более позднего развития. Поэтому можно с большой правдоподобностью утверждать, что в этот древнейший период развития праиндоевропейского языка временные отношения не имели морфологического форманта, т. е. не играли в языковой системе никакой роли.

Образование категории времени как морфологического фактора, т. е. находящего выражение в морфологических формациях, могло наступить только тогда, когда возникло противопоставление первичных и вторичных окончаний, так как в презентно-аористной системе единственной постоянной различительной чертой является в данном случае употребление окончаний соответственно первичных для настоящего, а вторичного для прошедшего. Как известно, строение основы не дает в данном случае возможности различить их.

Таким образом, возникновение противопоставления первичных флексий (оканчивающихся на *-i*) и флексий вторичных (без этого элемента *-i*) скорее всего частично относится к эпохе индоевропейской общности. Но, во-первых, к этому периоду относится возникновение противопоставлений только в третьем лице единственного и множественного

числа (*-ti : -t*, *-nti : -nt*), а во-вторых, функция этого противопоставления в период общности не состояла в выражении временных отношений.

Функция элемента *-i* была основана на усилении формации, в которой появлялся этот элемент. Это следует из факта, что *-i* не выражает ни категории времени, так как выступает в перфекте, который, например, в латинском стал показателем прошедшего времени, ни категории залога, так как он употреблялся как в активе (*-mi*, *-si*, *-ti*, *-nti*), так и в медио-пассиве (как в греч. *-μαι*, *-σαι*, *-ται*, *-υται*).

Окончания с *-i* были, следовательно, лишь усиленными окончаниями без этого элемента. Можно было бы предположить, что путем усиления показателей лица в презенсе эти окончания придавали ему значение актуального презенса, т. е. именно настоящего времени в узком смысле; и такое развитие, несомненно, совершилось позднее. Но в эпоху индоевропейской общности, безусловно, такая стадия развития еще не наступала. На это указывает тот факт, что окончания на *-i* появляются также в формациях, выполняющих модальные функции, а именно в конъюнктиве, который в индоиранских языках часто, а в греческом регулярно имеет первичные окончания. Таким образом, конъюнктив не выражает категории времени, и в связи с этим наличие в нем первичных окончаний указывает, что эти окончания не придавали первоначально значения актуального настоящего.

Среди индоевропейских модальных формаций принимаются в расчет, как известно, конъюнктив и оптатив. Что касается конъюнктива, то в нем частично употреблялись вторичные окончания, а частично первичные. Оптатив же всегда имеет вторичные окончания. Возникает вопрос, не находится ли это в связи с временными отношениями. По моему мнению, ответ должен быть здесь отрицательный, ибо кажется, что закрепление в оптативе вторичных окончаний относится к тому времени, когда еще не существовало первичных окончаний. Оптатив представлял собой в то время единственную формацию, характеризующуюся как модальная. Другими словами, наряду с индикативом, который имел только вторичные окончания, уже существовал оптатив, в котором также употреблялись те же самые окончания, т. е. вторичные. Позднее в индикативе образовались первичные окончания, выражающие тот же самый смысл, что и вторичные, только в усиленной форме, а оптатив остался со своими окончаниями старого типа.

Индикатив не предполагал в то время наличия категории времени. Оба типа индикатива, как с первичными, так и со вторичными окончаниями, могли выражать невременные отношения, иногда также модальные. Именно случайное модальное употребление индикатива могло стать основой для выделения конъюнктива. Можно выдвинуть гипотезу, что конъюнктив продолжает модальное употребление индикатива, в то время как оптатив — старая самостоятельная индоевропейская формация.

Таким образом, мы приходим к выводу, что различие первичных и вторичных окончаний, когда оно возникло в индоевропейском языке, не служило для выражения категории времени. Это различие выражало только неусиленные (вторичные) или усиленные (первичные) формации, но не касалось никакой категориейно отличающейся черты.

Все дальнейшее развитие глагольных формаций относится уже к истории отдельных диалектных индоевропейских групп. Это развитие было сложным, поскольку касалось многих одновременно существовавших категорий.

Во всех индоевропейских языках усиленные окончания на *-i* служили в презентно-аористной системе для выражения актуального настоящего. Но это развитие уже не относится к периоду тесной общности.

сти, поскольку в каждой из языковых групп оно совершилось особым образом.

Так, в италийских языках противопоставление первичных и вторичных окончаний ограничивается третьим лицом единственного и множественного числа. В греческом языке оно охватывает все единственное число и формации 3 л. мн. ч. В индоиранских языках, так же как в хеттском, оно распространилось на все личные формы. Реконструированная система в виде *-mi*, *-si*, *-ti*, *-nti* правильна только для греческого языка; нет оснований утверждать, что, например, латинские окончания *-m*, *-s* в первом и втором лице единственного числа происходили от *-mi*, *-si*, так же как нет оснований считать, что древнеиндийское противопоставление *-mas* : *-ma* представляло оппозицию первичных и вторичных окончаний уже в индоевропейском языке.

Однако легче всего представить себе развитие таким образом, что усиленные формации презентно-аористой системы употреблялись для выражения актуального настоящего. Вторичные формации, неусиленные, вначале, возможно, сохраняли первоначальную функцию выражения невременных отношений; это состояние частично имело место еще в языках, исторически зафиксированных, как, например, в невременном употреблении греческого аориста. Однако преимущественно вторичные формации путем поляризации стали формантом прошедшего. Таким образом возникло противопоставление между презентом и имперфектом; именно это противопоставление является основой грамматического выражения временных отношений. Но это уже развитие отдельных языков. Кажется, нет повода предполагать, что, например, в латинском существовал когда-то имперфект того же типа, что греч. ἔφην, и т. д.

Итак, я прихожу к выводу, что: 1) категория времени как основа различия формаций системы спряжения возникла лишь в эпоху самостоятельного развития отдельных диалектных групп индоевропейского языка; 2) исходным пунктом образования формального различия этой категории было употребление усиленной презентно-аористой формации, т. е. с первичными окончаниями, для выражения актуального настоящего; 3) морфологическая система, выражающая категорию времени, возникла тогда, когда наряду с актуальным презентом возник формант прошедшего, т. е. с момента возникновения имперфекта.

Возвращаясь к традиционному способу изображения индоевропейской системы, скажем, что в основе она соответствует действительности, но только ставит на одном и том же уровне члены неравного значения. Для древнейшей эпохи не существует принципиального грамматического противопоставления формации презентса и формации аориста: это одна и та же формация, а разница возникла только в тот момент, когда выделилось актуальное настоящее. Только тогда стало невозможно образование формации с первичными окончаниями от глагола с временной функцией, но в модальной функции и на этот раз оставалась возможность пользования первичными окончаниями. Грамматическое различие презентса и аориста возникает лишь с этой относительно поздней эпохи.

Что касается перфекта, то введение временных различий выглядит в этой сфере как явление вторичное, т. е. как перенесение на перфект различий, установившихся в презентно-аористой системе. Тогда-то перфект стал или настоящим временем (как в греческом языке), частично подвергся замене формациями настоящего времени (как в славянских языках), или стал прошедшим временем, совпав в функции с аористом (как в латинском). Это, разумеется, явление уже позднего развития в отдельных индоевропейских диалектах.

Следствием этого рассуждения являются некоторые выводы, отчасти внушающие беспокойство. Собственно говоря, мы сводим сложную

и богатую флексийную систему индоевропейского глагола к неким более простым и мало дифференцированным формациям. Возникает вопрос, не заключает ли в себе это рассуждение принципиальной ошибки, а именно, оправданно ли предположить в какой-то отдаленной эпохе существование более простого состояния, действительно ли развитие ведет от простого к сложному. А ргіогі надо ответить на это отрицательно. Нет оснований полагать, что развитие шло в таком направлении. Можно также предположить, что развитие шло от сложного состояния к упрощению. Надо, следовательно, показать обоснование представленного хода доказательства.

Итак, в моем понимании обоснование будет следующее. Мы не утверждаем, что реконструированное состояние было простое и мало сложное. Мы только должны иметь в виду, что реконструкция касается только части древнего состояния: мы должны ограничиться тем, что оставило след в дальнейшем развитии. А ргіогі можем предположить, что состояние в ту эпоху, в которую мы пытаемся проникнуть, было очень сложное. Но сейчас мы совершенно не знаем этой сложности. Упрощая, скажем: сложности, которые мы не можем подтвердить в настоящее время, мы обходим молчанием, как будто они вообще не существовали. Возможно, эта позиция заключает в себе какой-либо ошибочный элемент; но у нас нет средств обнаружить что-то большее, чем то, что оставило следы в более позднем состоянии.

КАРИЙСКИЙ ЯЗЫК. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕШИФРОВКИ И ИЗУЧЕНИЯ

Несколько лет тому назад И. Фридрих — один из ведущих современных хеттологов — так оценивал состояние изучения карийской письменности и языка: „Бессильной оказывается пока наука... перед письменностью и языком Кари — области, расположенной в юго-западной Малой Азии (между Ликией и Лидией)... До сих пор неясен даже характер карийской письменности...“¹. В этом же смысле высказался недавно известный филолог-азианист А. Хойбек². В 1961 г. талантливый представитель младшего поколения хеттологов д-р Г. Нойман отмечал, что „карийские тексты до сих пор не сообщают нам никаких языковых фактов“³.

Подобные высказывания ученых, специально занимающихся — или занимавшихся — проблемами карийской письменности и языка, свидетельствуют о глубоком кризисе, в который зашло исследование этих проблем. Такое положение особенно досадно потому, что за последние годы потенциальная ценность карийских текстов значительно возросла: данные этого языка могли бы, в частности, сыграть решающую роль в проверке гипотез, связанных с теорией „хеттского“ субстрата, в дешифровке языка документов линейного письма А, в уточнении лингвистической позиции ряда так называемых малых языков Анатолии и т. д.

Приступая к анализу карийских текстов, я исходил из гипотезы о буквенном (не смешанном, т. е. буквенном и слоговом) характере карийской письменности, однако был готов отбросить эту гипотезу, если она не подтвердится. Проверка этой гипотезы могла быть осуществлена на основе разработанной мной методики идентификации классов гласных и согласных в буквенном тексте на любом языке. Оказалось, что карийская письменность действительно является чисто буквенной; путем сопоставления частотностей выделенных гласных и согласных с частотностями греческих букв в карийской топонимике, а также на основе других методов были идентифицированы отдельные карийские буквы. В результате эпиграфического и комбинаторного анализа карийских текстов удалось выделить группы надписей, соответствующие локальным карийским алфавитам, каждый из которых содержал не более 30 букв. Удалось, кроме того, идентифицировать ряд собственных имен, выявить именные и глагольные форманты (суффиксы, флексии), а также энклитики. Этимологический анализ показал, что карийский язык входит

¹ И. Фридрих. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961, стр. 162 и сл. (пер. с нем. И. М. Дунаевской; первое издание оригинала опубликовано в 1954 г.).

² См. „Gnomon“, Bd 31, N. 4, 1959, стр. 332 и сл.

³ G. Neumann. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961, стр. 77.

в состав хетто-лувийской группы языков (или, в более широком плане, в состав „хеттских“ языков индоевропейской языковой семьи), причем находится в особенно тесной связи с ликийским и лидийским языками.

Основные результаты этих исследований были изложены в статье „Кирийский вопрос“ (ВЯ, 1962, № 5); в устных и письменных отзывах об этой работе В. В. Иванов, И. Фридрих, А. Хойбек, Х. Краэ, Э. Перуцци, В. Пизани, Р. Гусмани и другие индоевропейцы выразили принципиальное согласие с предложенной транскрипцией и с развитым на основе полученных интерпретаций положением о хетто-лувийском характере карийского языка.

Все это не значит, впрочем, что карийский вопрос окончательно разрешен. К сожалению, ограниченное количество текстов не позволяет дать удовлетворительного перевода карийских надписей; скудостью материала объясняется и некоторая условность транскрипции. Несомненно, ограниченность материала предопределяет границы исследования, выход за которые неизбежно привел бы к различного рода бездоказательным построениям. В то же время определенный прогресс в дальнейших интерпретациях всегда возможен: гарантией тому — хетто-лувийская (индоевропейская) принадлежность карийского.

* * *

Большинство известных до сего времени карийских надписей было обнаружено в Африке. В Египте, в районе Дельты, уже в VII в. до н. э. существовали карийские колонии: в этом районе были обнаружены карийские и египетско-карийские надписи на стелах и небольших реликвиях. На территории древних Фив, Абидоса, Сильсиласа были обнаружены граффиты карийских солдат, участвовавших в походах египетских отрядов. Все эти надписи составляют наиболее древнюю часть карийской эпиграфики и датируются VII—V вв. до н. э. Большинство исследований по карийскому языку проводилось главным образом на материале надписей Африки.

Карийские надписи Карики относятся к IV—III вв. до н. э. Обращает на себя внимание самая крупная надпись — Кавнская, в которой сохранилось около 240 знаков. Известно, кроме того, несколько карийских монетных легенд, датируемых V—IV вв. до н. э., а также двуязычная греческо-карийская надпись из Афин (VI в. до н. э.). До сих пор найдено около ста пятидесяти карийских надписей, общее число знаков в них превышает 2000⁴.

В прошлом году исполнилось 90 лет с того дня, когда А. Г. Сейс впервые приступил к исследованию карийских надписей. Этой проблемой Сейс неустанно занимался на протяжении почти сорока лет.

⁴ Кроме опубликованных в различных изданиях карийских надписей, в работе использованы также и неопубликованные: египетско-карийская надпись из Гос. Эрмитажа; граффиты из Фив, обнаруженные в 1951 г. Ж. Лекланом; граффиты из Абу-Симбела, скопированные А. Бернаном в 1956 г. Ленинградская надпись цитируется далее под индексом Лгр, фиванские граффиты — под индексом L, граффиты из Абу-Симбела — под индексом В, надписи из хрестоматии: J. Friedrich. *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*. Berlin, 1932 — под индексом F (с учетом позднейших уточнений), под тем же индексом цитируются некоторые египетские надписи, не вошедшие в хрестоматию Фридриха (ср.: O. Masson, J. Yoyotte. *Objets pharaoniques à inscription carienne*. Le Caire, 1956 [1957], стр. 72—73); надписи, факсимиле которых собраны в статье: L. Deroy. *Les inscriptions cariennes de Carie*. „L'antiquité classique“, XXIV, 2, 1955, цитируются под индексом D. В работе не использованы фрагментарные карийские граффиты из Сард (см., в частности: G. Hanfmann. — *BASOR*, № 166, 1962, стр. 11 и № 200, 1963, стр. 14), древней Смирны (ср.: E. Akurgal. *Die Kunst Anatoliens*. Berlin, 1961, стр. 186), а также неизвестные ранее граффиты из Абидоса, обнаруженные Ж. Юайоттом в 1955 г.

В своей транскрипции карийских надписей Сейс опирался на форму знаков, возводя часть из них к греческим буквам, часть — к кипрским силлабам. Ошибка Сейса, увидевшего в карийской письменности следы древнейшего „азианического силлабария“, оказалась роковой для его преемников, которые, усугубив эту ошибку, придали транскрипции карийских текстов совершенно фантастический вид. Сейс имел обыкновение чуть ли не с первого взгляда „переводить“ какие угодно надписи на каком угодно языке, поэтому его интерпретации карийских надписей особого интереса не представляют. Гораздо интереснее чтения И. Сундвала (1911 г.), который, отталкиваясь от транскрипции Сейса, брал за основу своих идентификаций элементы малоазиатской топониматики и ликийской лексики и грамматики. Чтения Сундвала как нельзя лучше отражают как сильные, так и слабые стороны транскрипции Сейса. В той степени, в которой Сундваль оперировал знаками, сходными по форме и предположительно сходными по звуковому содержанию с греческими буквами, некоторые идентифицированные им основы (ни в коем случае не формальные элементы) имели весьма подкупающий вид. Таковы, например, кар. (*agrawt-* (в его транскрипции) при лик. *arawemi, кар. *esow-* при ликонон. *Εσω-α*, кар. *ta w-* (ср.-лик. *-tawā*), кар. *mesna-* (ср. лик. *mañna-*), кар. *towl* (ср. хет. *Tuwala*; Сундваль сближал *towl* с м.-аз. *Тоал-*) и др.

Интересно, что в своей трактовке указанных основ Сундваль предвосхитил некоторые позднейшие идентификации ряда малоазиатских слов, произведенные на новом — неизвестном Сундвалю — материале: *araca 'свободный', *masna 'бог', *maça 'богиня-мать', хет. *tūwala-* 'далекий' и др. (И. Фридрих, Э. Ларош, Г. Оттен, Г. Нойман, Р. Гусмани, И. Йонкез, А. Хойбек). Явно неверная трактовка многих знаков не позволила, однако, Сундвалю достаточно убедительно обосновать свои чтения, и в последствии они были отвергнуты в целом.

В транскрипции Ф. Борка (начало 30-х годов) резко возросло число карийских „силлабем“, причем к ним Борк отнес почему-то и букву *e* (в транскрипции Сейса — Сундвала; „h“, по Борку) — единственный знак, звуковой характер которого не вызывал сомнений (она употреблялась в греческих надписях на месте *ε* и *η*), карийскую „копцу“ („*he*“, по Борку), которую А. Торп еще в 1903 г. убедительно идентифицировал в качестве *i*, исходя из данных частотностей и дистрибуции карийских знаков, и т. д. Ф. Борка поддержали И. Фридрих и В. Бранденштайн (последний, правда, восстановил транскрипцию *e*, но совершенно необоснованно идентифицировал *X* в качестве „*p*“ и т. д.).

Еще более фантастичной была транскрипция Б. Менца (1940 г.): в его „чтениях“ многочисленны скопления гласных (вроде *-aaεaō*) чередовались с многочисленными скоплениями согласных (вроде *φρχ-*). Он постулировал карийский алфавит, в котором имелось 6 букв типа *a*, 4 буквы типа *e* (причем отсутствовала буква *i*), несколько букв типа *l* (при отсутствии *m*).

В своих критических высказываниях по поводу работ предшественников Менц усомнился и в том несомненном факте, что надписи типа „чистая основа“ + форма на *-θ* (+ форма на *-θ*) представляют собственные имена: по мнению Менца, эти конструкции соответствовали египетской формуле *...di 'nh* '...дай жизнь'.

Пятидесятые годы ознаменовались появлением нескольких новых попыток дешифровать карийские тексты. К сожалению, эти работы отличались крайне низким методическим уровнем. Так, Ф. Штайнгер предлагал идентификации, несостоятельность которых явствовала из сопоставления данного сегмента с другими сегментами той же надписи; он видел знаки такими, какими ему хотелось их видеть („читая“, например, *P* вместо *A*). Он мог наделять одну и ту же букву целым рядом звуковых

значений, что, естественно, позволяло ему получать в каждом отдельном случае желаемый результат. Никаких реальных оснований не имела и транскрипция М. Троя.

Весьма фантастичной была и транскрипция Х. Штольтенберга, надевшего отдельные карийские знаки такими, например, звуковыми значениями, как *ija*, *iw*, *iwa*, *nda* и др. Так Штольтенберг стремился придать карийским текстам „малоазийский“ облик (кстати, в карийском есть сегменты, имеющие вполне „малоазийский“ вид в буквенной транскрипции Штольтенберга же: например, NΔA *nda*). Немногие реальные выводы, имевшиеся в работе Штольтенберга (идентификация графических вариантов *v*, *a*, *z*), были сведены на нет его нелепыми построениями.

* * *

Сравнительный эпиграфический анализ всех карийских надписей, ставший возможным благодаря проведенной в 1953—1956 гг. ревизии существующих редакций большинства карийских текстов (О. Массон, Ж. Юайотт, А. Бернан, Л. Деруа), позволил выявить ряд локальных групп надписей и тем самым идентифицировать различные карийские локальные алфавиты. В качестве графических вариантов одной и той же буквы были идентифицированы такие карийские знаки, как χ и ζ , E и $\parallel$ и целый ряд других. Выяснилось также, что один и тот же знак мог в отдельных случаях выступать в роли различных букв: все зависело от того, в составе какого локального алфавита употреблялся этот знак (такого рода выводы подтверждаются данными комбинаторики, „топографии“ и частотности знаков). Так, „наклонное“ И в надписях Африки и некоторых надписях Карики было не тождественно обычному И (или N); с другой стороны, именно этому последнему знаку соответствовало наклонное И в надписях D14 и D15, входящих в юго-западную группу карийских надписей. Буква, похожая на Ф, входившая в число вариантов знака Θ в надписях Африки, в надписях Карики обозначала особый звук, отличный от звука, передававшегося в тех же надписях посредством Θ и его вариантов. В качестве двух омографов выступала и старая форма теты (круг с двумя балками).

Эпиграфический анализ позволяет, кроме того, уточнить отдельные редакции карийских надписей. Так, в одном из слов надписи F40 на основе сравнения с надписями B3 и D16 восстанавливается стершееся M (карийская сигма; интересно, что и ранее здесь пытались восстановить те или иные знаки, обладающие боковой симметрией); в надписи F72 вместо *+h* восстанавливается, на основе сравнения с F25, буква ϵ (стертым оказался компонент C, входящий в этот знак наряду с *+*); благодаря идентификации в надписи F53 употребительной основы *mspa*-Θ устанавливается правая (а не левая) направленность чтения этой надписи и т. д.

Эпиграфический анализ создает все предпосылки для перехода к следующему, особенно сложному, этапу исследования — идентификации карийских знаков в качестве тех или иных букв (крайне ограниченное число знаков в отдельных карийских алфавитах делает положение о буквенном характере карийской письменности несомненным).

* * *

Исследование структур звуковых цепей различных языков показывает, что эти цепи строятся так, что отдельные гласные (или группы гласных) регулярно чередуются с отдельными согласными (или группами согласных). Так, в языках с высокой вокалической насыщенностью звуковых цепей между отдельными согласными обычно встречаются как

отдельные гласные (-V-), так и двучленные группы гласных (-VV-); в языках с высокой консонантной насыщенностью звуковых цепей группы V...V обычно разделяются посредством -С-, -СС-; в языках, в которых отношение количества гласных к количеству согласных в звуковых цепях приближается к единице, звуковые цепи строятся обычно по схеме CVVCVCV...

Подобная равномерность строения звуковых цепей (отступления от которой относительно редки) позволяет с помощью несложной методики отделить гласные от согласных не только в текстах, записанных фонетической транскрипцией, но и в обычном буквенном письме. Из текста выписываются столбцами все составляющие его тройки букв так, чтобы под данной центральной буквой всегда находилась эта же буква. В свете сказанного выше становится понятно, что столбцы с преимущественно симметричной структурой троек (АВА, где А и В — обозначения элементов противоположных классов) будут противопоставлены либо столбцам с иной симметричной структурой (ВАВ), либо остальным столбцам со смешанной структурой. Противопоставляя в столбцах с четкой симметричной структурой окрестные элементы центральным и добавляя в противопоставления типа (А) *a, e, o...:...b, c, d* (В) данные, полученные на основе анализа троек всех других столбцов, можно составить списки элементов двух противоположных классов. Идентификация того или иного класса в качестве V или С не вызывает затруднений: гласных в системе бывает меньше, чем согласных (в цепи же отношение $N_V : N_C$ может колебаться в пределах от 2 до 0,5)⁵.

Подобного рода методика была проверена на материале многих известных языков и дала однозначные результаты. Когда на ее основе были идентифицированы классы V и С в карийских текстах, то выяснилось, что гласные представлены в них группой букв, в большинстве своем напоминающих греческие гласные, а согласные — группой букв, в основном совпадающих по форме с греческими согласными. Этот вывод свидетельствовал о том, что карийские буквы в основном совпадают с греческими не только по форме, но и по звуковому значению; что касается гипотезы о резких различиях в звуковом значении между карийскими и греческими формально идентичными буквами, то ее возникновение, видимо, следует объяснять естественной реакцией на неудачные попытки дешифровать карийские тексты.

При идентификации карийских букв использовались сопоставления относительных частотностей этих букв с относительными частотностями греческих букв в карийских именах и топонимах, сохранившихся в греческой передаче. Полученные тождества типа $N_A \approx N_\alpha$, $N_e \approx N_{\epsilon, \eta}$, $N_{N, \text{и}} \approx N_\nu$, $N_\psi \approx N_\chi$ и ряд других позволили без труда идентифицировать карийские фонемы |a|, |e|, |n|, |k| и др. Ввиду того, что знак, составленный из двух расположенных друг над другом Δ („re“ в транскрипциях Сейса и Борка), входил в фонетическое чередование с Δ (d), он был определен как вариант дентального. При идентификации использовались и данные соседних языков — лидийского и ликийского (например, при установлении звукового характера F). Были использованы и другие данные: так, чередование $\Psi_{(k)} : X_{(h)}$: нуль позволило оставить за X принимавшееся большинством прежних исследователей обозначение h; карийский знак, употребленный в значении χ в греческой надписи из Абу-Симбела, был отнесен к „группе k—h“ и т. д. Констатация позицион-

⁵ Подробнее о методике идентификации классов (и подклассов) знаков см. статьи: В. В. Шелорошкин. О структуре звуковых цепей. „Проблемы структурной лингвистики“, М., 1963; его же. О начальном этапе дешифровки буквенных письменностей. „Симпозиум по структурному изучению знаковых систем“. М., 1962, стр. 57—61.

ной обусловленности некоторых карийских букв позволила впоследствии внести коррективы в первоначальный вариант транскрипции⁶. Так, знак „se“ (в традиционной транскрипции Борка—Фридриха), видимо, обозначал не один из сибилантов, как думали Сейс, Сундваль и Штольтенберг, а носовой ($\tilde{n}$ или нечто подобное): как и кар. ν , эта буква встречается только в позиции $C\tilde{n}V$ и $-\tilde{n}C$ ($\tilde{n}$ и ν — хронологически и взаимосключающие варианты); знак θ , видимо, также обозначал сонант (спорадическая позиция $-C\theta C-$): поскольку суффиксальное употребление $-\theta$ соответствует употреблению лид. $-li-$, этот согласный обозначается посредством λ . Кроме того, следует отметить, что согласный ∇ , видимо, передавал не лабиовелярный⁷, а звук типа $[p]$: ср. кар. *raupleon*: хет. *arawa* + *Appaliuna*, кар. $r\tilde{p}\tilde{n}$: м.-аз. Πλιυυ-ι и т. п.

Результаты идентификации карийских букв могут быть представлены в виде следующей таблицы, где слева от знака равенства приведены элементы традиционной транскрипции Борка—Фридриха⁸, а справа — обозначения, принятые в настоящей работе:

$a=a$; $he=e$; va (последний вариант) = e_1 ;
 ri (первый вариант) = $\dot{e}$ (?); $e=\varepsilon$; $|||=\varepsilon_1$;
 va^* (первый вариант) = $\dot{\varepsilon}$; $he=i$;
 $o=o$; t (один из омографов) = $\dot{o}$; $ja=\dot{u}$; ja (вариант со штрихом) = $\dot{u}_1$; $u=u$;
 $m=m$; $n=n$; $se=\tilde{n}$; vu (второй вариант) = v ;
 $r=r$; $l=l$; $vo=\lambda$; $v=v$;
 $ra, ro=p$; $p=\pi$; vu (первый вариант) = b ; $B=b_1$; Φ (только в Карии) = φ ;
 $t=t$; $no=\delta$; $ti=\tau$; $t=T$; $re=t$; $d=d$;
 $k^c=k$; $g=g$; $jo(le)=\chi$; $h=h$;
 $s=s$; $z=z$;

Первый этап исследования плана содержания небольшого текста на неизвестном языке, очевидно, должен заключаться в выделении часто повторяющихся сравнительно коротких сегментов в класс формальных („служебных“ и т. д.) элементов: остающиеся сегменты могут быть в таком случае идентифицированы в качестве „знаменательных“ („основных“ и т. д.) элементов.

Выделенные элементы обоих классов подчас могут быть подвергнуты дальнейшему анализу.

В карийских текстах часто встречается конструкция $A B-\lambda$ ($C-\lambda$), которая может быть определена как сложное собственное имя [типа Иван Петр-ов(ич) (Днепр-ов) и т. п.]. Выделяемый в B (и C) формальный элемент θ (λ) еще Сейсом был идентифицирован в качестве флексии генитива (следовало бы говорить о суффиксе адъектива). Все короткие неоднократно встречающиеся сегменты, остающиеся за пределами указанной конструкции, могут быть идентифицированы в качестве энклитик (со значением 'это', 'этот', 'вот', 'здесь' 'я' и т. д.). Слова, разделяющие конструкцию или непосредственно следующие за ней, могут быть либо глагольными формами (со значением 'был', 'написал', 'вший', 'воздвиг', 'ший'), либо эпитетами к имени. Сопоставление выделенных сегментов с соответствующими сегментами иных конструкций позволяет дать детализованное членение (корень — детерминатив — суффикс — флексия и т. д.) остальных надписей.

⁶ См. в этой связи мою заметку „О хетто-лувийском характере карийского языка“. — ВЯ, 1963, 3, стр. 83—84.

⁷ Возможно, карийский лабиовелярный, на существование которого указывают сочетания ka, ko, kou, ku (перед гласным) в греческих записях карийских слов, передавался в карийском не особым знаком (как, например, в лидийском), а буквосочетанием ku ($k\tilde{u}$).

⁸ J. Friedrich. Указ. соч., стр. 156, табл. (графа 3); ср. также: H. Jensen. Die Schrift in der Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1958, стр. 452 и сл.

Однако комбинаторный анализ такого скудного материала, как карийский, не может привести к четкой идентификации лексических и грамматических значений выделенных элементов: такая идентификация оказывается возможной лишь после обращения к этимологическому анализу.

Сопоставление карийских имен с элементами малоазийской (прежде всего карийской) топонимии (в греческой передаче) приводит к установлению таких параллелей, как F46, F74 $\lambda\upsilon\chi\epsilon\text{-}$: $\Lambda\upsilon\chi\eta\text{-}$; F/15 *kikui*: Κεκοί- ; D10, Лгр. *sl(a)ra(-)*: $\Sigma\alpha\lambda\alpha\rho\alpha\text{-}$; F48^{bis} *tabo-*: Ταβ- ; F45 *mava-*: Μαυα- ; B3, F58, L9 *m(e)sna-*: Μασνης- ; D12 *sùzrme-*: $\text{*}\Sigma\omega\sigma\alpha\rho\mu\omicron\varsigma$ (ср. $\Sigma\acute{\omega}\sigma\alpha\rho\mu\omicron\varsigma$) (ср. также консонантную запись имен D10 *snr*; $\Sigma\iota\nu\nu\rho\iota$, D18 $\chi\sigma\beta_1$: Κ/Χασβ- , B4 *kmvdχsbù*: Κομβδαχασβουη ; ср. F46 *msnr-* при B3 *mesnar-*) и др. Цепочка „карийское слово (большой частью имя) — элемент топонимии в греческой передаче — слова (в том числе имена) известных малоазийских языков“ позволяет установить звуковые соответствия между карийским, с одной стороны, и ликийским, лидийским, лувийским и хеттским — с другой, ср. кар. *mesna-*: Μασσαν- , Μασ(α)ν- ; м.-аз. *massana-*, *masna-*, лик. *mahañ-* < *masan- ‘бог’; кар. F48^{bis} *tavse-*: Ταυσα̅ς ; лид. *tavše-* ‘мощный’ < и.-е. *teu- ; кар. *mava-* (при *mavna-*): лик. -μαυα , -mawa , лид. *mav-s (при μαυλις) ‘богиня-мать’; кар. D10 *senfa*: Σανδα- ; лид. *sāp̄ta-*, м.-аз. *santa-* Сандас; кар. F27 *rawmi-* (*rawmä-*, по Сундвалю): лик. *arawemi- букв. ‘освобожденный’; кар. F46 *kave-*: лид. *kave-* ‘жрец’, ср. др.-инд. *kaviḥ*; кар. F44, D16 *sav-*, F46 *sava*: лид. *sav-* ‘добро’, ср. др.-инд. *su-*; кар. D16 *sla-*: лик. hla- < sla- ‘прославлять’ (П. Мериджи); кар. F45 *slm-*: лик. *slam(-ati)* ‘читать память’ (?), *hl̄m̄-i* ≈ ‘памятник’; кар. Лгр. *avka-*: лид. *avka-* (прилагат. при *ētam-s* ‘Bestimmung’); кар. D16 *lile*: хет. *lila* *Entsühnung*’; кар. L7 *lül-k*, F40 *iun-k*: лув. *lula-ḫi*, *iuna-ḫi* (ср. кар. F55 *lùle-ki* при греч. заимств. Λελεγ- ‘лелег’), кар. F48 *bsk-ove-*: хет. *Paskuwa*.

Большинство карийских именных суффиксов имеют четкие аналогии как в элементах карийской топонимии, так и в известных хетто-лувийских языках, прежде всего в лидийском и ликийском: кар. F47, D8 *-ade* (ср. -αττ- в карийских именах): лид. -αττη- , хетто-лув. *-atta*; кар. D10 *-ara* (-αρα в греч. перед.): хетто-лув. *-ara*; кар. F8, F43, F47^{bis}, F48 и F74 *-ou-* (-ου-α в греч. перед.): лид. -ου- , хетто-лув. *-uṣa*; кар. L11 *-on-* (-ων-): хетто-лув. („хеттск.“) *un(n)a-*; кар. F19, F47, F65 *-ula* (-υλα): хетто-лув. *-ula*; кар. (в надписях Кариин) *-nta* (-νδα): хетто-лув. *-nt/da* и целый ряд других.

Уже эти примеры с достаточной четкостью свидетельствуют о родстве карийского с известными языками хетто-лувийской группы. Этот вывод подтверждается сравнительным анализом ряда других формальных элементов. Так, слово, одним из вероятных значений которого было ‘на-писал’, содержит префикс *nt|da-* (L8, L10, F40, ср. так же B7), сопоставимый с лик. *ñta-*, *ñte-*, например, в *ñte-laβra* ‘над-пись’⁹, ср. также лид. *ēt-*, хетто-лув. *ant|da-*, лат. *endo-*. Форма на *-i* в краткой египетско-карийской надписи F75, идентифицируемая в предварительном порядке в качестве датива, находит аналогию в ликийском дативе на *-i* (ср., кроме того, карийский и лидийский косвенный падеж на *-v*, ср. также выше относительно кар. -λ). Карийские глагольные формы на -(o)τ , видимо, имеют аналогии в лид. -α(t)|d (3 л. ед. ч.), карийские формы на *-ns* — в лидийских причастиях типа *lalē-ns* (ср. аналогичные образования в этрусском), ср. в этой связи также кар. *-lo*, *-to*, *-po*: лид. *-lo-*,

⁹ В хетто-лувийских, как и в других древних языках, имелось много слов-терминов с общим значением ‘писать’, ‘(письменно) прославлять’, ‘надпись (посвятельная и т. д.)’, ср. стандартную ликийскую конструкцию *slamati zrb̄b-lā*, в которой имя содержит, видимо, тот же корень, что и лид. *ēn-sarb-tat* ‘на-писа-н’; в карийском в значении ‘писать’ и т. д., видимо, выступали основы *-k-*, *ak-sn-* и др.

-to-, -no-; кар. -mi-: лик. -mi-. В карийском хорошо представлена хетто-лувийская гетероклизия (см. ниже). Карийские энклитики -he, -τ, -b/-p, выделяемые во многих надписях, сопоставимы соответственно с хет. -ha(?), лид. -t/d(-τ), лик. -be | -pe.

Оказываются возможными и приблизительные переводы отдельных фраз; так, F40 *mave₁u^{en} slm-odo* (надпись на реликвии) можно перевести как 'М. да будет чтим' (в смысле: 'пусть помнят о М.', ср. выше относительно лик. *slam-ati* и *hl̄m-m-i*); F40 *deg-p-s n̄ta-k-ù aksno*, видимо, означает 'Т.-здесь-[?] написал надпись', ср. ВЗ *mesnar-p ravkè-λ aksn-sos* 'М.-здесь (сын) Р. написа-вший' или что-либо иное в этом роде. Успеху дальнейших интерпретаций карийских надписей будет способствовать уточнение значений таких слов, как лид. *avka-*, лув. *iunahi* и т. д.

* * *

Существует много работ, в которых „доказывается“ индоевропейский характер карийского и этрусского языков, языка документов линейного письма А, „пеласгский“ характер ликийского В и т. д. и даже предлагается „перевод“ каких угодно текстов на этих языках. Подобные профанации играют в науке отрицательную роль, ибо вызывают скептическое отношение к теориям, несомненно заслуживающим всяческого внимания.

В соответствии с разработанной недавно „хеттской“ или „лувийской“, гипотезой (А. Хойбек, Л. Палмер, Дж. Хаксли), в начале II тысячелетия до н. э. на островах Эгейского моря и в южной части Балканского полуострова обитали хетто-лувийские племена; греки, наслоившиеся позднее на эти племена, сохранили элементы их языка в своей топонимастике и лексике („хеттский“ субстрат). К „хеттским“ языкам относился, по мнению авторов указанной гипотезы, и язык линейного А, обнаруживающий, в частности, явную лексическую близость с ликийским (пары вроде *waduni-mi*: *βaduni-mi*), — таковы, например, выводы П. Мериджи, А. Хойбека и других исследователей, справедливо полагающих, что произношение силлабем письма А мало чем отличалось от произношения соответствующих силлабем письма В; вторгшиеся греки лишь незначительно изменили доставшийся им в наследство от „хеттов“ силлабарий, кое-как приспособив его к особенностям своего языка. Вывод о близости между ликийским — особенно диалектом В¹⁰ — (а следовательно, и лувийским и т. д.) и языком линейного А как будто подтверждается и общими особенностями звуковой структуры обоих языков: для „праликийского“ с несомненностью восстанавливается монотонная схема звуковой цепи CVCVCVCV..., характерная и для языка письма А. То обстоятельство, что карийский язык, представляющий как бы соединительное звено между „западнохеттскими“ (островная и материковая Греция) и „восточнохеттскими“ (Малая Азия) языками, идентифицируется в качестве хетто-лувийского (индоевропейского), само по себе могло бы свидетельствовать в пользу „хеттской“ гипотезы; важно и то, что факты карийского языка позволяют идентифицировать в качестве хетто-лувийских некоторые соседние „малые“ языки (например, сидетский, см. ниже)¹¹. Для „хеттского“ языкового ареала, в частности для языка письма А, были характерны некоторые особенности, обнаруживаемые и в карий-

¹⁰ Заметим кстати, что и карийский язык в фонетическом и лексическом отношении более близок ликийскому В, чем собственно ликийскому; особенно близки между собой карийский и лидийский.

¹¹ В греко-римскую эпоху вся южная часть Анатолии (Лидия, Ликия, Писидия, Исаврия, Ликаония, Киликия) была заселена хетто-лувийскими племенами (А. Гётце, Г. Нойман, Хоуинк тен Кате). Географическое положение Кари (между Лидией и Ликией) само по себе свидетельствует о хетто-лувийской принадлежности карийцев.

ском языке: чередование фонетически близких звуков, возможно, связанное со сменной корреляцией; наличие особого „звука L“ (resp. чередования дентальный : *l*, *r* или *l/r*); сохранение древнего индоевропейского лабиовелярного; развитая система образования имен с помощью гласных *a*, *e*, *o*, *u*, *i*; широкое использование именных суффиксов типа **-ate*, **-aie*, **-oie*, **-ona* и др.; сохранение и развитие индоевропейского типа образования собственных имен путем сложения основ; наличие общих специфически „хеттских“ элементов топонимии и т. д. Известно, что в хеттском и лувийском языках сохранилась и была развита древнейшая индоевропейская гетероклизия нуль : *r* : *n*; та же черта характеризует лидийский и карийский языки (ср. лид. *diva* : *divv-*, кар. *tava* : *tavn*, *tavn-*) и некоторые „малые“ языки Южной Анатолии (ср., например, сидет. *mašara* 'бог' при кар. *mes-* : *mes-r-* : *mesn-*; Мас- : Масар- : Масав-, м.-аз. **mas(a)na*). То же явление наблюдается и в „западнохеттских“ языках: в диалектах линейного В и в более поздних греческих диалектах имеется ряд догреческих имен „хеттского“ типа, обнаруживающих гетероклитическое чередование нуль : *n*; подобное же чередование засвидетельствовано в ряде слов (предположительно собственных имен) линейного А (элемент словообразования или склонения). Аналогичный способ образования имен констатируется и для этрусского языка, по происхождению, возможно, представляющего собой осколок „хеттского“ пласта: этот язык, кстати, имеет и ряд других особенностей, сближающих его с хетто-лувийскими языками, прежде всего с лидийским. Более детальный анализ позволяет выявить ряд изоглосс, характеризующих те или иные „хеттские“ языки: наличие разветвленной системы гласных в языке письма А, в лидийском и карийском („хеттские“ языки центра); обилие дентальных: лидийский, ликийский, карийский („позднехеттские“) и т. д.

Несмотря на то, что аргументы, которые могут свидетельствовать в пользу существования генетического родства „хеттских“ языков, заслуживают внимания, они в настоящее время едва ли могут рассматриваться как доказательные. Важно во всяком случае то, что эти аргументы указывают на несомненное существование в древности тесного „хетто-минойского“ языкового единства (скажем, языкового союза). Исследователи, отрицающие тезис о хетто-минойском единстве только потому, что, по их мнению, хетто-лувийцы никогда не проникали на территорию островной и материковой Греции, должны учесть, что установленные Г. Нойманом (см. „Glotta“ за 1957—1962 гг.) несомненные хетто-минойские лексические изоглоссы (слова со структурой CVCV...!) с эпицентром в юго-западной Малой Азии могут свидетельствовать, в частности, о том, что минойцы обитали не только на территории Крита (и Пелопоннесского полуострова), но и в Малой Азии.

Интересно, что хетто-лувийские языки характеризуются рядом изоглосс, связывающих эти языки со славянскими и тохарскими (П. Мериджи, В. В. Иванов и др.). Подобные параллели говорят о контактах, имевших место на северо-востоке, и тем самым свидетельствуют в пользу кавказского пути носителей хетто-лувийских языков в Анатолию. В пользу того, что хетто-лувийцы после прихода в Малую Азию распространились постепенно далеко на запад, но впоследствии были оттеснены на восток, могли бы свидетельствовать известные данные, согласно которым карийцы обитали в древнюю эпоху на островах и на юге материковой Греции, а затем были оттеснены на территорию западной Малой Азии¹².

¹² Ср. в этой связи такие четкие параллели, как критск. „догреч.“ *Πριάσος* (ср. „доионийск.“ *Πριήνυ*, зап.-м.-аз. *Pariyana*,) при кар. *Σ(α)ρασος* (всюду топонимы): формы на *-ns(-)* от наречий *p(a)rija(n)* и *sar(a)-*, бытовавших в хетто-лувийских языках.

Детальный анализ фактов карийского языка, проведенный по трем линиям: 1) полное абстрагирование от каких-либо данных известных языков и даже от данных карийской топонимии в греческой передаче; 2) использование универсальных лингвистических фактов без специального привлечения фактов малоазиатских языков; 3) широкое привлечение данных малоазиатских языков, в частности малоазиатской (карийской и т. д.) топонимии — позволяет дать транскрипцию карийских текстов, идентифицировать ряд лексических и грамматических морфем и доказать хетто-лувийский (индоевропейский) характер карийского языка. Установление хетто-лувийского („хеттского“) характера этого языка прокладывает путь для обобщающего сравнительно-исторического исследования древних языков Анатолии и Средиземноморья, что позволит, видимо, пролить свет на некоторые темные страницы доистории индоевропейских — да и не только индоевропейских — племен.

Из сказанного следует с достаточной очевидностью, что изучение карийских текстов имеет для индоевропейцев — в первую очередь, разумеется, для хеттологов — немаловажное значение. Имея в виду это обстоятельство, я счел необходимым привести в качестве приложения к настоящей работе почти все известные мне карийские тексты в транскрипции, несмотря на то, что эта транскрипция отнюдь не может претендовать на совершенство.

В таблице, следующей за текстами, приводятся данные по абсолютной и относительной частотности карийских букв по всем тринадцати локальным группам карийских надписей (графы I—XIII), а также в сумме по текстам Африки (графа XIV), Карики (графа XV) и всем карийским текстам вместе взятым, включая монетные легенды и карийскую часть греческо-карийской надписи из Афин (графа XVI)¹³. В заключение приводятся „прямой“ и „обратный“ списки карийских слов (следование букв подчинено латинскому алфавиту), причем в особых графах цитируются фрагменты слов, лишенных начальных (resp. конечных) букв.

КАРИЙСКИЕ ТЕКСТЫ В ТРАНСКРИПЦИИ*

I. Северная группа надписей Африки

A. Надписи на небольших реликвиях

- ← (1) F51 mg-kù₁n̄ | it-əve-λ—he
- ← (2) F40 rav-pl-e-on: ðeg—p-s | n̄ta-k-ù : ək-[s]-no | t̄ùk : iun-k
- ← (3) F75 hr̄ di 'nh̄ èd-e-a-i
- ← (4) Лгр 1. íst dī 'nh̄ 2. | av-ka-ñ-(z)s : sl-ra-t 4(= 1). los
- (5) F45 1. mav-a-ùen : av-n-ok—he 2. mav-e₁-ùen | slm-odo
- (6) F52 oèh̄b̄ùl-λ—τ (или oèh̄n̄ùl-λ—τ?)
- (7) F50 eòkùz-λ (или eìkùz-λ??)
- (8) F65 mg-ul-a

¹³ Более подробно о цитировании карийских надписей см. в моей работе „On Karian“, публикуемой в „Revue hittite et asianique“. Там же даются таблицы перевода нумерации Фридриха и Деруа в сплошную нумерацию и таблица перевода сложной нумерации Бернана в более простую, принятую, кстати, и в настоящей статье.

* Вертикальной волнистой чертой обозначены предполагаемые словоразделы. Дегтерминативы, аффиксы и флексии отделены от корня и основы дефисом, явные энклитики — тире. Подчеркнуты сегменты в консонантной записи. Египетские формы подчеркнуты волнистой чертой. Стрелки показывают направление надписей.

В. Надписи на стелах (Мемфис-Саккара)

- ← (9) F47 --]ii-l-aθe-. | de-ul-[aθ]e-λ | aov[-(ii-l-aθe—p или ii-l-aθe-λ)
 ←(10) F47^{bis} 1. ups-b-u | dp-ov-λ 2. bv-s-e-λ
 ←(11) F74 tov-l | es-ov-λ—he | λυχ-z-e-λ
 ←(12) F48 1. merνùλuù 2. rav-èpñ-a-i-λ } bsk-ov-e-λ
 ←(13) F44 iùvèùθ-λ | um-ù | ku-oz } t...a } sav-bv-oz } hēi (или } h...a }?)
 ←(14) F46 1. ms-n-r—p } èkù-e-i-λ | u-ē | kav-e-a-λ | λυ(2)χ-z-e-t | sav-a
 ←(15) F43 1. iv-e-to : mav-n-a-λ-λ—he 2. pd-ov | uz-he (или iv-e-t-o)
 ←(16) F48^{bis} tab-o-u | tak-ae-λ } tav-s-e-λ

II. Граффити из Абидоса

- ←(17) F1 mes-eve
 ←(18) F2a ma-kũñ ieav-ñ-a-i-λ
 ←(19) F2b mi-krù eyav-s-e-λ (или ey-av-s-e-λ)
 ←(20) F3 rab-o } èd-i-ave-λ
 ←(21) F4 erv-λ-oz | əvsl-ù | mg-ul-e-λ (əv-sl-ù, əvs-lù?)
 ←(22) F5a mz-a-i | mad-s-λ
 ←(23) F6 1. meun-əθ 2. λuv-lo-λ
 ←(24) M1 pv-a-s
 ←(25) F8b uk-ov-e } hak-iv-maυ-† (или uk-λ-ve, uk-i-ve?)
 ←(26) F9 alyth--
 ←(27) F10 mg-ul-iθi } vλ-- (vλ[op-a-ha]??)
 ←(28) F11 kmv-οsk-λ (или kmv-os—k-λ)
 ←(29) F12 maυ } eku-i-λ
 ←(30) F13a iv-n-os } e eku-i-λ
 ←(31) F13b 1. io Κρεση 2. iv-n-os } hik-i-λ 3. e
 ←(32) F14 heku-i | iv-n-os } e ◊ (последний знак едва ли буква)
 ←(33) F15 1. io [k]r...z[...] 2. iv-n-os } kiku-i 3. e
 ←(34) F16 .uk-λ-dau | (или .uk-i-, uk-ο-?)
 ←(35) F17 lùλ-oz
 ←(36) F18 .avae.
 ←(37) F19 ii-ul-aθe—p } ac-i-əve-λ
 ←(38) F20 --m-ve | miku... -(miku-λ—p?)
 ←(39) F21 .ēsniλφ.--
 ←(40) F22 os-uv-θ | svi-ok-[λ] (или T os-?)
 ←(41) F24 --v...ike-i
 ←(42) F25 1. let-λ-dùb-sa : rav-[ù]λ-oz : ra-əge-†-λ 2. --ad-z-e-a :]s-es (или ra-əgeλ-λ)
 ←(43) F26b hav-ù-λ (h^vv-)
 ←(44) F27 rav-mi-λ | ml-ur
 ←(45) F28 npk-bv-∇lg (—l-g?)
 ←(46) F29 uλ-oz | neh-λ } tu†-s-e-λ (или beh-λ(-)tu†-v-se-λ)

III. Граффити из Фив

- ←(47) L1 urv-l-ù (или uav-l-ù?)
 →(48) L2 1. giə-l-v | pləp-it 2. p-λ—aiə-l-v
 ←(49) L3 md(-i)-a-i
 →(50) L5 ...ηηmλk. } sùttũñ.... òτñò.. lèηkumə (или $\overset{r}{\phi}\overset{r}{\delta}\overset{r}{\eta}\overset{r}{\eta}\overset{r}{m}\overset{r}{\lambda}\overset{r}{k}\overset{r}{\phi}$; -οτ—π
 $\overset{\circ}{\tau}$. lèbkumə?)
 ←(51) L6 g[i]ə-l-v | idraə—p-λ
 →(52) L7 lùl-k

- (53) L8a èpñ-a-i
 →(54) L8b tui-l-ù
 →(55) L8c ùug-i-ùl-a
 →(56) L8d -] | pòl-la-t } ùè-η } λùn-οñ } til-do } oègoèk... èa-κug-p-λ-ο }
 nda-kù (или tùè?)
 →(57) L9a ms-n-a-λ [-
 →(58) L9c nsdγ-i | o - (или nsd-a-i?)
 →(59) L10 -] | pl-ñ-òn-t } ùè } nda-kù } tùl-òτ... λ-t | tès-a-p | nt-al-p } ùè } dù-
 tor-ος } drot-ns (или pl-ñ-òn } tùè?)
 →(60) L11 gle-p-s | pl-ñ-on-λ | èg-èk | sl-λ-l-οτ (или sl-λ-lo-τ?)

IV. Граффити из Сильсилиса

- (61) F53 1. e,lùhæt | T a | ms-n-a-λ-p-λ
 2. -ùkγ T-o-p | id-ò-p | ka-t | esùγñùì
 ←(62) F54 eva-sa | kθùαρν...-
 →(63) F55 ϕ lùl-e,ki } s(ò)d-une-p-uk sòd-a (ϕ — детерминатив?)
 →(64) F56]-l-ù-τ | vteì-
 →(65) F57 1. laia-ϕ | buv-s-e-al-p | gv-- 2. tpκ (или 2. òpυ?)
 →(66) F58 ms | n-a-λ-p
 →(67) F59 leñλλ-mù, dau. (dau-[λ]?)
 →(68) F60 -vλk-ra-h | ... lz. e
 →(69) F61 emb.
 ←(70) F62 ππο-b,l-òs
 ←(71) F39 (Хешан) het-υπ | nav-av-λ } so-

V. Граффити из Абу-Симбела

- ←(72) B1 1. mav-λ-od-o-u 2. ...-òù
 ←(73) B2 dalπαεραδ
 ←(74) B3 mes-n-a-r-p | rav-kè-λ | øk-s-n-s-os
 ←(75) B4 -kmv-d-χsb-ù, | vλop-a-ha
 ←(76) B5 mkεveλγυ | eap-v-λ | rav,e-λ-v-è-k (A. Бернан: гаа.)
 ←(77) B6 1. mz-a-i-τ 2. sd-aø-λ-he
 →(78) B7 kaðhe-h | lø-r | úsaχto □-r | nøt-υπ-ùn | mes-n-a-λ-p lù[l]-e-[k]i |
 [n.-kù |] ms-øra-ek[e-t]-ον (видимо, □ = λ?) (A. Бернан: læi | [nø-
 kù |])
 ←(79) B8 1. ... kegλpu-sas | nùøt-a-p | Σk-λ | λι-λ | λuk-e-λ | prbnsη.-
 2. ..vλèp.ϕ- (1. keg-λ } pu-s-as; keg-λ-p } u-s-as?)

VI. Граффити из Вадн-Хальфы

- ←(80) F66 1. ùun-alka | 2. sad | avø-er 3. m[g]-i-ον-λ | 4. uv-on-λ | ak(5)υ.
 -ur (или ak?)
 ←(81) F67 1. ùè | p | ma-d 2. mγ-òù-λ | dφv-λ 3. uv-[o]n-[λ] | ù | κp-ηe
 ←(82) F68 -in-ae-λ } a-
 ←(83) F69 ms-n-a-λ-b 2. evv-s-e-λ
 ←(84) F70 ms-n-a-λ-b
 ←(85) F72 1. k-λ-k[e]s-r | rav-υλ-oz 2. m-kùñ-i | rø-r-k-λ | 3. mav-øge-λ

VII. Афинская двуязычная надпись

- (86) D19 1. Σῆμα τόδε: Τυμ[νεω] 2. Καρὸς τοῦ Σκύλ[ακος] 3. λñas sak-i-uv...[.]
 4. [A]ριστοκλῆς ἐπι[οίει] (или ←3. [.]...vuki-as sañ-λ?)

VIII. Монетные легенды

- ←(87) D18A аτ-gv-l-e-λ
- ←(88) D18B χsb₁|
- ←(89) D18E |sñ| slg
- (90) D18G pl |
- (91) D18L e
- (92) D18M er (= лик. erbbina)

IX. Северная группа надписей Кари

- ←(93) D1 1.]st̄ | kanτ-- 2. --mau-λ[-- 3. --av Ŷ nok
- (94) D2 2. akv-leτ-e-a 2. vine-mau-λ 3. mav-v-a-λ
- (95) D13 st̄uτnod
- (96) D7b 1. --nta 2. --os-⊙ 3. --se-λ 4. --ve-λ 5. --se-λ 6. --l-y (очевидно, ⊙ = λ)
- (97) D7a 1. p̄tu-λ | om-eϑe | mus-u-s-o-τ 2. nodr-n-s-o-τ | ed-av-n-e-τ (или: 1. p̄tuλom-eϑe | mu |, | mu-s | и т. д.)

X. Северо-западная группа надписей Кари

- (98) D3] | ... λas | . .ae-se-λ | .veh-λ | nk-φ-[λ] (или | λ-as | k-λ |; || | veh-λ?)
- (99) D8 1. onoh-he | iz-n-aϑe-(2)λ | tuk-λ-o-λ-k.alp-od 3. av-n-ok | .ev-l | nut-odo 4. nak-ok (или izn-aϑe-; | tuk-λ | и т. д.)
- (100) D6]mav-ûæs[

XI. Западная группа надписей Кари

- (101) D9 1. ..agε₁-nt̄-r : ε₁veh-λ : in-v-s-e : [.] 2. ilû₁-λ 3. ε₁veh-λ : lek-t̄-z sφaegzo.
- (102) D10a 1. ..ve₁-ek | hinφ-o-λ | sl-ara | hinφ-o-λ | --
2. ùve'mes-φoe-nt̄a' m-φ-nkk-λ-φ'mt̄a--
3. hnφuφherao|ε₁vh-v | eni-hùd-v
4. φnaezo-nt̄a | dvT-φ'sis-m-φ
5. snr | s.....s|aφn-m-φ | sent̄a | --
6. sn[r]. . . . . ahù--
7. h. . . . . iuφt̄-φ--
8. φz-- (или иначе)
- (103) D10b 1. menφ-- 2. Ta.--
- (104) D11. 1. --θ-oz-l-a-ha. . . . . ue-z--
2. . . nta | . . . iv-oten-v | t̄-v-g-s | iaθo-nt̄[a] | --
3. ue-z-avaτ.ε₁|θ-sgnT-k | nut-a. . aT-u.--
4. eas-ou-b (или: 1. -oz |; | ozl-; 3. ue-z |; (-)ava |; | nut-a |; -aT | u[λ] и т. д.)

XII. Центральная группа надписей Кари

(представлена надписью из Стратоникеи)

- (105) D12. 1. -- | sùz-rm[e] . . a . . . -φn-λ
2. --s-λ | n.ù^ϑε-se-λ | uda. . . . -φz--
3. --dai | nkù-λ-λ | εsφaz--
4. --av-er-na-oz-ελ--
5. -- | sùz-rme-p-s--
6. -- | sùz-rm[e]-- (или sù-zrme-? и т. д.)

ХШ. Юго-восточная группа надписей Кари

- (106) D14 1. $\text{isfes} : \text{stē-s-a-(2)s} : \text{ms-uλ-oz-λ}$ 3. $\text{nad-λ} : \text{nk-o-λ}$
 →(107) D15 1. $\text{to}\Omega\text{-nu} \} \text{st-es-a-(2)s} \} \text{k-λ} \} \text{io-tul-v-λ}$ 3. $\text{sl-nk-o-λ-p} \} \text{kov-}$
 (4) $\text{kov-e} \} \text{da-ns}$
 →(108) D16 1. $\text{--on-z-v} \} \text{t-v-g-s} \} \text{h-v-g-s} \} \text{--}$
 2. $\text{--v} \} \text{sla-v} \} \text{nkk-a-v} \} \text{ikε-v} \} \text{ol-s-n} \} \text{ks. . . .}$
 3. $\text{--hav-za} \} \text{ko-v} \} \text{sl-θ-i-ave} \} \text{os-v} \} \text{eh. . .}$
 4. $\text{--kug-v-na} \} \text{hev-m-ae} \} \text{sav-ke} \} \text{isl} \} \text{u- . . .}$
 5. $\text{--aT} \} \text{mu-ko}\Omega\text{or} \} \text{lile} \} \text{sla-h-r-ns-p. . .}$
 6. $\text{--tli} \} \text{† a-er} \} \text{pou-ov-p(-)tli-za-v} \} \text{† ev. .}$
 7. $\text{--sav-ke} \} \text{isl} \} \text{† ov-s-od} \} \text{isl} \} \text{u-Tl-er}$
 8. $\text{--le} \} \text{t-v-g-s} \} \text{oz-ra-er} \} \text{† nad-e} \} \text{Th-er}$
 9. $\text{--e} \} \text{krk-ov} \} \text{hev-am-ae-λ} \} \text{uno}\Omega\text{-la}$
 10. $\text{--te-uv-r} \} \text{ol-s-n-s} \} \text{n-φ-† φou-ov} \} \text{nr-† -er}$
 11. $\text{--la-l-v-uk-v} \} \text{uv-εk} \} \text{iT-εk} \} \text{ksla}$
 12. $\text{--[ol]-s-n-s} \} \text{† nad-e}$
 13. $\text{--naT} \} \text{sva-k}$
 14. --kla (или: hvCs-oz , ср. 8. tvCs-oz? 3. $\text{h-av} \} \text{za-; os-v-e}$);
 5. $\} \text{mu} \} ; \} \text{lil-e-s-l}$; 6. $\} \text{za-v}$; 9. $\} \text{λuno}\Omega\text{-la}$ и т. д.)

СПИСКИ КАРИЙСКИХ СЛОВ*

1. ПРЯМОЙ СПИСОК

	a		θ
(80) aku-ur		(2) θeg-p-s	
(94) akv-let-e-a			e
(26) alytḥ--		(30) и (32) $\} \text{e}$	
(9) aov--		(31) и (33) $\} \text{e}$	
(87) at-gv-l-e-λ		(91) $\} \text{e}$ (аббревиатура)	
(37) $\} \text{at-i-ave-λ}$		(104) eas-ou-b (стк. 4)	
(4) av-ka-n-s		(108) $\} \text{eh. . .}$	
(99) $\text{av-n-ok} \}$		(76) eap-v-λ	
(5) av-n-ok-he		(29) и (30) $\} \text{eku-i-λ}$	
(80) av-φ-er		(69) emb.	
	b	(102) $\} \text{eni-hūd-v}$ (стк. 3)	
(12) $\} \text{bsk-ov-e-λ}$		(7) eokūz-λ	
(65) buv-s-e-al-p		(92) er (аббревиатура)	
(10) bv-s-e-λ		(21) erv-λ-oz	
	d	(11) es-ov-λ-he	
(73) dalπaepad		(61) esūyñūi	
(107) $\} \text{da-ns}$		(62) eva-sa	
(67) daū. (daū-[λ]?)		(19) evav-s-e-λ	
(9) de-ul-[aθ]e-λ		(83) evv-s-e-λ	
(81) dov-λ		(61) $\text{ε}_1 \text{lūhat}$	e₁
(89) $\} \text{drot-ns}$			ε
(10) dp-ov-λ		(97) εd-av-n-e-τ	
(59) $\text{dutor-os} \}$		(105) $\} \text{εsfaz---}$ (стк. 4)	
(102) $\} \text{dvT-φ}$ (стк. 4)			

* Карийский „алфавит“: a b d θ e e₁ ε ε₁ è g h χ i æ k l λ m n ñ v o ð π φ ρ r s t t̄ τ T u ù v z † Ω Σ √ T Π ⊙ ∇. Номера надписей даются по сплошной нумерации; номера строк указываются лишь для больших надписей (стк. = строка).

- ε₁
 (101) ε₁veh-λ (стр. 1 и 3)
 (102) } ε₁vh-v } (стр. 3)

- ε
 (3) εd-e-a-i
 (20) } εd-i-ave-λ
 (60) εg-ε-k
 (14) } εkū-e-i-λ
 (53) εpñ-a-i

- g
 (48) gfa-l-v
 (51) g[i]ə-l-v
 (60) gle-p-s
 (65) gv--

- h
 (25) } hak-iv-maυ-t
 (43) hav-ū-λ
 (32) heku-i
 (71) het-uπ
 (108) } hev-m-ae }
 (108) } hevamae-λ }
 (13) } hej
 (31) } hiku-i-λ
 (102) } hinφ-o-λ (стр. 1, дважды)
 (102) hnφuφherao } (стр. 3)
 (104) } h-v-g-s }

- χ
 (88) χsb₁

- i
 (104) } iaθo-nt[a] } (стр. 2)
 (61) id-ō-p
 (51) idraφ-p-λ
 (18) iəav-ñ-a-i-λ
 (9)]ii-l-aθe-
 (37) ii-ul-aθe-p }
 (108) } ikε-v } (стр. 2)
 (101) ilū₁-λ
 (101) in-v-s-e
 (31) и (33) io
 (107) } io-tul-v-λ
 (108) } isl } (стр. 4; стр. 7, дважды)
 (1) } it-əve-λ-he
 (108) } iT-εk } (стр. 11)
 (2) iun-k
 (13) iūvəu-θ-λ
 (15) iv-e-to
 (30) (31)
 (32) и (33) iv-n-os }
 (99) iz-n-aθe-λ }

- ə
 (2) ək-[s]-no
 (74) ək-s-n-s-os
 (21) əvsl-ū

- k
 (78) kaθhe-h
 (99) } k.alp-od
 (93) D1.1 } kant--
 (61) ka-t
 (44) F46.1 kav-e-a-λ
 (62) kθūapv...--
 (33) } kiku-i
 (107) } k- } λ

- (85) } k-λ-k[e]s-r
 (75)]kmv-d-χsb-ū₁
 (28) kmv-ošk-λ
 (108) } ko-v } (стр. 3)
 (107) } kov-kov-e }
 (81) kp-ηε
 (108) } krk-ov } (стр. 9)
 (33) [k]r. .z[.]
 (108) } ks... (стр. 2)
 (108) } ksla (стр. 11)
 (13) ku-oz }

- l
 (101) lek-t
 (67) leñλλ-mū₁
 (42) let-λ-dūb-sa
 (50)]lənku-mə
 (108) } lile } (стр. 5)
 (65) laia-r
 (4) lo-s
 (42) ls-es
 (89) lsñ(| slg)
 (52) lūl-k
 (63) lūl-e₁-ki }
 (78) lūl[ ]-e-[k]i
 (35) lūl-oz }

- λ
 (98)]las
 (79) λi-λ
 (86) λñas
 (11) λuχ-z-e-λ
 (14) λuχ-z-e-t
 (79) λuk-e-λ
 (56) } λūn-οñ }
 (23) λuv-lo-λ

- m
 (81) mad
 (22) mad-s-λ
 (18) ma-kūñ
 (29) maυ }
 (93)]-maυ-λ
 (5) mav-a-úen
 (5) mav-e₁-úen
 (85) mav-əge-λ
 (72) mav-λ-od-o-u
 (15) mav-n-a-λ-λ-he
 (94) mav-v-a-λ
 (100)]mav-úas[
 (49) md(-i)-a-i
 (103) meno--
 (12) mevñúluū
 (17) mes-eve
 (78) mes-n-a-λ-p
 (74) mes-n-a-r-p
 (102) mes-φoe-nta(
 (23) meun-əθ
 (80) m[g]-i-οη-λ
 (81) mg-oū-λ
 (8) mg-ul-a
 (21) mg-ul-e-λ
 (27) mg-ul-iθi }
 (1) mg-kūñ }
 (19) mi-krū
 (38) miku. --
 (76) mkεveλvu
 (85) m-kūñ-i
 (44) ml-ur
 (102) (m-φ)-nkk-λ-φ (стр. 2)

- (78) ms-əra-ek[e-t]o-n
 (57) ms-n-a-λ
 (83) и (84) ms-n-a-λ—b
 (66) ms | n-a-λ—p
 (61) ms-n-a-λ—p-λ
 (14) ms-n-r—p
 (106) ms-ul-oz-λ
 (102) mta-- (стр. 2)
 (108) } mu-koQor (стр. 5)
 (97) mus-u-s-o-τ
 (22) mz-a-i
 (77) mz-a-i—τ

п

- (106) nad-λ
 (99) nak-ok
 (71) nav-av-λ }
 (56) } nda-k-ū
 (59) } nda-k-ū }
 (46) neh-λ }
 (78) nət-up-ūn
 (108) } nkk-a-v } (стр. 2)
 (106) nk-o-λ
 (98) nk-o-[λ]
 (105) } nkū-λ-λ }
 (97) nodr-n-s-o-τ
 (93) nok[-
 (108) n-φ-φ φou-ov (стр. 10)
 (45) npk-bv-∇ lg
 (108) } nr-φ-er (стр. 10)
 (58) nsdv-i
 (59) nt-al—p
 (2) nta-k-ū
 (78) [nta-k-ū]
 (104) } nuṭ-a.. (стр. 3)
 (99) } nuṭ-odo
 (79) nūət-a—p
 (105) } n-ūḡε-se-λ } (стр. 2)

ο

- (56) } oḡgoḡk...
 (6) oḡhbul-λ—τ
 (108) } ol-s-n } (стр. 2)
 (108) } ol-s-n-s } (стр. 10) --[ol]-s-n-s }
 (стр. 12)
 (97) } om-eḡe }
 (99) onoḡ-he
 (108) } os-v } (стр. 3)
 (40) os-uv-ḡ
 (108) } oz-ra-er } (стр. 8)

π

- (70) ππο-b₁l-òs

φ

- (102) φпаезο-ητα } (стр. 4)
 (102) φṽ-- (стр. 8)

φ

- (81) p
 (15) pd-ov } uz-he
 (90) pl (аббревиатура)
 (60) plñ-on-λ
 (56) plñ-òn-t }
 (48) plo-p-i-t
 (108) .ò pou-ov—p-(tli-za-v) (стр. 6)
 (48) p-λ—aiə-l-v
 (56) pòλ-la-t }

- (79) prbnsn.--
 (97) ptu-λ }
 (24) pva-s

р

- (20) rab-o }
 (42) ra-əge-t-λ
 (12) rav-əpñ-a-i-λ }
 (74) rav-kε-λ
 (44) rav-mi-λ
 (2) rav-pl-e-on
 (42) rav-[ū]λ-oz
 (85) rav-uλ-oz
 (76) rav-.e-λ—v-ε-k
 (85) rə-r—k-λ

s

- (80) sad
 (86) sak-i-uv...[.]
 (14) sav-a
 (13) sav-bv-oz }
 (108) } sav-ke } (стр. 4 и 7)
 (77) sd-aə-λ—he
 (102) } senta } (стр. 5)
 (102) sis—m-φ (стр. 4)
 (108) } sla-h-r-ns—p... (стр. 5)
 (108) } sla-v } (стр. 2)
 (102) } slaφn—m-φ (стр. 5)
 (102) } slara } (стр. 1)
 (108) } sl-ḡ-i-ave } (стр. 3)
 (89) (-)slg
 (60) sl-λ-l-o-τ
 (5) slm-odo
 (107) sl-nk-o-λ—p
 (4) sl-ra-t
 (102) snr } (стр. 5)
 (102) sn[r] (стр. 6)
 (71) } so--
 (63) sòd-a
 (63) s(ò)d-une—π—uk
 (101) sφaegzo.
 (106) sφe-s
 (93) --]st }
 (106) st-es-a-s
 (107) } st-es-a-s }
 (95) stūaτnod
 (50) } sutt-ūñ...
 (105) sùz-rm-[e] (стр. 1 и 6)
 (105) sùz-rm-e—p-s (стр. 5)
 (108) } sva-k (стр. 13)
 (40) svi-ok-[λ]

t

- (16) } tav-s-e-λ
 (59) tēs-a—p
 (56) } til-do }
 (11) tov-l
 (107) toQo-nu }
 (65) tpk
 (54) tuī-l-ū
 (46) } tuṭ-.s-e-λ
 (59) } tūl-òr...
 (104) } t-v—g-s } (стр. 2)
 (108) } t-v—g-s } (стр. 1 и 8)
 (13) } t. .ə }

t

- (99) } tuk-λ-o-λ }
 (2) tū-k

- (16) tab-o-u
(16) } tak-ae-λ }
- Т
- (103) Та--
(108) Th-er (стр. 8)
- Т
- (61) Т a
- υ
- (105) uda... (стр. 2)
(14) u-ε
(104) ue-z-avaτ.ελθ-sgnT-k } (стр. 3)
(25) uk-ov-e }
(46) ul-oz
(13) um-ù
(108) } unoQo-la (стр. 9)
(10) ups-bu
(47) urv-l-ù
(108) u-Tl-er (стр. 7)
(108) } uv.-εk } (стр. 11)
(80) uv-on-λ
(81) uv-[o]n-[λ]
(15) uz-he
- ù
- (81) ùε
(59) } ùε } (дважды)
(78) ùsaχto □ -r
(55) ùug-i-ul-a
(80) ùun-alka
(102) ùve (стр. 2)
- ν
- (94) vine-mau-λ
(75) νlop-a-ha
(27) } νλ--
(64) νteì--
- ξ
- (108) } ξ a-er } (стр. 6)
(108) } ξ nad-e } (стр. 8)
(108) } ξ nad-e } (стр. 12)
(108) } ξ ov-s-od } (стр. 7)
- Σ
- (78) Σk-λ
- ∞
- (70) ∞
- (42) --ad-z-e-a
(98) ..ae-se-λ } (k-λ—ae-?)
(101) ..age₁-nt-r
(102) ...ahù-- (стр. 6)
(108) --aT } (стр. 5)
(104) ..aT-u-- (стр. 3)
(93) --av
(36) .avaε.
(105) --av-er(-na-oz-ελ..) (стр. 4)
(105) --dai } (стр. 3)
(104) --θ-oz(-l-a-ha...) (стр. 1)
(108) ...-e } (стр. 9)
(39) εsnilq --
(99) .εv-l }
(56) ...εa-kug-p-λ--ο }
(108) --hav-za } (стр. 3)
(82) --inae⊙
(102) ...iuφt--φ-- (стр. 7)
(104) ...iv-oten-v } (стр. 2)
(79) --keg-λ-p(-u-s-a-s)
(108) --kug-v-na } (стр. 4)
(108) --k|a (стр. 4)
(108) --la-l-v-uk-ν } (стр. 11)
(108) --le } (стр. 8)
(64) .l-ù--τ
(96) --l-v
(68) ..lz. .e
(59) .λ-t
(38) --m-ve
(108) --naT } (стр. 13)
(50) ..nmmλk. }
(96) --n|a
(104) .n|a (стр. 2)
(105) ...-on-λ (стр. 1)
(108) --on-z-ν } (стр. 1)
(96) -os-⊙
(72) ...-ou
(105) ...-oz-- (стр. 2)
(50) ...òτnò
(96) --se-λ (стр. 3)
(96) --se-λ (стр. 5)
(105) --s-λ } (стр. 2)
(108) --te-uv-r } (стр. 10)
(108) --t|li } (стр. 6)
(104) ...ue-z-- (стр. 1)
(34) uk-λ-dau
(108) ...-v (стр. 2)
(61) --υkyT-o-p
(98) .veh-λ (IIIveh-λ ?)
(96) --ve-λ (стр. 4)
(102) ..ve₁-ek (стр. 1)
(68) --vlk-ra-h
(79) ..v|εp.γ--
(41) --v...ike-i

II. ОБРАТНЫЙ СПИСОК

- а
- (63) sòd-a
(94) akv-let-e-a
(42) --ad-z-e-a
(75) νlop-a-ha
(104) (--θ-oz)l-a-ha[
(80) ùun-alka
(108) --k|a (стр. 14)
(108) } unoQo-la (стр. 9)
(108) } ks|a (стр. 11)
(8) mg-ul-a
(55) ùug-i-υ|a
(108) kug-v-n-a (стр. 4)
(102) } slara } (стр. 1)
(62) eva-sa (31)
(42) let-λ-dùb-sa
(103) } senta } (стр. 5)
(102) mes-φoe-n|a (стр. 2)
(104) } iaθo-n|a } (стр. 2)
(102) φnaezo-n|a } (стр. 4)
(96) --n|a
(104) .n|a (стр. 2)

(104) } nuṭ-a[(стр. 3)

(61) Ta

(14) sav-a

(108) --hav-za } (стр. 3)

(13) } t̄. .a }

b

(83) (84) ms-n-a-λ—b

(88) χsb₁

(104) eas-ou—b (стр. 4)

d

(81) mad

(73) daIπaepad

(80) sad

(95) st̄ūaṭnoḍ

(99) } k.aIq-od

(108) } { ov-s-od } (стр. 7)

θ

(23) m̄əun-əθ

(40) os-uv-θ

e

(30) } e

(31) e

(91) e (аббревиатура)

(108) . . .e } (стр. 9)

(108) } hevmae } (стр. 4)

(108) } { nad-e } (стр. 8)

(108) } { nad-e (стр. 12)

(9)]ii-l-aθe-[.]

(97) } om-eθe }

(99) onoh—he

(5) av-n-ok—he

(1) it-əve-λ—he

(77) sd-aə-λ—he

(15) mav-n-a-λ-λ—he

(11) —es-ov-λ—he

(81) kp-θe

(15) pd-θov-uz-he

(108) } sav-ke } (стр. 4 и 7)

(108) } lile } (стр. 5)

(108) --le } (стр. 8)

(105) sūz-rm[e- (стр. 1 и 6)

(101) iṅ-v-s-e

(14) u-e

(108) } sl-θ-i-ave } (стр. 3)

(17) mes-eve

(38) --m-ve

(107) } kov-kov-e }

(25) uk-ov-e }

(102) ūve (стр. 2)

(68) . . .lz. e

ε

(81) ūε

(56) (59) (дважды) } ūε }

g

(89) (lsñ |) slg

(45) npk-bv-∇lg

h

(68) --vIk-ra-h

(78) kaθhe-h

i

(105) --dai } (стр. 3)

(3) εd-e-a-i

(49) md(-i)-a-i

(53) εpñ-a-i

(22) mz-a-i

(27) mg-ul-iθi }

(41) --v. . .ike-i

(13) } hεi }

(63) lūl-e₁-ki }

(78) lū[l]-e-[k]i

(108) --t̄li (стр. 6)

(85) } m-kūñ-i }

(32) heku-i

(33) } kiku-i }

(61) esūvñūi

(58) nsdy-i

ə

(50) . . lēnkūmə

k

(61) ta-k

(108) } sva-k (стр. 13)

(102) . . vε₁-ek } (стр. 1)

(108) } iT-εk } (стр. 11)

(108) } uy.-εk } (стр. 11)

(60) εg-ε-k

(56) } oεgoεk }

(76) rav.eλ—v-ε-k

(52) lūl-k

(2) iun-k

(99) nak-ok

(93) nok[

(99) av-n-ok }

(65) t̄pk

(104) ue-z-avat.ε₁θ-sgnT-k } (стр. 3)

(63) } s(θ)d-une—π—uk

(2) t̄ū-k

l

(90) pl (аббревиатура)

(108) } isl } (стр. 7)

(99) εv-l

(11) tov-l

λ

(14) kav-e-a-λ

(57) ms-n-a-λ

(94) mav-γ-a-λ

(106) nad-λ

(13) iūvəū-θ-λ

(16) } tak-ae-λ }

(108) } hevnam-ae-λ } (стр. 9)

(82) --in-ae-λ

(9) de-ul-[aθ]e-λ

(99) iz-n-aθe-λ }

(85) mav-əge-λ

(21) mg-ul-e-λ

(79) λuk-e-λ

(87) aτ-gy-l-e-λ

(98) . . ae-se-λ }

(105) } n.uθε-se-λ }

(16) tav-s-e-λ

(19) εγav-s-e-λ

(10) bv-s-e-λ

(83) evv-s-e-λ

(46) } tuṭ.-se-λ }

(96) --se-λ (стр. 3)

(96) --se-λ (стр. 5)

- (20) } èd-i-ave-λ
 (97) } at-i-ave-λ
 (12) } bsk-ov-e-λ
 (96) --ye-λ
 (11) λuχ-z-e-λ
 (74) rav-kè-λ
 (46) neh-λ }
 (101) ε₁veh-λ (стр. 1 и 3)
 (98) veh-λ
 (12) rav-èpñ-a-i-λ }
 (18) iεav-ñ-a-i-λ
 (14) } èkù-e-i-λ
 (79) λi-λ
 (29) (30) } eku-i-λ
 (31) } hikù-i-λ
 (107) } k-λ }
 (85) -ər-k-λ
 (28) kmv-osk-λ
 (44) rav-mi-λ
 (40) svi-ok-[λ]
 (78) Σk-λ
 (105) } nkù-λ-λ }
 (80) mg-i-øn-λ
 (60) plñ-on-λ
 (80) uv-on-λ
 (81) uv-[o]n-[λ]
 (105) ..-on-λ (стр. 1)
 (106) nk-o-λ
 (98) nk-o-[λ]
 (23) λuv-lo-λ
 (102) } hinφ-o-λ } (стр. 1, дважды)
 (51) idraə-p-λ
 (61) ms-n-a-λ-p-λ
 (22) mad-s-λ
 (105) --s-λ } (стр. 2)
 (42) ra-əge-t-λ
 (94) vine-mau-λ
 (93)]-mau-λ
 (97) ptu-λ }
 (101) ilù₁-λ
 (81) mg-où-λ
 (43) hav-ù-λ
 (71) nav-av-λ }
 (107) io-tul-v-λ
 (81) dqv-λ
 (10) dp-ov-λ
 (76) eap-v-λ
 (106) ms-uλ-oz-λ
 (7) eqküz-λ

n

- (5) mav-a-ùen
 (5) mav-e₁-ùen
 (2) rav-pl-e-on
 (78) ms-əra-ek[e-t]-øn
 (108) } ol-s-n } (стр. 2)
 (79) prbnsn[
 (78) nat-uπ-ùn

ñ

- (56) } λùn-oñ }
 (89) lsñ
 (18) ma-kù₁ñ
 (1) mg-kù₁ñ
 (50) sùtt-ùñ...

v

- (108) } sla-v } (стр. 2)
 (108) pou-ov-p-tli-za-v (стр. 6)
 (102) } eni-hùd-v } (стр. 3)

- (108) ..la-l-v-uk-v } (стр. 11)
 (108) } ko-v } (стр. 3)
 (108) } os-v } (стр. 3)
 (108) --on-z-v } (стр. 1)

o

- (102) hηφuφherao } (стр. 3)
 (20) rab-o }
 (56) } til-do }
 (5) slm-odo
 (99) } nut-odo
 (31) и (33) io
 (2) ək-[s]-no
 (15) iv-e-to
 (56) ...əa-kug-p-λ-ο }

π

- (71) het-uπ

φ

- (102) (m-φ-)nkk-λ-φ- (стр. 2)
 (102) ...slaφn-m-φ (стр. 5)
 (102) sis-m-φ (стр. 4)
 (102) ...iuφt-φ[(стр. 7)
 (102) } dvT-φ (стр. 4)

p

- (59) tēs-a-p
 (79) nùat-a-p
 (37) ii-ul-aðe-p
 (59) nt-al-p
 (65) buv-s-e-al-p
 (107) sl-nk-o-λ-p }
 (78) mes-n-a-λ-p
 (66) ms | n-a-λ-p
 (61) --ukvT-o-p
 (61) id-ò-p
 (74) mes-n-a-r-p
 (14) ms-n-r-p }

r

- (65) laia-r
 (92) er (аббревиатура)
 (108) } oz-ra-er } (стр. 8)
 (108) } { a-er } (стр. 6)
 (108) Th-er (стр. 8)
 (108) uTl-er (стр. 7)
 (80) av-φ-er

- (108) } nr -r -er } (стр. 10)

- (85) rə-r
 (103) snr } (стр. 5)
 (102) sn[r] } (стр. 6)
 (108) } mu-k-oQor } (стр. 5)
 (85) k-λ-kes-r
 (101) ..age₁-nt-r
 (44) mλ-ur
 (80) ak-uv-ur
 (108) --te-uv-r } (стр. 10)

- (78) ùsaχto □ -r

s

- (98)]λas
 (86) λñas
 (106) stē-s-a-s
 (107) } stē-s-a-s }
 (79) kegλpu-sas (keg-λ-p}u-s-a-s?)
 (24) pva-s
 (106) spes
 (42) !s-es

- (108) } h-v—g-s (стр. 1)
 (108) } t-v—g-s } (стр. 1 и 8)
 (104) } t-v—g-s }
 (100) mav-ùas[
 (107) } da-ns
 (108) } ol-s-n-s } (стр. 10)
 (108) --[ol]-s-n-s } (стр. 12)
 (59) } dpot-ns
 (4) av-ka-ñ-s
 (4) lo-s
 (30), (31), (32), (33) iv-n-os }
 (59) dùtor-qs
 (74) ək-s-n-s-os
 (70) πno-b₁l-òs
 (60) gle—p-s
 (105) } sùz-rme—p-s (стр. 5)
 (2) ðeg—p-s }

t

- (61) ka-t
 (56) pòl-la-t }
 (4) sl-ra-t
 (14) λuχ-z-e-t
 (48) pləp-i-t
 (101) lek-t
 (59) ...λ-t
 (59) plñ-òn-t }
 (25) } hak-iv-μαυ-τ

t

- (61) e₁lùhat
 (93)]st } (аббревиатура)

τ

- (97) ed-av-n-e—τ
 (77) ms-a-i—τ
 (6) oèh bùl-λ—τ
 (60) sl-λ-l-οτ
 (97) nord-n-s-οτ
 (97) mus-u-s-οτ
 (59) } tül-òτ[
 (64) ...-l-ù—τ

T

- (108) --naT } (стр. 13)
 (108) --aT } (стр. 5)

u

- (34) uk-λ-dau
 (29) mau }
 (10) ups-bu
 (107) toΩo-nu }
 (16) tab-o-u }
 (72) mav-λ-od-o-u
 (76) mkeveλyu

ù

- (81) ù
 (67) dau[
 (75)]kmv-d-χsb-ù₁
 (56) } nda-k-ù
 (59) } nda-k-ù }
 (2) } nta-k-ù
 (78) [nta-k-ù]
 (54) tui-l-ù
 (21) əvsl-ù
 (47) urv-l-ù
 (67) leñλλ-mù
 (13) um-ù
 (72) ...-φù

- (19) mi-krù
 (12) mepvùlùù

v

- (93) --av
 (108) } nkk-a-v } (стр. 2)
 (108) } ike-v } (стр. 2)
 (108) --kug-v } (стр. 4)
 (102) } ε₁v-h-v }
 (48) p-λ—ajə-l-v
 (48) giə-l-v
 (51) g[i]ə-l-v
 (96) --l-v
 (104) . .iv-otēn-v } (стр. 2)
 (15) pd-ov
 (108) } krk-ov } (стр. 9)
 (108) (n-φ)- φου-ov } (стр. 10)
 (108) . . .-v } (стр. 2)

z

- (105) } εσφaz-[(стр. 3)
 (104) . .ue-z[
 (46) ul-oz
 (85) . rav-ul-oz
 (42) rav-[u]λ-oz
 (35) lùλ-oz
 (21) erv-λ-oz
 (13) ku-oz }
 (13) sav-bv-oz }

W

- (70) W

⊙

- (96) --os-⊙ (очевидно, --os-λ)

Фрагменты

- (105) } uda... (стр. 2)
 (102) mta-- (стр. 2)
 (103) Ta.--
 (69) emb.
 (36) .avae-
 (26) alvth-
 (64) vtēi--
 (50) . . .nnmλk. }
 (61) t̄ahùl.
 (105) . . .av-er-na-oz-ελ-- (стр. 2)
 (27) } vl--
 (39) .εsnilo.--
 (103) menq--
 (71) } so--
 (101) s̄paegzo.
 (50) . . ðτñð. .
 (108) } sla-h-r-ns-p. . . (стр. 5)
 (79) . . vλèp.r--
 (108) } ks. . (стр. 2)
 (93) } kanτ---
 (38) mik-u. .--
 (108) } u. .-- (стр. 4)
 (104) . . aT-u.-- (стр. 3)
 (103) . . ahù-- (стр. 6)
 (103) φù-- (стр. 8)
 (65) gv--
 (9) aov--
 (62) k̄θùapv. . .--
 (86) sak-i-uv. . .
 (105) . . .-φz-- (стр. 2)
 (33) [k]r. .z[.]

Таблица частотностей
(в скобках указана частотность данной буквы по

Буква	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
a	28 (10,3)	25 (8,0)	12 (6,2)	15 (11,0)	17 (9,8)	12 (10,8)	2 (20)	1 (4,8)
e, e ₁	25 (9,2)	29 (9,5)	1 (0,5)	11 (8,0)	13 (7,5)	7 (6,3)		3 (14,2)
{ ë	4 (1,4)	1 (0,3)	11 (5,6)		3 (1,8)			
{ ε	3 (1,1)	1 (0,3)	—		1 (0,6)	1 (0,9)		
{ ε ₁	—	—	—		—	—		
э	3 (1,1)	4 (1,3)	5 (2,5)	1 (0,7)	7 (4,0)	2 (1,8)		
i	10 (3,6)	30 (9,8)	12 (6,2)	5 (3,6)	3 (1,8)	3 (2,7)	1 (10)	
{ o	18 (6,6)	18 (5,9)	12 (6,2)	3 (2,1)	7 (4,0)	7 (6,5)		
{ ò			5 (2,5)	4 (3,0)				
û, û ₁	13 (4,8)	7 (2,1)	14 (7,1)	8 (5,8)	7 (4,0)	5 (4,5)		
u	12 (4,4)	20 (6,6)	6 (3,0)	5 (3,6)	5 (2,9)	6 (5,4)	1 (10)	
Всего гласных	116 (42,5)	135 (43,8)	78 (39,8)	52 (37,8)	63 (36,4)	43 (38,9)	4 (40)	4 (19,0)
m	9 (3,3)	15 (4,9)	4 (2,1)	4 (3,0)	7 (4,0)	7 (6,3)		
n	9 (3,3)	8 (2,6)	13 (6,6)	5 (3,0)	10 (5,8)	7 (6,3)		
{ ñ	3 (1,1)	2 (0,7)	6 (3,0)	2 (1,5)		1 (0,9)	1 (10)	1 (4,8)
{ v	—	—	—	—	—	—		
r	4 (1,4)	8 (2,6)	3 (1,5)	2 (1,5)	8 (4,6)	5 (4,5)		1 (4,8)
l	9 (3,3)	10 (3,3)	19 (9,7)	10 (7,2)	4 (2,3)	1 (0,9)		4 (19,0)
v	23 (8,5)	28 (9,3)	5 (2,5)	10 (7,2)	10 (5,8)	8 (7,2)	1 (10)	1 (4,8)
π				3 (2,1)	2 (1,2)			
b, b ₁	6 (2,2)	3 (1,0)	—	3 (2,1)	2 (1,2)	2 (1,8)		1 (4,8)
φ	—	—	—	—	—	—		
t	9 (3,3)	4 (1,3)	13 (6,6)	4 (3,0)	3 (1,8)			
θ	4 (1,4)	4 (1,3)	—	1 (0,7)	1 (0,6)			
{ τ	3 (1,1)	1 (0,3)	3 (1,5)	1 (0,7)	1 (0,6)			1 (4,8)
{ T	—	—	—	T2 (1,5)	—	—		
t	3 (1,1)	2 (0,7)	—	1 (0,7)	1 (0,6)			
d	5 (1,8)	5 (1,6)	8 (4,1)	4 (3,0)	5 (2,9)	3 (2,7)		
k	13 (4,8)	18 (5,9)	7 (3,6)	7 (5,0)	12 (6,9)	7 (6,3)	1 (10)	
g	3 (1,1)	4 (1,3)	7 (3,6)	1 (0,7)	1 (0,6)	3 (2,7)		2 (9,5)
χ	2 (0,7)				2 (1,2)			1 (4,8)
h	6 (2,2)	6 (2,0)	—	3 (2,1)	4 (2,3)	1 (0,9)		
s	14 (5,1)	17 (5,6)	8 (4,1)	9 (6,5)	12 (6,9)	6 (5,4)	2 (20)	3 (14,2)
z	6 (2,2)	7 (2,1)		1 (0,7)	1 (0,6)	1 (0,9)		
λ	18 (6,6)	27 (8,9)	10 (5,1)	6 (4,4)	15 (8,6)	14 (12,5)	1 (10)	1 (4,8)
p	8 (3,0)	3 (1,0)	12 (6,2)	7 (5,0)	9 (5,2)	2 (1,8)		1 (4,8)
ξ	—	—	—	—	—	—	—	—
Ω	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего согласных	157 (57,5)	172 (56,2)	118 (60,2)	86 (62,2)	110 (63,6)	68 (61,1)	6 (60)	17 (81,0)
Всего букв В % от об- щего коли- чества букв Не учтены	273 (100) 13,8	307 (100) 15,5 1∇	196 (100) 10,0	138 (100) 7,1 1∞	173 (100) 9,0 1Σ 1□	111 (100) 5,6	10 (100) 0,5	21 (100) 1,0

карийских букв

отношению к общему числу букв, учтенных в данной графе)

IX	X	XI	XII	XIII	XIV Тексты Африки (I—II, IV—VI)	XV Тексты Карики (IX—XIII)	XVI Все тексты (I—XIII)
11 (11,9) 9 (9,8) — 1 (1,1) — 1 (1,1) 7 (7,6) 1 (1,1) 5 (5,4)	7 (10,7) 5 (7,6) — 1 (1,5) — 1 (1,5) 1 (1,5) 9 (13,8) 1 (1,5) 2 (3,0)	23 (10,8) 18 (8,5) — — 6 (2,8) 9 (4,3) 11 (5,2) 5 (2,3) 7 (3,3)	6 (9,9) 5 (8,1) — 3 (4,9) — 1 (1,6) 3 (4,9) 5 (8,1) 1 (1,6)	28 (9,1) 21 (6,8) — 6 (2,0) — 10 (3,3) 26 (8,5) — 13 (4,2)	97 (9,5) 85 (8,5) 8 (0,8) 6 (0,6) — 17 (1,8) 51 (5,2) 53 (5,3) 4 (0,5) 39 (3,9) 49 (4,9)	75 (10,2) 58 (8,0) — 11 (1,5) 6 (0,9) 1 (0,1) 22 (2,8) 56 (7,3) — 12 (1,7) 28 (3,8)	187 (9,4) 147 (7,0) 19 (1,0) 17 (0,9) 6 (0,3) 23 (1,2) 86 (4,5) 121 (6,3) 9 (0,5) 65 (3,4) 84 (4,4)
35 (38,0) 5 (5,4) 8 (8,7) — 1 (1,1) 1 (1,1) 2 (2,2) 7 (7,6) — — 1 (1,1) 5 (5,4) — 5 (5,4) 3 (3,3) 3 (3,3) — 8 (8,7) 7 (7,6) 1 (1,1) — —	27 (41,1) 1 (1,5) 6 (9,1) — — 2 (3,0) 4 (6,0) — — 1 (1,5) — — 2 (3,0) 6 (9,1) — 3 (4,5) 3 (4,5) 1 (1,5) 7 (10,7) 1 (1,5) — —	79 (37,2) 6 (2,8) 20 (9,4) — 1 (0,5) 5 (2,3) 6 (2,8) 12 (5,6) 1 (0,5) 16 (7,5) 2 (0,9) 3 (1,4) — 4 (1,9) 11 (5,2) 2 (0,9) 5 (2,3) 4 (1,9) 11 (5,2) 14 (6,6) 5 (2,3) 6 (2,8) — —	24 (39,1) 3 (4,9) 4 (6,6) — 4 (6,6) — 1 (1,6) — 1 (1,6) — 1 (1,6) — — 2 (3,3) 1 (1,6) — 7 (11,5) 6 (9,9) 6 (9,9) 1 (1,6) — —	104 (33,9) 4 (1,3) 18 (5,9) — 6 (2,0) 11 (3,5) 22 (7,2) 25 (8,2) — 3 (1,0) 3 (1,0) 1 (0,3) — 5 (1,6) 6 (2,0) 5 (1,6) 22 (7,2) 4 (1,3) 7 (2,3) 33 (10,9) 5 (1,6) 8 (2,6) 4 (1,3) 7 (2,3) 3 (1,0)	409 (41,0) 42 (4,1) 39 (3,8) 8 (0,8) — 6 (2,0) 28 (2,8) 34 (3,2) 79 (7,9) 5 (0,5) 16 (1,7) — 20 (2,0) 10 (1,0) 6 (0,6) T2 (0,2) 7 (0,7) 22 (2,2) 57 (5,7) 12 (1,2) 3 (0,3) 21 (2,1) 59 (5,9) 16 (1,6) 80 (7,9) 29 (2,8) —	269 (36,3) 19 (2,7) 56 (7,3) — 8 (1,1) 21 (2,8) 32 (4,3) 49 (6,7) 1 (0,1) 21 (2,8) 5 (0,7) 7 (1,0) 5 (0,7) 9 (1,2) 24 (3,2) 14 (1,9) 37 (5,2) 8 (1,1) — 21 (2,8) 65 (8,9) 17 (2,3) 34 (4,7) 7 (1,0) 7 (1,0) 3 (0,4)	764 (38,9) 65 (3,3) 108 (5,6) 16 (0,8) 8 (0,4) 53 (2,7) 89 (4,6) 135 (6,7) 5 (0,2) 18 (0,9) 21 (1,0) 38 (1,9) 17 (0,9) 15 (0,8) 11 (0,5) 31 (1,6) 44 (2,2) 102 (5,3) 29 (1,5) 4 (0,2) 42 (2,2) 137 (7,0) 33 (1,7) 126 (6,3) 49 (2,4) 7 (0,3) 3 (0,1)
57 (62,0)	39 (58,9)	134 (62,8)	37 (60,7)	202 (66,0)	593 (69,0)	470 (63,7)	1204 (61,1)
92 (100)	66 (100)	213 (100)	61 (100)	306 (100)	1002 (100)	739 (100)	1968 (100)
4,7 1 ⊙	3,3	10,9	3,0	15,6	50,8 +4 буквы	37,6 +1 буква	100 +5 букв

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1. ВОЗМОЖНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО НАЗВАНИЯ „ВЕЧНОСТИ“ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ

Благодаря хеттологическим исследованиям последнего времени окончательно установлено значение хеттского слова *eġa*, которое обозначало вечнозеленое дерево, выступавшее в качестве символа бога плодородия Телепинуса, а также имевшее функцию знака освобождения от повинностей. Ритуальная роль этого вечнозеленого дерева видна из таких текстов, как ритуал KUB XXIX I 4, 17—21: *nu^{GIŠ} e-ġa-an ti-ġa-an ti-ġa-an-zi KI. MIN^{GIŠ} e-ġa-an ma-aġ-ġa-an uk-tu-u-ri i-ġa-at-ni-ġa-an nu ġur-pa-aš-ta-nu-uš ar-ġa U-UL iš-ġu-ua-i LUGAL-ša SAĪ. LUGAL-ša QA. TAM. MA i-ġa-at-ni-an-te-eš a-ša-an-du ud-da-a-ar-aš-ma-aš QA-TAM-MA uk-tu-u-ri e-eš-du* „и дерево *eġa*-установленное они устанавливают. Соответственно с этим (сказано так): так же как дерево *eġa*-вечно зеленеет¹ и листьев не сбрасывает прочь, так же и царь и царица да будут процветающими (и) слово их также да будет вечным“. Из этого ритуала отчетливо видно, что неувядающая зелень дерева *eġa*-имела магическое символическое значение, чем и объясняется использование этого дерева во многих ритуалах; о густой листве этого дерева речь идет во многих текстах типа KUB XXVII 67 III 67 сл.: *nu^{GIŠ} e-a-an da-a-i še-ra-at ġa-ar-ġu-u-i kat-an-na-at al-pu* „и он устанавливает дерево *eġa*, вверху оно покрыто густой листвой², внизу оно гладкое (светлое?)“³.

В текстах, связанных с хеттским умирающим и возрождающимся богом плодородия Телепинусом, дерево *eġa*-выступает в контексте⁴, который типологически можно сравнить с мотивом жизни, спрятанной во многих предметах, вложенных друг в друга, у волшебного⁵ дерева (русские сказки о Кашее и т. п.), ср. KUB XVIII 10 IV 27 сл.: ^d*Te-le-pi-nu-ua-aš pi-ra-an GIŠ e-ġa ar-ta GIŠ e-ġa-az-kán UDU-aš KUŠ kur-ša-aš kán-kán-za na-aš-ta an-da UDU-aš IÁ-an ki-it-ta na-aš-ta an-da ġal-ki-iš^d ĠR-aš GEŠTIN-aš ki-it-ta na-aš-ta an-da GUD UDU ki-it-ta na-aš-ta an-da MU, KAM GÍD. DA DUMUMEŠ-la-tar ki-it-ta* „перед богом Те-

¹ О переводе *ġatnijant-* в данном контексте ср.: A. Goetze. — „Journal of Cuneiform Studies“, vol. I, 1947, стр. 317, прим. 64. Перевод в издании Шварца (B. Schwartz. A Hittite ritual text. „Orientalia“, vol. XVI, fasc. 1, 1947, стр. 39) неточен.

² Ср. о переводе *urġui* в данном контексте: J. Friedrich. Zum hethitischen Lexikon. „Journal of Cuneiform Studies“, vol. I, № 4, 1947, стр. 300.

³ Ср. перевод Й. Хольта: J. Holt. Festschrift J. Friedrich, 1958, стр. 215.

⁴ См.: H. Otten. Überlieferungen des Telepinu-Mythus. Berlin, 1944, стр. 43, прим. 9.

лепинусом стоит дерево *eĭa*, с дерева *eĭa* свешивается овечья шкура, в ней же лежит овечий жир, в нем же лежит зерно (бога) полей (и) вино, в нем же бык и овца, в нем же долгое время (жизни) (и) юность“. Сочетание названия дерева *eĭa* с названием обожествляемого овечьего руна (^d KUS^kkur-šī-in) встречается также и в другом тексте⁵; в одном тексте ритуального характера речь идет о заклятии барана и племенного быка у дерева *eĭa*: [na]-aš-ta 1 UDU. NITA 1 GUD. MAḤ-ia ŠA^dZi-pár-wa, iš-ta-na-an-ni Giš^se-ja-ni ša-ra-a ħu-u-kán-[zi] „и они совершают заклятие одного барана и одного племенного быка на жертвенном столе богу Ципарва у дерева *eĭa*“, KUB XXV 33, I 6 сл. Наконец, в тексте KBo III 8, III 9 и 27 с дерева *eĭa* свешивается шкура не овцы (как в приведенном выше отрывке из мифа о Телепинусе), а козла⁶. Согласно свидетельству всех этих текстов (и других, им подобных) говорит о наличии ритуальной связи между деревом *eĭa* и шкурой (жертвенного) животного — овцы или козла. В ряде ритуалов встречаются такие описания, как в Bo 2689 II 30⁷: ta Giš^se-i-e šī-u-na-as pá-r-na pí-e-ta-an-zi „и они вносят дерево *eĭa* в дом бога“. Поскольку дерево *eĭa* как символ неумирающей растительной жизни связывалось прежде всего с богом плодородия Телепинусом, можно было бы думать, что именно это дерево изображено хеттским иероглифом № 151⁸, который выступает в качестве идеограммы — обозначения бога Телепинуса (в свете приведенных выше текстов, где говорится о листе дерева *eĭa*, представляется существенным то, что эта идеограмма явно восходит к пиктографическому изображению лиственного дерева).

Ритуальная роль дерева *eĭa* в обрядах, посвященных древнехеттскому богу плодородия Телепинусу, позволяет объяснить и те юридические установления, которые связывались с деревом *eĭa*. В § 50 хеттских законов после перечисления преимуществ жречества, освобожденного от повинностей в древних культовых центрах, говорится (61—62): ^{URU} ma-a-an A-ri-in-na II ITU-aš ti-iz-zi nu a-pí-e-[el È-ZU] ku-e-la Giš^se-ia-an a-aš-ki-iš-ši ša-ku-ua-a-an a[ra-a-u-ua-an] „Когда в городе Аринна наступает II месяц, тогда дом того, в чьих воротах виднеется⁹ вечнозеленое дерево *eĭa*, должен быть свободен (от государственных повинностей)“. По контексту ясно, что здесь речь идет о привилегиях, связанных со жреческими обязанностями или с ритуалом. По-видимому, такой же характер носит установление, сформулированное в KUB XIII 8, 9: nu-uš-ma-aš-kán pí-an Giš^se-ia-an ar-ta-ru pa-ra-a-ma-aš-kán li-e ku-iš-ki tar-na-i „и перед ними должно стоять дерево *eĭa*, и никто не должен их выводить наружу¹⁰ (для исполнения повинностей)“.

Анализ контекстов, в которых употребляется слово *eĭa*, позволяет утверждать, что оно было важным религиозным символом, означавшим

⁵ Ср.: J. Friedrich. Staatsverträge des Hatti-Reiches, Bd II. Leipzig, 1930, стр. 31, прим. 1 (со ссылкой на А. Гётце).

⁶ Ср.: В. Грозну. Les inscriptions hittites hiéroglyphiques, livr. I. Praha, 1934, стр. 257, прим. 10; стр. 258.

⁷ Напечатано в статье: Н. Ehelolf. Hethitisch-akkadische Wortgleichungen. „Zeitschrift für Assyriologie“, N. F., Bd 9 (43), 1936, стр. 173. — Написание *e-i-e* в этом тексте легко объясняется развитием *-ia- > -e-*, представленным в формах типа *ešša-* (итератив-дуратив на *-šša-* от *ia-* 'делать'), и т. д.

⁸ Нумерация по: E. Laroche. Les hiéroglyphes hittites, pt. 1, Paris, 1960, стр. 83; ср.: E. Laroche. — „Syria“, vol. 33, 1956, стр. 133, прим. 6.

⁹ Этот перевод был впервые предложен Оттенем (Н. Otten. Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950, стр. 35) и повторен Фридрихом (J. Friedrich. Die hethitischen Gesetze. Leiden, 1959, стр. 33 и 100), который, однако, не ссылается в данном случае на Оттена.

¹⁰ Ср. о переводе выражения *para tarnai* в этом контексте: А. Гётце. Neue Bruchstücke zum grossen Text des Hattusilis. Leipzig, 1930, стр. 74, прим. 1; J. Friedrich. Die hethitischen Gesetze, стр. 111, прим. 1.

благоденствие (ср. сочетание SIG₅-an Giš^e-ia-an „благое дерево eia“, KUB XXV 31, пер. ст. 21), долгодетие, вечную жизненную силу, олицетворенную умирающим и возрождающимся богом плодородия Телепинусом. Вместе с тем этот символ в древнехеттскую эпоху был и символом социально важным, так как он обеспечивал особые права тем членам коллектива, которые могли им пользоваться¹¹.

Для выяснения происхождения термина eia существенно то, что этот термин связан с древнехеттской религиозной и юридической традицией. Но сама эта древнехеттская традиция частично объясняется хаттским („протохеттским“) влиянием (ср. хаттский характер имени бога Телепинуса и хаттское происхождение культа, отправлявшегося в городе Аринна, упомянутом в цитированном выше параграфе хеттских законов). Поэтому естественно возникает вопрос, нельзя ли объяснить eia как древнее заимствование (скорее всего, из языка хатти). В свое время на этот вопрос был дан отрицательный ответ Хольгером Педерсеном, подробно изучавшим эту проблему. Педерсен отметил, что eia принадлежит к числу терминов, связанных с общественной жизнью и со старыми названиями деревьев; обе эти сферы терминов в хеттском языке в меньшей степени затронуты иноязычными влияниями¹². Точку зрения Педерсена в настоящее время можно подтвердить следующими аргументами. Во-первых, до настоящего времени в хаттских текстах не обнаружено такого слова, которое можно было бы признать хаттским источником изучаемого термина (хотя хаттская лексика все еще нам известна в очень ограниченном объеме, важные культовые термины могли бы встретиться в хаттских ритуалах и мифах). Во-вторых, слово eia- принадлежит к числу очень немногочисленных слов с архаичным типом склонения, где основа косвенных падежей (в частности, дательного-местного) на -n- противопоставляется основе именительного падежа без -n-¹³. Можно предполагать, что этот тип склонения в хеттском отражает тот древний этап развития индоевропейского гетероклитического склонения, который древнее этапа формирования гетероклитических парадигм с чередованием -r/-n-. Эта точка зрения, намеченная Э. Бенвенистом¹⁴, может быть в настоящее время более детально обоснована данными тохарских¹⁵ и хеттского¹⁶ языков. В хеттском языке к этому типу¹⁷ принадлежат преимущественно слова с индоевропейскими этимологиями (типа *hara-:haran-* ‘орел’), хотя в одном случае слово, изменяющееся по этому типу, можно считать переднеазиатским миграционным термином (хет. *arkamma-n-* ‘дань’, имеющее соответствия, с одной стороны, в лувийском, с другой, в угарит-

¹¹ В качестве параллели из новохеттской эпохи можно указать на то, что отправление культа богини Иштар, которое Хаттусилис III закрепляет в качестве семейной прерогативы за своим потомством, в то же время обеспечивает его потомству и материальные выгоды — освобождение от повинностей, ср.: A. Götz e. Neue Bruchstücke zum Grossen Text des Hattusilis, стр. 48.

¹² H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938, стр. 42.

¹³ Появление формы именительного-винительного падежа единственного числа на -n eian объясняется позднейшим развитием, см.: H. Pedersen. Указ. соч., стр. 42; но ср.: A. Goetze. Transfer of consonantal stems to the thematic declension in Hittite. „Mélanges linguistiques offerts à H. Pedersen“. „Acta jütlandica“, IX. København, 1937, стр. 490, прим. 3 (где предполагается — без достаточных оснований — обратное развитие). О роде этого слова ср. также: A. Götz e. Die Annalen des Mursilis. Leipzig, 1933, стр. 74, прим. 1; F. Sommer und A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). München, 1938, стр. 196, прим. 4.

¹⁴ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 47—48.

¹⁵ В. В. Иванов. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. — Сб. “Тохарские языки“. М., 1959.

¹⁶ В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963.

¹⁷ Ср.: J. Friedrich. Hethitisches Elementarbuch. T 1. 2. Aufl. Heidelberg. 1960, стр. 57—58, § 88a.

ском и аккадском); неясным остается происхождение хет. *pir* 'дом', *ratn-*, также принадлежащего к числу миграционных переднеазиатских терминов, но имеющего сходный тип строения парадигмы и явно отражающего древний тип чередования гласных в корне (ср. однотипное *kir* 'сердце': *kard-*, имеющее ясную индоевропейскую этимологию). Таким образом, тип склонения слова *eia* можно считать веским, хотя и неокончательным, аргументом в пользу древности этого слова. Показательно, что в парадигме слова *eia -n-* появляется в локативе (что и следовало бы ждать в соответствии с гипотезой Бенвениста), но не в отложительном падеже, что хронологически согласуется с датировкой времени возникновения последнего падежа¹⁸ (ср. древний тип парадигмы: *eia* им. п.: *eiani* дат.-мест. п. и более новый тип парадигмы: *eian* им.-вин. п.: *eiaz* отлож. п., но ср. также локатив(?) *eia* с нулевым окончанием).

Если исходить из гипотезы (высказанной еще Педерсенем) об индоевропейском характере слова *eia*, то следует восстановить для него индоевропейскую праформу, корень которой состоит из дифтонга на *-i*. Фонетическое развитие в хеттском объясняется монофтонгизацией дифтонга (ср., например, хет. *e-hu* 'приходи!', где *e* перед согласным из дифтонга **ei-*, индоевропейское **ei-* 'идти') при одновременном сохранении *i* перед тематическим гласным (т. е. перед последующим гласным развивается группа *ii*, первый элемент которой исчезает при монофтонгизации, а второй сохраняется, отходя ко второму слогу). Именно такой дифтонгический корень, имеющий значение, из которого легко можно вывести значение хет. *eia*, восстанавливается в индоевропейском гнезде названий вечности: лат. *ae-u-om* 'век', гот. *ai-w-s* 'время, вечность', греч. *ai-(F)év* 'всегда'¹⁹, др.-инд. *au-u-ṣ* 'время, жизнь'. Э. Бенвенист в своем классическом исследовании индоевропейского именного основообразования установил для слов этого корня двучленные основы I **a₂éi-μ-* (= **ái-μ-*): II **a₂i-éμ-* (откуда авест. *yu-* 'вечность')²⁰. Семантика этих индоевропейских основ была позднее изучена Бенвенистом в специальной статье, где показано, что древнейшее значение слов этого корня, связанное с обозначением 'жизненной силы' и с представлением о возвращении этой вечной силы, отражено лучше всего в др.-инд. *áyu(s)* 'жизненная сила' (употребляется, в частности, применительно к коме, ср. ниже)²¹ и в гомер. *aión* 'сила жизни, источник жизненной энергии'²²). В конце своего исследования Бенвенист приходит к выводу, что в семантике слов этого корня можно видеть языковой источник тех воззрений, которые объединяют древнеиндийские и древнегреческие представления о вечности: „Первые мыслители Индии и Греции понимали вечность с помощью непосредственного жизненного опыта. История слова *áyu* и в особенности слова *aión* научила нас тому, что это понимание развивается из человеческого и почти физического представления о силе, которая оживляет существо и заставляет его жить. Эта сила едина и двойственна, преходяща и постоянна, истощается и возрождается на протяжении поколений, растворяясь при своем возобновлении и сохраняясь навсегда благодаря своей всегда

¹⁸ О локативе *eiani* ср.: Н. Кронассер. *Etymologie der hethitischen Sprache*, Lief. 2. Wiesbaden, 1963, стр. 201.

¹⁹ Ср. такой морфологический анализ этих слов уже у Мейе: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 286. См. также: К. Brugmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Bd II, T. 1. 2. Aufl. Strassburg, 1906, стр. 320, 529, 531, 534.

²⁰ Э. Бенвенист. Указ. соч., стр. 48, 188 и 209. Вслед за Бенвенистом сходный анализ был дан в кн.: F. Specht. *Der Ursprung der indogermanischen Deklination*. Neudruck, 1947.

²¹ E. Benveniste. *Expression indo-européenne de l'éternité*. „Bulletin de la Société linguistique de Paris“, t. 38, fasc. 1 (№ 112). Paris, 1937, стр. 104—112, особенно стр. 105.

²² „Lexikon des Frühgriechischen Epos“, Lief. 3. Göttingen, стр. 402.

возрождаемой конечности. Нельзя ли узнать здесь древнее ионийское, брахманическое, может быть, также и маздовское учение о космической длительности, предвосхищенное уже самой формой выражения? Это — идея вечного возвращения²³.

Результаты исследования Бенвениста представляются блестящим подтверждением вероятности данной этимологии хет. *eia*. Это слово использовалось для обозначения символа вечной растительной жизни (ср. употребление родственного древнеиндийского слова применительно к some в ведийских текстах) и связывалось с культом возрождающегося и умирающего бога плодородия Телепинуса, миф о котором (как и соответствующий ритуал) основан на представлении о вечном возвращении (роль дерева *eia* в этом ритуале аналогична роли ели в рождественских обрядах). Если предположить, что хетты познакомились с хаттским культом этого возрождающегося бога растительной жизни и плодородия в то время, когда в их языке еще сохранялись индоевропейские слова с реконструированным Бенвенистом кругом значений, естественно предположить, что именно слова этого корня должны были связаться со вновь усвоенным культом Телепинуса. Предлагаемая этимология представляет интерес для типологического исследования параллелизма тех религиозно-философских представлений (и их языковых истоков) разных народов Средиземноморья и Передней Азии, которые в конечном счете подготовили возникновение христианского представления о воскресении²⁴.

Предлагаемая этимология хет. *eia* может представить интерес для решения собственно компаративистских проблем в двух отношениях: во-первых, только в этом слове корень выступает без элемента *-и-; во-вторых, в нем отсутствует хеттское отражение предполагаемого ларингального (но следует отметить, что ларингальный в начале данного корня восстанавливается скорее из общих представлений Бенвениста о структуре корня, чем на основании реальных языковых фактов). Оба эти обстоятельства делают данную этимологию спорной, так как морфологическая и фонетическая структура хеттского слова (для которого нужно было бы реконструировать праформу *āiṣ- < *āi-ō или **He|oi-o-*, если предполагать в начале *Н, исчезнувшее в хеттском) сильно отличается от структуры родственных основ в других языках. Тем не менее приведенные выше факты заставляют считать изложенную гипотезу вероятной.

²³ E. Benveniste. Указ. соч., стр. 111.

²⁴ О роли мифа о Телепинусе для исследования этой проблемы ср.: В. В. Иванов. Очерк истории и культуры хеттов. В кн.: К. В. Керам. Узкое ущелье и черная гора. М., 1962, стр. 198.

**О ДВУХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ
ПРАКРИТА МАХАРАШТРИ**

1. Праkrit махараштри — язык древней индийской поэзии. Фонетическая система махараштри сложилась в результате последовательных стадий озвончения, ослабления, а затем почти полного выпадения интервокальных смычных — процессов, затронувших большинство среднеиндийских языков. Вследствие этих процессов образовалась система, изобилующая гласными (около 50%), и различительные возможности языка предельно сократились по сравнению со многими древне- и среднеиндийскими диалектами.

2. При извлечении фонологической системы из фонетических данных махараштри представляется возможным построить несколько фонологических моделей этого праkritа. Характеристике двух таких моделей посвящена данная заметка.

3. Возможность построить несколько приближающихся к языку моделей для одних и тех же речевых фактов признается многими лингвистами¹. Можно описать одну и ту же фонологическую систему в терминах различных фонологических единиц и можно построить разные модели, исходя из одних и тех же фонологических единиц.

4. Разным парадигматическим фонологическим моделям могут соответствовать разные синтагматические модели. При оценке целесообразности того или иного парадигматического описания (простота, симметричность, экономность) следует учитывать те выгоды и просчеты, которые будет иметь соответствующая синтагматическая модель. С этой точки зрения мы рассмотрим здесь две парадигматические модели махараштри, устанавливающие фонемный инвентарь на основе бинарных дифференциальных признаков.

5. Фонологическую систему махараштри можно описать с помощью следующих девяти пар дифференциальных признаков.

1) Вокальность—невокальность позволяет противопоставить гласные *a, i, u, e, o* и плавные *r, l* всем остальным 25 фонемам.

2) Консонантность—неконсонантность отличает гласные *a, i, u, e, o* от всех остальных 27 фонем.

Таким образом, эти две пары различительных признаков позволяют выделить три класса фонем: гласные, обладающие признаками вокальности и неконсонантности, плавные *r, l*, характеризующиеся вокальностью

¹ Yuen-Rep-Chao. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems. „Readings in Linguistics“, VIII. New York, 1957; J. Greenberg. Essays in linguistics. Chicago, 1958; Ch. Hockett. Two models of grammatical description. „Word“, 1954, № 10; H. Mol, E. M. Uhlenbeck. Hearing and the concept of the phoneme. „Lingua“, VIII, 2, 1959; В. В. Иванов. О приемлемости фонологических моделей. „Труды института точной механики и вычислительной техники АН СССР“, вып. 2. М., 1961.

и консонантностью, и согласные фонемы, имеющие признаки консонантности и невокальности.

3) Компактность—некомпактность различает компактную фонему *a* от некомпактных *e*, *o* и компактные гуттуральные и палатальные от некомпактных церебральных.

4) Диффузность—недиффузность различает диффузные гласные *i*, *u* от недиффузных *a*, *e*, *o*, а также диффузные зубные и губные согласные от недиффузных церебральных.

5) Низкий тон—высокий тон различает лабиализованные гласные низкого тона *o*, *u* и нелабиализованные высокого тона *i*, *e*, а также низкие гуттуральные и губные согласные и высокие — зубные, церебральные и палатальные. Кроме того, по этому признаку противопоставлены как низкий тон высокому носовые *m*—*ṁ* и непрерывные *v*—*s*.

6) Назальность—неназальность различает носовые и смычные фонемы. Назальная фонема *m* противопоставляется губным смычным, назальная *ṁ*—всем остальным смычным фонемам.

7) Непрерывность—прерывность позволяет противопоставить спирант *s* гуттуральным, палатальным, дентальным и церебральным смычным, а спирант *v*—губным смычным.

8) Звонкость—глухость² различает только смычные фонемы: *k*—*g*, *kh*—*gh*, *c*—*j* и т. д.

9) Придыхательность—непридыхательность характеризует также только смычные фонемы *k*—*kh*, *g*—*gh*, *c*—*ch* и т. д.

6. Пересечения указанных девяти пар дифференциальных признаков образуют 32 фонемы, входящие в фонологическую систему махараштри (матрицу идентификации фонем см. табл. 1).

7. Исходя из такой идентификации фонем на парадигматической оси, можно построить синтагматическую модель, содержащую следующие правила дистрибуции фонем в тексте.

1) В начальной позиции слова допустимы гласные и единичные согласные, в конечной позиции — только гласные и носовая фонема *m*³.

2) В середине слова в интервокальной позиции единично недопустимы никакие смычные фонемы, кроме церебральных *ḍ*, *ḍh*: *ādha* 'место', *kuḍa* 'хижина'.

3) В середине слова в интервокальной позиции допустимы следующие сочетания согласных:

а) геминаты: *chatta* 'тень', *cojja* 'воровство', *assa* 'лошадь', *kavva* 'поэзия';

б) смычная непридыхательная фонема + смычная придыхательная того же места образования: *dukkha* 'печаль', *ucchaa* 'спрашивающий';

в) носовая фонема + смычная или *s*, *v*, *h*: *daṇḍa* 'палка', *aṁsa* 'часть', *siṁvavaṇa* 'поцелуй', *kaṇḥa* 'кришна'.

8. При таком построении синтагматической модели с точки зрения разграничительных средств всякая смычная фонема, кроме церебральных *ḍ*, *ḍh*, в интервокальной позиции будет являться пограничным сигналом, обозначающим границу начала слова и морфемы.

9. Основываясь на фонетических данных пракрита махараштри, можно построить иную парадигматическую модель в терминах дифференциальных признаков.

Принципы такого построения сводятся к следующему.

1) Исходя из того, что все смычные и аффрикаты, кроме церебрального *ḍ*, единично допустимы в махараштри только в начальной позиции

² Оппозиция глухость—звонкость у церебральных фонем нейтрализуется в интервокальной позиции, в качестве заместителя архифонемы выступают звонкие церебральные *ḍ*, *ḍh*.

³ Фонетически в конечной позиции в махараштри выступает носовой гласный, который мы для удобства считаем результатом фонетического перикодирования сочетания „гласный + носовой согласный *m*“.

Дистрибуция единичных и удвоенных смычных и фрикативных в махараштри

Единич- ный смычный	Начало слова	После носо- вых	Перед аспириро- ванными	Интер- вокаль- но	Удвоенный смычный	Начало слова	После носовых	Перед аспиро- рованными	Интер- вокаль- но
k	+	+	+	—	kk	—	—	—	+
g	+	+	+	—	gg	—	—	—	+
c	+	+	+	—	cc	—	—	—	+
j	+	+	+	—	jj	—	—	—	+
t	+	+	+	—	tt	—	—	—	+
d	+	+	+	—	dd	—	—	—	+
p	+	+	+	—	pp	—	—	—	+
b	+	+	+	—	bb	—	—	—	+
ṭ	+	+	+	—	ṭṭ	—	—	—	+
ḍ	+	+	+	+	ḍḍ	—	—	—	+

слова (*tea* 'блеск', *kia* 'сделанный'), в середине слова после носового (*gañja* 'презрение', *danta* 'зуб') и перед аспирированным (*paccha* 'позади', *takkha* 'плотник'), а удвоенные согласные смычные и аффрикаты — только в середине слова в интервокальной позиции (см. табл. 2) (*citta* 'мысль', *kajja* 'дело', *magga* 'путь'), то единичные и удвоенные смычные и аффрикаты можно считать находящимися в дополнительной дистрибуции. Таким образом, на фонологическом уровне удвоенные смычные и аффрикаты, кроме церебрального *ḍ*, который противопоставляется в интервокальной позиции геминированному *dḍ*, следует считать аллофонами простых смычных фонем и аффрикат: *k(ḳ)*, *g(g̣)*, *c(c̣)*, *j(j̣)*, *t(ṭ)*, *d(ḍ)*, *p(p̣)*, *b(ḅ)*, *ṭ(ṭ)*.

2) Такое же распределение имеют аспирированные смычные и аффрикаты. Сочетания неаспирированного смычного или аффрикаты с аспирированным типа *kkh*, *ggh*, *cch* и др. допустимы только в интервокальной позиции, где недопустимы единичные аспирированные (см. табл. 3): *uddha* 'верхний', *mascha* 'рыба'.

Дистрибуция единичных и удвоенных аспирированных в махараштри

Единич- ный аспи- рирован- ный	Нача- ло слова	После носо- вых	После соответ- ствующих смычных	Интер- вокально	Удвоенный аспириро- ванный	Начало слова	После носо- вых	После соответ- ствующих смычных	Интер- вокаль- но
kh	+	+	+	—	kkh	—	—	—	+
gh	+	+	+	—	ggh	—	—	—	+
ch	+	+	+	—	cch	—	—	—	+
jh	+	+	+	—	jjh	—	—	—	+
th	+	+	+	—	tth	—	—	—	+
dh	+	+	+	—	ddh	—	—	—	+
ph	+	+	+	—	pph	—	—	—	+
bh	+	+	+	—	bbh	—	—	—	+
ṭh	+	+	+	—	ṭṭh	—	—	—	+
ḍh	+	+	+	+	ḍḍh	—	—	—	+

Сочетания типа *kkh*, *ggh* в данном случае удобнее считать не сочетанием смычного и аспирированного, а результатом фонетического пере-

кодирования удвоенных аспирированных *khkh*, *ghgh* и фонологически их следует признать долгими аллофонами единичных аспирированных, т. е. *kh(kh)*, *gh(gh)*, *ch(ch)*, *jh(jh)*, *th(th)*, *dh(dh)*, *ph(ph)*, *bh(bh)*, *ṭh(ṭh)*.

3) Церебральные *ɟ*, *ɟh* (как видно из табл. 2 и 3), а также носовые *ɲ*, *m*, непрерывные *s*, *v* и плавный *l* в интервокальной позиции могут стоять единично и противопоставляться в этой позиции геминированным (см. табл. 4): *kuḍa* 'кувшин' — *kuḍḍa* 'удивление', *kaḍha* Imp. от *kaḍhai* 'кипятить' — *kaḍḍha* 'притяжение', *vasa* 'желание' — *vassa* 'подчиненный', *kama* 'шаг' — *kamma* 'карма'. Поэтому для этих согласных — и единичных, и геминированных — следует признать фонемную значимость: *p*, *p̄*, *m*, *m̄*, *v*, *v̄*, *s*, *s̄*, *l*, *l̄*, *ɟ*, *ɟ̄*, *ɟh*, *ɟh̄*.

Таблица 4

Дистрибуция единичных и удвоенных носовых непрерывных и плавного

Единичный согласный	Начало слова	После носовых	Интервокально	Удвоенный согласный	Начало слова	После носовых	Интервокально
<i>p</i>	+	+	+	<i>pp</i>	—	—	+
<i>v</i>	+	+	+	<i>vv</i>	—	—	+
<i>s</i>	+	+	+	<i>ss</i>	—	—	+
<i>l</i>	+	—	+	<i>ll</i>	—	—	+

Согласные *r* и *h* никогда не бывают геминированными.

4) Долготу следует принять релевантной и для гласных фонем, тем более что в махараштри существует фонетическая долгота и краткость в открытых слогах (*aḷa* = [aḷa] 'сегодня' — *aḷā* = [aḷā] 'ариец'). Противопоставление гласных по долготе — краткости нейтрализуется перед долгими согласными.

5) Противопоставление назальность — неназальность следует считать релевантным и для гласных фонем. Такое противопоставление мы имеем в конечной позиции слов⁴: *paā* 'новый' — Асс. *paā*, *govī* 'пастушка' — Асс. *govī*; перед фрикативными согласными: *kāva* 'возлюбленный' — *kava* 'кусок, глоток', *vāsa* 'поколение' — *vasa* 'бык'.

Таблица 5

Дистрибуция носовых гласных и сочетаний „гласный + гоморганный носовой“

Носовой гласный	Перед смычными	Перед фрикативными	В конце слова	Гласный + носовой согласный	Перед смычными	Перед фрикативными	В конце слова
<i>ā</i>	—	+	+	<i>aṃ</i> (<i>añ</i> , <i>aṅ</i> , <i>aṇ</i> , <i>aṇ</i> , <i>aṇ</i> , <i>aṃ</i>)	+	—	—
<i>ī</i>	—	+	+	<i>iṃ</i>	+	—	—
<i>ū</i>	—	+	+	<i>uṃ</i>	+	—	—
<i>ē</i>	—	+	+	<i>eṃ</i>	+	—	—
<i>ō</i>	—	+	+	<i>oṃ</i>	+	—	—

⁴ В первом описании праkritа махараштри мы считали назальный гласный результатом фонетического перекодирования сочетания гласной фонемы с носовой согласной *m*.

В позиции перед смычными встречается группа гласный + неопределенный (гоморганный) носовой, т. е. носовой согласный, дополнительные свойства которого определяются последующим смычным и не имеют фонологического значения⁵: *viñjha, gaṇḍha, amba*.

Таким образом, носовые гласные и сочетания „гласный + гоморганный носовой“ находятся в дополнительной дистрибуции. Поэтому носовые гласные мы будем считать самостоятельными фонемами, а сочетания „гласный + гоморганный носовой“ — их аллофонами, т. е. следует признать фонологическими такие противопоставления, как *dāta* ‘зуб’ = [danta] — *data* ‘данный’ = [datta] наряду с *vāsa* — *vasa, vaā* — *vaa* и др.

10. Вследствие этого при описании второй фонологической модели махараштри с точки зрения дифференциальных признаков нам придется распространить оппозицию назальность — неназальность на гласные фонемы

Матрица идентификации фонем махараштри

Дифференциальный признак																						
	a	i	u	e	o	ā	ī	ū	ē	ō	ā	ī	ū	ē	ō	r	l	l̥	ɳ	ɳ̥	ɳ̄	
1. Вокальность — невокальность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
2. Консонантность — неконсонантность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	
3. Компактность — некомпактность	+	0	0	—	—	+	0	0	—	—	+	0	0	—	—	0	0	0	0	0	0	
4. Диффузность — недиффузность	—	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—	+	+	—	—	0	0	0	0	0	0	
5. Низкий тон — высокий тон	0	—	+	—	+	0	—	+	—	+	0	—	+	—	+	0	0	0	0	—	—	
6. Назальность — неназальность	—	—	—	—	—	0	0	0	0	0	+	+	+	+	+	0	0	0	0	+	+	+
7. Непрерывность — прерывность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	+	+	0	0	0
8. Звонкость — глухость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
9. Придыхательность — непридыхательность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	0	+	—	0	+	
10. Долгота — краткость	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	—	+	0	—	+	0

⁵ В некоторых рукописях текстов на махараштри вместо гоморганного носового

$a - \bar{a}, i - \bar{i}, u - \bar{u}, e - \bar{e}, o - \bar{o}$, а также ввести дополнительную оппозицию долгота—краткость, по которой будут противопоставлены гласные фонемы $a - \bar{a}, i - \bar{i}, u - \bar{u}, e - \bar{e}, o - \bar{o}$ и согласные $n - \bar{n}, m - \bar{m}, v - \bar{v}, s - \bar{s}, l - \bar{l}, d - \bar{d}, dh - \bar{d}h$.

11. При таком построении парадигматической модели хотя и увеличится инвентарь фонем (см. табл. б), значительно упростится соответствующая синтагматическая модель.

Правила дистрибуции фонем будут сведены к следующим:

- 1) слово может начинаться с гласной и краткой согласной и оканчиваться только гласной фонемой;
- 2) после носовых гласных недопустимы гласные и долгие согласные;
- 3) никакие последовательности согласных не допустимы.

Таблица б

по дифференциальным признакам (второе описание)

Фонема																													
m	$\bar{m}$	mh	v	$\bar{v}$	s	$\bar{s}$	h	k	kh	g	gh	c	ch	j	jh	ṭ	ṭh	d	$\bar{d}$	dḥ	$\bar{d}h$	t	th	d	dh	p	ph	b	bh
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	-	-	0	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
+	+	+	0	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
0	0	0	+	+	+	+	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+
+	0	+	0	0	0	0	0	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+
-	+	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0

согласного во всех случаях перед смычными пишется анусвара.

НЕСКОЛЬКО ИЛЛИРИЙСКО-БАЛТИЙСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ИЗ ОБЛАСТИ ТОПОНОМАСТИКИ

В последние годы неоднократно отмечалось, что балтийская топонимика во многих отношениях включается в „центральноевропейский“ ареал, который, по мнению Г. Краэ¹, сложился к середине II тысячелетия к северу от Альп на основе еще очень близких в то время друг к другу кельтских, германских, италийских, венецких, иллирийских и балтийских говоров. Особое внимание привлекают к себе связи между диалектами, лежащими в восточной части этого ареала, а именно между иллирийским и фракийским и балтийским. Довольно многочисленные, а главное, весьма веские факты сходства в фонетике, словообразовании и лексике (как апеллятивной, так и топонимической²) указаны в ряде исследований³, и поэтому здесь нет нужды говорить об этом подробнее. Точно так же нет необходимости говорить о значении изучения балто-иллирийских языковых связей⁴ для индоевропейской диалектологии и решения целого ряда этногенетических вопросов.

Ограничимся приведением нескольких десятков иллирийско-балтийских⁵

¹ См.: Н. Krahe. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; он же. Vorgeschiedliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria. „Akademie der Wissensch. u. Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissensch. Kl.“ Mainz, 1957, № 3, стр. 103—121 и др.

² Из числа сопоставлений, ставших уже классическими, ср. Νάρων — пр. *Narus*; Plavis — лит. *Plavyš*; Scardus, Scardona — лит. *Skaĩdūpis, Skardėnis*; Ramista — пр. *Ramestow*, Ремистово (по Сожи); Σίρμιον, *Sirmium* — лит. *Sėrmas*; Catarona — лит. *Katrà, Katàrė*; Arsia — пр. *Arse*; Gedate — пр. *Gedauten*; Cremona — пр. *Kremon*; Curicum — пр. *Curicken*; Σπερείδιον, *Speridium* — пр. *Speriti*; Τέρπωνος — пр. *Terpin*; Titus — лит. *Títuva*; Pelso — пр. *Pelesen*; Σχιρτώγονες — пр. *Schirteynen*; Στούλπι — пр. *Stolpe*; Blandona — пр. *Blandaw*; Mandeta — пр. *Mandio*; Ἄψος, *Apsus* — лит. *Apsò* и др.

³ Помимо двух названных работ Г. Краэ, см.: он же. *Illyrica*, IV-V. — IF, 49, 1931, стр. 267—274 (V. Baltisch und Illyrisch); он же. *Baltisch und Illyrisch*. „Festschrift M. Vasmer“. Wiesbaden, 1956; он же. *Die Sprache der Illyrier*. I. Heidelberg, 1955; V. P i s a n i. Studi sulla preistoria delle lingue indoeuropee. „Atti accad. Lincei“, 6/IV. Roma, 1931, стр. 583; K. K a s p a r s o n s. *Illyrica*. — FBR, 18—20, 1938—1940; G. A l e s s i o. Un' oasi linguistica preindoeuropea nella regione baltica? „Studi Etruschi“, 19, 1946—1947, стр. 141—176 и др. Среди недавних работ по иллирийскому языку, кроме указанных сочинений Краэ, следует назвать: А. Mayer. *Die Sprache der alten Illyrier*, Bd I. Einleitung. Wörterbuch der illyrischen Sprachreste. Wien, 1957; I. I. R u s s u. *Illyrische Studien*, I—III (I—SCL, 8, 1957, стр. 27—42; II — „Исследования в чест на акад. Д. Дечев“. София, 1956, стр. 105—113; „Omăgiu lui C. Daicoviciu“. București, 1960, стр. 477—483; III — „Revue de linguistique“, 6, № 1, 1961, стр. 63—84); некоторые работы В. Георгиева и др.

⁴ К сожалению, эти связи до сих пор не были предметом исчерпывающего исследования, которое опиралось бы на весь известный в настоящее время материал. Как правило, лингвисты ограничивались указанием наиболее эффективных параллелей.

⁵ Иногда, видимо, точнее говорить не об иллирийской топонимике, а о названиях, отмеченных на Балканах и смежных территориях и из всех известных здесь языков ближе всего напоминающих иллирийский или фракийский. Хотя балто-фракийские связи здесь специально не рассматриваются, некоторые примеры их приводятся ниже (иллирийско-фракийско-балтийские соответствия). В ряде случаев материал для срав-

топонимических параллелей из числа не отмеченных вовсе или же получивших неверную или неполную интерпретацию. Поскольку словообразовательный анализ сравниваемых топонимов на иллирийском материале часто невозможен из-за особенностей передачи этих слов в памятниках, написанных на древнегреческом и латинском языках, внимание исследователя невольно концентрируется на корневой части. Дополнительное, сознательно введенное ограничение состоит в том, что из соображений надежности и проверяемости не рассматриваются, за одним исключением, топонимы с корнями вида CV- и VC- (не говоря уж, конечно, о V-); анализируются лишь некоторые пары соответствий с корнями вида VCC-, CCV-, CVC- и VCV- (хотя не приходится сомневаться в правильности некоторых из сопоставлений такого рода); и, наконец, наибольшая доказательная сила приписывается словам с корнями вида CVCC-, CCVC-, CCCVC-.

Almas — 1) название горы в Славонии (ἄρος τι Ἀλμάς, *Almus mons*; теперь — *Фрушка гора*, Φραγγοχώριον византийских источников); 2) название города в Мезии в устье *Лома* (Лом < *Almus), основанное на названии реки; 3) Ἀλμος, Ἀλμῶνες, позднее Ὀλμῶνες в Беотии; Ἀλμῆνη или Ἀλμίνη (Птолемей, III, 14, 5) — название местности в юго-западном Эпире, итал. *Almissa* (хорв. *Omiš*) в Далматии (Майер, 39); ср. также Ἀλρωπία (Фукидид, II, 99, 4). Ср. балт. названия с тем же корнем: пр. *Almoyn* (1397), *Almoy* (1400), позднее *Almojener See* (Геруллис, 9); лит. *Almė*, *Almuonė*, *Almajà* — названия рек, *Al̃menas*, *Al̃majas* — названия озер (Савукина. — LKK, III, 1960, 294), *Al̃mantas* — название источника; лтш. *Almāni* (FBR, 19, 1939, 58), *Al̃mij* — название усадьбы (Эндзелин, I, 1, 22); может быть, сюда же *Ломна*, *Ломня*, *Ломенка* — названия рек в бассейне Верхнего Днепра (по Сожи, Десне, Сейму), ср. также *Lom*, *Lomnik* и т. п. в Словении, Сербии, Болгарии; возможно, из **alm-* (Георгиев. — „Балк. езиковн.“, I, 1959, 10; иначе Топоров—Трубачев, 193). Обычно связывают с индоевропейским названием вяза (Георгиев) или гноя (Геруллис, ср. лит. *almė*).

Arda — приток Марицы; ср. также первую часть слова в Ἀρδάξανος (Полибий, VIII, 15, 2) — название реки и некоторые другие балканские названия с корнем **ard-* (Майер, 57). Ср. пр. *Ardappen* (1423) < **Ard-+ape* — ‘река’, *Ardelauches* (1284) < **Ard+laucks* ‘поле’, *Ardinghenen* (1364) (*Ardingine) — название реки, *Ardmana* (1331); может быть, лит. *Ardosy*, *Ardiskių, km.*, лтш. *Ardu-mājas* (Эндзелин, I, 1, 42) и др. Объяснения Георгиева („Балк. езиковн.“ I, 10) и Руссу (LTD, 57) сомнительны; см. также ZfslPh, 11, 1934, 127.

Ἀρίων, -ωνος — название реки на иллирийском побережье. Ср. *Arinistae* — название племени (Плиний, III, 143), видимо, обитавшего на берегах указанной реки (**ari-n-*, нулевая ступень суффикса) (Майер, 59). Ср. пр. *Aryngine* — озеро, лит. *Arinas* — озеро (LKK, III, 1960, 297); лит. *Aruonė*, лтш. *Aruona* — названия рек; все с носовым суффиксом, без него пр. *Arys* (1258) и многие другие названия. **Ari-n-*/**Ar(i)-ōn-*.

Bantia (Полибий, V, 108, 8) — место вокруг озера Лихнитис (Майер, 75), ср. *Bantia* в Апулии, Σχαρα-βαντία, Ἀρρι-βάντιον и др. Ср. пр. *Banetin* (1469) — озеро; *-t-*, вероятно, относится к суффиксу (Геруллис, 16) в отличие от иллирийского слова [ср. лит. *Banė* — река, пр. *Banow* (1334) *Bahnau-Fluß*, *Bahnau-Ort*]. **Bant-* (из **Ban-(e)t-*)/**Ban-ēt-*.

нения приходится брать с территорий, лежащих за пределами Балкан, например в Сицилии, поскольку несомненно присутствие балканского элемента в ее топонимике (ср. сицил. Σχίρδαία — иллир. Σχίρτιοι, Σχίρτορες — пр. Schirteynen и др.). См.: U. Schmoll. VGSS, 51; R. v. Scala. Sicilische Studien. „Innsbrucker Festgruß, 1909; он же. Die Anfänge geschichtlichen Lebens in Italien. „Historische Zeitschrift“, 108, 1912 и др.

Barbanna — река, вытекающая из озера Скутари [в диалекте Скутари — *Ban, Buna*, алб. *Buánë*, сев.-зап.-герск. *Buenë*, ст.-алб. *Buena* (1406)] (Майер, 76; там же литература). Ср. пр. *Barben* — озеро, *Barbalenx, Barbalanke* (вторая часть — пр. *lonki*) 'via ad mare' (Геруллис, 16); лит. *Barbiai*, лтш. *Vařbas-purus* и особенно *Vařbene* — луг, *Varbins, Vārbienu-vaļks* (Эндзелин, I, 1, 92). **Barb-en-*/**Barb-an-*.

Βέρζανα — замок в Дардании, ср. *Barzanites* — этническое название, основанное на топониме *Barzana (Майер, 78, 85); **bherg'h*/**bherg'*-с носовым суффиксом. Ср. пр. *Bersnickenn* (1339), *Barsenik* (1515); лит. *Beržuona, Bēržinis, Beržinis, Beržiena* (см. LKK, IV, 1961, 222); лтш. *Bērzuona, Bērzuane, Beržiena* и другие многочисленные названия (Эндзелин, I, 1, 105 и сл.; см. также Топоров — Трубачев, 159 и сл.). Не исключено, что к этому сопоставлению следует добавить иллир. *Berselum* (в Паннонии), ср. деревню *Berzela* к северу от Скутари, лит. *Beržuolis, Beržuoliukas* — названия озер в Литве, *Biržulis* (сложность связана с иллир. s как возможным продолжателем -g'h-). Ср. также мессап. *Barzaidhias, Barzides* (Iscr. Mess., 1960, 27, 11; 25, 15; 25, 218).

Blandona — остановка на пути из Скардоны в Ядер; сюда же Βλανδῶνα (Птолемей, II, 16, 6) с *nd > nn > n* (см. Краэ. — IF, 49, 1931, 270) и без носового суффикса *Blanda* (CIL, X, 125) на границе Лукании и Бруциума (Плиний, III, 72). См. Майер, 6, 89. Ср. пр. *Blandaw* (1359, 1370), лит. *Blandžiai, Blandà*; возможно, сюда же следует отнести многочисленные балтийские названия с иным вокализмом корня: пр. *Blendelauk*, лит. *Blendynai, Blinda, Blindis*, лтш. *Blidene, Blendas upe* (куронизм?) и т. д.; примеры с носовым в суффиксе поучительнее других.

Buban, Bubant — Майер, 99, ср. пр. *Bubain* (1472), *Bubeinen* (1500), лит. *Bubainys, Bubinālis* — название реки и др. (Геруллис, 23). **Bub-a|ejin*.

Burgenae — местечко на Дунае (теперь Βανουσί), ср. еще *Burgenis, Burgenas, Burgentas* (Майер, 101). Ср. пр. *Burgin* (1522), *Burgelin* (1420) — озеро; лит. *Būrgis, Burgālis* — озера, *Burgēlis, Burgupelis* — реки, особенно *Burgenai* — название деревни в районе Пасваласа (см. LKK, IV, 225; LATS, 655; о названиях с корнем **burg-* см. также Спрогис, 32); лтш. *Buřgis* — озеро, *Buřga* и др. (Эндзелин, I, 1, 147). Относительно этимологии см. Геруллис, 24 (лит. *burgėti*, LKŽ I, 967) и Савукинас (LKK, IV, 225: лит. *buřgė* 'вязкое место', 'болото'). Реконструируется общая для иллирийского и балтийского исходная форма **Burg-ena-*.

Burnum (Плиний, III, 142), Βούρνου (Птолемей, II, 16, 6) и т. д. (Майер, 102); ср. этническое наименование *Burnistae*. Ср. пр. *Burnite* (1304), *Bornyten* (1390); лит. *Burniaĩ, Burnius, Бурне, Бурни, Бурнейки* (Спрогис, 32), *Burnių, kaimas* (многократно), *Burnėny vienkiemis, Burniškių kaimas, Burneik(ių) kaimas* (LATS, 656); лтш. *Buřnelis* — название луга. Об этимологии иллирийского слова см. Краэ. 1955, 100; Руссу, 71.

Butua (Плиний, III, 144) — „πόλις Ἰλλυρίδος“, Βουθῶη (теперешний итал. *Budua*, с.-хорв. *Būdua*. Майер, 103). Ср. пр. *Butyn* (1419), *Buteliten* (1423); лит. *Būtas, Butėny kaimas* и другие многочисленные названия на **but-*; лтш. *Buta-kalns*. **But-*.

Δαυλία (Птолемей, III, 12, 23) — иллирийский город в области *Arpsos* (ср. лит. *Arso*), ср. Δαυλίς в Фокиде (теперь деревня *Davlia*), а также Δαύλης (Майер, 115). Ср. лит. *Dāulia* (LV, 28), *Daulios vienkiemis, Dauliūny kaimas, Daulionių kaimas, Dauleniškių vienkiemis* (LATS, 670). См. Краэ, 1955, 56 и LTD, 63 (фраг. *daos* из **dhau-*).

Δόβρηρος — „φρικάλιον νάπος (Δόβρηρος)“ в Пэонии около Аксиоса, там же — одноименный город (Майер, 126). Ср. пр. *Dobrin* (1336) — деревня и озеро, *Dobringe* — река, *Dobern* (1364) — река, *Dabrin* (1411/1419); лит. *Dabruōlis, Dabruōta(s), Dabrupis* (TŽ, I, 1923, 23); лтш. *Dabras, Dabrene*;

ср. Добречка, Добричь, Добрижа в бассейне Днепра (Топоров—Трубачев, 184). Возможно, речь идет о *Dob(ē)g-, дублетном к более известному *Dubr-, ср. иллир. δούβρις·θαλάσσα в схолиях к Феокриту при лтш. *dubra*, лит. *Duburỹs, dūburas* и т. д. (см. Краэ, 1955, 47). Значение иллир. Δόβτρος могло бы подтвердить данное объяснение. Не смещивать с фрак. *Dabreias* и др. (LTD, 63).

Dravus (Draus—Плиний, III, 147), Δράβος (Страбон, VII, 5, 2)—соврем. Драва. Ср. пр. *Drawe* (1303), лит. *Drāvine, Dravine* (LV, 32), *Dravėnai*, лтш. *Dravienne* (Геруллис, 30).

Gerulata—1) местечко и замок в Верхней Паннонии, 2) местечко в Верхней Мезии (Майер, 150—151). Ср. лит. *Gerulės, Gerulių, Geruliškės, -ių kaimai* (LATS, 700), *Геруля, Герули, Герулы, Герулис, Герульское поле* (Спрогис, 73). Ср. также фракийское имя собственное *Gerula* и др. (LTD, 69).

Grabaei (Плиний, III, 144). См. Майер, 152. Ср. пр. *Grabelle* (1390), *Grabeniken* (1370), *Grabisto* (1294), *Grabulen* (ок. 1400); лит. *Grabelis, Grabupė, Грабушки, Grabių kaimas* и др.; лтш. *Grabas-leja* и др. Ср. лит. *grābė*. См. Каспарсон.—FBR, 19, 1939, 60.

Cātrona—местечко на берегу Дуная (соврем. Tetény?). См. Майер, 178. Ср. пр. *Campen* (1471), *Campaun* (1331), *Campio* (1327) и др. (Геруллис, 54—55); лит. *Kampinis, Kaĩpis*—озера, многочисленные *Kampinių kaima* и т. д. (LATS, 743); лтш. *Kāmpeni, Kaĩpiņa, Kaĩpa* и др. (Эндзелин, I, 2, 33). Ср. лит. *kaĩpas*.

Κάρπις (Птолемей, II, 11, 3: ἡ ἐπιστροφὴ κατὰ Κάρπιν καὶ ἀρχικωτάτη πασσών), ср. также *Carpus, Carpus* (Майер, 180). Ср. пр. *Carpaw* (1419; Геруллис, 57); лит. *Kārpis*—река, *Karpenų, Karpiškių kaimai*; лтш. *Kārpa, Kārpene*—реки и др. (Эндзелин, I, 2, 90). Ср. лит. *kārpa?* Правдоподобна связь с названием Карпат и с соответствующими фракийскими словами (см. LTD, 61, 62).

Κερκέτιον ὄρος (*mons Cercetius, Cercetii*)—горная цепь между Фессалией и Эпиром (Майер, 186: из *kerk-). Ср. пр. *Kercus* (1318); лит. *Керкишки* (Спрогис, 131); не смешивать с лтш. *Keřka, Keřkas* и под. (Эндзелин, I, 2, 209, 214). Ср. пр. *kerko?* Не исключена связь с лигур. *cercius*, трактуемым как слово, странствующее из более северных областей (Beitr., 110 и сл.; VGSS, 51).

Seunus, Seuna—имя личное (Майер, 188). Ср. лит. *Kiaunà, Kiaune*—реки, *Kiaūnas*—озеро и др. *Keun-. К этимологии иллирийского имени ср. Руссу, 71.

Κούδραι — „πόλις τῶν Δευριόπων“ в южной Илирии (Майер, 199). Ср. *Σκόδρα*. Ср. пр. *Codrynen* (1425), *Kudir* (Геруллис, 67); лит. *Кудра, Кудрас, Кудре, Кудрос, Кудри* (Спрогис, 154); лтш. *Kudrava, (?)*, *Kūdrīši* (FBR, 19, 1939, 61).

Curta—местечко в Нижней Паннонии (Майер, 200). Ср. еще *Curthiana* к югу от Балатона. Ср. пр. *Kurteynen* (1405), *Curthi, Curtoyen* (1352), *Curtoy* и др.; лит. *Kurtinỹs, Kurtuvà, Kùrtuvėnai, Kurtinių kaimas*; лтш. *Kurti*—нередкое название усадеб и др. (Эндзелин, I, 2, 182—183). Сюда же, может быть, *Кармель*—приток Сожи (Топоров—Трубачев, 190). О *kurt-* в балтийской топонимике см. Шмид („Sybaris. Festschrift H. Krahe“. Wiesbaden, 1958, 129 и сл.)—едва ли верно.

Logetibas (PID, II, 526; Iscr. Mess., 25, 24: *laidehiabas logetibas*)—дат. п. мн. ч. от *logetis (мессап.), ср. греч. Λάχεσις, Λάχεσις—имя сицилийской богини. См. Краэ, 1955, 59, 84; Руссу, 72 (*leg^h-/*log^h-); VGSS, 18. Не исключена связь с литовскими названиями типа *Legetỹs*—река, *Legečiai, Legetėlės*—деревни (LATS, 784), *Legõte* (LV 89) или лтш. *Lagata, Lagates-purvs* и др. (Эндзелин, I, 2, 245—246). Если сопоставление обоснованно, то сходство распространяется и на суффиксальную часть сравниваемых слов: *le|og-et-is.

Malata (CIL, III, 3702) — 1) замок на Дунае, 2) остров в северной Далмации (теперь хорв. *Molät*, итал. *Meláda*; в старых источниках Μελετά. Константин Багрянородный, *Melata*, *Melada* и проч.). Майер, 217—218. Ср. лит. *Malatinis* — озеро, *Malatinėle* — река, *Malatiškiai* — деревня, не говоря об иносuffixальных формах типа пр. *Malyn*. **Mel-et-* / **Mal-at-*.

Μάργος, *Margus* — река в Мезии (= Морава). Майер, 219; Георгиев. — „Балк. езикозн.“, I, 13. Ср. пр. *Margis* (1312); лит. *Márgis* — источник (TŽ, I, 31), *Márgiai* — лес, многочисленные *Marg(i)ų kaimai* (LATS, 800—801); лтш. *Maĩgas* и др. Сюда же *Морожа* в бассейне Припяти, *Мороги* — озеро в Борисовском уезде. Впрочем, слова этого корня широко распространены и в других частях Европы: польск. *Mroga*, кельт. *Morga*, франц. *Morge*, нем. *Murg* и др.; ср. также Μοργεντινος — *Murgentinus* в топонимике Сицилии (VGSS, 50).

Medeon — 1) название трех греческих городов: в Акарнании, Беотии и Фокиде, 2) местечко в Черногории (соврем. *Medün*). Майер, 223—224. Ср. пр. *Medinen* (1320), *Medien* (1339), *Medenouwe* (1263), *Medeniken* (1338) и др. (о них Геруллис, 96); лит. *Mediniai*, *Mėdininkai*, *Медены*, *Медина*, *Мединуп* (Спрогис, 183) и др.; лтш. *Mednieki* и др. Ср. пр. *median* ‘лес’; к семантике ср. предыдущее слово.

Nedinum, Νήδινον (Птолемей, II, 16, 6), *Nedisso* — соврем. *Nàdin* в северной Далмации, там же *Nadinsko blato*. См. Майер, 239—240. Ср. пр. *Neyduse* (ср. *Neydowe*); лит. *Nedingė*, *Nedzingė*, *Nedingis*, *Nadūny kaimas*; лтш. *Nedienel(?)* и др.; сюда же *Недна* в днепровском бассейне (из *Nedīn-ā), *Недно* и др. (Топоров—Трубачев, 198). Корень **Ned-* (ср. *Nēda* в Аркадии) с суффиксами *-īn-*, *-is-* / *-us-*. К этимологии см. Краэ, 1955, 100.

Persetis — местечко в Паннонии (Майер, 264). Ср. пр. *Perses* (1326), *Persink* (1425), *Persem* (1405), *Perselen* (1419) (Геруллис, 120); лит. *Pėrsas* — озеро; лтш. *Pėrses upe*, *Pėrsēja* (см. ZfslPh, 11, 1934, 127). Ср. также фрак. *Prasias* — озеро в Пэонии (см. Геродот, V, 15), из **Pers-* (LTD, 73).

Sabbo (CIL, III, 13984: *Dasa Sabbonis*). Майер, 288. Ср. пр. *Saboniten* (1411/1419), *Sabune*; лит. *Saboniai*, *Sabonis*, *Sabonėliai* и др. Общая праформа **Sab-on-*.

Saldis (Птолемей, II, 15, 4: Σαλ/λ/ίς) — поселение в Нижней Паннонии, на Саве (Майер, 289). Ср. пр. *Saleyden* (1361), лит. *Saldenė* (LATS, 915), *Салды* (Спрогис, 286), *Salduvės kalnas* (LKRŽ, 417) и др. **Sald-*, ср. лит. *saldūs*. Ср. также фрак. *Salda*, *Saldecaput*, *Saldocela*, *Saldovissos*, *Saldensi* и др. (см. Дечев. — KZ, 63, 1936, 236; LTD, 75—76).

Salona, Σάλων — название ряда мест на Балканах (хорв. *Sòlin*, итал. *Salona* и т. д.), ср. Σαλωνιάνα (Птолемей, II, 16, 7). См. Майер, 291—292. Ср. пр. *Saloniten* (1402/1408); *Salone. Геруллис, 149) и другие балтийские топонимы с корнем **Sal-*, **Sal-ōn-*.

Salvia (Σαλοῦα — Птолемей, II, 16, 6) — место на дороге от Салони в Сервициум (Майер, 293). Ср. пр. *Salwen* (1405), *Salwiten* (1326; ср. civis *Salviata*), *Saloweiten* (1395) и др. (Геруллис, 149); лит. *Sálvis*, *Сальвя* (Спрогис, 286). **Salv-i-/t/-*. Видимо, ошибочно — Каспарсон (FBR, 19, 1939, 63).

Σάρδος — „Σάρδος ... πόλις Ἰλλυρίας“ (Стеф. Визант.). См. Майер, 294. Ср. пр. *Sardengodi* (1284), *Sardotlawken* (1418)?; лит. *Sardokai* (LATS, 918).

Σελλοί (ср. название реки Σελλή-εντ-) — см. Майер, 298—299. Ср. пр. *Sellēn* (1507), лтш. *Sellite* (ZfslPh, 11, 1934, 141) и литовские соответствия. Не исключена связь с названием селиев (лит. *sėliai*, лат. *selones*): **sěl-/?*). Ср. название фракийского племени *Selletes*.

Scaladis — место в Далмации (Майер, 309). В *-d-* видят вульгарно-латинское влияние и реконструируют *Skalatis (см. Краэ, BIGN, 66). Ср. пр. *Scheltten* (1506), лит. *Skeltys*. **Skajel(-t)-?*

Σχορδεια — см. Майер, 316. Ср. пр. *Zkarde*, *Scharde*, *Schardaniten*, лит. *Skařdupis* и др. Обычное сравнение *Scarda*, *Scardona* — лит. *Skařdupis (Краэ, Майер и др.) менее точно в том смысле, что не рассматривает исход основы. **Sko/ard-e-(?)*.

Scupi (CIL, III, 2385; I, 1; Птолемей, III, 9, 4; VIII, 11, 5; *Σχοῦποι*) — название ряда мест на Балканах (в частности, ср. с.-хорв. *Skoplje*, болг. *Skopije* из *Skъp-ъje (mesto) < *Scupi-*, см. Майер, 316—317). Ср. пр. *Sku-rayn* (1405), *Scup-lawke* (1419); лит. *Skupaĩ*, *Скупы* (Спрогис, 293), ср. лит. *skûpûs*.

Solva (*Σολοβα* — Птолемей, II, 15, 3) — см. Майер, 318. Ср. пр. *Solwo* (1419), *Solowo* (ср. Геруллис, 168)?

Spalatum, теперь итал. *Spálato*, *Spálatro*, с.-хорв. *Split* (Майер, 319—320); *-at-* — нередкий в иллирийских словах суффикс. К корневой части ср. пр. *Spal* (1284), лит. *Spalys* и др.

Σπερρέτιον — замок в Эпире (Майер, 320, 6). Ср. пр. *Speriti* (1282). Лит. *Spërà* (от *spërûs*) позволяет восстановить далеко идущее сходство: **Spër-ejit-*.

Stobi (Плиний, IV, 34), *Στόβοι* (Страбон, VII, fr. 4; VIII, 8, 5; Птолемей, III, 12, 31 и др.) — город в Пэонии (Майер, 322—323). Ср. пр. *Stabayen* (1320), *Stobayn*, *Stabe-gode* (1357), *Stabe-lauken* (1406), *Stabelow* (1352), *Stabingen* (1343), *Stabinotilte* (1331), *Stabuniten* (1347); лит. *Stābė* (LV, 154), *Stabinas* (около Августова; видимо, из ятвяжского). В высшей степени поучительное сопоставление: иллирийско-прусская изоглосса в отличие от вост.-балт.-фрак. **Akmen-* / **Akmon-* (см. Топоров. — „Rakstu krājums“, 261—262).

Stravianaе — см. Майер, 323. Ср. пр. *Strewe* (ок. 1420), лит. *Strėvā* — река, *Strėvys*, *Strėvaitis* — озера, *Strėviniņkai* и т. д. Ср. также лит. *Straujā*, *Srouė* и проч. **Ser-μ-* : **Sre(a)μ-*. Для фракийский гидронимии характерны образования, восходящие к *Sreu-men, ср. *Strymon* (LTD, 78).

Stulpi (*Στουλπί* — Птолемей, II, 16, 6) — см. Майер, 324, 6. Ср. пр. *Stolpe* (1417), лит. *Stuĩpis* (LV, 156), *Stuĩpas* — река и др.

Σόρμος — личное имя (Майер, 326). Не исключена связь с лит. *Surmiā*, *Surmiûs* (гидронимы).

Tarus, *Τάρας* — реки в Италии; ср. *Tariona* (Майер, 328), *Au-taria-te* и др. (см. Краэ. — IF, 65, 1960, 113 и сл.). Ср. лит. *Taruškai*, *Tarùtis* LV 171, *Tara* — приток Десны, *Tаруса* в бассейне Оки и др. См. Краэ, 1955, 88; IF, 65, 1960, 113 и сл.; об этом корне во фракийском см. LTD, 78—79.

Tauris — остров в Адриатическом море (Майер, 331), ср. *Ταυρίσιον* — местечко в Мезии. Ср. пр. *Taure*, *Tauro* (1326); лит. *Taurė*, *Taĩras*, *Taurupys*, лтш. *Taurupite*, *Taureņa ez.* и др.

Ternia — см. Майер, 334. Ср. пр. *Ternynen* (1369).

Udria — см. Майер, 347. Ср. лит. *Udrija* (LKRZ, 425), может быть, пр. *Uder-wanghe* (1411/1419).

Valcum — остановка на дороге Мурса—Савария (Майер, 351). Ср. пр. *Valken* (1345), *Valkana* (1347); лит. *Valkā* (LV, 184), лтш. *Valka* и др. См. ZfsI Ph, 11, 1934, 128 (*Volkava*).

Vandano (CIL, III, 13277) — см. Майер, 352. Ср. пр. *Wandyen* (1314), *Wandeyen* (1418), лит. *Vandėle*, *Vaĩdupė* и др.? Фрак. *Vendenis* связывают с другим корнем (LTD, 80).

Verzo — на Делосе (Майер, 358). Если из **Verg'h-*, то не исключено сопоставление с тем же балт. корнем, в гидронимии известным в другом апофоническом варианте: **Virž-* (ср. *Viržuvā*, лит. *Vėrža*, *Vėržas* (LV, 192), *Вержа*, *Вержейка*) из **Vig'h-*. Ср. фрак. *Verzela* (?) (LTD, 80).

Список подобных параллелей, представляющих собой иллирийско-балтийские топономастические изоглоссы, можно было бы продлить. Точно так же здесь не исчерпаны и сходства в словообразовательных формантах иллирийских и балтийских топонимов. Дальнейшие исследования в этой области помогут детальнее описать иллирийско-балтийскую часть „центральноевропейского“ ареала*.

СОКРАЩЕНИЯ

Геруллис	G. Gerullis. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin—Leipzig, 1922
Краэ, 1955	— Н. Крахе. Die Sprache der Illyrier. Wiesbaden, 1955
Краэ, BIGN	Н. Крахе. Balkanillyrische geographische Namen. Heidelberg, 1925
Майер	A. Mayer. Die Sprache der alten Illyrier, Bd I. Wien, 1957
Руссу	I. I. Russu. Illyrische Studien. „Revue de linguistique“, t. VI, № 1, 1961
Спрогис	П. Я. Спрогис. Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия. Вильна, 1888
Топоров—Труба- чев	В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962
Эндзелин	J. Endzelīns. Latvijas PSR vietvārdi, I, 1. Rīgā, 1956; 1, 2. Rīgā, 1961.
Beitr.	U. Schmoll. Beiträge zur sprachlichen Frühgeschichte Siziliens. Heidelberg, 1953
CIL	Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin.
FBR	Filologu Biedribas Raksti. Rīgā.
Iscr. Mess.	Iscrizioni Messapiche. Ed. O. Parlangeli. Messina. 1960 (Studi messapici)
LATS	Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas. Vilnius, 1959
LKK	Lietuvių kalbotyros klausimai. Vilnius
LKRŽ	Lietuvių kalbos rašybos žodynas. Vilnius, 1948
LKŽ	Lietuvių kalbos žodynas, I. Red. J. Balčikonis. Vilnius, 1941
LTD	I. I. Russu. Limba Traco-Dacilor. București, 1959
LV	Lietuvių TSR upių ir ežerų vardynas, Vilnius, 1963
PID	R. S. Conway, J. Whatmough. The Praeitalic Dialects, vol. I-III. London, 1933
Rakstu krājums	Rakstu krājums veltījums J. Endzelīnam. Rīgā, 1959
SCL	Studii și cercetări lingvistice
TŽ	Tauta ir Žodis. Kaunas
VGSS	U. Schmoll. Die vorgriechischen Sprachen Siziliens. Wiesbaden, 1958

* 1. Весьма интересны примеры, сходные с проанализированными, с территории полабских балтийских славян, ср. *Brunit*, *Carpin*, *Cambs*, *Dober(-Bach)*, *Persante*, *Stäbelow*, *Stabenow*, *Stolpe*, *Stolp(-See)* и др. Им предполагается посвятить особую статью.

2. После того как настоящая статья была написана, появилась важная работа: Н. Крахе. Die Gewässernamen im alten Illyrien. — BNF, 14, 1963, стр. 1—19, 113—124 (между прочим, см. там о распространении названия *Barbanne* во Франции: *Barbanne-de-Pommerol*, *la Barbanne-de-Lussac* в департаменте Жиронда).

ИЗ ИСТОРИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ЖИВОТНОВОДСТВА
В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

НАЗВАНИЯ БЕЗРОГОВОГО СКОТА

Многообразие сельскохозяйственной и животноводческой терминологии в балтийских языках уже неоднократно привлекало внимание языковедов. В составе этой терминологии особенно выделяются названия безрогого скота. Надо сказать, что большая часть этих названий в настоящее время уже выходит из активного употребления, уступая место описательным терминам. Однако эти исчезающие названия представляют собой значительный интерес для языковедов. Прежде всего обращает на себя внимание чрезвычайно богатая синонимика в названиях безрогого скота. Так, например, в словаре синонимов литовского языка А. Либерица, несмотря на то, что автор использовал главным образом данные литературного языка, при слове *berāgis* 'безрогий' насчитывается восемь синонимов¹; такой синонимики мы, пожалуй, не найдем ни в одном из индоевропейских языков. Кроме того, названия безрогого скота особенно интересны с точки зрения их возникновения и семантического развития.

Рассмотрим эти названия. Заранее оговоримся, что в данный обзор попали, возможно, не все названия, употребляемые в настоящее время или бывшие в обиходе в прошлом. Но даже на основании приведенного материала можно сделать некоторые выводы общего характера.

Лит. *mūlas*, -a (Калвария, Пильвишкяй, Юшкевич, I, 248). Лтш. *mūls*, -a, *mūlis*, -e (самая западная часть Латвии: Айзвике, Барта, Бунка, Гробиня, Дуника, Дурбе, Пилтене, Прекуле, Спарне, Ужава, Усма, ср. ЕМ, II, 678; ЕН, I, 838)². Лтш. *maūlis*, -e (Кульдига, Скрунда, ср. ЕМ, II, 569). Все эти балтийские слова связываются с словен. *mūl*, *mūlast*, *mūljav* 'безрогий', *mūlica* 'пшеница без остей'³. Из балтийских языков это название попало в финский язык, ср. фин. *mulipää* 'безрогая корова' (*pää* 'голова')⁴.

Лит. *šmūlas*, -ā, *šmūlis*, -e (западная часть Литвы: Акмяне, Байсогала, Варняй, Гауре, Ержвилкас, Кведарна, Луоке, Папиле, Расяйняй, Скаудвиле, Тришкяй, Шакина, Швекшина, Шяуляй, Шяугенай). В литовском языке данные слова приобрели уже и новые значения, ср. *šmūla*

¹ См.: А. L y b e r i c s. Lietuvių kalbos sinonimų žodynas. Kaunas, 1961, стр. 43.

² Автор благодарит латышских языковедов Е. Шмите и Д. Земгаре, у которых он заимствовал примеры, отсутствующие в данных словарях.

³ См.: W. Schulze. — KZ, Bd 40, стр. 566; R. Trautmann. Baltisch-slawisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 188; Walde, I, 386; K. Būga. Rinktiniai raštai, I. Vilnius, 1958, стр. 465; FEW.

⁴ См.: V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-let-tiske) Sprog. København, 1890, стр. 226; J. Kalima. Itämerensuomalaisten kielen balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936, стр. 138—139; Y. H. Toivonen, E. Itkonen, A. G. Joki. Suomen kielen etymologinen sanakirja, II. Helsinki, 1958, стр. 350.

kepūrē 'шапка без козырька' (Варняй, Моседис), *šmūle* 'лысая голова' (Моседис), *šmūlas* 'лысый' (Варняй, Швекшна), *šmulēti kopāstai* 'полая капуста' (Варняй), *šmulī sijōnai* 'юбки без украшений' (Тришкяй), *šmulā putrā* 'похлебка без клецок' (Каркленай). Лтш. *šmaūlis*, -e (западная часть Латвии, к востоку от зоны *mūls*: Айзупе, Вадакте, Гайки, Езере, Эварде, Курсиши, Нигранда, Салдус, Туме, Цецере, ср. также ЕМ, IV, 83). Лтш. *smāuls*, *šmaūlis*, -e, *smāule* (Вандзене, Енгуре, Зебрене, Лайдзе, Лутрини, Ренда, Салдус, Спарне, Талси, ср. также ЕМ, III, 955; ЕН, II, 534). В латышском языке встречаются и варианты этого названия: *smāurs* (Лауценс), *šmaūns* (Пуре). Лит. *šmūlas*, лтш. *šmaūlis*, *šmaūlis*, *smāuls* языковеды пытаются связывать с др.-инд. *śama-* 'безрогий', греч. *κεράς* 'молодой олень', лат. *camox* 'горная косуля', др.-в.-нем. *hinta* 'лосиха', а также с нем. баварск. *hummelbock*, *hummelgais* 'безрогий козел, баран; безрогая коза', ср. нем. (Восточная Пруссия) *Hummel* 'безрогий или однорогий скот' (Frischbier, I, 303)⁵. Из балтийских языков это название заимствовали ливы, ср. лив. *smoul'*, *smul'*⁶. Рядом с формой *šmūlas* в литовском языке в том же значении находим также и формы *škūlas*, -à, *škūlis*, -e (северо-западный угол Литвы: Акмяне, Барстичяй, Векшняй, Илакяй, Куршенай, Луоке, Моседис, Папиле, Пикяляй, Салантай, Скуодас, Титувенай, Ужвянтис, Шакина, Шатес). Семантическое развитие этого слова аналогично развитию слова *šmūlas*, ср. *škūlas* 'короткий' (Барстичяй, Луоке, Шатес), *škulinės piřštinės* 'варежки' (Векшняй, Шакина), *škūlos piřštinės* 'варежки' (Куршенай), *škuliniai marškiniai* 'рубашка с рукавами без манжет' (Векшняй), *škulī sijōnai* 'юбка без украшений' (Луоке), *apškūlti* 'сокращаться; не вырости' (Луоке).

Лит. *glūmas*, -à, *glūmis*, -e. Такие названия зафиксированы в литовских словарях Восточной Пруссии (Mielcke, II, 362; Nesselmann, 265; Kurschat, LDW, 128; Kurschat, Wb., II, 267). Находим также формы *glumžas*, -à (Kurschat, Wb., 128), *glumžas*, -à, *glumžė* (Юшкевич, I, 449). От этого названия, по-видимому, происходит и глагол *glumzti*, -džia, -de 'притуплять, делать тупым' (Юшкевич, I, 449; L. k. žd., III, 440). С упомянутыми названиями, по всей вероятности, надо связать и др.-пр. *glumbe* 'лосиха' (Эльбингский словарь, 652-е слово, ср. R. Trautmann, Altpr., 91). В пользу такого предположения в особенности говорит то обстоятельство, что др.-пр. *glumbe* 'Hinde' в словаре идет после слова *ragingis* 'Hircz' (= *Hirsch* 'лось'): *ragis* 'рог'⁷. Названия безрогого скота довольно часто употребляются применительно к животным из семьи оленя, ср. уже упомянутый греч. *κεράς* 'молодой олень', польск. *gomol*, -a 'безрогий бык'; (охотн.) 'олень после сбрасывания рогов', *gomuła*, -y (охотн.) 'безрогая косуля', *gomuł*, -a 'рог молодого оленя' (ср. Słownik, I, 870, 871), рум. *ciūt* 'безрогий, однорогий', *ciūta* 'лань'. Далее эти названия безрогого скота в балтийских языках надо связать с лит. *glaušti* 'прижимать; сплачивать', *gludūs* 'гладкий, ровный', *glumūs* 'липкий, клейкий, скользкий', *glūmeris* 'кусок, ком, пук', лтш. *glaušt* 'гладить, ласкать', *glums* 'скользкий'⁸. В пользу такого сопоставления говорит и значение слова *комолый* в русском языке: наряду с 'безрогий' это слово имеет и значение 'ровный, скользкий', ср. *дорога комола* (Даль, II, 147).

Лит. *gāmulas*, -à, *gamulis*, -e (юго-западная часть Литвы: Алксенай, Бартининкай, Даукшяй, Кабяляй, Капсукас, Кудиркос Науместис, Пренай,

⁵ См.: E. Lidén. — KZ, Bd 40, стр. 257—258; W. Schulze. — Там же, стр. 259; Walde, I, 385—386; A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, I. Heidelberg, 1938, стр. 148; FEW, 1015—1016; V. Machek. — IF, Bd 53, стр. 89—90.

⁶ См.: V. Thomsen. Указ. соч., стр. 226.

⁷ См.: R. Trautmann. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Cöttingen, 1910, стр. 340; J. Endzelins. Senprušu valoda. Rīgā, 1943, стр. 179; K. Būga. Указ. соч., I, стр. 328.

⁸ См.: FEW, 158; K. Būga. Указ. соч., I, стр. 173, 328.

Саснава, ср. L. k. žd., III, 94), *gamulà* 'неловкий, непроворный, небрежный, неряха'. Происхождение этого слова объясняют различно. Этимология его очень легко объясняется на почве литовского языка: его можно связать с лит. *gāmalas* 'кусок, ком', *gamulys* 'кусок, ком, пук', *gūmulas* 'ком, пук, снежок', *gāmužas* 'кусок, ком, пук'. Ср. русск. *комолый* 'безрогий', укр. *комолий*, др.-польск. *komoty*, чеш. *komolý* 'безрогий; тупой; пообрезанный; бесхвостый': русск. *ком*⁹. Таким образом, с лит. *gāmulas*, -à были бы родственны польск. *gomoty* 'безрогий', моравск. *gomol'a* 'безрогая корова', а также польск. *gomóta*, *gomótká* 'круглый ком чего-нибудь мягкого', русск. *гомола* 'ком, клубок, клуб'¹⁰.

Однако некоторые исследователи¹¹ считают лит. *gāmulas* заимствованием из польского. В пользу такого предположения говорит то обстоятельство, что польск. *gamuła*, *gamóta*, *gomóta*, *gomól* (ср. Słownik, I, 870, 871; J. Karłowicz, II, 102) больше всего встречаются в польских говорах, непосредственно соприкасающихся с теми литовскими говорами, где данный термин известен и в настоящее время и для которых характерно большое число полонизмов. Польск. *gomoty* употребляется и в других значениях, ср. *gomote drzewo* 'дерево без листьев'. Как и русск. *комолый*, оно также имеет значение 'ровный, гладкий' (ср. Słownik, I, 870). В словаре Г. Нессельмана находим форму *gumulis*, -é, 'безрогий козел, безрогая корова; бесхвостая курица' (ср. Nesselmann, 262; L. k. žd., III, 728). Эта форма, наряду с формой *gāmulas*, -à, по всей вероятности, возникла под влиянием слова *gūmulas* 'ком, пук, снежок'.

Лит. *duōlas*, -à, *duōlis*, -é (часть Северной Литвы: Жагаре, Йонишкис, Круопяй, Скайсгирис, Шакина, ср. L. k. žd., II, 612, 613). Слово приобрело и новые значения, ср. *duōlė* 'глуповатая, вялая' (Купишкис, Саламестис, ср. L. k. žd., II, 612), *duoliniai kviečiai* 'пшеница без остей' (Жагаре, Шакина). Относительно этого значения ср. словен. *mūlica* 'пшеница без остей', а также архаизм английского языка *humble* 'безрогий; раненый, потрескавшийся': *to humble* 'ранить; отломить рог; молотить колосья, стереть остей' (ср. Muret—Sanders, 1095). Лтш. *duōļš*, -a, *duōlis*, -e, *duola* (средняя часть Латвии к востоку от зоны *smaule*: Аугсткалне, Аури, Блидене, Букайши, Вадаксте, Глуда, Гренчи, Добеле, Елея, Ецава, Кандава, Лестене, Лелауце, Межотне, Пенкуле, Платоне, Свитене, Тервете, Тукумс, Ялгава, Яунпилс, ср. ЕМ, I, 532; ЕН, I, 350). Е. Френкель эти названия безрогого скота связывает с лит. *dilti* 'истираться, истачиваться; стираться'¹². Но не исключена возможность, что лтш. *duōļš* по происхождению является финским словом, ср. эст. *tohl* 'внутренняя мягкая часть рогов, ногтей'¹³. В таком случае лит. *duōlas*, -à было бы заимствованием из латышского языка. В пользу такого предположения говорит и география литовского слова.

Лит. *būolas*, -à, *būolis*, -é (Вадокляй, Еришкяй, Кайряй, Куктишкес, Линкува, Пушалотас, Рамигала, Упите, Шядува, ср. L. k. žd., I, 955). Лтш. *buōle*, *buole*, *buōle* (Варкава, Руйсна, ср. ЕМ, I, 362). Слово имеет и новые значения. По своему развитию оно напоминает лит. *šmūlas*, ср. *buōle*, *buōlene*, *buolis* 'шапка без козырька', *buoliski* 'равно' (*lakatu buoliski apsiēt* 'равно надеть платок'), *atbuolēt* 'грубо, неровно рубить' (ср. ЕМ, I, 362, 152).

Лтш. *puōlis*, -e, *puōlis*, -e, *puōle*, *puōla*, *puōlens*, -e, *puōlika*, *puōlēta*, *puōlaina*, *puōlītis*, *puōlītis*, *puōļģuōvite*, *puōļģuōvus* (северная часть Лат-

⁹ См.: VEW, I, 609.

¹⁰ См.: SES, 315; К. Вūга. Указ. соч., I, стр. 328.

¹¹ См.: W. Schulze. — KZ, Bd 40, стр. 56; BEW, 326; V. Machek. — IF, Bd 59, стр. 90.

¹² См.: FEW, 111.

¹³ См.: V. Thomsen. Указ. соч., стр. 253; К. Абен. Eesti ja liivi laened läti sõnavaras. Tartu, 1947, стр. 24 (рукопись).

вии: Айнажи, Бурнеки, Вайниши, Витрупе, Драбежи, Евеле, Ергене, Идус, Ипики, Карки, Карли, Катвари, Каугури, Кримулда, Лепупе, Лигатне, Лимбажи, Лоде, Маасалаца, Набе, Наукшени, Омули, Салацгрива, Сели, Сея, Сигулда, Стренчи, Тернея, Триката, Туя, Умурга, а также район между зонами *staulē* и *duole*: Бене, Джуксте, Добеле, Шкибе, ср. ЕМ, III, 456). Встречаются и наречия: *puoliski*, *puoliskus*, *puoliskā-buoliski* (*puoliskām lakatu apsiēt* 'ровно надеть платок', *puoliskām matus apcirpt* 'наголо остричь волосы', ср. ЕМ, III, 456). Я. Эндзелин склонен связать данное название безрогого скота с лтш. *puōļa* 'нарост, шишка, корневой клубень' (ср. ЕМ, III, 455).

Однако самую большую часть территории Латвийской ССР занимает название *tūols*, -a, *tuōls*, *tuōle*, *tuōls*, *tuolis* (восточная и часть Средней Латвии: Алуksне, Балви, Вараклини, Гостини, Гульбене, Илуксте, Карсава, Краслава, Крустпилс, Ливани, Лудза, Мадоба, Огре, Прейли, Резекне, ср. ЕМ, IV, 285; ЕН, II, 709). Это название, как и выше приведенные, часто приобретает новые значения, ср. *tūole* 'шапка без козырька' — *tūole* 'человек со смазанными, ровно лежащими волосами', *tuoliski-buoliski*, *tuole* 'вялый человек, мямля, шляпа' (ЕМ, IV, 285), *tuolis* 'вялый парень' (ЕН, II, 709). Я. Эндзелин пытался связать данное название со словами индоевропейского корня *tel-* 'плоский' (ср. ЕМ, IV, 285).

Лит. *baūžas*, -ā, *baūžis*, -ė. Это название безрогого скота широко употребляется в Восточной Литве (Вабалянинкас, Дусятос, Жямайткемис, Камайя, Купишкис, Обяляй, Панямунелис, Рокишкис, Саламестис, Сведасай, Судаякяй, Таурагнай, Шакина, ср. L. k. žd., I, 567, 568). Много примеров находим и с изменившимся значением, ср. *baūžas*, -ā 'лысый, с лысым лбом' (Дусятос) — *baūžas*, -ā 'пустой': *Baužà dirvą atliko, kai āžuolą išvertė* 'Нива осталась пустой, когда дуб выворотили' (Дусятос); *baūžė* 'лысый лоб или макушка' (Дусятос), *baūžinti* 'делать лысым, тупым' (Дусятос) — *baūžis* 'наголо остриженный' (Биржай); *baužumà* 'место между двумя рогами' (Дусятос) — *baužumà* 'плешь на лбу' (Дусятос), ср. L. k. žd., I, 567—568. Встречаются также варианты этого названия *baūžis*, -ė (Пацюнеляй, ср. L. k. žd., I, 567) и *būžas* (Акмяне, Крупояй, ср. L. k. žd., I, 1006). Не чуждо это название и латышскому языку, ср. *baūža* 'безрогая корова', *baūžis* 'безрогий вол' (ср. ЕМ, I, 269).

Указанные названия безрогого скота в литовском и латышском языках К. Буга связывал с лит. *būože* 'приклад; безмен; толстая часть цепа; головка, балда', *būžulas* 'большой узел, толстая часть чего-нибудь, ком', *būžungalvis* 'головастик'¹⁴. Далее эти слова, по-видимому, надо связывать с индоевропейскими корнями **bhu-*, **bu-* 'раздуть'¹⁵. По мнению некоторых языковедов, к лит. *baūžas*, лтш. *baužis* относится и латышское название безрогого скота *buga* (ЕМ, I, 345), ср. также лтш. *bugastis* 'бесхвостый (петух)' (ЕМ, I, 345). Нам же кажется более удачным сопоставлять эти слова с группой слов лтш. *budžis* 'желвак, шишка, нарост', лтш. *buguris* 'холмик, бугор', *baugurs* 'холмик, бугор', русск. *бугор* и др.¹⁶

Лит. *buluñdas*, -à, *buluñdis*, -ė (средняя часть Литвы: Арёгала, Бятигала, Кедайняй, Кракес, Шатес, Шимкайяй, ср. L. k. žd., I, 944). Данное название скорее всего надо связать с лит. *būlis*, *būle*, *bulià* 'зад, задняя часть; комель иглы; головка гвоздя' (ср. L. k. žd., I, 941—942). А эти литовские слова в свою очередь надо связать с индоевропейскими корнями **bheul-*, **bhül-* 'пухнуть, вздуться, нарастать'¹⁷. Встречается также вариант этого названия *buluñgis* (Расяйняй).

¹⁴ См.: К. Būga. Rinktiniai raštai, II. Vilnius, 1959, стр. 349—350, 403, 546; FEW, 37.

¹⁵ См.: Walde, II, 117.

¹⁶ См.: также: К. Būga. Указ. соч., II, стр. 221; ЕМ, I, 345.

¹⁷ См.: FEW, 63—64.

Лит. *luīnas*, -à, *luinys*, -ē, *luīnis*, -ė (середина Литвы и часть Юго-Западной Литвы: Варена, Вялюона, Гейстарай, Гиркальнис, Ержвилкас, Кудиркос Науместис, Расяйняй, Скирснямуне, Шимкайчяй, Шунскай, Юрбаркас). Наряду с обозначением безрогого скота это слово в разных местах Литвы употребляется в других значениях, ср. *luīnas* 'лысый, коротко остриженный' (Гейстарай, Шатес, Янкай), *luīnas* 'хромой; неряха, небрежный, неловкий' (Дусятос, Жялва, Швянчёнис), *luīnius* 'лентяй, неряха, небритый' (Варена, Кросна, Лишкява, Меркине), *luinūoti* 'хромать, тяжело работать' (Дябьяйкай, Струнайтис), *luininti* 'лентяйничать' (Лейпалингис, Лишкява), *luīnica* 'лентяй' (Лишкява), *luīninkauti* 'лентяйничать' (Лаздияй). Данное название, по всей вероятности, надо связывать с лит. *luīnas* 'кусок', *luīnas* 'ссохшийся кусок земли'.

Лит. *kuīnas*, -à, *kuīnė* (восточная часть Литвы: Адутишкис, Даугялишкис, Линкмянис, Римше, Швянчёнис). В других говорах и в литературном языке это слово употребляется в значении 'кляча'. По мнению К. Буги, из последнего значения и развилось значение 'безрогий скот'¹⁸. Аналогичным путем могло появиться и прилагательное *taūras* 'благородный' из соответствующего существительного *taūras* 'тур (*Bos primigenius*). Из значения 'безрогий скот' развивались и другие значения прилагательного *kuīnas*, -à, 'без ветвей, засохший (о дереве)' (Душктас), *kuīnas* 'с коротко остриженными волосами' (Швянчёнис), *kuīnas* 'бедный' (Душктас). В некоторых местах данное прилагательное употребляется также в значении 'простой, плохой, худой, неуклюжий, неповоротливый' (Пуна, Скирснямуне). С точки зрения семантики эти значения могли развиваться как из *kuīnas* 'кляча', так и из *kuīnas* 'безрогий'. География слова показывает, что первое предположение более правдоподобно. Такого же происхождения, очевидно, и *kuīnas* 'кол, клюшка' (Дотнува, Молетай, Шилува, ср. L. k. žd., VI, 782).

Лит. *kūksas*, -à, *kūkse* (восточная часть Литвы: Видишкяй, Жялва, Линкмянис, Молетай, Пабайскас, ср. L. k. žd., VI, 801). Слово в разных местах Литвы употребляется и в других значениях, ср. *kuksà* (*rankà*) 'рука с оторванной кистью' (Алвитас), *kuksà* 'курица с коротким хвостом' (Рудамина), *kuksà* 'истрепанная (без листьев) метла' (Сейнай), *kuksà* 'приклад, головка, балда' (Дусятос), *kuksà* 'шишка, желвак' (Бартининкай), *kuksà* 'маленький, ничтожный человек или животное; человек в короткой одежде' (Лялюнай, Мяркине, Нямунайтис; L. k. žd., VI, 801).

Значение данного слова могло развиваться по такому направлению: 'шишка, желвак, головка' → 'безрогий скот' → 'рука с оторванной кистью'; 'истрепанная (без листьев) метла'; 'человек в короткой одежде'. Если такое семантическое развитие является правильным, то далее эти слова можно было бы связать с лит. *kaūkaras* 'холм, бугор, вершина горы', *kaūkas* 'желвак, шишка, нарост', *kūkštera* 'спина, горб', *kūkti* 'сгибаться, гнуться'¹⁹. Но дело осложнилось тем, что такое слово в подобных значениях встречается и в соседних славянских языках. По нашему мнению, там данное слово имеет надежную этимологию. Ср. русск. *кука* 'кулак, сжатая ладонь', *кукса* 'беспалый, у кого одна пясть, без перстов; кулак, сложенные персты; тычок, удар кулаком' (Даль, II, 213), брл. *кукса* 'рука без пальцев или с поперечными пальцами; рука, неспособная к мелкой, точной работе; кулак; сухорукий' (Носович, 268), ср. также др.-русск. *куконось* 'кривonosый', 'горбоносый', болг. *кука* 'крюк, костыль', с.-хорв. *кўка* 'крюк', словен. *skūčiti* 'сгибать, гнуть'. Данные слова являются родственными с лит. *kaūkaras*, *kaūkas* и др.²⁰

Таким образом, слово *kūksas* скорее всего попало в литовский язык из белорусского или русского в значении 'рука без пальцев', а на почве

¹⁸ См.: К. Вүга. Указ. соч., I, стр. 297; II, стр. 318, 635.

¹⁹ См.: FEW, 229—230; К. Вүга. Указ. соч., I, стр. 368.

²⁰ См.: VEW, I, 683.

литовского языка оно приобрело новые значения, в том числе и значение 'безрогий скот'. В пользу такого предположения говорит география слова. Но не исключается также и собственно литовское происхождение слова *kūksas* в значении 'безрогий скот'.

Лит. *būksas*, -à (Онушкис, Варена), *buksarāgė* 'корова с отломанными рогами' (Варена). Как и в большинстве упомянутых выше названий, данное слово употребляется и в других значениях, ср. *būksas* 'человек без пальцев' (Дисна), *buksà* 'человек без пальцев' (Швянчёнис), *būkstis* 'рука без пальцев, неострый кол или какой-нибудь другой тупой предмет, орудие' (Плунге, ср. L. k. žd., I, 935, 936). Встречается также вариант этого названия *būkšas*, -à (Багаславшикис, ср. L. k. žd., I, 936). От этого слова, по-видимому, происходит и название быка *būkšis* (Дусятос, Ужпаляй, Южинтай, ср. L. k. žd., I, 936). Все эти названия следует связать с лит. *būkas* 'тупой', *būkovas* 'коренастый, плотный, толстый', *būkulas* 'ком, клубок'. Возникновению значения 'человек без пальцев' могло способствовать слово *kuksà* 'рука с оторванной кистью'.

Лит. *kuřnas*, -à (Зетяла). Слово, по-видимому, заимствовано из славянских языков, ср. русск. *корный* 'малорослый, низкий, короткий', *корноухий*, *корнокрылый*, *корнохвостый* 'у кого острижено ухо, крыло, хвост', *корнорукий* 'безрукий или беспалый, корнопалый', *корносый*, *курносый*, *корнать* 'коротать, обрезать, остригать' (ср. Даль, II, 5). Эти слова неотделимы от лтш. *kuřns* 'глухой', лит. *kuřčias* 'глухой' и др.²¹ От лит. *kuřnas* 'безрогий' необходимо отличать лит. *kurnà pirkià* 'изба без дымовой трубы', так как данное слово происходит от блр. *курны* 'курной, черный', ср. *курная хата* 'курная (черная) изба', *курная галавешка* 'дымная головешка'. В восточных говорах литовского языка встречается больше названий безрогого скота, являющихся по происхождению славянскими.

Лит. *labonas* (Даугялишкис, Игналина, Швянчёнис), с литовским суффиксом *labukas*, -à, *labūki* (Гарвечяй, Лидоукяй, Мялагенай). Такое название находим и в восточных говорах латышского языка: *labata* (Бриги). Ср. блр. *лабаты* 'имеющий большой лоб; безрогий', русск. *лобатый*, русск. *лобан* 'человек, животное с большим выпуклым лбом': *лоб*.

Лит. *kamolas*, -à (Зетела) из русск. *комоль* 'безрогий'.

Из названий латышского языка, не имеющих соответствий в литовском языке, еще надо отметить название безрогого скота *paure* (Блидене). Данное слово надо связать с лтш. *paure* 'голова, затылок, лоб', *paūritis* 'плохо выросший кочан капусты' (ЕМ, III, 129). Для семантики ср. блр. *лабаты*: *лоб*.

Ознакомившись с названиями безрогого скота в балтийских языках, остановимся коротко на подобных названиях в славянских языках. Здесь таких названий гораздо меньше. Кроме упомянутого выше русск. *комоль*, укр. *комоль*, чеш. *komolý*, др.-польск. *komoty*, которые, по происхождению и семантическому развитию очень близки многим балтийским названиям, довольно широко употребляется еще одно название, встречающееся в южнославянских, западнославянских языках и в диалектах украинского и белорусского языков. Ср. польск. *szuty*, чеш. *šutý*, слвд. *šutý*, с.-хорв. *шут*, болг. *шут*, укр. *шутий*, блр. *шута* — ласковое название овцы. От славян данное название перешло и в некоторые неславянские края Балканского полуострова — рум. *ciút*, алб. *shut*. Происхождение этого слова пока не выяснено, хотя никто не сомневается, что оно славянское²². По своему семантическому развитию данное название, можно сказать, тождественно с большинством балтийских назва-

²¹ См.: VEW, I, 628—629; FEW, 314—315.

²² См.: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 46, 82, 91; VEW, III, 440; MES, 518; BrES, 558.

ний, ср. с.-хорв. *шѹт* 'безрогий, комолый; голый, безлесный; пустынный; неполноценный', *све ми је нешто шѹто* 'все мне кажется не так' (Толстой, 1092), болг. *шут* „които е с изкъртен рог или изобщо без рога; безрог. Хем шуто, хем тича да боде. С очупена дрѣжка, гърло, ухо и др. Шуто гърне. Шута стомна. Шуто ми е — нешто ми е не достига; лихо ми е, чогло ми е“ (Т. реч., 961; Чукалов, 984); укр. *шутий* 'безрогий; безухий; бесхвостый'.

Кроме встречаемых в отдельных славянских языках уже упомянутых нами блр. *лабаты*, словен. *mŭl, mŭlast, mŭljav*, еще надо отметить укр. *гулий*, которое по происхождению также близко к балтийским названиям безрогого скота: *гуля* 'шишка, нарост'.

Таким образом, названия безрогого скота в балтийских языках чрезвычайно разнообразны. Некоторые из них являются очень древними: они имеют соответствия в других индоевропейских языках, а также отмечаются в прибалтийско-финских языках как заимствования из балтийских языков. Большинство названий обнаруживают связь со словами, имеющими значение 'ком', 'шишка, желвак', 'головка, балда' и т. п. Очень сходны и пути семантического развития данных слов: названия, имеющие в своей основе совершенно различные корни, самостоятельно приобрели новые значения: 'беспалый', 'бесхвостый', 'безухий', 'без остьев', 'без козырька', 'без листьев', 'без украшений', 'голый', 'лысый', 'ровный', 'пустой', 'полюй', 'маленький', 'ничтожный', 'неловкий', 'вялый' и др.

СОКРАЩЕНИЯ

Даль	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. М., 1955
Носович	И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870
Толстой	И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957
Т. реч.	А. Андрейчин, А. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Левков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. Български тълковен речник. София, 1955
Чукалов	С. Чукалов. Българско-руски речник. София, 1957
Юшкевич	А. Юшкевич. Литовский словарь, I. Пг., 1897
ЕН	J. Endzelins un E. Hauzenberga. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai, I—II. Rīgā, 1934—1946
EM	K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca, I—IV. Redig'ējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelins. Rīgā, 1923—1932
Frischbier	H. Frischbier. Preussisches Wörterbuch, I—II. Berlin, 1882—1883
Karłowicz	J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, I—VI. Kraków, 1900—1911
L. k. zd.	Lietuvių kalbos žodynas (I—II, red. G. Balčikonis; III—V, red. K. Ulvydas; VI, red. G. Kruopas). Vilnius, 1941—1962
Kurschat, LDW	F. Kurschat. Littauisch-deutsches Wörterbuch. Halle, 1883
Kurschat, Wb.	F. Kurschat. Wörterbuch der litauischen Sprache, I—II. Halle, 1870—1874
Mielcke	Chr. H. Mielcke. Littauisch-deutsches und Deutsch-litauisches Woerter-Buch. Koenigsberg, 1800
Muret-Sanders	Muret-Sanders. Encyclopaedic English-German and German-English Dictionary, part first, fifth edition. Berlin—Schöneberg, 1922
Nesselmann	G. H. F. Nesselmann. Wörterbuch der litauischen Sprache. Königsberg, 1851
Słownik	J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1900—1927
Walde	A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, I—II. Berlin—Leipzig, 1930

ЗАМЕТКИ ПО ПРУССКОЙ ЭТИМОЛОГИИ (1—2)

1. *ABOROS 'ROFE' E 228*

Имеющееся в Эльбингском словаре (E) *aboros 'rofe'*, т. е. 'Raufe, Futterleiter'¹, К. Буга в 1911 г. сопоставлял с лит. *ābre* 'Bottich, Kübel', лтш. *abra* 'Backtrog', считая, что балт. **abarā* 'корыто' соотносится с балт. **abrā*, как лит. *žāgaras* 'хворостина' — с лит. *žāgrė* 'соха'². Однако сама этимология лит. *ābrė*, лтш. *abra* не ясна³, и к тому же значение 'Bottich, Kübel; Backtrog' (лит. *ābrė*, лтш. *abra*) трудно соотнести со значением 'Raufe, Futterleiter' (пр. *aboros*)⁴ хотя бы потому, что Эльбингский словарь имеет слово *rindo* (E 227) со значением 'Krippe' (семантически стоящим, вероятно, ближе именно к 'Bottich, Kübel; Backtrog', ср. лит. *rindā* 'Krippe, Futtertrog'. Пр. *aboros* Р. Траутманн считает заимствованием из польск. *obory* 'Viehhof'⁵, что, однако, маловероятно по семантическим и фонетическим соображениям⁶. Я. Эндзелин сопоставляет пр. *aboros* (*ā*-основный им. п. мн. ч.), считая его исконно-балтийским, с лит. *apū-voras* (*ō*-основный им. п. ед. ч.) 'шанец' и лтш. *sa-vāri* (*ō*-основный им. п. мн. ч.) 'Querstange der Egge'⁷, предполагая, что пр. *aboros* возводимо к **ab-vōrōs*. Не отрицая этимологической связи этих балтийских слов, мы, однако, не видим необходимости в возведении пр. *aboros* к **ab-vōrōs* (т. е. с долгим **ō-* в слове **vō-*), поскольку оно легко может быть восстановлено и в виде **ab-vōrōs* (т. е. с кратким **ō-* в слове **vō-*⁸, ср., например, пр. *wo-bse* E 789 'оса, Wespe' = лит. *vapsa* то же). При таком возведении пр. *aboros* < **ab-vōrōs* получает в литовском довольно точное фономорфологическое (в смысле, указанном ниже) соответствие, а именно лит. (жем.) *āparos* (*ā*-основный им. п. мн. ч.) 'virvelės ar siulai kam verti ar arverti (веревки или толстые нитки для стягивания ч.-н.), оборы (у лаптей)' (см. LKŽ, I, 146)⁹, лит.

¹ Н. Frischbier. Preussisches Wörterbuch, Bd II. Berlin, 1883, стр. 230; R. Trautmann. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910, стр. 295.

² К. Буга. Baltika. „Русский филологический вестник“, т. LXV. Варшава, 1911, стр. 234 = К. Būga. Rinktiniai raštai, t. I. Vilnius, 1958, стр. 305; E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955, стр. 1.

³ См.: К. Mühlenschachs. Latviešu valodas vārdnīca, S. I. Rīgā, 1923, стр. 6.

⁴ В 1924 г. и сам К. Буга уже не связывал пр. *aboros* с лит. *ābrė*, лтш. *abra*, см.: К. Būga. Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, стр. 298.

⁵ R. Trautmann. Указ. соч., стр. 295.

⁶ См.: J. Endzelins. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, стр. 135.

⁷ Там же.

⁸ О прусском *ō* см.: В. Мажюлис. Заметки по прусскому вокализму. „Вестник Ленинградского университета“ (в печати) и в общепалтийском плане: И. Казлаускас. К развитию общепалтийской системы гласных. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 20 и сл.

⁹ LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas (академическое многотомное издание).

āp-varos то же (LKŽ, I, 227—228) или *apī-varos* = *apū-varos* то же (LKŽ, I, 185), ср. лит. (жем.) *āparai* (ō-основный им. п. мн. ч.) то же (LKŽ, I, 146) < лит. *āp-varai* то же (LKŽ, I, 228) или *apī-varai* то же (LKŽ, I, 185—186)¹⁰; все эти литовские слова имеют и формы единственного числа. Что касается исчезновения звука -v- (после губного) в пр. **ab-vōrōs* > *aboros* = лит. *āp-varos* > лит. (жем.) *āparos*, то это явление не стоит особняком, ср. лит. *ap-valūs* 'круглый' > лит. (жем.) *apa-lūs* то же (LKŽ, I, 146), лит. *ap-vyniai* 'хмель' (LKŽ, I, 230) > *arūniai* то же (= лтш. *apīņi*), русск. **ob-vozъ* > *обоз* и т. д.

Лит. (жем.) *āparos* (мн. ч.): *āpara* (ед. ч.) < *āp-varos*: *āp-vara* образовано от глагола *ap-vėrti*; аналогичным образованием является и пр. *aboros* < **ab-vōrōs*, а также русск. *оборы*, *обора* 'Strick zum Festbinden von Bastschuhen', ср. ст.-сл. ОБЛАКЪ (др.-русс. *оболожъ*, польск. *obłok* и др.) = лит. *āp-vaikas* 'одежда; шелуха зерна; верхняя часть сапог (без подошвы); покрывало для кровати' (LKŽ, I, 227): *āp-velkū* 'одеваю', ст.-сл. ОБОДЪ (русс. *обод*, польск. *obód* и др.) = лит. *āp-vadas* 'arvedimas, apsiuvinimas, arylanka' (LKŽ, I, 225): *āp-vedu*, русск. *обором* 'Wendung' = лит. *āp-vartas* 'Wendung' (LKŽ, I, 228): *āp-verčiū* и т. д.

В балто-слав. **ver-* (= лит. *vėrti*), кроме значения 'продевать (т. е. втыкать) веревочку, нитку через ч.-н.' (именно с таким значением от приставочного **ver-* и образованы указанные выше лит. *āpara*, *āpara* и т. п. = русск. *обора*), легко прослеживаются и другие значения — 'втыкать, всунуть; закрывать дверь' (первоначально, видимо, 'засунуть засов дверей') и т. п., ср., например, лит. *vāgas* 'жердь (для забора)' = др.-русс. *воръ* 'ограждение, забор', *завора* 'засов' и др. На основании именно этих же значений от того же приставочного балто-славянского глагола **ver-* и образовано пр. *aboros* (= *abōrōs* < **ab-vōrōs*) 'rofe' E 228, т. е. 'определенное ограждение (возможно, из жердей)', ср. русск. *обора* 'ограждение', в.-луж. *wobora* 'Hürde', т. е. 'определенное ограждение', польск., чеш. *obora* 'Viehstall', т. е. 'определенное ограждение (для скота)', с.-хорв. *òbor* 'Verschlag für Schweine', т. е. 'определенное ограждение (для свиней)' и др.¹¹, ср. еще и лит. *apīvaros* (ā-основный им. п. мн. ч.) 'ограждение (вокруг) города' (LKŽ, I, 185)¹².

2. ABSKANDE 'ERLE' E 602

Имеющееся в Эльбингском словаре *Abskande* 'Erle' E 602 исправляют в *Alskande*, геср. *Aliskande*¹³, что следует считать верным. Однако дальнейшие графолого-этимологические толкования учеными (К. Бугой, Э. Бернекером, А. Бецценбергером, Р. Траутманом и др.) данного прусского слова нам представляются неудовлетворительными, на что совершенно верно указал и один из крупнейших исследователей прусского языка, Я. Эндзелин¹⁴. Не менее сомнительно, однако, и предположение самого Я. Эндзелина, согласно которому пр. *Aliskande* (так читает

¹⁰ О соотношении приставок пр. *ab-* (ст.-сл. об-), лит. *ap(i)-*, лтш. *ap-* будут сообщены некоторые новые замечания позднее.

¹¹ Относительно этимологии славянских слов — русск. *обора* 'ограждение', в.-луж. *wobora* 'Hürde' и т. п. см. VEW, II, 243.

¹² В связи с семантикой данных прусско-славянских слов ср. лит. *gařdas* 'Pferch, Hürde', лит. *gardis* 'drabina od wozu', ст.-сл. грядъ, русск. *жердь*, гот. *gards* и т. п.

¹³ См.: К. Būga. Rinkiniai raštai, t. I. Vilnius, 1958, стр. 353; J. Endzelīns. Указ. соч., стр. 138.

¹⁴ См.: J. Endzelīns. Указ. соч., стр. 138.

Я. Эндзелин пр. *Abskande*) якобы написано вместо **aliskan*¹⁵. Такое допущение маловероятно уже и потому, что Я. Эндзелин оставляет графемы *-de* (*Aliskan-de*) необъясненными или, иначе говоря, „объясненными“ ad hoc (он, следуя А. Бецценбергеру, очень осторожно допускает, что это *-de* по ошибке взято из немецкого слова *Wide* E 603, следующего за *Abskande* — *Erle* E 602)¹⁶.

Ключ к решению данной этимологии следует искать, по нашему мнению, в исправлении *al(i)skande* в *al(i)skands* (ср. случаи написания *-e* вместо *-s*: *arelie* ‘орел’ E 709 из *arelis*, *geytye* ‘хлеб’ E 339 из *geytys*, *naricie* ‘Птис’ E 664 из *naricis*)¹⁷. В балтийских говорах общеизвестны случаи типа лит. диал. *giñ-ts* (третье лицо будущего времени от глагола *giñti* ‘гнать’), лит. литер. *giñ-s*, где *-ts* представляет аффрицированное произношение согласного *-s* после сонанта¹⁸, ср., вероятно, и пр. *kulczi* (< *kulsē*) ‘Hüfte’ E 138 = лит. *kūšē* то же. Графемы *-ds* пр. *al(i)skands*, по всей видимости, и передают аффрикату (с озвончением, восходящим, к немецкому языку) *-ts*, образовавшуюся из *-s*. Следовательно, *al(i)skands* может быть восстановлено в *al(i)skans*, которое в свою очередь возводимо к **al(i)skns* < **al(i)ksnas* (в отношении **-na-* > *-an-* ср. пр. *tickars* ‘recht’, которое, по всей видимости, из *tikrs < *tikras = лит. *tikras*¹⁹; что касается перехода **-ks-* (**al[i]ksnas*) > *-sk-* (*al[i]skans*), то ср., например, лит. *tvyksti*: *tvysko*)²⁰.

Лит. *ālksnis*, *aliksniš*, лтш. *ālksnis* имеют *iō*-основу, в то время как пр. **al(i)ksnas* — *ō*-основу. Лит. *alksnā* ‘Erlenhain’, лтш. *ālksna* ‘Erlenwald’ определенным образом, вероятно, свидетельствуют о наличии в восточнобалтийском также и *ō*-основной ‘ольхи’; в пользу этого же говорят и лит. *Alksnas* (название нескольких озер), *Alksnā* (название нескольких рек), если они родственны с лит. *ālksnis*, *alksnā* ‘Erlenhain’. На основании балтийских примеров типа лит. *glúoksnis* ‘ива’ (LKŽ, III, 441) < *glúosnis* (LKŽ, III, 442) < *glúosis* (LKŽ, II, 441) = пр. *glossis* ‘Haarweide’ E 604²¹, с одной стороны, и на основании литовских соответствующих словообразовательных структур, с другой, считаем: во-первых, в лит. *al(i)ksnis*, лтш. *alksnis* согласный *-k-* является вставочным, а *-nis* — суффиксальным и, во-вторых, *iō*-основное лит. *al(i)ksnis*, лтш. *alksnis* предполагает более древнее восточнобалтийское *iō*-основное **ōlisjō*²² (ср. *iō*-основные лит. *glúoksnis* < *glúosnis* < *glúosis* < *glōsijō); по тем же соображениям *ō*-основное пр. **al(i)ksnas* может предполагать (в западнобалтийском) *ō*-основное *olisō, которое вероятно, знали и восточнобалтийские диалекты (ср. сказанное выше в отношении лит. *alksnā* и др.).

Наряду с лит. *al(i)ksnis*, лтш. *alksnis* известны и лит. *eļksnis*, лтш. *ēlksnis*, лит. *elksna* ‘Erlenwald’ (LKŽ, II, 815), которые по тем же соображениям могут предполагать древние балтийские *elisjō: *ēlisō, в какой-то мере ср. лит. *ežeras* ‘озеро’, лит. *ežeras* ‘озеро’ (LKŽ, I, 432), пр. *assarān*, русск. *озеро*, ст.-сл. *юзеро* и т. д. и т. п. Др. балт. *ēliso:

¹⁵ J. Endzelins. Указ. соч., стр. 138.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. там же, стр. 143, 176, 213.

¹⁸ Такое произношение *-s* (после сонанта) знакомо, кстати, и всем западноукшайтским говорам (соседям бывших пруссов).

¹⁹ О пр. *tickars* < *tikras см.: J. Endzelins. Указ. соч., стр. 32.

²⁰ Следовательно, своим *-sk-*: *-ks-* пр. *al(i)skans* (им. п. ед. ч.) соотносится, например, с пр. **al(i)ksnan* (вин. п. ед. ч.) так, как и лит. *tvysko*: *tvyksti*.

²¹ Лит. *glúoksnis*, *glúosnis*, *glúosis* — все *iō*-основные.

²² О гласном *ō- (*ō*) здесь и в соответствующих других балтийских архетипах см.: В. Ма ж ю л и с. Указ. соч.; И. К а з л а у с к а с. Указ. соч.

**ōlisō-* и **ēlisīo-*: **ōlisīō-* находятся в родстве со славянскими — ст.-сл. ѡлѣха (= др.-в.-нем. *elira*), русск. *ольха*, польск. *olsza* и др.²³, восходящими к др.-сл. *ēlisā: *ōlisā и *ēlisīā: **ōlisīā*²⁴.

²³ В связи с этим лит. *alisknis* нельзя возводить к *alisknis (такая ситуация **-sk-* невозможна даже и по законам самой балтийской фонетики), как это делают К. Буга (К. Būga. *Rinkiniai raštai*, t. II. Vilnius, 1959, стр. 286) и др. Если лит. *Alsà* (название нескольких рек) возводимо к *Alisá, то оно, может быть, соотносится с лит. *Alksnà* (название нескольких рек) как более древний топонимический пласт.

²⁴ Пр. *al(i)ksnas* вместе с лит. *al(i)ksnis* (*elksnis*), лтш. *alksnis* (*elknis*) говорят о том, что древнебалтийские **ēlisō-*: **ōlisō-* и **ēlisīō-*: **ōlisīō-* были именами мужского рода, хотя др.-сл. *ольха* — женского (ср. лит. *béržas*, лтш. *berzs*: русск. *береза* и др., но лтш. *berze*, пр. *berze* Е 600), что, однако, требует отдельного рассмотрения (об этом сообщим позднее).

ДВЕ ЗАМЕТКИ ПО ЛИТОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ ЛИТОВСКИХ ГОВОРОВ,
ОБЩИЕ С ПРУССКИМ ЯЗЫКОМ

§ 1. О прусском языке и его говорах мы знаем по немногим памятникам, которые весьма неточно передают фонетические факты данного языка. Еще менее известно о ятвяжском языке, который, как предполагается, был промежуточным между литовским и прусским языками. Многие языковеды склонны думать, что ятвяжский язык был говором прусского языка¹. Некоторые факты о прусском и ятвяжском языках могут дать говоры литовского языка, примыкающие к территории пруссов и ятвягов. Кроме того, особенности западных и южных литовских говоров могут помочь выяснить связи, существовавшие между литовским и прусским языками, и, возможно, открыть переходные говоры. Ниже приводятся некоторые фонетические особенности западных и южных литовских говоров, которые сближают их с прусским (или ятвяжским) языком.

§ 2. Сужение долгих гласных $\bar{a}$, $\bar{e}$. Сужение гласных $\bar{a}$, $\bar{e}$ раньше всего началось на западной части территории литовского языка, где литовцы соприкоснулись с пруссами². В прусском языке (может быть, только в некоторых его говорах) уже в XIV в. $\bar{a}$, $\bar{e}$ были узкими. Это видно из примеров Эльбингского словаря (относящегося приблизительно к 1400 г.): *brote* 'брат', лит. *broterėlis*; *moazo* 'тетка', лит. *mōša* 'сестра мужа', лтш. *māsa* 'сестра'; *plieynis* 'Staubache, пыль', лит. *plėnys* 'перепонки, плевры', лтш. *plėnes* 'белый пепел'³. В западные литовские говоры сужение $\bar{a}$, $\bar{e}$ могло перейти около XIV в. после сокращения древних долгих акутовых окончаний⁴, иначе и $\bar{a}$ в акутовых окончаниях также превратился бы в *o* (как в прусском языке: *galwo* < *galwā)⁵. Тогда при сокращении *o* превратился бы в *u* (ср. в велюонском говоре литовского языка *sāku* < *sako* 'говорит, -ят').

§ 3. Совпадение древних долгих $\bar{a}$ и $\bar{o}$. В Эльбингском словаре древние $\bar{a}$ и $\bar{o}$ передаются одинаково — *o* или *oa*: *podalis* 'плохой, ненужный горшок, wertloser Topf': лит. *puodėlis* 'горшок', лтш. *puods* 'горшок'; *woasis* 'яшень': лит. *ūosis* то же, лтш. *uosis* то же⁶ (ср. с *o*, *oa* < $\bar{a}$ § 2).

¹ J. Endzelīns. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943, стр. 12; K. Būga. Rinktiniai raštai, III. Vilnius, 1962, стр. 131; Я. Отрембский. Язык ятвягов. — ВСЯ, № 5, 1961, стр. 6.

² V. Grinaveckis. Keli lietuvių kalbos tarmių fonetinių ypatybių istorijos klausimai. „Kalbotyra“, III. Vilnius, 1961.

³ J. Endzelīns. Указ. соч., стр. 26, 27.

⁴ K. Būga. Указ. соч., III, стр. 46.

⁵ J. Endzelīns. Указ. соч., стр. 27.

⁶ Там же.

В западнолитовских говорах (в юго-западной части северо-западных аукштайтов и в говоре жемайтов донининков) совпали гласные $\bar{a}$ и $\bar{o}$, как и $\bar{e}$ и $\bar{e}$ ($<ei$), в одних местах они одинаково произносятся как o , e : *kóje* 'нога', *dóna* 'хлеб', *dét* 'класть' *péns* (*pénc*) 'молоко' (Петрикай, Пустучай), в других — как uo , ie : *kúoje*, *duona*, *díet*, *piéns* (Катичай, Лауксаргай, Гирининкай, Битенай). Так как в говорах литовского языка, более удаленных от прусской территории, совпадения древних $\bar{a}$ и $\bar{o}$ не отмечается, то родина данного фонетического явления, по всей вероятности, находится в прусском языке, откуда оно распространилось и в соседние литовские диалекты.

§ 4. Расширение кратких i , u . Гласные i , u в прусском языке (возможно, только одной части говоров и не во всех случаях) были превращены в e , o ($=e$, o ?) : *dessempsts* рядом с *dessimpsts* 'десятый', *prosnan* рядом с *prusnan* 'лицо'⁷. В самых западных аукштайтских говорах (как и в жемайтских) гласные i , u также превратились в e , o : *vėsas* 'весь', *bėva* 'был, -а, -о, -и' (Вирбаляй, Каркле, Биткай, Пустучай, Прудимай, Рукай)⁸. Помимо того, во всех западноаукштайтских говорах краткие гласные i , u являются более широкими и открытыми по сравнению с теми же гласными в восточных литовских говорах. По всей вероятности, расширение кратких i , u как в прусском языке, так и в говорах литовского языка зависит от сужения долгих $\bar{a}$, $\bar{e}$.

§ 5. Судьба таутосиллабического n . В прусском языке таутосиллабический n был сохранен во всех случаях. В западных литовских говорах, как и в литературном языке, таутосиллабический n исчез перед j , v , l , m , n , r , s , $\acute{s}$, z , $\acute{z}$ и в конце слова, но исчезновение таутосиллабического n в западных литовских говорах произошло сравнительно недавно: еще в XVII в., по данным грамматики Д. Клейна⁹, процесс исчезновения таутосиллабического n в западных литовских говорах не был завершен. Значит, когда прусский язык еще был живым, таутосиллабический n тогда еще существовал в западных литовских говорах, расположенных по соседству с прусской территорией. В восточных литовских говорах таутосиллабический n исчез значительно раньше, так как в письменных памятниках XVI в. следы таутосиллабического n не отмечены, также не отмечены они и в засвидетельствованных топонимах XV и XVI вв.

§ 6. Редукция конца слова. В Эльбингском словаре прусского языка краткий a в конце слова уже во многих случаях отсутствует. В латышском языке и в северо-западных литовских диалектах редукция конца слова, по всей вероятности, является еще более древней. Характерно то, что законы редукции конечных гласных в прусском языке и в соседних с ним западных литовских диалектах тождественны: исчезают в известных случаях краткие a , e , i и сокращаются долгие безударные гласные.

§ 7. Южные литовские говоры, как предполагают, имеют связь с ятвяжским языком, но так как ятвяжский язык, по всей вероятности, был диалектом прусского языка, то ятвяжские особенности южных литовских говоров одинаково могут считаться и прусскими. К таким особенностям литовских говоров принадлежат изложенные ниже.

§ 8. Особенности произношения согласных s , $\acute{s}$; z , $\acute{z}$. В зетельском говоре (р-н Дятлово БССР) в некоторых словах вместо согласных $\acute{s}$, $\acute{z}$ литовского литературного языка произносится s , z : *zāsīs* ~ *žqsis*¹⁰ 'гусь', *zivė* ~ *žuvīs* 'рыба', *zėmė* ~ *žėmė* 'земля', *ziemà* ~ *žiemà* 'зима', *ziema-vót*, *žiemóti* 'зимовать', *zvaizdė* || *žvaizdė* ~ *žvaigždė* 'звезда', *baznīč'a* ~

⁷ J. Endzelīns. Указ. соч., стр. 25, 26.

⁸ J. Gerullis ir Ch. Stang'as. Lietuvių žvejų tarmė Prūsijoje. Kaunas, 1933, стр. XIV.

⁹ „Pirmoji lietuvių kalbos gramatika“. Vilnius, 1957, стр. 418 и сл.

¹⁰ За тильдой (~) дается соответствующая форма литовского литературного языка.

baznūčīa 'костел'¹¹. Здесь еще можно прибавить и топоним *Zelvà*. Некоторые из упомянутых выше слов могут произноситься с *z* вместо *ž* под влиянием белорусского языка, ср. *звер*, *земля*, *зима*, *звезда*. Проф. Я. Отрембский думает, что белорусский язык способствовал не перемене *z* в *ž*, а сохранению ятвяжского *z*; в слове *baznīč'ā*, по мнению Я. Отрембского, *z* также является наследством ятвяжского языка, а конец слова (-č'a) литуанизирован¹². Предположение, что слово *baznīč'a* могло существовать в ятвяжском языке, поддерживается лтш. *baznīca*.

В юго-западном дзукском говоре, в деревне Ашашникай (Варенский р-н), согласные *s* и *š*, *z* и *ž* смешиваются, например, *s*, *z* вместо *š*, *ž*: *sónas* ~ *šónas* 'бок', *zūrèk* ~ *žūrèk* 'смотри', *vaziúoja* ~ *vaziúoja* 'едет, -ут', *žirgas* ~ *žirgas* 'конь'; *ž*, *š* вместо *s*, *z*: *mūs Ānē āpšave ir apširangē ~ mūsų Ānē apšiavē ir apšireņgē* 'наша Āне обулась и оделась', *šu katī ~ su katē* 'с кошкой'.

Смешение данных согласных — явление, несомненно, новое¹³, но оно могло возникнуть также под влиянием смешения ятвяжских и литовских элементов языка¹⁴. Этому смешению могло способствовать также и дзуканье: частое произношение *c* (-*ts*), *dz* (вместо литер. *č*, *dž*) могло вытеснить *š*, *ž*, а *š*, *ž* вместо *s*, *z* могут быть гипернормализмами.

§ 9. Отсутствие аффрикат из *tj*, *dj*. В зетельском говоре в конце слова почти во всех случаях нет аффрикат из *tj*, *dj*, например:

	Единственное число	Множественное число
Им.	<i>gardī</i> 'вкусная'	<i>gárd'os</i>
Род.	<i>gard'ōs</i>	<i>gard'u</i>
Дат.	<i>gárdei</i>	<i>gard'ómi</i>
Вин.	<i>gard'a</i>	<i>gard'ās</i>
Твор.	<i>gárd'an//gard'án</i>	<i>gard'omi</i>
Инесс.		<i>gard'osà</i>
Илл.	<i>gard'ōn</i>	<i>gard'ósna</i>

Рядом с формами без аффрикат реже употребляются и формы с аффрикатами¹⁵, которые хотя бы частично могут зависеть от влияния других говоров и литературного языка.

Юго-западные дзуки аффрикат не имеют в следующих случаях:

- а) в форме первого лица единственного числа прошедшего однократного времени: *áud'au* ~ *áudžiau* 'я ткал', *skait'au* ~ *skaičiaū* 'я читал';
- б) в форме деепричастия прошедшего времени: *gáud'us* ~ *gáudžius* 'ловив', *skait'us* ~ *skaičius* 'читав';
- в) в форме родительного падежа слов с основой на -*é-*: *bit'ū* ~ *bičių*, 'пчёл', *dėd'u* ~ *dėdžiu* 'дядей'.

В тех же самых случаях отсутствие аффрикат отмечается и в части среднеукштайтского говора, примыкающей к дзукскому говору (Пуня, Езнес, Бутримонис). Предполагают, что в указанных формах аффрикаты отсутствуют в силу аналогии с другими формами парадигм, не содержащими аффрикат¹⁶. Что касается формы первого лица прошедшего однократного времени, то, по мнению Я. Отрембского, в ней аффрикаты от-

¹¹ Слово *baznīč'a* с *z* произносится и в лазунском говоре (Юратишский р-н БССР).

¹² Я. Отрембский. Указ. соч., стр. 8.

¹³ E. Grinaveckienė. Nauji džuų tarmės tyrinėjimų duomenys. „Literatūra ir kalba“, V. Vilnius, 1961, стр. 605—608.

¹⁴ J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, I. Warszawa, 1958, стр. 354.

¹⁵ A. Vidugiris. Zietėlos lietuvių tarmė (канд. дисс., машинопись). Vilnius, 1962, стр. 278; А. Видулис. Зетельский говор литовского языка. Автореферат. Вильнюс, 1962, стр. 9.

¹⁶ „Lietuvių kalbos rašybos žodynas“. Kaunas, 1948, стр. 124.

сутствуют потому, что здесь не было *j* и аффрикаты закономерно могли не развиться¹⁷.

Отсутствие аффрикат в конце слова в юго-западном дзукском говоре и примыкающей к нему части среднеаукштайтского говора, а также в зетельском говоре можно объяснять по-разному, но здесь нужно иметь в виду одно важное обстоятельство: в южной части литовских говоров имеем аналогичный случай отсутствия аффрикат, который встречается в северо-западной части Литвы — в жемайтских говорах. Если более частое отсутствие аффрикат в конце слова в жемайтском говоре отмечается по направлению к северо-западу, то в южных литовских говорах такое явление наблюдается по направлению к югу. Такое отсутствие аффрикат как в жемайтских, так и в южнолитовских говорах не случайно. Жемайты на северо-западе граничили с куршами, а, как известно, в куршском языке в конце слова *tj, dj > t'd'* (как теперь в приморско-жемайтском говоре); южная часть литовских говоров граничила с ятвяжским языком, в котором, по-видимому, как и в прусском, аффрикат из *tj, dj* не было¹⁸. Таким образом, приходим к выводу, что по развитию древних сочетаний *tj, dj* жемайтские говоры являются переходными между литовским и ятвяжским (прусским) языками.

§ 10. Смешение дифтонгов *ei* и *ie*. В прусском языке во всех случаях был сохранен *ei* (не превращен в *ie*, как в литовском и латышском языках). В зетельском говоре некоторые слова произносятся с *ei* и с *ie*, например: *sviekatà: sveikatà* 'здоровье', *sviėkas: sveikas* 'здоровый', *sviekėst* 'здоровье', *šievà: liter. šėivà* 'шпулька, катушка', *vizdėt||viezdėti*: литер. *veizdėti* 'смотреть', *tiėp: teip* 'да'.

§ 11. Произношение дифтонгов *ie*, *io* как *i, ū||ė, o||ie, °o*. В прусском языке (возможно, только в одной части говоров) долгий *ō* в некоторых случаях был превращен в *ū*, например: *pūton < *pōton* 'пить', ср. лит. *puotà* 'пир, бал'¹⁹. В зетельском говоре древние *ō* и *ē* (< *ei*) соответственно изменились в *o, ū, °o* и *ė, i, °e*: *dūna*: литер. *dūona* 'хлеб', *aržolas*: литер. *ąžuolas* 'дуб', *vikėst||v'ekėst*: литер. *veikiaū* 'скорее'²⁰. Разное произношение данных звуков в зетельском говоре не является совсем новым, что видно из засвидетельствованных топонимов XVI в., как, например, зетельского, где находим *u* (= *i*) вместо ожидаемого *e*²¹. Кроме того, нужно отметить, что и в белорусском зетельском говоре *ie > i*: *svit < свет*. Возможно, что белорусы данную особенность получили из местного литовского говора, так как нигде вокруг Зетелы в белорусских говорах такое фонетическое явление не отмечено.

§ 12. В дзукских говорах редукция конца слова, свойственная северо-западным литовским говорам, отсутствует, но в зетельском говоре редукция конца слова в некоторой степени опять появляется, например: *vaiks < vaikās* 'дитя', *stou < stovi* 'стоит, -ят', *aīt < eiti* 'идет, -ут', *dėst < desti* 'кладет, -ут', *giest < giesti* 'поет, -ют'²². Данные факты исчезновения гласных конца слова тоже связывают зетельский говор с прусским языком, так как ему свойственна редукция конца слова, а другим литовским говорам, соседним с данным зетельским говором, она не известна.

§ 13. Местоименные формы зетельского говора *sajim* 'с собой', *tajim* 'с тобой'²³ тоже, по всей вероятности, имеют связи с прусскими формами, как *māim* 'со мной'²⁴.

¹⁷ J. Otrębski. Указ. соч., I, стр. 299.

¹⁸ J. Endzelīns. Указ. соч., стр. 34.

¹⁹ Там же.

²⁰ A. Vidugiris. Указ. соч., стр. 84 и сл.

²¹ См. там же, стр. 8.

²² Там же, стр. 98, 99.

²³ Там же, стр. 99.

²⁴ J. Endzelīns. Указ. соч., стр. 32.

II. СВЯЗИ ВОСТОЧНОЛИТОВСКИХ ГОВОРОВ С БЕЛОРУССКИМ ЯЗЫКОМ

§ 1. Восточные говоры литовского языка имеют немало особенностей, общих с белорусским языком. Ниже приводятся фонетические общности литовских говоров и белорусского языка.

§ 2. Превращение *an, en* (в связи с исчезновением таутосиллабического *n*) в долгие гласные *ī, ū* и сужение первого компонента дифтонгических сочетаний *an, en, em, en* (> *um, un, im, in* либо *om, on, em, en*) — явления, возникшие на востоке литовской территории²⁵.

§ 3. Развитие древних сочетаний *tj, dj*. Аффрикаты *č, dž* (либо *s, dz* в дзукских говорах) < *tj, dj* на восточной части Литвы возникли около начала XIII в. и отсюда распространились на всю территорию литовского языка. В жемайтских говорах, занимающих северо-запад Литвы, сочетания *tj, dj* превратились в аффрикаты около второй половины XIV и начала XV в.²⁶

§ 4. Жемайтские говоры отличаются отсутствием аффрикат из *tj, dj* в конце слова перед древним кратким *a*. В этом положении во всех жемайтских говорах (к западу и северу от линии: Вягряй, Круопяй, Шюпилай, Кулай, Бубяй, Кяуноряй, Титүвенай, Шилува, Расейняй, Калнуяй, Ваджгирис, Эржвилкас, Эйчяй, Сартиникай, Пляшкай, Лабгува) *tj, dj* развились в *t', d'*: *svètė ~ svečiai* 'гости' < **svetjai, mēdė ~ mēdžiai* 'деревья' < **medjai, svėc ~ svečias* 'гость' < **svetjas*²⁷. Дальше на северо-запад аффрикаты из сочетаний *tj, dj* отсутствуют и перед долгими гласными. Прежде всего (к северо-западу от линии: Кинтай, Жямайчу Науметис, Вайнутас, Паграмантис, Скаудвиле, Пакражантис, Упина, Круопяй, Вягряй) перед *-á, -án, -ān*: *statė ~ stačià* 'прямая' < **statjá, stāte ~ stāčiq* 'прямую' < **statjān, stātė ~ stačià* 'с прямой' < *statjān. Еще дальше (к северо-западу от линии: Приекуле, Жямайчу Наумистис, Паюрис, Витогала, Каркленай, Павандяне, Луоке, Папиле, Клиокай) *tj, dj* не развились в аффрикаты и перед *-ā* в безударном конце слова: *svėtė ~ svečio* 'гостья' < **svetjā, gāidė ~ gaidžio* 'петуха' < **gaidjā*²⁸. Еще ближе к побережью (в приморско-жемайтском говоре, к северо-западу от линии: Дитува, Айсенай, Гаргждай, Кулай, Сталгенай, Плунге, Альседжяй, Сяда, Жидикай) *tj, dj* перед всеми гласными в конце слова превратились в *t', d'*.

Единственное число

- И. *žūodis ~ žōdis* 'слово' < *žadis
 Р. *žūode ~ žōdzio* < *žadjā
 Д. *žūod'ou ~ žōdžiuo* < *žadjoi
 В. *žūodi ~ žōdj* < *žadiñ
 Тв. *žūod'ò ~ žodžiù* < *žadjó
 М. *žūodie ~ žōdėje* < *žadėjėn

Множественное число

- И. *žūodė ~ žōdziai* < *žadjai
 Р. *žūod'u ~ žōdžių* < *žadjūñ

²⁵ V. Grinaveckis. Lietuvių kalbos tarmių tyrinėjimas Tarybų valdžios metais. „Vilniaus Valstybinio pedagoginio instituto Mokslo darbai. Lietuvių kalba ir literatūra“, XI. Vilnius, 1960, стр. 34.

²⁶ V. Grinaveckis. Keli lietuvių kalbos tarmių fonetinių ypatybių istorijos klausimai, стр. 120.

²⁷ Мягкость согласных в данной статье обозначается ' (апострофом) только перед гласными заднего ряда и в конце слова; перед гласными переднего ряда согласные всегда мягкие. Долгота гласных обозначается черточкой над буквой (*ā*), ударяемые акутные (*á*) и диакритические (*ā*) гласные являются долгими; их долгота (за исключением архетипов) другим знаком не обозначается: полудолгота гласных обозначается точкой внизу с правой стороны буквы (*a.*).

²⁸ На восточной части указанной территории аффрикаты перед *-ā* отсутствуют только в словах, содержащих более двух слогов.

- Д. žūodēms ~ žōdžiams < *žādjamus
 В. žūod'ūs ~ žodžiūs < *žādjōns
 Тв. žūodēs ~ žōdžiais < *žādjais
 М. žūod'ūs ~ žōdžiūse < *žādjōnsén

На территории жемайтских говоров все указанные изоглоссы отсутствия аффрикат в конце слова являются параллельными. Также параллельно с данными жемайтскими изоглоссами проходит и изоглосса, отделяющая аукштайтско-дзукский диалект от других аукштайтских диалектов. Параллельное расположение указанных изоглосс свидетельствует о распространении аффрикат на территории литовского языка с востока на запад.

§ 5. а) Причиной отсутствия аффрикат в конце слова в жемайтских говорах является редукция конечных гласных. Редуцированные конечные гласные заднего ряда под влиянием *j* продвинулись вперед, а перед передними гласными *j*, стоявший после согласных (в данном случае в сочетаниях *tj*, *dj*), по законам литовского (и латышского) языка исчез и, таким образом, *tj*, *dj* > *t'*, *d'*.

б) Так как волна аффрикат шла с востока, а редукция конечных гласных — с северо-запада²⁹, то чем дальше на северо-запад продвинулась волна аффрикат, тем больше конечные гласные были подвергнуты редукции и продвижению вперед и в связи с этим *j* из сочетаний *tj*, *dj* перед конечными гласными был обречен на исчезновение. Поэтому чем дальше на северо-запад, тем меньше аффрикат из *tj*, *dj* в конце слова.

§ 6. Зависимость исчезновения *j* в конце слова после согласных от сокращения конечных гласных и перехода их в гласные переднего ряда в жемайтских говорах лучше всего показывает судьба *bj*, *pj*, *mj*, *vj* в конце слова, тождественная с судьбой *tj*, *dj*, например (в говорах северо-западных дунининков):

Единственное число

- И. trètè ~ trečià 'третья' < *tretjā
 Р. trèč'ūos ~ trečiōs < *tretjās
 Д. tretê ~ trečiái < *tretjai
 В. trête ~ trečia < *tretjān
 Тв. trètè ~ trečià < *tretjān
 М. trèč'ūo ~ trečiojè < *tretjājén

Множественное число

- И. trêtes ~ trėčios < *tretjās
 Р. trèč'ū ~ trečiū < *tretjuñ
 Д. trèč'ūoms ~ trečiooms < *tretjāmus
 В. trètès ~ trečiás < *tretjāns
 Тв. trèč'ūoms ~ trečiomis < *tretjāmís

Единственное число

- И. šlápè ~ šlapià 'мокрая' < *šlapjā
 Р. šlāpjūos ~ šlapiōs < *šlapjās
 Д. šlape ~ šlapiái < *šlapjai
 В. šlāpe ~ šlapiā < *šlapjān
 Тв. šlápè ~ šlapià < *šlapjān
 М. šlāpjūo ~ šlapioiè < *šlapjājén

²⁹ V. Grinaveckis. Galūnių trumpėjimas lietuvių kalbos tarmėse. — „Vilniaus Valstybinio pedagoginio instituto Mokslo darbai. Lietuvių kalba ir literatūra“, VIII, 1959, стр. 100.

Множественное число

- И. šlāpes ~ šlāpios < *šlapjās
 P. šlāpjū ~ šlapiū < *šlapjuñ
 Д. šlapjuoms ~ šlapióms < *šlapjāmus
 B. šlāpēs ~ šlapias < *šlapjāns
 Тв. šlāpjūoms ~ šlapiomīs < *šlapjāmīs

У приморских жемайтов, где *tj*, *dj* в конце слова > *t'*, *d'* и *bj*, *pj*, *mj*, *vj* > *b'*, *p'*, *m'*, *v'* (либо *b*, *p*, *m*, *v*, если за ними нет гласного), например:

Единственное число	Множественное число
И. šlāps ~ šlāpias 'мокрый'	šlāpē ~ šlapi
P. šlāpe ~ šlapio	šlap'ū ~ šlapiū
Д. šlāpēm ~ šlapiām	šlapīms, -ēms ~ šlapiems
B. šlāpi ~ šlāpi, -iā	šlap'ūs ~ šlapiūs
Тв. šlāp'ò ~ šlapiū	šlāpēs ~ šlapiātš
M. šlāpēmē ~ šlapiamē	šlap'ūs ~ šlapiūsē

§ 7. а) В латышском языке *tj*, *dj* превратились в *š*, *ž*: *sveša* род. п. ед. ч. 'гостя' < *svetjā; *meža* род. п. ед. ч. 'леса' < *medjā*. Существует мнение, что в латышском языке *tj*, *dj* прежде всего > *č*, *dž*, которые в дальнейшем развитии дали *š*, *ž*³⁰. На западной части латвийской территории (в куршском языке), как и на литовской (в жемайтском диалекте), в конце слова *tj*, *dj* > *t'*, *d'*, которые в дальнейшем в топонимах (и, по всей вероятности, в диалектных словах) > *k'*, *g'*. В латышском языке на западной части территории (как и в литовском) сочетания *tj*, *dj* изменились позже, поэтому в нем, как и в жемайтском диалекте, второй компонент *tj*, *dj* в зависимости от редукции конечных гласных исчез до *tj*, *dj* > *č*, *dž* (*š*, *ž*).

б) В латышских (как и жемайтских) говорах, которые произошли из куршского языка, второй компонент *bj*, *pj*, *mj*, *vj* в конечных слогах исчез также в зависимости от редукции окончаний³¹. Это показывает на тождественную судьбу *tj*, *dj* и *bj*, *pj*, *mj*, *vj* и в западно-латышских говорах.

По мнению К. Буги, *tj*, *dj* в латышском языке изменились в *š*, *ž* еще до X в.³², в западной части латвийской территории это изменение, возможно, является более поздним.

§ 8. а) В прусском языке *tj*, *dj*, по всей вероятности, превратились в *t'*, *d'*, например: *median* 'лес', *medione* 'охота', лит. *medžionė* то же, *geide* 'желает', лит. *geidžia*, *waitiāt* 'говорить'. Эту особенность прусского языка И. Эдзелин сравнивает с соответствующими особенностями куршского языка и жемайтского диалекта³³.

б) Так как изменение *tj*, *dj* раньше всего началось на восточной части как литовской, так и латвийской территории, то можно полагать, что к пруссам, как более удаленным на запад балтам, волна изменения *tj*, *dj* в аффрикаты не дошла. Возможно, что пока волна аффрикат достигла прусской территории, *tj*, *dj* в прусском языке уже были превращены в *t'*, *d'*, как (в конечных слогах) в куршском языке и в жемайтском диалекте. Так как распространение аффрикат из *tj*, *dj* шло с востока, то возможно, что данное изменение проникло в литовский язык из восточнославянских языков³⁴.

³⁰ К. Вүга. Указ. соч., III, стр. 98.

³¹ J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, стр. 176—177.

³² К. Вүга. Указ. соч., III, стр. 98.

³³ J. Endzelīns. Senprūšu valoda, стр. 34.

³⁴ Ср.: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 166.

С образованием аффрикат из *tj, dj* тесно связано дзуканье. Где в литовском языке *tj, dj* превратились в *c', dz'*, там и *t', d'* (в аукштайтско-дзукских говорах перед *i, y, i, ie*; в жемайтско-дзукском говоре перед всеми гласными переднего ряда в конце слова) > *c', dz'*³⁵, а где *tj, dj* > *č' dz'*, там нет превращения *t', d'* в *c', dz'* (нет дзуканья). Нельзя считать, что дзуканье в литовских говорах просто заимствовано из белорусского языка, так как в белорусском языке только *t', d'* > *c', dz'* (дзеди 'дети'), а *tj, dj* > *č, ž* (свеча < **svĕtja, meža* > *medja).

§ 9. Отверждение согласного *l*. В дзукских, в зетельском, в восточном и среднеаукштайтских говорах согласный *l* перед *e, é* является твердым: *lādas ~ lēdas* 'лед', *lėk ~ lėk* 'лети'; перед согласными в некоторых словах *l* превращается в *u*, например: *aukūnė < alkūnė, kaniūnėrius < kalniūnėrius*. Кроме того, обыкновенное твердое литовское *l* в восточных говорах произносится более твердо. Вероятно, усиленная твердость *l*, а также превращение *l* в *u* перед согласными в восточнолитовских говорах объясняются влиянием белорусского языка, в котором *l* > *ŷ*. Отверждение *l* перед *e* и *é*, по всей вероятности, зависит от более твердого произношения данного согласного. Ведь перед *e* и *é* (< *ē*) *l* произносится менее мягко, чем перед *i, y, i, ie*, поэтому перед *e* и *é* согласный *l*, склонный к отверждению, мог стать твердым, а перед другими гласными переднего ряда смягченный *l* более резко отличался от твердого — поэтому остался мягким. Кроме того, отверждение *l* раньше началось на восточной окраине литовских говоров, откуда распространилось дальше на запад³⁶. Это тоже свидетельствует с белорусском влиянии.

§ 10. Отверждение согласных *r, s, š, ž*. В большей части юго-западных дзукских говоров (Лейпалингис, Сейрияй, Вейсиеяй, Друскининкай, Меркине, Мардинконис, Рудня и др.) согласные *r, s, š, ž* являются твердыми перед гласными переднего ряда (в большинстве перед *e, é*, на несколько меньшей территории перед *ia, io, iu*, в некоторых местах и перед *i, y, i, ie*). Законы отверждения данных согласных на указанной территории очень разнообразны.

В восточнодзукских говорах твердо произносится *r, s* перед *e, é*³⁷, а в зетельском говоре — *r, š, z* перед *e, ia, io, iu*³⁸.

Отверждение данных согласных тождественно с аналогичным явлением в белорусском языке.

§ 11. Гласные заднего ряда *ы, ɛ*, происшедшие из передних гласных после отвердевших согласных, например: *sáuly* 'с солнцем', *séjo* 'сеял, -ли'. Происхождение данных гласных неразрывно связано с отверждением согласных.

§ 12. В изолированных литовских говорах в Белорусской ССР (Затела, Лазунай) в начале слова перед гласными прибавляется *h*: *halūs* 'пиво', *hūrė* 'река', *hūogos* 'ягоды'. Это, несомненно, результат влияния белорусского языка.

В литовских говорах в белорусском окружении (см. § 12) вместо *g* иногда произносится *h*: *hīrdi* < *giṛdi* 'слышит, -ат', *hrinas* < *grýnas* 'чистый'.

§ 13. Кроме изложенных фонетических особенностей, в восточнолитовских говорах имеется большое количество слов, заимствованных из

³⁵ V. Grinaveckis. Džukavimas ir jo kilmė. „Vilniaus Valstybinio pedagoginio instituto Mokslo darbai. Lietuvių kalba ir literatūra“, VIII. Vilnius, 1959, стр. 91—94.

³⁶ A. Salys. Kelios pastabos tarmių istorijai. „Archivum Philologicum“, kn. IV. Kaunas, 1933, стр. 27; V. Grinaveckis. Lietuvių kalbos tarmių tyrinėjimas Tarybų valdžios metais, стр. 34—35.

³⁷ J. Kardelytė. Linksnų tarmės fonetika. „Kalbotyra“, II. Vilnius, 1960.

³⁸ А. Видугирис. Указ. соч., стр. 9.

славянских языков, также заимствованы некоторые суффиксы и префиксы³⁹.

§ 14. Большинство языковедов — исследователей балто-славянских связей пришло к выводу, что балты жили на обширных территориях, простирающихся на восток и на юг. Позднее славяне постепенно ассимилировали балтов⁴⁰. К такому же выводу пришли и археологи⁴¹. Конечно, эти балтийские племена перед окончательным слиянием со славянами долгое время жили с ними смешанно. Язык данных балтов постепенно должен был приближаться к языку славян.

Возможно, что указанные выше фонетические общности литовских говоров с соседним белорусским языком, распространившиеся с востока, возникли в процессе славянизации восточных балтийских племен. Впоследствии данные особенности языка распространились дальше на запад и заняли нынешнюю территорию.

---

³⁹ Jan Otrębski. *Wschodnio-litewskie narzecze twereckie. Część III. Zapozyczenia słowiańskie*. Kraków, 1932.

⁴⁰ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья. „Lietuvių kalbotyros klausimai“, IV. Vilnius, 1961, стр. 195 и сл.; Б. А. Серебrenников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. „Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai“. Serija A, 1. Vilnius, 1957, стр. 69—72.

⁴¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2. М., 1953, стр. 70, 86, 92; В. В. Седов. Кривичи и словене. Автореферат. М., 1954; А. Таутавичюс. Восточная Литва в первом тысячелетии нашей эры. Автореферат. Вильнюс, 1954; А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореферат. Л., 1955; Р. Яблонските-Римантене. О древнейших культурных областях на территории Литвы. „Советская этнография“, 1955, № 3, стр. 3—5, 15; Ср.: A. Vidugiris. Указ. соч., стр. 14—39; Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. „Советская археология“, 1958, стр. 27—30; М. Я. Гринблат. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белоруссов. „Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии“. М., 1959, стр. 524.

ЗАМЕТКИ О ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОМ ДВУЯЗЫЧИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА ГЕРВЯТ)

Герваты¹ — наиболее удаленный к юго-востоку от Литвы остров литовского языка в славянском окружении (белорусский, польский, в какой-то степени русский), уцелевший от когда-то сплошного здесь контактного пояса распространения этих языков. В свое время литовским диалектом Гервят интересовались Э. Вольтер, который включил в „Литовскую хрестоматию“² 11 местных песен, позднее Г. Геруллис, И. М. Эндзелин, а также П. Арумаа, предоставивший в распоряжение исследователей тщательно выполненные транскрипции нескольких текстов из Гервят (четыре сказки, два повествовательных отрывка, 11 песен)³. Уже первые наблюдения в настоящее время не оставляют сомнений в крайнем лингвистическом своеобразии этого пункта и позволяют думать, что сложившаяся здесь ситуация интересна не только как случай балто-славянских контактов, но и с точки зрения общей теории взаимодействия языков.

I. Теперешнее население Гервят (около 330 человек) представляет собой во многих отношениях сложный тип языкового коллектива. Это выражается прежде всего в количестве языков, обслуживающих коллектив, — здесь активно используются литовский, белорусский, польский (реже) языки, так что вся совокупность текстов членится на примерно равные литовский и белорусский фрагменты и значительно меньшего объема — польский.

Длительный симбиоз трех языковых обществ на одной территории сформировал сложную систему языкового поведения личности. В речевой практике почти каждого говорящего поочередно используются по крайней мере два языка (третий, как правило, обнаруживается лишь в фрагментах и не употребляется активно, хотя существенно отметить, что каждый понимает любой из трех языков). Таким образом, налицо район сплошного двуязычия, видимо, неизбежного в условиях регулярного контакта различных языков на одной территории, когда имеет место сугубый функциональный параллелизм этих языков, в равной степени

¹ Лит. Gervėčiai — по нынешнему административному делению сельский населенный пункт на территории Островедкого района Гродненской области БССР, в 65 км от Вильнюса. Сохранились сведения из истории: в 1271 г. (первое известие) Герваты принадлежали великому литовскому князю Германту, с 1511 г. — сыну польского короля Зигмунта I, затем долгое время находились во владении виленских епископов (K. Tyszkiewicz. Wilija i jej brzegi. Drezden, 1871; Cz. Jankowski. Powiat Oszmiański, 1895).

² Э. Вольтер. Литовская хрестоматия, вып. 2. СПб., 1904, стр. 396—402.

³ P. Aruma. Litauische Mundartliche Texte aus der Wilnaer Gegend. Dorpat, 1931.

оказывающихся приложимыми к тождественному материальному миру (в описываемом случае эта тождественность подкреплена в высокой степени ассимилированной культурой).

Отмечено несколько типов двуязычия, которые сформировались в зависимости от двух факторов: во-первых, от самой комбинации языков, во-вторых, от последовательности их усвоения. Действие этих факторов и результирующие разные типы двуязычия удобно представить в таблице (см. табл. 1. где + означает, что существует тип двуязычия, образованный соединением языка по вертикали и по горизонтали, причем язык, отмеченный в вертикальной графе, усваивался первым, от старшего поколения, в семье).

Самый распространенный тип двуязычия — „литовский—белорусский“, т. е. наиболее многочисленная группа населения, усваивая в семье литовский язык, затем овладевает белорусским языком.

Т а б л и ц а 1

I язык	II язык		
	Литовский	Белорусский	Польский
Литовский	=====	+	+
Белорусский	+	=====	+
Польский	+	+	=====

Довольно часто реализуется тип белорусско-польского и польско-белорусского двуязычия. Что касается польско-литовского двуязычия (и литовско-польского), возможного в смешанных семьях, то оно с минимальной примесью белорусского языка встречается только у отдельных представителей самого старого поколения, обычно же, вследствие посредствующей роли белорусского языка

в этом коллективе, оно сводится либо к типу „литовский—белорусский“, либо „польский—белорусский“, в зависимости от преобладания в семье литовского или польского языка. В силу междиалектной функции белорусского языка редок тип белорусско-литовского двуязычия.

Таким образом, описываемая языковая группа характеризуется тем, что каждый говорящий должен осуществлять выбор языкового поведения по крайней мере из двух систем. В качестве критериев выбора языковой системы в данном случае релевантны некоторые признаки ситуаций речевого общения, так что языки в общем оказываются закрепленными за ситуациями.

Главный, наиболее категорический признак, основанный на лингвистической характеристике самих говорящих, делит ситуации речевого общения на однородные и неоднородные в языковом отношении. При этом для неоднородных ситуаций, т. е. для случаев общения носителей разных „первых“ языков, независимо от их количественного соотношения, предписывается регулярное использование белорусского языка. К неоднородным ситуациям примыкают, видимо, случаи, когда языковая система собеседника не установлена (X_1) — обычно такой собеседник „пробуется“ на белорусский язык. Действие признака „однородность—неоднородность“ описано в табл. 2 (пересечением вертикального ряда и горизонтального обозначены „однородные“ и „неоднородные“ языковые ситуации, а в клетках указаны используемые в них языки).

Как видно, этот признак не вполне регламентирует выбор языка в ситуациях „литовский₁—литовский₁“ и „польский₁—польский₁“, допускающих использование белорусского языка. На эти случаи распространяется следующий признак — „семейная—несемейная ситуация“, — закрепляя за литовским языком и польским функцию „семейного“ языка (см. табл. 3).

Таблица 2

	Литовский ₁	Белорусский ₁	Польский ₁	X ₁
Литовский ₁	Литовский, белорусский	Белорусский	Белорусский	Белорусский
Белорусский ₁		Белорусский	Белорусский	Белорусский
Польский ₁			Польский, белорусский	Белорусский

Таблица 3

I признак	II признак	
	Семья	Несемья
Литовский ₁ — литовский ₁	Литовский	Литовский, белорусский
Польский ₁ — польский ₁	Польский	Польский, белорусский

В однородных „несемейных“ ситуациях выбор языка зависит от комплексной характеристики „количество говорящих и тематика“: если разговор обращен к темам коллективных интересов и занятий, а участников больше четырех-пяти, то, как правило, используется белорусский язык.

Описанная организация языкового поведения личности производит впечатление общей и постоянной в условиях данного коллектива, соблюдаемой с обязательностью „общественного договора“.

Интересно указать на некоторые оказавшиеся доступными наблюдению случаи „инкорпорирования“ единиц разных языков в одном тексте (можно говорить о своеобразной нейтрализации признаков речевых ситуаций). Это — неперевод прямой речи, восходящей к ситуации иного типа, обслуживаемой другим языком. В результате оформляется комбинированный текст (аналогичный последовательности авторского и неавторского стилей в литературе): *na jajé ščé avórac' što ul'táika, a janá kryčýc' — oí vaikáí vaikáí, n'éko n'a móžna zrab'ic'* и др.

Особо стоит ряд ситуаций, использующих код высшего, нежели язык, ранга — речь идет о случаях воспроизведения текстов, представляющих собой поэтическую традицию коллектива (например, при организации обрядов). Здесь также строится последовательность текстов на разных языках. Так, некоторые звенья свадебного обряда могут одинаково включать литовские, польские и белорусские обрядовые песни.

II. Как это и следует из описанных особенностей функционирования языков в Гервяхтах, проводником наиболее интенсивных межъязыковых влияний оказывается литовско-белорусская двуязычная группа. Здесь излагаются некоторые наблюдения над фонетико-фонологическими результатами этого двуязычия, ограниченные уровнем консонантного различия. Результаты двуязычия рассматриваются в двух планах: во-первых, в плане их концентрации в консонантных моделях литовского и белорусского диалектов, во-вторых, в идиолектном плане (речь идет о влиянии литовского фонологического субстрата на построение вторичного белорусского

Артикуляционная схема

Способ образования	Участие голоса	Место образования											
		губные		губно-зубные		переднеязычные		среднеязычные		заднеязычные			
		исполнительные	исполнительные	исполнительные	исполнительные	исполнительные	исполнительные	исполнительные	исполнительные	исполнительные	исполнительные		
смычные	звонкие	b' b' b'arnas b'aréc'	b lábas bába			d dóm'ikas dóška			j jásnar jásny			g' (лит.) g'arklé	g (лит.) g'aiž'is
	глухие	p' p' p'ásus p'asók	p pásaka pásak			t tumónas tumán						k' k' k'al'as k'isly	k kár'v'e kám'en'
фрикативные	звонкие			v' t'ev'al'is v'óska	v vákár v'óška	z' nuv'éz'a z'al'óny	z zárkolas zámus					ɣ' (белор.) dóŋ'ɣ'i	ɣ (белор.) ɣólas
	глухие					s' s'áuras pas'ēju	s sánas sérca					š pušále šastac'	š (белор.) x'itry x (белор.) xáta
аффрикаты	звонкие					ʒ' ʒ'ená ʒ'ón	ʒ méžgalá pasažóny						
	глухие					c' c'águl c'ixa	c cáras cýtan					č čžstas čysty	
вibrанты						r bréž'is ɣaréc'	r méžgalá pasažóny						
латеральные						l' k'al'as l'ámpa	l lázdas láva						
	носовые	m' m'áz'as m'ála	m mázgoc' mála			n' ʒ'ien'ále n'ós	n námás nós'ic'						ŋ ruŋka žóŋka

идиолекта у двуязычного). Описание основывается на интерпретации текстов, записанных в Гervятах в декабре 1962 г. — литовских, белорусских текстов от информантов с первичным белорусским языком и белорусских текстов от двуязычных с первичным литовским языком. Объем текстов — приблизительно 2000 транскрипционных знаков в первом и втором случаях, около 1000 знаков — в третьем.

1. При сравнении литовского и белорусского диалектов Гervят в поле зрения фонолога прежде всего попадает тот факт, что статус этих диалектов неодинаков в том отношении, что одному из них — белорусскому — свойственна стабильность фонетико-фонологической организации, тогда как другой — литовский — обнаруживает в этом плане дифференцированность. Уже это обстоятельство можно интерпретировать как отражение лингвистической тенденции: она состоит в том, что преобладающее направление межъязыкового влияния в условиях рассматриваемого контакта языков — адаптация к белорусской системе.

Таблица 5

Литовский диалект дифференцируется по степени проявления этой тенденции, а потому при его описании следует различать по крайней мере между двумя вариантами — литовским разговорным и фольклорным (точнее, песенным) языком.

Литовский разговорный диалект, в особенности же у младшего поколения, представляет случай далеко зашедшей адаптации к белорусскому.

Это выражается, если речь идет о консонантизме, прежде всего в высокой степени выравнивания фонетической субстанции — наборы транскрипционных знаков (аллофонов) для обоих диалектов в подавляющей части совпадают, причем единый транскрипционный знак передает материальное тождество. Различия, как видно из артикуляционной схемы (табл. 4), сведены в заднеязычную зону: для литовского диалекта характерно смычное образование заднеязычных, для белорусского, кроме того, щелевое.

Существуют случаи, когда приведенная наддиалектная схема артикуляций реализуется. Это происходит в белорусской речи двуязычного с первичным литовским языком, когда из-за непосредственного проведения щелевого образования заднеязычных наряду с *x, x', ʎ, ʎ'* появляются *g, g'* (например, в этом тексте: *xóʂ'ic, gl'aʂ'ic' — n'iʂ'é p'ikóʂa*). На уровне консонантных аллофонов, таким образом, на литовский (разговорный) диалект, белорусский диалект, белорусский диалект двуязычных распространяются следующие признаки (см. табл. 5).

При параллелизме в плане фонетического оттенка значительным оказывается и структурное сходство. Оно выражается уже в том, что инвентари согласных (включая сонанты) фонем, порознь установленные для литовского и белорусского диалектов, количественно сходны: 31 фонема в литовском, 30 фонем в белорусском⁴.

⁴ Для выделения фонем использовался следующий дистрибутивный критерий: функциональность транскрипционного знака (фонематичность) считается установленной при условии его встречаемости в пределах минимальной дистрибутивной структуры вида CV (где V — гласный заднего ряда а), обладающей свойством максимального консонантного различия.

Комментарий к литовскому фонемическому инвентарю:

r — *grauzmūs, pajūro, pažūr, trýs, réik'a*; *l* — *ládas, léle, lékc'*; *l'* — *k'al'ále, brolál'ai*; *n* — *námas, aná, ž'iená*; *n'* — *ž'ien'ále, kukn'á*; *m* — *mán, mážas, mázgoč'*; *m'* — *m'áz'as, m'áta*; *j* — *jáu, pjáuč'*; *t* — *tás, stálas*; *d* — *dáržas, dáuk*; *ž* встретилось в слове *žáuksmas* (лит. литер. *džiaūgsmas*); *ž'* — *šún'ž'a, gaiž'al'is, ž'v'i*; *c* отмечено только в заимствованных словах: *cáras, prýncas, cúkrus, cypriján* (имя собственное); *c'* — *c'águl, c'á, c'áip, m'ic'úna* (название местности), *c'ik*; *s* — *sáko, sánas*; *s'* — *s'áuras, sas'ále*; *z* встречается редко, в основном в заимствованных, что сопоставимо с редкой употребляемостью *z* в литературном варианте литовского языка⁵ и параллельно малой частотности *ž* в гервятском диалекте — *žárkolas, gazéta*; *z'* — *nuv'éza, paz'émtka*; *p* — *pásaka, páukštes*; в заимствованиях *p* может свободно чередоваться с *f*: *pūņktas — fūņktas, práktyka — fráktyka, pókus — fókus* и др.; *p'* — *p'ácus, p'ále*; *b* — *báltas, lábas*; *b'* — *b'árnas, b'áržas*; *v* — *vákar, vaiká*; *v'* — *nuv'ájo, c'ev'al'is*; *š* — *pušále, ašará*; *ž* — *žabrókas, dáržas, žyédas*; *č* — *časnákas, čyédas, raščýna*; *g* — *m'argá, gailá*; *g'* — *m'arg'ále, g'árc'*; *k* — *kárve, kálnas, kaun'érus*; *k'* — *k'al'as, k'áule, p'irk'á*.

Комментарий к белорусскому фонемическому инвентарю:

r — *parádak, rázam, s'astrá*; *l* — *láz'ic', lán'a, lókc'i*; *l'* — *l'áyu, l'ámpa, bl'ásk, l'óxšy*; *n* — *nás, naz'énu, nós'ic'*; *n'* — *n'áz'él'a, pryn'ós*; *m* — *mála, mác'i*; *m'* — *m'ála*; *j* — *já, jáblyk*; *t* — *tátus', tám*; *d* — *dám, padarak, tadý*; *c* — *calúje, cár, cély, cymbály*; *c'* — *c'ášk'i, c'áyn'e, c'éla*; *s* — *sáz'ic' sércá, sám'i*; *s'* — *pas'éju, s'az'ic'*; *z* — *zámuš, zájac, záutra*; *z'* — *z'ác', z'al'óny*; *p* — *pál'ic, pán'i*; *p'* — *p'ác', p'asók*; *b* — *badáj, bába*; *b'* — *b'adá, b'aréč'*; *v* — *vasóly, varýč'*; *v'* — *v'anók*; *ž* встречается, видимо, только в польских заимствованиях, отмечено перед *o*: *pasazóny*; *ž'* — *ž'on, ž'írka*; *š* — *šáпка, šástac'*; *ž* — *žába, žalósny*; *č* — *čas, lúččaj*; *k* — *kám'en', k'in'*; *x* — *xáta, ptáx, x'íba*; *γ* — *γaspadár, ayón', druy'i*.

Таким образом, выясняется, что фонемические консонантные инвентари литовского (разговорного) и белорусского диалектов совпадают в части, включающей: 1) все сонанты: *r, l, l', n, n', m, m', j*; 2) большую часть собственно согласных: *t, d, c, c', ž, ž', s, s', z, z', p, p', b, b', v, v', š, ž, č, k* — так что переход от общего набора к литовской системе осуществляется в три единицы: *k', g, g'*, а к белорусской — в две: *x, γ*.

Парадигматическая идентификация согласных, представленная в матрицах идентификации (табл. 6 и 7), осуществляется для литовского и белорусского диалектов единым набором различительных признаков: консонантность (Cns), компактность (Cm), периферийность (G), назальность (N), непрерывность (Cn), яркость (St), звонкость (V), палатальность (Sh). По признаку консонантности класс сонорных, одинаково выраженных в обоих диалектах (*r, l, l', n, n', m, m', j*) противопоставлен 23 шумным в литовском (*t, d, c, c', ž, ž', s, s', z, z', p, p', b, b', v, v', š, ž, č, k, k', g, g'*) и 22 шумным в белорусском (*t, d, c, c', ž, ž', s, s', z, z', p, p', b, b', v, v', š, ž, č, k, x, γ*). Признак компактности выделяет класс средне- и заднеязычных (8 в литовском: *j, š, ž, č, k, k', g, g'*, 7 в белорусском: *j, š, ž, č, k, x, γ*), противопоставленный согласным, образованным в передней части рта. Периферийность характеризует губные и заднеязычные (12 литовских единиц: *m, m', p, p', b, b', v, v', k, k', g, g'* и 11 белорусских: *m, m', p, p', b, b', v, v', k, x, γ*), а непериферийность — передне- и среднеязычные. Действие признака назальности одинаково в обоих диалектах и сосредоточено в классе переднеязычных сонантов: *n, n'* отличаются назальностью от *r, l, l'*. По при-

⁵ V. Vaitkevičiūtė. Lietuvių literatūrinės kalbos priebalsinių fonemų sudėtis. „Lietuvių kalbotyros klausimai“, I. Vilnius, 1957.

Матрица идентификации литовских согласных фонем

Дифференциальный признак	Фонема																														
	г	л	л'	п	п'	м	м'	й	т	д	с	с'	з	з'	с	с'	з	з'	р	р'	б	б'	в	в'	ш	ш'	ж	ж'	к	к'	г
Консонантность	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Периферийность	-	-	-	-	-	+	+	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Назальность	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	-	+	+	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Палатальность	0	-	+	-	+	-	+	0	0	0	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-

Матрица идентификации белорусских согласных фонем

Дифференциальный признак	Фонема																														
	г	л	л'	п	п'	м	м'	й	т	д	с	с'	з	з'	с	с'	з	з'	р	р'	б	б'	в	в'	ш	ш'	ж	ж'	к	к'	г
Консонантность	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Периферийность	-	-	-	-	-	-	+	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Назальность	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	-	+	+	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Палатальность	0	-	+	-	+	-	+	0	0	0	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-

знаку непрерывности в литовской системе различаются 8 фрикативных ($l, l', s, s', z, z', v, v'$) и 11 смычных и аффрикат ($r, t, d, c, c', \text{ʒ}, \text{ʒ}', p, p', b, b'$), в белорусской же — 10 фрикативных ($l, l', s, s', z, z', p, p', b, b', x, \gamma$) и 12 смычных и аффрикат ($r, t, d, c, c', \text{ʒ}, \text{ʒ}', p, p', b, b', k$). Признаком яркости описываются одинаковые наборы фонем в обеих системах: яркими являются аффрикаты $c, c', \text{ʒ}, \text{ʒ}'$, неяркими — $t, d, \text{ʃ}, \text{ʒ}$. Различия в действии признаков звонкости и палатальности касаются заднеязычных фонем: в литовской системе по участию голоса различаются 4 фонемы: $k, k', -g, g'$, в белорусской — 3: $k, x - \gamma$; палатальное образование заднеязычных проводится только в литовском диалекте: $k, g - k', g'$.

Таким образом, парадигматическое описание литовской и белорусской консонантных систем сводит их фонологические различия к следующим правилам сочетаемости (парадигматической) различительных признаков: 1) в литовском диалекте запрещено сочетание $+$ по компактности с признаком непрерывности, тогда как в белорусском признак непрерывности внутри класса компактных фонем различает смычный k и спиранты x, γ ; 2) в литовском проводится сочетание компактности с палатальностью, для белорусского это сочетание не релевантно.

Наблюдения над синтагматической сочетаемостью различных признаков (в пределах двухфонемных сочетаний согласных в слове) позволяют выделить еще один фонологический признак, сопровождающий систему литовских согласных: большие в сравнении с белорусским ограничения на сочетаемость $+$ по яркости с другими признаками (см. табл. 8).

Таблица 8

Диалект		+ _{Cns}	- _{Cns}	+ _{Cm}	- _{Cm}	+ _C	- _C	+ _N	- _N	+ _{Cn}	- _{Cn}	+ _{St}	- _{St}	+ _γ	- _γ	+ _ʃ	- _ʃ
Литовский	St	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+
Белорусский	St	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+

(В белорусском сочетаемость $+ St - Cn, + St + St$ разрешается через наличие геминат: *lūččaj, s'm'ajėcca*; сочетаемость $+ St - N$ отмечена в *ėl: ėlāpac'*). Остальные правила синтагматической сочетаемости на уровне пар согласных — общие в литовском и белорусском и состоят в том, что в обоих диалектах запрещено сочетание $+$ звонкости с $-$ звонкости и сочетание — звонкости с $+$ звонкости, кроме же этого все возможные сочетания признаков допустимы. В независимой позиции (абсолютный конец слова) нейтрализован признак звонкости. Что касается позиции конца слова, то важно отметить, что именно здесь локализуются наибольшие фонологические отличия между описываемыми системами: в качестве консонантного завершителя слова в литовском языке могут выступать 12 фонем ($r, l, l', n, m, j, t, c', s, p, \text{ʃ}, k$), в белорусском — 17 ($r, l, l', n, n', m, j, t, c, c', s, s', p, \text{ʃ}, \text{č}, k, x$).

2. Более независимая стадия по отношению к белорусской фонологической системе представлена в песенных текстах (которые сохраняют для некоторых представителей старшего поколения значение нормы и в разговорной речи). Здесь шире сфера действия признака палатальности, который может различать $r - r', t - t', d - d'$: *g'ir'u, gir'alān, s'irat'ėle, t'ėvas, žod'āly*; кстати, именно в песенном варианте отмечено неразличение $d' - g'$ (нейтрализация компактности): *karg'āl'is* (ср. *kārdas*) — яв-

ление, на которое указал Ю. Довидайтис⁶ как на след ятвяжского субстрата. Палатальных же *š', ž', č'*, еще зафиксированных 50 лет назад Э. Вольтером⁷ (*giúšja, žjūrjū, pēčjaus* и др.) и проводимых в гервятских текстах П. Арумаа⁸ (*služiŋau, važ'avo, tš'eso*), не отмечено.

3. Фонология вторичного белорусского идиолекта описывается через те явления, которые возникают как результат попыток двуязычного воспринять и передать звуки белорусского языка в единицах литовского. Тот факт, что первичная литовская система и система белорусского диалекта в высокой степени сходны, гарантирует адекватность имитации в большинстве случаев.

Признаки вторичного белорусского идиолекта могут быть интерпретированы в следующих типах:

1) неадекватная сегментация, выражающаяся в нулевом восприятии *γ* („количественная дивергенция“ в терминологии Е. Д. Поливанова⁹): *aspadár* (*γaspadár*), *avórys'* (*γavórys'*) *étak* (*γétak*), *aryélka* (*γaryélka*), *adý* (*γadý*), *alavá* (*γalavá*), *druóa* (*druóγa*) и др.;

2) неразличение прерывных у непрерывных компактных: *pa s'an'ók* (*pa s'an'óx*), *na nagák* (*na naγák*), *u rukák* (*u rukák*), *kl'ém* (*xl'ém*), *sagán* (*sayán*), *agl'anúš'a* (*agl'anúš'a*), *n'igž'é* (*n'iyž'é*);

3) неразличение компактных непрерывных по звонкости: *gramájučy* (*xramájučy*).

Ниже приводятся транскрипции текстов (отметим, что просодический план представлен условно: фиксируется только место ударения).

1. Литовский диалект

kab búu ž'iedas su bóbu, ir turéjo án'is gaid'ál'i ir višc'ályē. is'c'u'n'c'a m'áz'in, nuv'ájo c'e m'áz'in, ráda m'áz'í lázdu. gaiž'ís uslýndavo lazdos e v'išc'ályē stov'é po lazž'alý. v'išc'ályē sáko gaiž'ál'i gaiž'ál'i s'v'éc' mán resuc'él'i. sáko gaiž'is: túry kvartuk'él'i. kap s'v'éž'a gaiž'ís resuc'él'i prósta v'išc'ályēi ak'áln, ir izdauže ak'ály. v'išc'ályē k'ár k'ár gréjta nuléik'a par bóbu. bóba átleik'a su pušyn'í ž'iedas su kočárgu. gaiž'ál'i gaiž'ál'i kám v'išc'ályēi ak'ály izdauže? — e kól' mán lázdas k'al'n'as patráu'k'a? lázdos lázdos, kám jús k'al'n'as patráu'k'a? — e kól' mús óškos abgráuže? — oškos oškos, kám jús abgráuže lázdu? — e kól' mús p'iem'anáŋ n'a gán'a? p'iem'anáŋ p'iem'anáŋ e kól' n'a gán'a tú oškú? — e kól' múm bóba kuk'aláŋc'is n'a pak'ép'a? — bob bób, kám kuk'aláŋc'is n'a pak'ép'a? — e kól' k'áula raščýnu razv'érc'a? — k'áula k'áula, kám raščýnu razv'érc'aŋ? — e kól' mán vilkas paršál'i nun'éše? — v'il'k'e v'il'k'e, kám tú paršál'i nun'éšeŋ? — e aš n'a turéjau kóm g'arklés...

kab búu v'ilkas sánas, n'a téjp sánas kab žýlas, ak'is plác'os áus'is stác'os, dúnc'is kap vargónai. kap šóko v'ilkas p'ar tvóru, aškl'úvo vož'agá aš tvorós, papróv'is'u pásaku iš prazž'ós...

pryéjo c'iltu, ána kláus'a, sáko: kás itai? sáko vo c'a ito c'iltas'a važyn'éja žmón'es, váikštoja, važyn'éja. užéjo aná un c'ílto táŋ tás c'iltas atšóko už ž'v'é métru.

⁶ Ю. Довидайтис. О некоторых явлениях в южных и юго-восточных литовских диалектах. „Lingua Posnaniensis“, VII, 1959.

⁷ Э. Вольтер. Указ. соч., стр. 396—402.

⁸ Р. Арумаа. Указ. соч.

⁹ Е. Поливанов. La perception des sons d'une langue étrangère. — TCLP, 4. Prague, 1931.

raisk'a búvo c'ájp. án'is raspalažyl'is, naktújuć. p'árnaktuója, n'ikók'o žmogáus n'éko n'e jaul'ájeca tuós'a namúos'a. rytóĭ nuv'ájo ic'í un pal'avón'o...

reik'a padlógas mázgoć. aš važuós'u l'ínu gal'čúnúosan, aš ir šun'ž'a išvažuóc'ak, kad búć'ak s'v'aiķá. aná šún'ž'a žáda važuóc'. ánas búvo tók'is spakáĭnas. ažėĭk'a p'irk'ón. rassákai mán p'e sávo g'iv'an'imu. músu jaunuója brúnĭgi až itos p'in'igós n'a addúos'im. tadú važuója v'enčyn, nuv'éz'a sávo pódukre m'áž'in. áĭk šyc'a, paaman'is'im. dárbas báĭktas, am'á namó. ar áis'i kléc'in? káp áš b'ijóu cédo! pažúr un ž'egóraus — k'elintá až'iná? itas aparatúkas péun'e brúnĭgas? ánas móka kárve láĭž'ic'. mán réĭk'a p'áčus kurýn'c', áš šún'ž'a n'a kurýnaŭ p'áčaus. pasákai báĭku iš paćetku. áš táu v'isu praŭdu kl'águ.

stýcn'us. l'útas. mórčus. k'v'étn'us. mójus. čérfcus. l'ípcus. s'érpñ'us. vžés'n'us. paz'ž'érñ'ikas. l'istapódas. grúdn'us.

z'v'érys. žuv'is. žvaigžž'é. žvák'e.

dú bralál'ai kun'igáĭ dú bralál'ai uredáĭ, c'ík áš v'iéna váręgu ž'éna, gréb'au lúnĭkoj šyén'al'i. mán šyén'al'i b'agréb'ánt, kirc'im'él'i b'ek'ártánt, ir nulúžo grebláĭlis, náuĭo grebl'o koc'ál'is. m'ás brolál'i rašyc'a im greblál'i tais'ic'a, k'ál'as k'ál'as ž'eb'asél'is, súl'is lunĭkoj šyén'al'i. áš n'e m'ás'u rašyc'a, n'áĭs'u grebl'o taiš'ic'a, t'águl k'ál'as ž'eb'asél'is, t'águl l'ija šyén'al'i.

o áš m'argužéle viécna s'irat'éle n'a túru t'ev'ál'o, a n'é mot'in'éles. c'ík túru sas'ály, káĭ g'ir'os g'agúly, išėĭk'a sas'ála, paklaus'ík iš kúr v'éjas púća. ár iš puryt'él'o ar iz vakarél'o, ar iš tuó šon'ál'o, kúr moćút'e gúl'i. unt moćút'es kápo, rut'áles n'a ž'igo, c'íktáĭ žol'in'élye.

par brolál'i, par c'íkrúĭĭ, áš n'a g'arc'atajáu, pak'l'a g'éc' atajáu. tás brolál'is, tás c'íkrás'ai, táĭ ánas mán nug'ird'é. po žal'ńoĭi po v'išn'ále, táĭ ánas mán pagul'd'é. tú v'išn'ála, tú žal'úoĭa, táĭ n'a kl'ísk unt man'í, tú v'ejál'is tú surkštús'ai táĭ n'a púsk unt man'í. tú l'etúl'is, tú drabnús'ai táĭ n'a l'ík unt man'í.

2. Белорусский диалект

z'al'óny dubóćak, čóm n'a .z'el'an'éješ? ĭž'é já pasazóny, tám já z'el'an'éju. malady malóĭcyk, čóm tý zasmuc'ius'a, c'i aicá žal'éjaš, c'i vajný baís's'a? vajný n'a bajús'a, aĭcá n'a žal'éju, maladóĭ ž'aućýny pak'idác' žal'éju. maladá ž'aućýna durný rózum máje, pa ganéćku xóž'ic', s'l'ózy pral'iváje. s'éem n'až'él' xvaréla, n'ixtó p'íc n'a dáje, n'i aĭć'éc, n'i máć'i, n'i s'astrá, n'i brác'i, n'ét kamú padác'i. pras c'ab'é malóĭcyk múšu pam'írác'i. badáĭ tý malóĭcyk z vójska n'a v'arnúš'a, ják tý m'an'é mlódu dós'ic' namanuš'a. badáĭ tý ž'aućýna tadý zamuš póšla, ják u mlyn'e na kam'én'u pšan'ica uzrósla.

u daróĭu svatý, u daróĭu, vám daróška ják dóška, m'és'ac s'v'éć'a ják s'v'éćka, slónca ĭréja ják p'iećka.

n'a stáĭ na l'áž'é, bo tý uvál'is'a, c'i tý m'an'é v'érna l'úb'iš, c'i tý xvál'is'a? kal'í c'ab'é n'a l'ubl'ú, karáĭ m'an'é bóža, calaváu m'ilaváu skól'k'ĭ s'érca móža. calaváu calaváu, n'i nacalaváus'a, ják u sáz'i salav'ėĭ n'i naščab'atáus'a.

a tý, dúrn'u, ˈdaváu, já razúmna brála, já tak'im'i durakám'i platý patp'irála. a tý, dúrn'u, xaz'íu, razúmna zvaž'íla, já tak'ími durakám'i platý γaraz'íla. badáĭ tý, z'auč'ýna, xvaréla bal'éla, ják ad m'an'é maladóγa padáračk'i m'éla.

daun'éj vasél'nyja p'és'n'i byl'i, žalósnyja p'és'n'i b'as kónca. p'és'n'au jést okrópn'e žalósnyx. tréba u bábau spras'ic', katóryja n'adáuna zámuš pavyxaz'íušy.

z daun'éjšyx pradaun'éjšyx γasudaróu káska. byl'i γasudár z zónkai. m'él'i dvóje — sýna i dačkú. γéty sýn n'iz'é n'i naišóu sab'é z'ěuk'i žanicca. tút vainá. s'astrá papras'íla kab jajé sxavál'i jajé zamuravál'i i bylá janá paγtará γóda u γéty skl'ép'e. brát ažan'íus'a, m'él'i rab'ónka. vysl'i na spácyr kal'á tóγa múru, s'astrá uz'alá i výšla s tóγa múru.

iž'éc' γas'c'incam staryčók, janá jamú raskazála, štó z jóju slučyušys'a. a jón káza iž'i na ayón', na γéty bl'ásk, us'ó tám búz'a, i jadá, i sluγí, pras'is'a ná nač. janá žyjé dvá γadý u γéty l'és'e. takája lán'a n'i karóva u jix bylá, ták i pražyul'al'is'a.

óĭ na móry b'al'jó mýla, na bérayu v'és'ila, svaiγó m'ílaγa družóčka razγavóram c'éšyla.

u nás jazyk tak'i pabuntavány, prósty náš jazyk, pa b'elarúsku γavarýc' — γéta sauš'ím druγója.

mý svajú čarn'icu svarýušy. pal'az'í u s'an'óx čórnaγa kúbačka. v'incak b'adaváu žaroun'i. ják tý l'óxšy n'a padóbn'e. býušu u róu ujéxaušy n'a c'v'arózy. dačká bylá pryjéxaušy.

3. Белорусский идиолект двуязычных

šlá kazá gramájučy, na trý p'áž'i ščapájučy, uv'és' s'v'ět p'erajšlá' n'igz'é m'éjsca n'i najšlá. já i na rýnačku bylá, já i rasády kup'íla, já i arélačku p'ilá. sém l'ét n'i gl'az'éla, ják udáus'a kačán, da ón tónk'i vysók'i, i na l'isty šyrók'i. óĭ tý kačán kačanók, n'a xaz'í pa móĭ s'an'ók, i n'a trógaĭ nagóĭ, bo n'a l'águ s tabóĭ. já i l'águ z županóm, pad z'al'ónym z'irvanóm, žólty bóty na nagák, p'istal'éc'ik u rukák, šápacka maŋgéračka, mýšačka kab'étačka. zaprag'íc'a vý kan'á, pajéz'em pa papá, póp čašu n'a mája, parupkóu spav'adája. paká póp da myšý, myšá l'éžyc b'az dušý. trý dn'í jámu kapál'i, trý dn'í mýšku kavál'i.

u jak'im žaš umn'é malóc'ac'? — aš na futarók. já s'ažú u burakók. já druóa sórtu n'a xóču. n'i búdu alavý kruč'íc', ólasu n'amá s'p'avác'. mý p jóĭ pamaál'i, móža p n'a avarýla. z'v'é škl'ánk'i kryv'í az'al'í, dvá adý alavá bal'éla. dvanás'c'e adóu. vot já jaó n'a pómnu. trý adý n'i žyl'í. p'ěš ruč'al'is'a. u s'an'ók. aspadár.

ПРЕВЕРБЫ И ПЕРФЕКТИВНОСТЬ

ОБ ОДНОЙ СКИФО-СЛАВЯНСКОЙ ИЗОГЛОССЕ

Осетинский язык, принадлежа к иранской группе индоевропейских языков, занимает в ней обособленное положение и во многих отношениях противостоит всем остальным индоиранским языкам. Достаточно указать на наличие смычно-гортанных согласных, многопадежное агглютинативное склонение и ряд других особенностей.

Обычно это своеобразие приписывается влиянию кавказской среды, во взаимодействии с которой осетинский язык живет не менее двух тысячелетий. Пишущий эти строки сам неоднократно указывал на значение кавказского вклада в осетинский язык¹. Действительно, кавказские влияния в осетинском значительны и преуменьшать их не приходится.

Вместе с тем в последние годы стала вскрываться новая сторона своеобразия осетинского языка в кругу индоиранских: его особая близость к языкам европейского ареала — славянским, балтийским, тохарскому, германским, италийским, кельтским. По ряду признаков — лексических, фонетических, грамматических — осетинский язык, порывая с другими индоиранскими языками, смыкается с перечисленными европейскими языками. Эти черты я называю скифо-европейскими изоглоссами. Типичным примером такой изоглоссы может быть осет. *mal* 'глубокая стоячая вода', представляющее закономерную осетинскую („скифскую“) форму европейского названия моря, чуждого остальному индоиранскому миру.

Шведский лингвист Х. Петерссон первый обратил внимание на специфические осетино-европейские встречи. Он указывал на „spezielle lexikalische Übereinstimmungen mit ausserarischen Sprachen, die das Ossetische in nicht wenigen Fällen aufzuweisen hat“ и в связи с этим справедливо подчеркивал, что „das Ossetische eine eigenartige Stellung in seinem Sprachzweige einnimmt“². Недавно Н. М. Хольмер вновь обратил внимание на то, что осетинский язык „reveals special contacts with Western IE“³.

Такое положение не должно удивлять. Простого взгляда на историческую карту Европы достаточно, чтобы объяснить происхождение специфических осетино-европейских изоглосс. Скифская группа иранских языков, к которой принадлежит осетинский, была с глубокой древности далеко продвинута в Европу и много веков соседствовала с европейскими, особенно восточноевропейскими языками, в то время как остальные индо-

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 75—80, 95—122.

² H. Petersson. Etymologische Miscellen. Lunds Universitets Årsskrift, N. F., Avd. I, Bd 19, 1923, № 6, стр. 5.

³ „Archivum linguisticum“, vol. 12, fasc. 1, 1960, стр. 75.

иранские языки уже давно переместились на восток и на юг и утратили всякий контакт с Европой.

Как и следовало ожидать, особенно многочисленны и значительны изогlossы, связывающие осетинский со славянскими языками. Здесь мы имеем не только лексические, но и некоторые важные грамматические встречи, что указывает на особую длительность и интимность контактов.

Одной из таких осетино-славянских (= скифо-славянских) грамматических изогloss является выражение совершенного вида глагола с помощью превербов (глагольных приставок).

Категория глагольного вида (аспект, Aktionsart) не была чужда древним индоевропейским языкам. Видовое значение было неотделимо присуще так называемым „временным“ формам. Времена, образуемые от основы настоящего времени, презенс и имперфект, выражали длительное, не ограниченное каким-либо пределом действие. Им противостояли аорист и перфект. Аорист выражал недлительное, четко ограниченное во времени действие. Перфект служил для обозначения действия или состояния, имевшего место в прошлом, результат которого налично в настоящем. Стало быть, различие между совершенным и несовершенным видом выражалось в древнеиндоевропейском различием самих глагольных основ. Хорошее представление об этом состоянии дает древнегреческий язык.

Со временем в отдельных языках видовые различия между группами презенса, с одной стороны, и аориста и перфекта — с другой, потускнели, а в некоторых языках аорист и перфект вообще отмерли. И тогда различие между совершенным и несовершенным видом стали выражать другими средствами. Для ряда языков таким средством стали превербы (глагольные приставки). Один и тот же глагол без преверба выражал несовершенное действие, с превербом — совершенное. „Je mehr in einigen Sprachzweigen der Bedeutungsunterschied zwischen imperfektiver und perfektiver Handlungsart bei den einfachen Verbalformen verundeutlicht wurde... , um so beliebter wurden präpositionale Verbalkomposita als Ausdrucksmittel für Perfektivierung, z. B. lat. *tacēre* got. *ƿahan* 'schweigen': *con-ticēre ga-ƿahan* 'verstummen'... , aksl. *čuti* 'empfinden': *po-čuti* 'in die Empfindung bekommen'... Bei einem Teil der Präpositionen verblasste ihre räumliche Bedeutung mit der Zeit, dadurch wurden sie zum Ausdruck der Perfektivierung mehr und mehr geeignet... Solche Präpositionen sind besonders lat. *com-*, germ. *ga-*, slav. *po-*"⁴.

Связь между превербами и перфективностью распознается во всей той группе европейских языков, которая нас в данной статье интересует: славянских, балтийских, германских, латинском, кельтских. Но далеко не в одинаковой степени. Особенно отчетливо она выражена в славянских. Здесь она носит характер системы⁵. В балтийских языках в особенности преверб *pa-* используется для образования совершенного вида. Много общего со славянскими в отношении роли превербов имеет, по Педерсену, древнеирландский язык⁶. В германских связь между превербами и перфективностью хотя и не проводится так последовательно, как в славянских, все же чувствуется, например в готском⁷. Нет выдержанной связи превербов с видом и в латинском. Цезаревское „*vēni*,

⁴ K. Brugmann u. B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen², II, 3, 1913, стр. 81.

⁵ N. van Wijk. Sur l'origine des aspects du verbe slave. — RÉS, t. 9, 1929, стр. 237—252; A. Meillet. Le slave commun. Paris, 1934, стр. 291—295; E. Koschmieder. Studien zum slavischen Verbalaspekt. „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 55, стр. 280 и сл.; C. G. Regnell. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Lund, 1944; П. С. Кузнецов. — „Труды Института языкознания АН СССР“, т. II, 1953, стр. 220 и сл., особенно стр. 242—253.

⁶ H. Pedersen. Zur Lehre von den Aktionsarten. „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 37, 1901, стр. 219 и сл., в особенности стр. 224.

⁷ W. Streitberg. Gotisches Elementarbuch. Heidelberg, 1920, стр. 195 и сл.

vidi, vici“ приходится на русский переводить превербными формами: „при-шел, у-видел, по-бедил“; также на осетинский: *ærcydtæn, fedton* (из *fæ-wudton*), *fæ-wælahiz dæn*“. Цезарь обошелся здесь без превербов, хотя речь идет, вне всякого сомнения, о законченных действиях.

Нам следует теперь взглянуть на положение дел в иранских языках, куда относились скифо-сарматские наречия, одним из которых был праосетинский.

В древнеиранском (авестийском и древнеперсидском) общеиндоевропейское противопоставление группы презенса группе аориста и перфекта оставалось еще в силе; а оно, как мы видели, служило и для видового противопоставления.

Вместе с тем древнеиранский располагал довольно богатой системой предлогов-превербов, которые уточняли выражаемое глаголом действие в пространственном, временном или ином отношении. Как думают некоторые, они могли иногда служить и для выражения глагольного вида. Но в этом вопросе между специалистами наблюдается глубокое расхождение. Привожу текстуально соответствующие суждения.

Авестийский язык

H. Reichelt. *Awestisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1909, стр. 302: „Viele Verba waren an sich selbst schon perfektiv... Andere bekamen diese Aktion erst durch Verbindung mit Praepositionen, besonders mit *aipi-, avā-, paiti-, pairi-, us-, frā-, ni-, vi-*... Von den Tempusstämmen ist der Aorist perfektiv“.

D. Zbawitel. A contribution to the problem of the verbal aspect in Avesta. — Arch. Or., XXIV, 1956, № 1, стр. 15—22: „It is clearly evident from this table that, in the Gathic dialect, not every preposition was capable of giving the verb perfective force“ (21); „We thus come to the very opposite conclusion reached by Reichelt...“ (21) „No Gathic preposition was capable of giving its verb perfective force“ (22); „1. The Gathic Perfect and Aorist Stems express the perfective sense; 2. The Indicative Praes. is imperfective, as far as it expresses the present time; 3. The nasal element and perhaps also the infix *-ya-* gave the Gathic verb an imperfective meaning; 4. No preposition affected the aspect of the verb“ (22).

Древнеперсидский язык

A. Meillet. *Grammaire du vieux perse*. Paris. 1915, стр. 132: „Les préverbes ne servent pas seulement à déterminer le sens de verbes concrets... Comme il est arrivé dans plusieurs langues indoeuropéennes, les formes munies de préverbe ont servi à indiquer l'action parvenue à son terme“.

R. Kent. *Old Persian*. New Haven, 1950, стр. 91: „Tense³ Aspect was not a living phenomenon of OP. The difference between imperfective and perfective may be detected by examination of the meaning of the passages, but does not correspond to any difference of form in the verbs“.

Мы видим, что по вопросу о перфективирующей роли превербов в древнеиранских языках существуют диаметрально противоположные взгляды. Рейнхельт (для авестийского) и Мейе (для древнеперсидского) признают такую роль. Збавитель и Кент полностью ее отрицают. Я не буду входить в разбор аргументации той и другой стороны. Мне кажется, правы те, кто считает, что в древнеиранских языках нет прямой связи между превербами и перфективностью. Важно во всяком случае подчеркнуть, что этот вопрос является предметом спора. Такой спор был бы невозможен, если бы перфективирующая роль превербов в авестийском и древнеперсидском была очевидной, последовательной, систем

ной. Такой спор не возникает и не может возникнуть ни в отношении осетинского, ни в отношении русского, где видообразующая роль превербов видна и невооруженному глазу.

Если мы обратимся к среднеиранским и новоиранским языкам, то и там мы нигде не найдем последовательного использования превербов для образования совершенного вида.

В афганском (пушту) имеется перфективирующая частица *vu-*: *ma lva-stál* 'я читал', *ma vúlvastál* 'я прочитал'⁸. Но наряду с этим там есть превербы *kše-*, *pre-*, *rā-*, *pāna-* и др., которым чужда перфективирующая функция и которые служат лишь для уточнения локативного значения глагола.

Осетинский язык стоит в этом отношении особняком и противостоит всем остальным иранским языкам. В нем все превербы наряду с локативным значением имеют четкую видообразующую функцию: в инфинитиве, в прошедшем и будущем времени, в причастиях они обращают несовершенный вид в совершенный: *səwɯn* 'идти': *ra-səwɯn* 'выйти', *cydtæn* 'я шел': *ra-cydtæn* 'я вышел'; *səwɯznæn* 'я буду идти': *ra-səwɯznæn* 'я выйду'. Я привел примеры на преверб *ra-*; аналогичные примеры можно было бы привести на любой другой преверб: *a-*, *ba-*, *ær*, *ærba-*, *ny-*, *(y)s-*, *fæ-*⁹. Эта система выражения совершенного вида проходит через все наклонения: не только изъявительное, но также конъюнктив, оптиматив, императив.

Такое положение в осетинском не может быть древнеиранским наследием, в этом мы уже убедились. Оно возникло вторично в результате длительного контактного развития со славянскими языками.

При изучении функций превербов в осетинском языке бросается в глаза не только полное отчуждение этого механизма от других иранских языков, но и разительная близость к славянским языкам. Славянским беспревербным формам несовершенного вида отвечают, как правило, такие же беспревербные формы в осетинском; славянским превербным формам совершенного вида — превербные формы в осетинском:

русс. работать — <i>kūsɯn</i>	: за-работать — <i>ba-kūsɯn</i>
„ бежать — <i>lɪzɯn</i>	: у-бежать — <i>a-lɪzɯn</i>
„ нести — <i>xəssɯn</i>	: при-нести — <i>ærba-xəssɯn</i>
„ бить — <i>nətɯn</i>	: по-бить — <i>fæ-nətɯn</i>
„ лезть — <i>xɪzɯn</i>	: вз-лезть — <i>ys-xɪzɯn</i>
„ катиться — <i>tɯlɯn</i>	: с-катиться — <i>ær-tɯlɯn</i>

и т. д.

Правда, в славянском превербы не являются единственным средством различения несовершенного и совершенного вида. Эти различия могут передаваться разными основами; ср. русс. *давать* и *дать*, *падать* и *пасть*, *дергать* и *дернуть*, *понимать* и *понять*, *садиться* и *сесть* и т. п. Но эти случаи не нарушают впечатления близости, какая существует между славянским и осетинским в отношении глагольного вида.

Мне не раз приходилось переводить с русского на осетинский и обратно. И каждый раз замечаешь, как легко и без затруднений передаются с одного языка на другой видовые значения глаголов. Совсем другая картина, когда приходится переводить, скажем, с русского на персидский или обратно. Поскольку персидский глагол не имеет ясно выраженных внешних показателей вида (кроме частицы *mi*, выражающей длительность или многократность), на каждом шагу приходится задумываться и угадывать по контексту, идет ли речь о совершенном или несовершенном действии.

⁸ Н. А. Дворянков. Язык пушту. М., 1960, стр. 17, 51.

⁹ См.: В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1960, стр. 59 и сл., 100—104.

Если взять карту распространения индоевропейских языков и красной краской отметить перфективирующую роль превербов, то окажется, что осетинский и славянские окрашены в ярко-красный цвет, тогда как на всей остальной территории мы будем иметь лишь разные оттенки розового цвета, местами переходящего в белый, т. е. такое положение, когда связь между превербами и перфективностью становится совершенно неуловимой. Смутные намеки на перфективирующую роль превербов в древнеиранском или латинском не идут в сравнение с выдержанной системностью этого явления в славянском и осетинском. Близость между славянским и осетинским состоит не только в том, что все превербы обращают несовершенный вид в совершенный, но и в том, что и в славянском и в осетинском превербы не утрачивают при этом и своих словообразовательных функций, уточняя значение действия в отношении его пространственной направленности и пр. Стало быть, превербы не становятся просто видообразовательными частицами, как это мы видим в балтийских языках, а несут как бы двойную нагрузку: грамматическую (видообразовательную) и словообразовательную (выражение локативных отношений).

И в славянских, и в осетинском перфективирующая роль превербов выступает в прошедшем и в будущем времени. В презенсе, которому по существу чужда перфективность, превербные формы получают в славянском либо значение будущего (русс. *бегу* — *побегу*) — и здесь осетинский не дает аналогии со славянскими, — либо значение многократности (русс. *по-бежит, по-бежит и о-становится*), и здесь осетинский опять идет в ногу со славянскими (*a-līzu, a-līzu ætæ ta fæ-læwɔw*).

Сходство идет еще дальше: и в славянском, и в осетинском имеется по одному превербу преимущественно видообразовательного значения: слав. преверб *po-* и осет. *fæ-*. У этих превербов локативная семантика выражена неясно, и они в основном служат перфективирующими частицами. Но об этом ниже.

Прежде чем расстаться с темой „превербы и перфективность“, нам придется еще сделать вылазку в сторону Кавказа. Наше внимание привлекает здесь грузинский язык.

Вопросу глагольного вида в грузинском языке посвящена небольшая, но очень важная и интересная статья А. Г. Шанидзе¹⁰. Приведу основные положения этой статьи в формулировке самого автора:

„Для выражения глагольной категории вида грузинский язык обладает двумя совершенно разными системами: одна характеризует древнегрузинский литературный язык, другая — новогрузинский. . . Система, которой придерживается древнегрузинский литературный язык, в типовом отношении напоминает греческий язык, где противоплагаются друг другу темы настоящего и аориста: тема скривы¹¹ настоящего времени со всеми относящимися сюда спрягаемыми и неспрягаемыми формами (скривами, инфинитивом, причастиями) является несовершенной, а тема аористной скривы (со всеми относящимися сюда формами) — совершенной.

Совершенно другую картину мы видим в новогрузинском, где категория вида зиждется на противополжности глагольных форм с приставкой и таковых без приставки: глаголы с приставкой имеют совершенный вид, а глаголы без приставки — несовершенный. . . Словом, глагольная категория вида в новогрузинском в основном характеризуется теми особенностями, которые хорошо известны из славянских языков, в частности из русского. . .

¹⁰ А. Шанидзе. Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия. „Сообщения Академии наук Грузинской ССР“, т. III, № 9, 1942, стр. 953—958.

¹¹ „Скривой“ (груз. *mc'k'riv*) А. Г. Шанидзе называет ряд спрягаемых форм глагола, имеющих общую тематическую характеристику.

Переход от одной системы к другой, совершаясь медленно и постепенно, имеет длинную историю. Начиная с XI в. формы новой системы все больше пробивают себе путь в литературу. Среднегрузинские памятники (XI—XVII вв.) характеризуются параллельным употреблением обеих систем...

Таким образом, категория вида отметила большой поворот в истории грузинского языка и тем самым дала основной различительный признак между древнегрузинским и новогрузинским...

Причиной изменения системы вида в грузинском послужило, несомненно, сращение приставки с глаголом...¹²

Справедливо указывая на близость новогрузинской системы к славянской, А. Г. Шанидзе не упомянул о еще более тесной близости этой системы к осетинской. Зато эта близость не ускользнула от другого известного грузинского лингвиста — Г. С. Ахвледiani. Отмечая, что превербы в новогрузинском, как и в осетинском, выполняют перфективирующую функцию и что эта функция была чужда древнегрузинскому, Г. С. Ахвледiani заключает: „Превербная перфективность выработалась... сообща и одновременно в обоих языках...; иначе ни осетинскому, как иранскому языку, ни грузинскому, как иберокавказскому, не от кого было унаследовать или усвоить ее“¹³.

Утверждение, что осетинскому „не от кого было унаследовать или усвоить“ перфективирующую функцию превербов, требует коррективы. Мы знаем теперь, что эта особенность осетинского языка входит в целый комплекс изоглосс, связывающих осетинский с европейскими, в частности и особенностями славянскими языками. Но если эта система выработалась „сообща и одновременно“ в скифском и славянском, то она не могла выработаться „сообща и одновременно“ в осетинском и грузинском, поскольку скифо-славянские контакты значительно предшествовали осетино-грузинским.

Исторически более правдоподобной представляется следующая картина. В развитии грузинского языка от древнего периода к новому наметилась тенденция, параллельная аналогичной тенденции в истории индоевропейских языков: переход от тематического способа выражения глагольного вида к приставочному. Эта внутренняя тенденция грузинского языка получила новый толчок к усилению и закреплению под влиянием контактов с осетинским (аланским) языком, который принес перфективирующую роль приставок из восточноевропейского, скифо-славянского лингвистического ареала. При таком предположении становится понятным, почему в грузинском новая система выражения глагольного вида стала вытеснять старую именно с X—XIII вв. Это был период наибольшего политического и культурного влияния алан, интенсификации алано-грузинских связей, массового переселения алан в Грузию¹⁴. В этот период имели место, несомненно, тесные культурные и языковые контакты и взаимовлияния между грузинским и осетинским, которые пока еще не исследованы и не оценены в полном объеме.

Недавно Г. С. Ахвледiani вновь привлек внимание к грузино-осетинским языковым и культурным связям¹⁵. К ранее известным фактам Г. С. Ахвледiani присоединил много новых интересных грузино-осетинских параллелей материального, семантического и структурного порядка.

¹² А. Г. Шанидзе. Указ. соч., стр. 953, 955, 956, 958.

¹³ Г. Ахвледiani. Об осетинских и грузинских превербах. — „Сборник избранных работ по осетинскому языку“, I. Тбилиси, 1960, стр. 183.

¹⁴ Одним из внешних выражений необычайного оживления осетино-грузинских связей в этот период были частые браки между представителями грузинской и осетинской знати, в частности брак царицы Тамары (1184—1213) с осетинским правителем Давидом Сосланом.

¹⁵ См.: Г. Ахвледiani. Сборник избранных работ по осетинскому языку, I, стр. 137—140, 160—210.

В устах такого знатока грузинского и осетинского языков, как Г. С. Ахвледиани, особенно убедительно звучат слова: „История языков, грузинского и осетинского, может вскрыть многое из их давнишних связей, значительно более глубоких и интимных, чем это видно на поверхности исторических и иных показаний... Мы здесь имеем продолжительное обоюдное влияние, выходящее за пределы обычного влияния. Я думаю, что взаимоотношения грузинского (картвельского) и осетинского (аланского) языков можно назвать скорее взаимопроникновением, граничащим с двузвучием, нежели взаимовлиянием“¹⁶.

Мне представляется, что нарисованная Г. С. Ахвледиани картина наилучшим образом объясняет, среди других фактов, каким образом грузинский язык перешел от одной системы выражения перфективности к другой, превербной.

Приведу одну параллель из области лексики.

Распространение грамматических изоглосс подчинено тем же закономерностям, что и распространение изоглосс лексических. Те и другие берут обычно начало в одном ограниченном ареале и оттуда распространяются на более или менее обширные территории. Разница лишь в том, что словарные элементы более „легки на подъем“ и распространяются быстрее, чем грамматические, требующие более длительных и интимных контактов между языками.

В числе осетино-грузинских лексических изоглосс есть одна, которая проделала буквально тот же путь, что превербная перфективность: из восточноевропейского лингвистического ареала в кавказский. Я имею в виду название пива: осет. *ælut-on*, груз. *ludi, aludi*. Осетинское слово было усвоено в скифо-сарматскую эпоху (ср. сарматское собственное имя Ἄλουθαρός) из восточноевропейского: герм. **alut* (англ. *ale*), фин. *olut*, лит. *alus*, слав. *olū*, др.-русс. *олуй*. Передвижение предков осетин, алан, из Южной России на Кавказ расширило ареал распространения слова **alut* 'пиво', включив в него и Грузию¹⁷.

Путь распространения изоглоссы „превербная перфективность“ рисуется таким же, как путь распространения изоглоссы „пиво“: из восточноевропейской ареальной общности в кавказскую.

Вернемся теперь еще раз к осетинским превербам.

В осетинском прослеживаются почти все превербы, которые известны в древнеиранском. По сравнению с другими живыми иранскими языками система превербов в осетинском значительно богаче, что также сближает осетинский со славянскими языками. В некоторых случаях превербы наглухо срослись с глаголом, уже не осознаются как превербы и не отделимы от глагольной основы, сливаются с ней. Так, в *nygænyu* 'хоронить' имеем, несомненно, преверб *ny-* (иран. *ni-*) и основу *gæn-* (иран. *kan-*) 'копать'. Но здесь преверб сросся с основой, и *nygænyu* уже не разлагается в сознании на *ny-* и *gænyu*. Показательно, что в этих случаях глагол, несмотря на наличие преверба, не имеет перфективного значения. Чтобы придать ему такое значение, надо снабдить его еще одним превербом, например *ba-*: *ba-nygænyu* 'по-хоронить'. Иными словами, глаголы со сращенными превербами с точки зрения современного языка приходится рассматривать как беспревербные. О чем это говорит? Конечно, о том, что перфективирующая функция не является для осетинских превербов исконной, она не унаследована от древнеиранского. В тот относительно древний период, когда в осетинском происходило сращение некоторых превербов с глагольными основами, превербы еще не сообщали глаголу перфективного значения,

¹⁶ Г. Ахвледиани. Сборник избранных работ по осетинскому языку, т. I, стр. 168, 170.

¹⁷ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 338—347.

т. е. сохранялось еще то положение, которое было в древнеиранском. Таким образом, и с этой стороны мы получаем решительное подтверждение вторичного характера перфективирующей функции превербов в осетинском.

Но если этот процесс происходил в контакте и взаимодействии со славянскими языками, то не могла ли тут, наряду с функциональной, возникнуть материальная близость между славянскими и осетинскими превербами?

Разумеется, менее показательны те случаи, когда речь идет о широко распространенных в индоевропейских языках превербах, как и.-е. **pro-* = слав. *pro-*, осет. *ra-*, *ræ* (из *frǎ-*); и.-е. **peri-* = слав. **pre-*, русск. *пере-*, осет. *fæl-* (из *pari-*); и.-е. **obhi-* = слав. *ob-*, осет. *æv-* и др. Параллелизм в употреблении этих превербов в славянском и осетинском не дает еще права говорить о специфической славяно-скифской изоглоссе.

Иначе обстоит дело с превербами: *vǔz-*, *vǔs-* = осет. *yz-*, *ys-* и в особенности слав. *po-* = осет. *fæ-*.

Слав. *vǔz-*, *vǔs-*, русск. *воз-*, *вос-*, *вз-*, *вс-* и осет. *yz-*, *ys-* полностью совпадают по функции. Обе указывают на движение снизу вверх: русск. *лезть* = осет. *xizyn*, русск. *взлезть* = осет. *ys-xizyn*. Можно привести яркие примеры идентичного употребления этого преверба с одними и теми же глагольными основами, например с и.-е. **menth-* 'смешивать' и пр.: русск. *возмутить* = осет. *yz-mentyn*, причем в славянском и осетинском совпадает не только основное значение 'смешать', но и переносное: 'взбунтовать'.

Этимологически осет. *yz-*, *ys-* восходит к иран. *uz-*, *us-* (из **ud-s-*) и, стало быть, в конечном счете к и.-е. **ud-*. Для слав. *vǔz-*, *vǔs-*, естественно, напрашивается та же этимология: к и.-е. **ud-*¹⁸. Несколько смущающее в этом случае *-z-* в *vǔz-* получает объяснение как ареальная изоглосса, включающая скифский, славянский и балтийский (лит. *už-*, лтш. *uz-* 'вверх, наверх').

Еще знаменательнее материальная и функциональная близость превербов: слав. *po-*, балт. *pa-*, осет. *fæ-*.

Мы отметили, что в славянском, как и в осетинском, превербы несут двойную функцию: словообразовательную (придают глаголу значение определенной пространственной направленности и пр.) и грамматическую (обращают несовершенный вид в совершенный). Там же мы отметили, что есть и такие превербы, у которых локативная семантика слабо выражена и которые используются по преимуществу для выражения вида (Aktionsart): в славянском *po-* (балт. *pa-*), в осетинском *fæ-*. Есть все основания думать, что эти превербы близки не только по функции, но и материально (этимологически).

Осетинский преверб *fæ-* возводили обычно к иран. *pati-*. Но Э. Бенвенист показал, что и фонетически, и по значению он ближе к слав. *po-* и что оба они восходят к индоевропейской приставке **po-*. Ср., помимо слав. *po-*, *pa-*, лит. *po-*, лат. *po-* (*po-sinō*, *po-situs*)¹⁹.

Кроме осетинского, этот преверб распознается еще в одном северноиранском языке, согдийском: осет. *fæ-lizyn* 'убежать', согд. *pa-reč-* 'покинуть', лит. *pa-likti* 'покинуть'.

Напомню, что у согдийского со славянским есть и другие изоглоссы, например согдийский предлог *kw* отвечает точно славянскому предлогу *kū* (Benveniste)²⁰.

¹⁸ Неясно, на чем основана уверенность А. Мейе, когда он утверждает, что приставка *vǔs-*, *vǔz-* „несомненно развилась из *ups*, *ubz*“ (A. Meillet. Указ. соч., § 172).

¹⁹ E. Benveniste. Études sur la langue ossète. Paris, 1959, стр. 98 и сл. Не исключено, конечно, что в некоторых случаях осет. *fæ-* восходит к *pati-*.

²⁰ „Festschrift Max Vasmer“. Wiesbaden, 1956, стр. 70—73.

К приведенным Бенвенистом фактам следует добавить тохарскую глагольную приставку *pä-* (*p-*), образующую повелительные формы: тох. А *pä-klyos*, тох. В *pä-klyauṣ* 'послушай', тох. А *p-tas*, тох. В *p-tes* 'положи', тох. А *pä-yrār* 'помойся', *pä-lcäs* 'пойдите', *pä-lwār* 'пошли', *pä-skāväs* 'постарайтесь', и др. (Schulze-Sieg-Siegling. Tocharische Grammatik, 1931, § 431, стр. 346; Poucha. Institutiones linguae tocharicae, pars. I, 1955, стр. 159).

Несмотря на следы приставки *po-* в ряде языков, этот преверб как перфективирующая приставка с полным правом может быть назван балто-славо-скифской изоглоссой. Здесь он обладает исключительной, можно сказать неограниченной, продуктивностью, тогда как в других индоевропейских языках он встречается лишь спорадически.

Приведу несколько примеров, свидетельствующих о большой близости в употреблении преверба *po-*, *fæ-* в славянском и осетинском:

русские

осетинские

<i>работать</i>	<i>käsyn</i>
<i>по-работать</i>	<i>fæ-käsyn</i>
<i>играть</i>	<i>qazyn</i>
<i>по-играть</i>	<i>fæ-qazyn</i>
<i>стоять</i>	<i>læwwyn</i>
<i>по-стоять</i>	<i>fæ-læwwyn</i> (по-стой <i>fæ-læw</i>)
<i>сидеть</i>	<i>badyn</i>
<i>по-сидеть</i>	<i>fæ-badyn</i>
<i>держать</i>	<i>xæcyn</i>
<i>по-держать</i>	<i>fæ-xæcyn</i> (по-держу <i>fæ-xæc</i>)
<i>губить</i>	<i>safyn</i>
<i>по-губить</i>	<i>fe-safyn</i>
<i>смотреть</i>	<i>kæsyn</i>
<i>по-смотреть</i>	<i>fæ-kæsyn</i> (по-смотри <i>fæ-kæc</i>)
<i>звать</i>	<i>züryn</i>
<i>по-звать</i>	<i>fæ-züryn</i> (по-зову <i>fæ-zür</i>)
<i>жалеть</i>	<i>tæriğæd kænyn</i>
<i>по-жалеть</i>	<i>fæ-tæriğæd kænyn</i>
<i>ссориться</i>	<i>xyl kænyn</i>
<i>по-ссориться</i>	<i>fæ-xyl wyn</i>
<i>смеяться</i>	<i>xüdyn</i>
<i>по-смеяться</i>	<i>fæ-xüdyn</i>
<i>радоваться</i>	<i>cīn kænyn</i>
<i>по-радоваться</i>	<i>fæ-cīn kænyn</i>
<i>пировать</i>	<i>mīnas kænyn</i>
<i>по-пировать</i>	<i>fæ-mīnas kænyn</i>
<i>горевать</i>	<i>mast kænyn</i>
<i>по-горевать</i>	<i>fæ-mast kænyn</i>
<i>казаться</i>	<i>zynyn</i>
<i>по-казаться</i>	<i>fæ-zynyn</i>
<i>дарить</i>	<i>lævar kænyn</i>
<i>по-дарить</i>	<i>fæ-lævar kænyn</i>
<i>бить</i>	<i>næmyn</i>
<i>по-бить</i>	<i>fæ-næmyn</i>
<i>колотить</i>	<i>xojyn</i>
<i>по-колотить</i>	<i>fæ-xojyn</i>
<i>гнуть</i>	<i>tasyn</i>
<i>по-гнуть</i>	<i>fæ-tasyn</i>

и мн. др.

Разумеется, полного тождества в употреблении превербов русск. *по-* и осет. *fæ-* во всех случаях мы не найдем. Такое тождество редко бывает даже между близко родственными языками²¹. Скажем, русскому *полюбить* отвечает осет. *ba-warzyn*, а не *fæ-warzyn*, осетинскому *fæ-siryn* — русск. *про-гнать*, а не *по-гнать* и др. Показательны не эти отдельные исключения, а полное тождество в употреблении *po-* и *fæ-* в русском и осетинском в подавляющем большинстве случаев.

Подведем итог: 1) в осетинском и славянских языках имеется далеко идущая близость в перфективирующей функции превербов; 2) эта близость лучше может быть объяснена как результат ареальных скифославянских языковых контактов в Восточной Европе, нашедших свое выражение и в ряде других лексических и грамматических изоглосс.

---

²¹ Характерно, например, что между двумя диалектами осетинского языка, иронским и дигорским, есть существенные расхождения в употреблении превербов: дигорский пользуется превербом *ga-* там, где в иронском стоит *a-*, и т. п.

„МОЛЧАТЬ“ И „ТАЯТЬ“

О НЕОБХОДИМОСТИ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ НОВОГО ТИПА

Если справедливо, что фонетико-морфологический и словообразовательный критерии составляют основу любой этимологии, то почти столь же справедливо будет считать, что ими не исчерпывается этимология. Практика этимологического исследования показывает, что даже эти названные нами основные критерии этимологического исследования применяются наиболее удачным образом в большом количестве случаев при учете ряда условий, в подробное описание которых мы здесь не можем входить. Для нас представляет здесь актуальный интерес то, что может быть естественнее всего определено как семасиологическая сторона этимологии. Трудность этого аспекта этимологического исследования состоит, как известно, в том, что именно здесь мы вынуждены до сих пор (и, видимо, долго будем впредь) основывать свои построения целиком на здравом смысле. Если сравнить это положение с фонетико-морфологическим и словообразовательными аспектами, которые дают этимологии определенные возможности объективной проверки результатов анализа, то мы не можем не признать наличия несомненной диспропорции, которая в общем сковывает и затрудняет почти на каждом шагу усилия этимологов.

Важность семасиологического аспекта представлена в скрытом виде даже в любой из таких этимологических пар, где есть тождество или возможная близость значений сравниваемых слов, т. е. такая ситуация, которая, по молчаливому согласию исследователей, как бы освобождает от необходимости говорить о семасиологическом аспекте или во всяком случае причислять его к основным и когда, казалось бы, убедительность этимологии решается фонетико-морфологическим и словообразовательным тождеством. Существуют, однако, многочисленные случаи, когда примат семасиологического аспекта совершенно бесспорен. Сознание важности подобных ситуаций побуждало некоторых исследователей строить соответствующие этимологии главным образом на учете смысловых критериев (ср. специально „*etymologies based on meaning*“ у Тедеско). Тенденция автономизации показаний семасиологии в этимологическом исследовании характерна, например, для работ шведского этимолога Г. Якобссона.

Наше внимание в настоящих заметках обращено на те наиболее актуальные, с нашей точки зрения, случаи, в которых парадоксальная фонетико-морфологическая и словообразовательная близость значит очень мало или почти ничего не значит и лишь оценка семасиологических отношений позволяет решить, имеем ли мы тут дело со случайной близостью или генетической близостью, этимологическим родством. Наблюдения, сообщаемые ниже, в силу конкретности материала носят внешне частный характер, но связываемая с ними попытка пересмотреть несколько типичных мнений

в этимологической литературе подводит нас вплотную уже к такому вопросу более общего свойства, занимающему видное место в этимологической исследовательской процедуре, как разграничение и отождествление форм и слов. Наконец, излагаемые ниже соображения дают нам право высказать предложение о способе если не кодификации, то во всяком случае удобного расположения семасиологических материалов, которые должны полнее и систематичнее использоваться в этимологических исследованиях, в интересах более интенсивного развития последнего. Ядро этих семасиологических материалов могут составить наблюдения, уже полученные исследователями и известные из литературы. Обсуждаемые ниже некоторые новые этимологические связи можно воспринимать как ответ на вопрос о перспективах дальнейшего пополнения наших знаний в этой области.

Речь, собственно, идет о парных этимологических идентификациях, при которых одно из родственных слов обладает значением 'таять', другое — 'молчать'. Укажем сначала как неоспоримый пример этимологического тождества такой лексико-семантической пары праслав. **mblčati* (русск. *молчать*, польск. *milczeć* и родственные) и др.-в.-нем. *mola-wên, molewên* 'tabere, таять'¹. И праславянская, и германская формы продолжают общее и.-е. **mlkē-*, **mlk^hē-*². Оношения этих сравниваемых слов таковы, что, по нашему мнению, не позволяют говорить об и.-е. **mlkē-* I 'таять' и **mlkē-* II 'молчать', но только о едином **mlkē-*, к исходному значению которого мы еще вернемся ниже. Вместе с тем мы признаем, что этимологическое тождество **mlkē-* I = **mlkē-* II целесообразно воспринимать пока как постулат. Такое чисто внешнее, казалось бы, правдоподобие данного изолированного положения и его практическая недоказуемость предстают, однако, сразу в другом свете, если мы обратимся к близким аналогиям, которые во всем существенном повторяют рассмотренные выше лексико-семантические и словообразовательные отношения. Опасность заколдованного круга как будто исключается, поскольку этимологически разнородный материал воплощает все ту же схему каждый раз в иной форме. Дело в том, что можно указать еще по крайней мере несколько этимологически родственных пар из различных индоевропейских языков, причем каждый раз оба члена пары связывает семантическое отношение 'таять' — 'молчать'. Это как будто резко снижает момент случайности, в том числе в названных нами в первую очередь отношениях праслав. **mblčati* — др.-в.-нем. *mola-wên*. Кроме того, дополнительные примеры такого рода, которым мы придаем решающее значение, представляют самостоятельный интерес и влекут за собой неизбежный пересмотр существующих этимологий, побуждают к более строгому в известных пределах отбору круга этимологически сравниваемых форм. Это следующие пары: I. праслав. **tajati* (русск. *таять* и родственные), сюда же праслав. **taviti* 'плавить, растоплять', кауз. (чеш. *taviti*, н.-луж. *tawis* то же), лат. *tābere* 'таять', с одной стороны, и лат. *tācere* 'молчать' — с другой; II. лит. *tirpti* 'таять' — праслав. **tbrpēti* (русск. *терпеть* и родственные); III. праслав. **tblēti* (русск. *млеть* и родственные) — лит. *nu-tilti* 'замолчать', *tylėti* 'молчать'.

Первый случай из этой группы объединяет слова, отнюдь не тождественные в своем словообразовательном оформлении; общее для них — это индоевропейская основа **tā-* с различными детерминативами: *-i-*, *-u-*, *-dh-*, *-k-*. При этом строгого структурного различия между терминами 'таять' и 'молчать' мы не можем здесь проследить. Тот же расширитель

¹ См.: O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch². Halle, 1872—1882, стр. 619: *mola-wên, molewên* 'tabere'.

² Ср. аналогично TEW, 184. Покорный (PEW) не выделяет эти образования из числа форм на и.-е. *mel(a)-*, рассматриваемых им совокупно. См. еще VEW.

-k- оформляет как греч. $\tau\acute{\eta}\chi\omega$ 'растопляю, плавлю', дорийское $\tau\acute{\eta}\chi\omega$, $\tau\acute{\eta}\chi\omega\mu\alpha\iota$ 'таю'³ (**tā-k-*), так и лат. *tāceō*, *tācere* 'молчать'. Краткость корневого гласного характеризует, помимо последнего слова, также германские термины 'таять' (**raw-*). В связи с этим небезынтересно поставить в этимологическом плане вопрос о парности отношений праслав. *tajati 'таять' и *tajiti 'таить, делать тайным'. Нам кажется, что это дает возможность новой интерпретации формирования всей группы праслав. *tajiti, *tajьньjь и родственных (возможно, исключая слово *татъ* и предпринимая некоторые другие коррективы в этимологических сближениях, обычно приводимых в связи с этими словами) в том, что касается лексико-семантических истоков их образования⁴. Забегая несколько вперед, с риском впасть в голословность, мы бы описали семантическую эволюцию *tajati (состояние) → *tajiti (кауз.) как 'распускаться, растапливаться, доходить до жидкого состояния, размельчаться' → 'делать мелким, маленьким, прятать, скрывать'. Мы придаем значение этой пробной реконструкции семантического развития еще и потому, что полагаем возможным распространить ее также и на другие (по крайней мере приводимые здесь) „глаголы молчания“. Естественно, мы бы не хотели фетишизировать эту семасиологическую схему, больше того — уверены в том, что даже из числа приводимых здесь случаев в общем каждый представляет собой индивидуальный в семантическом отношении вариант той более или менее общей схемы семантического развития, которая охватывала бы все относящиеся сюда примеры. Таковы отношения др.-в.-нем. *molawēn* 'таbere, таять' — праслав. *mylčati 'молчать' (отсутствие более близких пар внутри одного языка вроде праслав. *tajiti — праслав. *tajati вынуждает нас пользоваться внешними данными) этимологически — из единого и.-е. **mlkē-* < **ml-k-ē-*, по-видимому, — 'делаться мягким, размельчаться/таять', сюда же и.-е. **ml-dh-u-*/**mol-dh-u-*, ср. др.-инд. *mṛdhu-*, праслав. *molъ, с иным расширителем той же основы. Семантическая эволюция в этом конкретном случае: 'делать(ся) мягким, размельчать(ся)' → 'молчать'. Отношения лит. *tirpti* 'таять' — праслав. *trpēti 'терпеть, страдать (молча)', которые мы, с некоторым колебанием, тоже относим к числу примеров наблюдаемой нами семантической эволюции, следует, по-видимому, понимать в свете этимологических связей и близких семантических параллелей как, во-первых, примат значения 'таять' (если не выходить за рамки приведенной пары) и, во-вторых, как родство с и.-е. **ter-* 'тереть', в данном случае — нулевая ступень вокализма, расширитель основы *-p-*: **ter-*/**tr-* > **tr-p-*. Значения вроде 'цепенеть' (например, *терпнуть* и т. д.) имеют для нас подчиненное значение и представляются более или менее промежуточными с точки зрения основных этапов семантической эволюции, которую можно здесь представить себе как 'растираться, измельчаться/таять' → 'молча страдать, терпеть'. Наконец, уже периферийный, строго говоря, для нас пример с праслав. *tylēti — лит. *nu-tilti* 'умолкнуть', *tylēti* 'молчать' может быть интерпретирован в плане семантической эволюции как 'медленно уничтожаться, истребляться (от тления, разложения, приглушенного огня)' → 'молчать'.

Таким образом, то, что мы упрощенно считаем целесообразным обозначать и после сказанного как отношение 'таять' — 'молчать', точнее — семантическую эволюцию 'таять' → 'молчать', поддается в одних наших примерах более глубокой семантической реконструкции с исходным 'раз-

³ H. G. Liddell and R. Scott. A Greek-English lexicon, vol. II. Oxford, [6. г.], стр. 1786—1787.

⁴ Таковы сближения с др.-инд. *tāyūṣ* 'вор', хет. *taj-* 'красть', см. VEW. Об остальных названных выше латинских, греческих и германских словах см. еще: A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine³, II, стр. 1186—1188; E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque⁴; H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch; Fr. Kluge — A. Götze. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. Aufl. Berlin, 1951, стр. 789.

мельчать(ся), исчезать'..., в других обнаруживает отклонение в последующих этапах или конечном результате семантической эволюции (... → 'таить, прятать'; '... → страдать молча, терпеть'), в принципе же вполне укладывается в намеченную обобщенную рубрику 'таять' → 'молчать'.

Этимолога не может не интересовать диахроническая динамика значений, выраженных исследуемой лексикой. Потребность в обобщающих, справочных работах такого рода ощущается уже давно. Мы не уверены, что эта потребность всегда правильно понималась. Так, не представляется вполне удачным фундаментальный труд К. Д. Бака „ A Dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages“ (Chicago, 1949). Обширный материал этого словаря не организован должным образом и в немалой степени пропадает в силу статичности принципа расположения по некой реальной схеме: „животные“; „части тела...“; „еда и питье; приготовление пищи и утварь“ и т. д. Нам кажется, что подлинной „contribution to the history of ideas“ мог бы послужить только свод рубрик типа 'таять' → 'молчать' (см. выше) с подробным сравнительным и критически отобраным этимологическим материалом внутри каждой такой семантической рубрики, с детально разработанными отсылками и с полными лексическими индексами, облегчающими пользование трудом. Что касается отбора рубрик-статей, то он должен охватить в первую очередь достоверные случаи семантической эволюции. Таких в науке к настоящему времени известно уже немало. Ср. 'дуть' → 'говорить, думать', 'скот' ↔ 'имущество', 'петь' ← 'поить, совершать возлияния', 'человек' ← 'земной', 'человек' ← 'смертный' и др. Эти рубрики-статьи будут продолжать пополняться новыми, могущими претендовать на известную достоверность вроде разобранных выше примера 'таять' → 'молчать'. Более затруднителен практически вопрос рамок такого справочника. Строгое ограничение пределами, скажем, одних славянских языков было бы нецелесообразно и по-своему трудновыполнимо. Универсальный труд, который бы вообще игнорировал рамки генетического родства языков, может быть, подходил бы более всего для полного осуществления этой большой задачи, но это максималистское требование поставило бы под угрозу реальное завершение работы. Поэтому удобнее всего будет некий средний, достаточно емкий вариант — Семасиологический словарь индоевропейских языков.

Названный Семасиологический словарь мог бы явиться словарем семантических переходов на материале широкого круга языков. Такая выраженная направленность делает его словарем нового типа со специальными задачами и специфической структурой. Вопрос о задачах и смысле нового семасиологического словаря связан с более общим вопросом о пособиях и справочниках для этимолога. Положение в этом отношении более чем плачевно. Существуют, как правило, этимологические словари различных языков. Считается очевидным, что для тех языков, которые этимологическими словарями не располагают, последние должны быть созданы. Однако научный уровень этимологической лексикографии и этимологических исследований в целом в немалой степени зависит от разработки специальных справочников, на что по-прежнему обращается недостаточно внимания: это обратные словари, важные для изучения словообразования, и семасиологический словарь, названный выше. Структура нового семасиологического словаря должна обладать определенными специфическими отличиями начиная со словника. Собственно говоря, место обычного словника занимает здесь — в нашем понимании — (алфавитное) собрание семантических статей-рубрик. Формально-этимологические отношения даются всякий раз под соответствующей семантической рубрикой. Нахождение того или иного слова возможно главным образом благодаря алфавитным лексическим индексам (по языкам). Что касается характера основного текста желае-

мого Семасиологического словаря, то мы предлагаем в заключение несколько проб, имеющих, разумеется, самый предварительный вид. Эти пробы могли бы послужить материалом для последующей дискуссии по этому актуальному вопросу этимологических исследований.

„Говорить“ см. „дуть“ → „говорить, думать“.

„Думать“ см. „дуть“ → „говорить, думать“.

„Дуть“ → „говорить, думать“: основа и.-е. **цѣ-* „веять, дуть“, представленная, например, в слав. *vějati, русск. *веять* и родств., обнаруживается, с расширением *-t-*, в ст.-сл. отгвѣтити и других родственных *verba dicendi*, а также в производных от последних (ст.-сл. кѣтти ‘проок, оратор’), ср. подробно: В. Н. Топоров. — КСИС, 25, 1958, стр. 86 и сл. Для Топорова вопрос о пути семантической эволюции ст.-слав. отгвѣтити, кѣтти еще не решен окончательно, и он справедливо оставляет под сомнением толкования Вайана (из первоначального ‘провеивать’) и Тиме. Подтверждение непосредственно семантической эволюции ‘дуть’ → ‘говорить’ мы видим в несомненной этимологической связи, например, ст.-сл. дѣмж ‘дуо’, с одной стороны, и польск. *duma* ‘гордость’ (собственно, первоначально ‘надутость’), болг. *дума* ‘слово’, русск. *думать* — с другой, на что обратил внимание недавно Г. Якобссон (G. Jacobson. ‘Hauch’, ‘Wort’ und ‘Gedanke’ im Slavischen. „Studia Slavica G. Gunnarsson sexagenario dedicata“ („Studia Slavica Upsaliensia“, I) стр. 35—42). Этот автор дает следующую схему данной семантической эволюции: ‘дуть’ → ‘слово’ (= ‘выдох, экспирация’), ‘мысль’, ср. франц. *ne pas souffler le mot*. Аналогичную эволюцию первоначального значения, только на базе основы **vě-*, предполагает, кстати сказать, Якобссон (там же) и для ст.-сл. отгвѣтити, кѣтге, отгвѣ.

„Знать (человека)“ см. „рождать(ся)“ → „знать (человека)“.

„Имущество“ см. „скот“ → „имущество“.

„Молчать“ см. „таять“ → „молчать“.

„Петь“ см. „поить, совершать возлияния“ → „петь“.

„Поить, совершать возлияния“ → „петь“: наблюдения помогли установить определенную закономерность, с которой глагольные основы, обладающие древними значениями ‘поить, совершать возлияния’ образуют затем термины ‘петь’, ‘звать’, ‘взывать’ (первоначально к божеству). Так, слав. *pojo, *pěti этимологизируется как древний каузатив (‘давать пить’) от глагола *piti, ср. решающее в системе доказательств этой этимологии тождество форм настоящего времени, например, русск. *пою—петь* и *пою—поить*. Аналогичная связь объединяет и.-е. *ǵheũ-* ‘призывать, обращаться’ (др.-инд. *hāvati*, слав. *zъvati*) — *ǵheũ-* ‘лить’ (др.-инд. *juhōti*, греч. *χέω*) (см.: Н. Hirt. *Indogermanische Grammatik*, Teil II. Heidelberg, 1921, стр. 189; О. Н. Трубачев. Следы язычества в славянской лексике. — ВСЯ, 4, 1959, стр. 135—138).

„Рождать(ся)“ → „знать (человека)“: старый спорный вопрос о двух и.-е. *ǵepā-*—*ǵepā-* I ‘рождать(ся)’ и **ǵepā-* II ‘знать’ следует, по-видимому, решать, во-первых, как этимологическое тождество обеих названных основ и, во-вторых, как развитие значения ‘знать (человека)’ из значения ‘рождать(ся)’. Специфика значения и.-е. **ǵepā-* II ‘знать (человека)’, дающая возможность увязать его этимологически с названным выше термином ‘рождать’, прослеживается почти вплоть до современных языков, в которых находим, если отвлечься от нарушений, любопытные особенности контекстного употребления типа нем. *ich kenne den Menschen* ‘я знаю человека’ (а не *ich weiss*), польск. *znam tego człowieka* (*wiem* ‘знаю’ можно сказать только о вещи) (см. подробно: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 154 и сл.).

„Скот“ → „имущество“: наряду с классическим примером семантического перехода ‘скот’ → ‘деньги’ в лат. *pecus*—*pecunia* следует иметь

в виду наличие множества примеров образования термина *домашний скот* от первоначальных названий имущества, имени, приобретения. Таковы чеш. *dobytek*, болг. *добѣтък* 'скот', польск. *bydło* 'скот', с.-хорв. *благо* в значении 'скот', укр. *худоба* 'скотина' см.: W. Brandenstein. Etymologica. „Studies presented to Joshua Wharmough“. 's-Gravenhage, 1957, стр. 23; A. Mátl. K výkladu slov *dobytek* a *statěk*. „Studie ze slovanské jazykovědy. Sborník k 70. narozeninám akad. Fr. Trávníčka“. Praha, 1958, стр. 315, а также: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 102—103, где приводится дальнейшая литература.

„Таять“ → „молчать“: называемый в данной рубрике семантический переход объясняет генезис, естественно, лишь части терминов *молчать* в индоевропейских языках. Об этих глаголах известно в общих чертах, что они имеют выразительно региональный характер, ср. **takē-* (ром., герм.), **teus-*, **swī-g-* (греч., герм.), лат. *silēre*, гот. *slawan*, лит. *tylėti*, слав. *mylčati*, см.: Bock. A Dictionary of selected synopisms, Chicago, 1949, стр. 1258—1259, а также: A. Ernout—A. Meillet. Указ. соч., II, где содержится полезное указание, что слова со значением 'молчать' обычно представляют собой результат развития новых значений. Тем интереснее, при всей разнородности глаголов со значением 'молчать' в отдельных индоевропейских языках, проследить по крайней мере для нескольких таких глаголов развитие на базе первоначального значения 'таять', а также 'размельчаться', 'уничтожаться тлением'. Ср. этимологическое родство соответственно др.-в.-нем. *molawēn* 'таять'—слав. **mylčati*; слав. **tajati*, **taviti*—лат. *tacēre* 'молчать'; лит. *tirpti* 'таять'—слав. **tǫpěti*; слав. **tblěti*—лит. *tylėti* 'молчать'.

ЗНАЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ОРНИТОЛОГИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ВОСХОДЯЩИХ К *ŽBLNA

Как известно, некоторые названия птиц являются чрезвычайно древними и относятся к праславянскому периоду¹. Часть из них (например, восходящие к *vorna, *tetěrvь и т. д.) имеют в современных славянских языках одно значение, другие, напротив, многозначны. К последним можно отнести названия, восходящие к *žblna. Действительно, в современных языках обнаруживаются три значения: 1) дятел — один из видов (*Dryocopus martius* [= *Picus martius*], *Picus viridis* и т. д.) или вообще птица из семейства дятловых, 2) иволга (*Oriolus galbula*), 3) золотистая щурка (*Merops apiaster*)².

Нам кажется, что детальное изучение распространения этих значений в славянских языках позволит окончательно решить вопрос — древним или более поздним явлением может быть указанная омонимия, что в свою очередь даст новый материал, который в дальнейшем будет полезен при установлении диалектного членения праславянского языка.

1. НАЗВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ДЯТЕЛ' И ПОД.

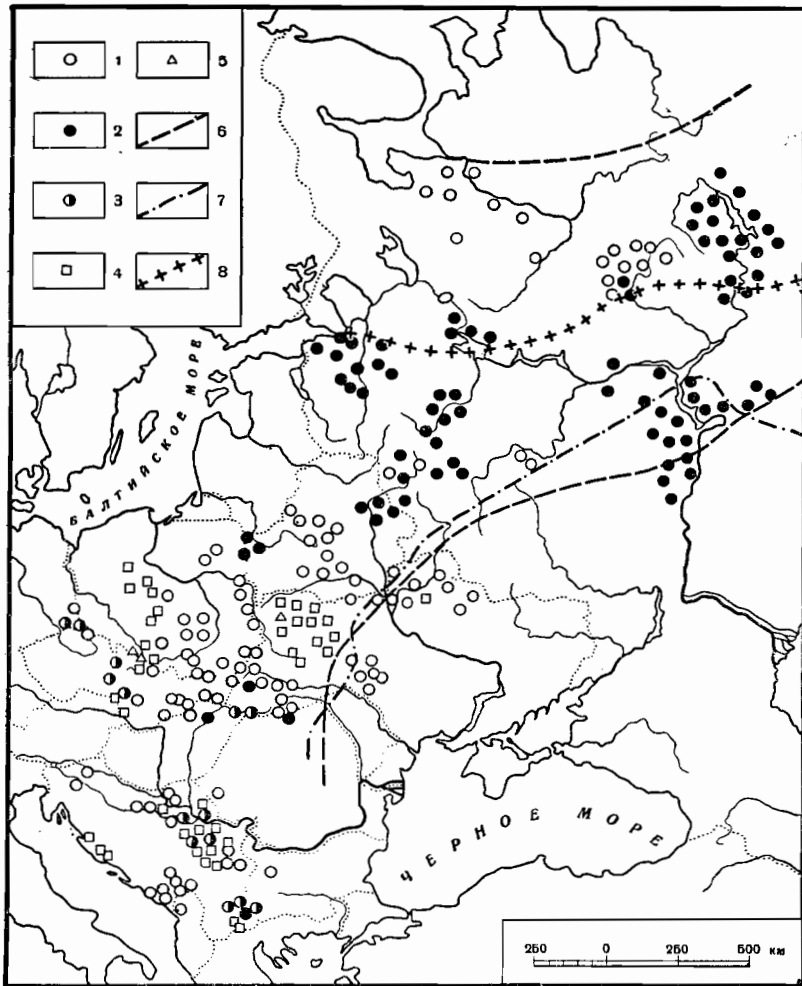
Русский язык

В русском языке названия, восходящие к *žblna, обозначают только птиц семейства дятловых. В научной орнитологической литературе они обозначают птицу 'черный дятел': *желна (жолна)* '*Dryocopus martius*' (= '*Picus martius*')³. В этом же значении употребляется слово *желна*

¹ Перечень этих названий содержится, например, в работах: Л. А. Булаховский. Семасиологические этюды. Славянские наименования птиц. — ВСЯ; вып. 1. Львів, 1948, стр. 190; он же. Общеславянские названия птиц. — "Изв. АН. ОЛЯ", вып. 2, 1948, стр. 100; S. Flajšhans. Slovanská jména našeho ptactva. „Slavia“, гошп. XVIII, seš. 1—2, 1947, стр. 25—26.

² Все три птицы получили одинаковые названия (восходящие к *žblna) из-за сходства цвета оперения: зеленовато-серый у некоторых видов дятлов (*Picus viridis*, *Picus sapus*) и желтоватый у иволги и золотистой щурки. Этому не противоречат и данные этимологии, согласно которым слово *žblna следует сопоставлять с *žblts (ср. и.-е. *ghel- < ghł., g'hel- 'желтый, зеленый', др.-в.-нем. *gelo* 'желтый'): MEW, ПЭС, ВЕС, МЕР, ВЕВ, НКЕС (здесь и далее все словари даны сокращенно. См. сокращения в конце статьи), М. Rudnicki. Gołąb. — LP, VI, 1957, стр. 113. Из сказанного следует также, что, вероятно, название *žblna, если оно прилагалось к птицам из семейства дятловых, относилось первоначально к дятлам светлой окраски. Затем оно могло распространиться на всех дятлов, а затем, уже в истории отдельных языков, сузиться и закрепиться за одним из видов дятлов, в том числе и за дятлом черной окраски (*Dryocopus martius* — как в русском языке), так как связь между словами *желна* и *желтый* утратилась.

³ А. И. Иванов и др. Птицы СССР, т. II.М.—Л., 1953, стр. 311; Н. А. Холодковский, А. А. Силантьев. Птицы Европы. СПб., 1905, стр. 371; С. Д. Деглан, Э. Жерб. Европейская орнитология, или Систематическое описа-

Славянские орнитологические названия, восходящие к *žblna*

1 — '*Picus*'; 2 — '*Dryocopus martius*' (= *Picus martius*); 3 — '*Picus viridis*'; 4 — '*Oriolus galbula*'; 5 — '*Merops ariaster*'; 6 — границы распространения '*Dryocopus martius*'; 7 — северная граница распространения '*Merops ariaster*'; 8 — северная граница распространения '*Oriolus galbula*'

ние птиц. Пг., 1915, стр. 161; Н. J. Jørgensen. *Nomina avium Europaeorum*. Copenhagen, 1958, стр. 59; В. Покровский. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879, стр. 32; И. Рузский. Материалы к изучению птиц Казанской губ. Казань, 1898, стр. 179; Е. Бихнер. Птицы Санкт-Петербургской губ. „Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей природы“, т. XV. СПб., 1884, стр. 474; В. Бианки. Наши сведения о птицах Новгородской губ. СПб., 1910, стр. 116; П. Павлов. Орнитологические наблюдения в Рязанской губ. СПб., 1878, стр. 9; Я. Г. Богачев. Птицы Череповецкого края. Череповец, 1927, стр. 7; М. Богданов. Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги (био-географические материалы). „Труды общества естествоиспытателей при имп. Казанском ун-те“, т. 1. Казань, 1871, стр. 59; В. А. Филатов. Птицы Калужской губ. М., 1915, стр. 116; А. Карамзин. Птицы Бугурусланского и сопредельных с ним Бугудьминского, Бузулукского уу. Самарской губ. и Белебейского у. Уфимской губ. „Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи“, т. VI. СПб., 1901, стр. 268; С. И. Огнев. Материалы для орнитофауны Смоленской губ. — Там же, т. IX, 1909, стр. 325; Б. М. Житков, А. Бутурлин. Материалы для орнитофауны Симбирской губ. „Записки имп. Русского Географического общества“, т. XIX, № 2. СПб., 1906, стр. 12;

в современном литературном языке⁴, что согласуется со значением этого слова (встречающегося в вариантах: *жолна́, жовна́, жовня́* — Даль; Сл. русск. яз.) в древнерусском языке (Срезневский) и в большинстве диалектов. Однако в отдельных местностях названия с корнем **žьln-* обозначают: а) или птицу 'большой пестрый дятел' (*Picus major*): *жолна́* (Астраханская обл.)⁵, б) или птицу 'зеленый дятел' (*Picus viridis* [= *Cecinus viridis*])⁶, в) или, наконец, вообще птицу из семейства дятловых — общее название для дятлов: например, *жёлна* 'дятел', *черная желна, желна пестрая* (Архангельская обл.) (Подвысоцкий), *жолна́* 'дятел' (Кировская обл.)⁷, *жоўна́* 'дятел большой породы', *жаўна́ черная, жаўна́ зеленая* (Смоленская обл.) (Добровольский). Следует упомянуть также топоним *Желновка* (название населенного пункта в Новохоперском р-не Воронежской обл.)⁸.

Белорусский язык

Названия, восходящие к *žьlna, чаще всего обозначают птицу дятла (вообще): *жолна черна, зелена жолна*⁹, *жоўна* 'дятел' (Минск, Слуцк)¹⁰, *жоўна́* (Мозырь, Речица)¹¹; *жовна́* 'птица жолна' (т. е. 'черный дятел') (Носович)¹². В орнитологической литературе это название принято для обозначения птицы 'черный дятел': *жўана*¹³.

Украинский язык

Названия с корнем **žьln-* (*жовна* 'picus' — Тимченко) в украинском языке (точнее, в юго-западных говорах)¹⁴ чаще всего обозначают дятла вообще, птицу из семейства дятловых. Так, слово *жовна́* (с метатезой *жонва́*), *жоўна́* с этим значением распространено в надсянском говоре, в говорах на северных склонах Карпат вплоть до линии Яворов—Самбор—Дрогобыч—Станислав—Коломыя, а также в западной части Черновицкой обл.¹⁵, известно некоторым покутским говорам¹⁶, а также

И. Б. Волчанецкий. О птицах Среднего Присурья. Саратов, 1923, стр. 19; Е. М. Воронцов. Птицы Камского Приуралья. Горький, 1949, стр. 68.

⁴ Сл. совр. русск. лит. яз. Интересно отметить, что слово приводится далеко не во всех словарях, оно отсутствует, например, в словаре Ушакова. Ср. также *желна́* '*Picus martius*' (ПЭС).

⁵ Сл. русск. яз.; Н. Холодковский, А. А. Силантьев. Указ. соч., стр. 379.

⁶ Н. Холодковский, А. А. Силантьев. Указ. соч., стр. 379.

⁷ Н. Васнецов, Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Котельничского у. Вятской губ. Пг., 1915, стр. 24.

⁸ Н. П. Гринкова. Из материалов по топонимике населенных мест Воронежской обл. „Мовознавство“, т. 14. Київ, 1957, стр. 125.

⁹ В. В. Шнитников. Птицы Минской губ. „Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи“, т. XII. СПб., 1913, стр. 112, 334—335.

¹⁰ П. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 1. СПб., 1887, стр. 524.

¹¹ К. Moszyński. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928, стр. 18.

¹² См. также: *жаўна́* 'желна' („Беларуска-рускі слоўнік“. Мінск, 1962, стр. 266).

¹³ В. Сямашка. Птушки Гродзенской вобл. Мінск, 1956, стр. 45.

¹⁴ Также: *джонва́, джолонка* 'Sprecht' (Желеховский).

¹⁵ См.: Я. В. Закревська. Назви дятла в західних говорах української мови. „Дослідження і матеріали з української мови“, т. III. Київ, 1960, карта (в статье использованы материалы второго тома „Атласа української мови“). В архиве „Атласа“ отмечены формы *жонна́* (Пиняни—р-н Самбора), *жонна́* (р-н Яворова).

¹⁶ Например, в говоре с. Саджава, зап. Коломыи: *жоўна́ чорна, жоўна́ зелёна* (по собственным наблюдениям), *жовна́ зелёна* — в говоре с. Зеленица Надворнянского р-на (по картотеке В. Калиновича; хранится во Львове). В материалах архива „Атласа“ зафиксированы формы: *жондва́* (Надворна), *жовнар* (Отыня).

гуцульским: *żopwa*¹⁷, *żopna*¹⁸; закарпатским говорам: *жбвна*¹⁹; лемковским: *жбвна*²⁰; в украинских говорах северо-западной Венгрии: *жонá*, *жорвá*, *журвá*, *жовнá стракáта*²¹ и на запад от р. Буг²². С тем же значением оно известно и в некоторых других районах Украины: *жовна чорна* 'Dryocopus martius', *жовна зелена* 'Picus viridis', *жовна сивоголова* 'Picus canus'²³; название *жойнá* (*жойна*) отмечено также севернее линии Коростень—Нежин—Ромны (по материалам „Атласа української мови“, т. 1).

Реже отмечается значение 'зеленый дятел' (Picus viridis): *жовна*, *жолна* (Хотомля, Харьковская обл.)²⁴, также *жвбўна* (Виноградово Закарпатской обл.)²⁵ и значение 'черный дятел' — *жойна* (севернее Ужгорода)²⁶. Последнее значение является, кстати, и номенклатурным: „*жовнá* (орн.) желна“ (Укр.-росс. сл.).

Польский язык

В польском языке названия с корнем **źbłn-*, обозначающие дятловых, встречаются в научной литературе (как варианты общепринятых наименований): *żółna zielona* (|| *dzięcioł zielony*) 'Picus viridis', *żółna zielonosiwa* (|| *dzięcioł zielonosiwy*) 'Picus canus', *żółna dzięcioł wielki* (|| *dzięcioł duży*) 'Dryobates major', *żółna czarna* (|| *dzięcioł czarny*) 'Dryocopus martius'²⁷; отмечаются в словарях: *żółna*, *żółma*, *dziółna* „... 2. dzięcioł“ (Sl. jęz. p.), *żółna czarna* 'Picus martius' (Linde). Указанное слово в значении 'дятел' распространено в некоторых диалектах: в Верхней Силезии, в курпевском диалекте²⁸, в районе между Кельце и Сандомиром²⁹. Отмечено в диалектном словаре Я. Карло-

¹⁷ W. Szuchiewicz. Huculszczyzna, т. 1-2. Kraków, 1902, стр. 29; ср. также *жбвна* (Б. Кобыляньский. Гуцульский говор и його відношення до говору Покуття. „Український діалектологічний збірник“, кн. 1. Київ, 1928, стр. 69). В гуцульских говорах отмечены также формы: *жоновá* (Устерики, р-н Жабье; Кийдаици, р-н Печенежина), *жбнова* (Вербовец, р-н Косова) — по материалам архива „Атласа“.

¹⁸ R. G. Kaindl. Die Huculen. Ihr Leben, ihre Sitten und ihre Volksüberlieferung. Wien, 1894, стр. 104; ср. также на территории Румынии (с. Бродина, в долине р. Сучавы), п. 366: *jouná* (E. Petrovici. Atlasul lingvistic român, vol. III. București, 1961, карта 705).

¹⁹ Й. О. Дзедзельський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської обл., УРСР, ч. 2. Ужгород, 1960, карта 127. — Материалы этого атласа дают гораздо более южную границу распространения указанного названия в районе г. Ужгорода, чем в упоминавшейся статье Я. В. Закревской; кроме того, спорадически оно встречается на юге Закарпатской обл., в р-не Иршавы: *жойнá* (Г. М. Потушняк. Особливості говірки с. Осій, Иршавського р-ну. Рукопись, хранится в Университете г. Ужгорода).

²⁰ *Жбвна зелена* 'дятел зеленый', *жбвна тарчáста* 'дятел пестрый', *жбвна чорна* 'черный дятел' (I. Верхратский. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902, стр. 414; ср. также: Б. Гринченко. Словарь украинского языка, т. 1. Киев, стр. 488).

²¹ I. Верхратский. Нови знадобы до номенклатур і терминології природописної, народної. Лемберг, 1908, стр. 19—20.

²² И. Бессараба. Материал для этнографии Седлецкой губ. — Сб. ОРЯС ИАН, т. 75. СПб., 1903, стр. 141.

²³ В. Храчевич. Птахі Поділля. Винниця, 1925, стр. 22—23.

²⁴ Н. Сомов. Орнитологическая фауна Харьковской губ. Харьков, 1897, стр. 269.

²⁵ В. Тарканий. Словник говірки с. Черна Виноградівського р-ну, Закарпатської обл. Ужгород, 1954 (рукопись).

²⁶ Ф. П. Бадада. Назви фауни та флори в говірці с. Люта Великоберезнянського р-ну. Ужгород, 1960 (рукопись).

²⁷ J. Sokołowski. Ptaki ziem polskich. Warszawa, 1958, стр. 403, 404, 410, 421; название *żółna* для дятлов отсутствует в справочнике: H. J. Jørgensen. Nomina avium Europaeorum.

²⁸ K. Nitsch. Z geografii wyrazów polskich, 1. Wilga 'Oriolus galbula'. „Wybór pism polonistycznych“, т. II. Wrocław—Kraków, 1955, стр. 28.

²⁹ Н. Ф. Томкевич. Птицы Келецко-Сандомирского края. Пг., 1915, стр. 34, 37, 38.

веча: *žoľna*, *žoľma* 'dzięcioł' (Подгале, Татры) (Karłowicz, t. VI, стр. 477). Ср. также топоним *czarnożyty* < *Czarne żoľny* (около Велюня)³⁰.

Слово как будто отсутствует в кашубском языке³¹, однако в р-не г. Хойнице есть населенный пункт *Żoľna*³², следовательно, некогда это слово существовало в языке и, вероятнее всего, имело значение 'дятел'.

Верхне- и нижнелужицкий языки

В этих языках, если судить по словарям, названия, восходящие к **žylna*, чаще всего обозначают птицу из семейства дятловых: *žoľma* 'grosser Specht', *čorna*, *zelena žoľma* 'Schwarz-, Grünspecht' (Kral), *žoľma* (чеш.) 'zluna' (Páta), *žoľma*, *žoľmka* 'der Specht (Picus)': "... а именно: зеленый или черный дятел (в противоположность *žěšelo* 'Buntspecht')" (Muka). Реже эти названия обозначают какой-нибудь из видов дятлов: *žoľma* 'Schwarzspecht' (Pfuhl), *žoľma* '(Grün-) Specht', *žoľmak* 'Grauspecht' (Jakubaš), *žoľmačk* то же (Kral). Вероятно, в народном языке эти названия имеют незначительное распространение.

Чешский язык

Слово *žluna* (< **žylna*) отмечается в орнитологической литературе со значением 'дятел (вообще)' и 'дятел зеленый или серый' (и никогда — 'черный'): *žluna* 'Picus', *žluna zelená* 'Picus viridis'³³, *žluna zelená* то же, *žluna šedá* 'Picus canus'³⁴. В чешском литературном языке оно употребляется в сходном значении: *žluna* 'splhavý datlovitý ptak žlutozeleně zbarvený, s červenou čerpičkou', *žluna zelená*, *žluna šedá* (Pr. sl.; HKES; MES). В том же значении оно фиксируется и в некоторых диалектах, например в моравском: *žluna*³⁵, *žluna*³⁶.

В ряде местностей Чехии в качестве названия для дятлов служит слово *žlova*, употребляющееся обычно для обозначения птицы иволги (*Oriolus galbula*)³⁷. Перенос названия одной птицы на другую можно объяснить некоторым сходством их окраски (желтой — у иволги, зеленоватой — у птицы 'Picus viridis'). Название *žlova* 'дятел' известно в Ходском крае³⁸; *žluva zelená* и даже *žlova černá* — в моравских говорах³⁹.

Словацкий язык

В словацком языке названия, восходящие к **žylna*, в значении 'дятел' широко распространены. Они употребляются в научной литературе⁴⁰, отмечены в словарях⁴¹ и широко представлены в диалектах, главным

³⁰ Ks. S. Kozierowski. Pierwotne osiedlenie pogranicza Wielkopolsko-Śląskiego między Obrą i Obrą a Wartą i Bobrem w świetle nazw geograficznych? „Slavia Occidentalis“, t. VII. Poznań, 1928, стр. 313.

³¹ Например, оно не зафиксировано в словарях С. Рамула, Ф. Лоренца.

³² F. Lorentz. Teksty pomorskie (kaszubskie), zesz. 3. Kraków, 1925, стр. 646.

³³ J. Kratochvíl, E. Bartoš. Soustava a jména živočichů. Praha, 1954, стр. 343.

³⁴ J. Jirsík. Naší sokoly. „Naší ptaci“, № 2, 1944, стр. 70, 71.

³⁵ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I. Brno, 1886, стр. 66; ср. также: Malina, стр. 161.

³⁶ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, d. II. Brno, 1895, стр. 493.

³⁷ Следует помнить, что его нельзя рассматривать как родственное **žylna*, так как *žlova* < **gylva* < **vylga*; оно не сопоставляется с корнем **žylt-* (как **žylna*, см. выше). Подробнее см.: V. Machek. Einige slavische Vogelnamen. — ZfslPh, Bd XX, стр. 50; HKES.

³⁸ J. Jindřich. Chodsko. Praha, 1956, стр. 271.

³⁹ Fr. Bartoš. Указ. соч., d. II, стр. 493.

⁴⁰ O. Ferianc. Slovenské nazvoslovie vtákov. Bratislava, 1953, стр. 139.

⁴¹ *Žľna*, *žuna* (Káľal), *žľna zelená* 'дятел зеленый' (Isačenko).

образом в восточнославянских: *žlna*, *žolna*, *žona*, *žovna*, *žuna* 'Picus', *žuna* (*žluna*), *zelená žlna*, *zelená žona*, *žltá žlna*, *jarabá žlna* 'зеленый дятел', *žlna*, *plavá žlna*, *žltá žlna* 'серый дятел', *čierná žlna*, *šierná žóna*⁴², *žoџna* (Спиш)⁴³, *zulna* (восточноляшское наречие)⁴⁴, *žlna* (словацкие говоры в Венгрии⁴⁵ — западнее Мишкольца)⁴⁶.

Сербско-хорватский и словенский языки

Названия с корнем **žbln-*, обозначающие птиц из семейства дятловых, хорошо известны в сербско-хорватском языке; они приняты в орнитологической литературе: *žuna zelena* 'Picus viridis' *žuna siva* 'Picus canus'⁴⁷. Чаще всего *žuna* и производные отмечаются в словарях и диалектных материалах со значением 'дятел' (вообще): *жуња* (*црна*, *зелена*), *жуња* (в Бачке) (Караџић), *žunja*, *žunjić*, *žuja* то же (Iveković), *зелена жуња*, *сива жуња*, *црна жуња* (Сербия)⁴⁸, *žona* (Мартинец — Северо-Западная Хорватия), *žuna* (Северо-Западная Хорватия, Юго-Восточная Далмация), *žunja* (Срем; Восточная Сербия, Колашин — Черногория), *žljuna* (Матевац, Ниш), *šljuna* (Ниш), *crna žuna* (Кутево, Северо-Западная Хорватия; оз. Плитвице) (Hirtz), *jlūna* 'дятел' (в сербских говорах Румынского Баната, с. Карашова)⁴⁹, *жџна* (по р. Тимон — СДЗБ. II, 194).

Редко это название обозначает птицу 'зеленый дятел': *жуња* 'Picus viridis' (Ристић).

В словенском языке название *žolna* (*žólna*) также имеет значение 'дятел' (Pleteršnik, Glonar), ср. также *žolná* (Хостник).

Болгарский и македонский языки

В болгарском языке слова *жџлна* (< *žblna) встречается редко, чаще всего оно значит 'зеленый дятел' (Picus viridis). С этим значением оно отмечается в орнитологической литературе⁵⁰, в некоторых словарях (*жџлна* — Геров, Младенов, МЕР). Географически, как это видно на карте, слово распространено только в крайних западноболгарских говорах: *жџлна* (Кюстендильский край)⁵¹, также *жџлна* 'вид кълвач, който издава особен крясък' (ботевградский говор)⁵². В переходных говорах на территории Югославии это слово имеет и другое значение: *желна* 'дятел' (вообще) (р-н Пирота)⁵³, *жџлна* (р-н Царибрoда)⁵⁴.

⁴² O. Ferienc. Указ. соч., стр. 139—140.

⁴³ Z. Stieber. Z studiów nad słowiańskimi gwarami Spisza. „Lud słowiański“, t. I. Kraków, 1929, стр. 111.

⁴⁴ A. Kellner. Vychodolašská nářečí, d. II. Brno, 1949, стр. 334.

⁴⁵ Возможно, из словацкого языка слово проникло в некоторые говоры венгерского языка — *zsolna* (Боршод), что отражено в ряде словарей, подробнее см.: I. Kniezsa. A magyar nyelv szlávjövényszavai, t. I. Budapest, 1955, стр. 580.

⁴⁶ J. Štolc. Nářečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949, стр. 60.

⁴⁷ H. I. Jørgensen. Указ. соч., стр. 59.

⁴⁸ С. Д. Матвеев. Распространение и живот птицы у Сербии (Ornitogeographija Serbica). Београд, 1950, стр. 221, 222, 231.

⁴⁹ E. Petrović. ALR, t. III, карта 705.

⁵⁰ П. Патеv. Птиците в България. София, 1950, стр. 142.

⁵¹ Й. Захариев. Кюстендилско крайще. „Сборник за народни умотворения“, т. XXXII. София, 1918, стр. 63.

⁵² „Българска диалектология. Материали и проучвания“, кн. I. София, 1962, стр. 190.

⁵³ В. Качановский. Памятники болгарского народного творчества. — Сб. ОРЯС АН, т. XXX, 1880, стр. 569.

⁵⁴ П. Сталийски. Към терминологията на българската фауна. „Сборник за народни умотворения“, т. X. София, 1894, стр. 216.

В македонском литературном языке, как и в болгарском, слово *жолна* имеет значение 'зеленый дятел' (*Picus viridis*)⁵⁵.

II. НАЗВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ИВОЛГА' (*ORIOIUS GALBULA*)

В русском, белорусском, лужицких, кашубском и болгарском языках, насколько можно судить по известным нам материалам, названия с корнем **žьln-* не употребляются со значением 'иволга'.

Это значение известно в украинских говорах: западных (Волинь, Полесье)⁵⁶, поднепровских⁵⁷ и восточных (например, Лебединский р-н Сумской обл.)⁵⁸.

Оно распространено также в некоторых говорах Центральной и Южной Польши: *žołna* '*Oriolus galbula*' (р-н Кони́на, Яро́дина, Турека — восточнее Познани, р-н Велю́ня, р-н Цешина — Верхняя Силезия), *žołga* (< *žoł[na]* + *[wywioł]ga*)⁵⁹, также в польских говорах на территории Чехословакии, на границе с Польшей (р-н Яблункова)⁶⁰. Из словарей оно приводится у С. Линде (стр. 435).

Это же значение отмечено в моравских говорах Чехословакии: *žluna* (наряду с *žluva*, *žlova*)⁶¹. Очень редко оно встречается в восточнославянских говорах: *žlna* (Трнава)⁶² и в некоторых словарях: *žlna* (zool.) 'иволга' (Isačenko).

Из южнославянских языков в указанном значении слово широко известно в диалектах сербско-хорватского языка (что отмечается и некоторыми словарями): *жу́жа* (Срем) '*Goldamsel, Oriolus*' (Караџић), *жу́жа* (Восточная Сербия)⁶³, *жу́жа* (Белград), *жу́жа* (Панчево, Банат), *жу́жа* (Ст. Пазова), *жу́жа златица* (Н. Селище), *жу́жа* (Hirtz), *жу́жа* (Далмация)⁶⁴.

Вероятно, с тем же значением слово встречается в центральных и восточных македонских говорах: „*жу́на* (= жолта птица)“ (Крива Паланка)⁶⁵, *жу́на* 'вид жолта птица' (р-н Скопле, между р. Вардаром и Моравой)⁶⁶.

В словенских словарях это значение не отмечается, но оно приводится в этимологическом словаре Фр. Миклошича: „новословен. *žołna* 'galbula'“ (MEW).

III. НАЗВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ЗОЛОТИСТАЯ ЩУРКА' (*MEROPS APIASTER*)

Это значение слов с корнем *žьlna встречается в славянских языках очень редко. Указанное значение отмечено в некоторых областях Запад-

⁵⁵ Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, т. 1. Скопје, 1961, стр. 181.

⁵⁶ Я. В. Закревська. Указ. соч., стр. 71.

⁵⁷ *Żołna* 'wilga' (K. Dejna. Elementy polskie w gwarach zachodnio-małopolskich. „Język polski“, т. XXVIII, № 3. Kraków, 1948, стр. 74). Следует указать, что оно встречается также в районах, населенных в прошлом поляками, например к северу от р. Днестра: *żołna* '*Oriolus galbula*' (S. Hrabec. O polskiej gwarze wsi Duliby w b. pow. Buszackiem. „Rozprawy Kom. jęz.“, т. III. Łódź, 1955, стр. 46).

⁵⁸ Б. Гринченко. Указ. соч., стр. 488.

⁵⁹ L. Kaszmarek. Z geografii wielkopolskich nazw ptaków. „Język polski“, т. XXXII. Warszawa, 1957, стр. 61—62.

⁶⁰ K. Nitsch. Указ. соч., стр. 28.

⁶¹ Fr. Bartoš. Указ. соч., р. II, стр. 425.

⁶² O. Ferianc. Указ. соч., стр. 166.

⁶³ С. Д. Магвеев. Указ. соч.

⁶⁴ A. Maštrović. Prilog avifauni Sjeverne Dalmacije. Zagreb, 1951, стр. 26.

⁶⁵ Б. Видоески. За вокалната система на кривоаланечкиот говор. „Македонски јазик“, № 9. Скопје, 1953, стр. 207.

⁶⁶ Б. Видоески. Северните македонски говори. — Там же, № 2, 1954, стр. 138.

ной Украины (Волинь)⁶⁷ и Южной Польши (Силезия)⁶⁸, куда золотистая щурка иногда залетает. Несмотря на малую известность этой птицы в пределах Польши, слово *zołna* вошло в польский литературный (Linde; *Śl. jez. p.*) и научный язык⁶⁹; К. Нич⁷⁰ писал, что оно кажется перешедшим из другого славянского языка и что мы имеем дело с „новым употреблением существующего и до известной степени избыточного названия“.

* * *

1. Итак, наиболее распространенным является значение 'птица из семейства дятловых', затем значение 'иволга'⁷¹, совсем редко отмечается значение 'золотистая щурка'.

2. Есть языки, которым известно только первое значение (русский, белорусский, кашубский, лужицкие, болгарский). В тех языках, где встречается два значения — 'дятел' и 'иволга', они образуют четкие ареалы.

3. Факты лингвистической географии позволяют сделать вывод, что, по всей вероятности, уже в древности, в праславянский период, существовали эти два значения слова **žblna*. При этом одни диалекты праславянского языка (в основном те, из которых позднее развились некоторые восточно- и южнославянские языки) называли словом **žblna* птицу из семейства дятловых; другие праславянские диалекты — птицу '*Oriolus galbula*'; наконец, видимо, были какие-то переходные говоры, в которых параллельно существовали оба значения.

4. Если указанные выше значения можно считать одинаково древними, то третье значение — '*Merops apiaster*', несомненно, гораздо более позднего происхождения. На нашей карте хорошо видно, что граница гнездования этой птицы идет (и, вероятно, шла в древности) южнее предполагаемой территории⁷² формирования праславянского языка. Поэтому в эпоху существования праславянского языка название **žblna* не могло относиться к птице '*Merops apiaster*' — она вряд ли была известна древним славянам. Лишь позже, уже в истории отдельных языков (и даже их диалектов), названия, восходившие к **žblna*, могли иногда переходить с птиц '*Picus*', '*Oriolus galbula*' на птицу '*Merops apiaster*', окрашенную сходным образом.

СОКРАЩЕНИЯ

Васнецов	Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1908
Герв	Н. Герв. Речник на българский язык с тълкувание речиты на български и на руски. Пловдив, 1897
Даль	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955
Добровольский	В. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914
Желеховский	Е. Желеховский. Малоруско-німецкий словарь, Hft. 1—3. Львів, 1882—1883

⁶⁷ Я. В. Закревська. Указ. соч., стр. 71.

⁶⁸ К. Nitsch. Указ. соч., стр. 28.

⁶⁹ J. Sokołowski. Указ. соч., стр. 375; следует отметить, что в указателе Х. Йоргенсена (Н. I. Jørgensen. Указ. соч., стр. 58) птица '*Merops apiaster*' имеет другое польское название: *szczurek pszczolojad*.

⁷⁰ К. Nitsch. Указ. соч., стр. 28.

⁷¹ Можно утверждать, что и в древности первое значение было более распространено, чем второе: не случайно зона сохранения архаизмов (например, Прикарпатье, Полесье) знает только значение '*Picus*'.

⁷² С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 63, 65, 69.

Караџић	В. Ст. Караџић. Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем ријечима. Биоград, 1898
МЕР	Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941
Младенов	Ст. Младенов. Български тълковен речник на съвременни народен и книжовен език. София, 1942
Носович	И. Н. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870
Подвысоцкий	А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885
ПЭС	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. т. I—II. М., 1910—1916
Ристић	С. Ристић, Ј. Кангрга. Речник српскохрватског и немачког језика. Београд, 1928
СДЗб.	Српска диалектајушки зборник, књ. II. Београд, 1911
Сл. русск. яз.	Словарь русского языка, составленный Вторым отд. имп. АН, т. II, вып. 1. СПб., 1897
Сл. совр. русск. яз.	Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1955
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1890
Тимченко	Е. Тимченко. Историчний словник українського языка. Київ, 1928
Укр.-росс. сл.	Українсько-російський словник, т. 1. Київ, 1953
Ушаков	Толковый словарь русского языка, т. I—IV. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова, М., 1935—1940
Хостник	М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горица, 1901
BrES	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1937
Glonar	J. Glonar. Slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1936
Hirtz	M. Hirtz. Rječnik narodnih zoologičkih naziva. Zagreb, 1938—1957
HKES	J. Holub, Fr. Kopečny. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952
Isačenko	A. V. Isačenko. Slovensko-ruský překladový slovník, d. II. Bratislava, 1957
Iveković	Fr. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901
Jakubaš	Fr. Jakubaš. Hornjoserbsko-němski slovník. Budyšin, 1954
Kálal	K. Kálal, M. Kálal. Slovenský slovník z literatúry aj nářečí. Banská Bystrica, 1927
Karłowicz	J. Karłowicz. Słownik gwar polskich. Kraków, 1911
Kral	J. Kral. Serbsko-němski slovník hornjołužiskeje řeče. Budyšin, 1931
Linde	S. B. Linde. Słownik języka polskiego. Lwów, 1860
Malina	J. Malina. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946
MES	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957
MEW	Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886
Muka	E. Muka. Słownik dolnoserbskeje řečy a jeje narěcow, t. 2. Praha, 1928
Páta	J. Páta. Kapesní slovník lužicko-českojihošlovanský a česko-lužický. Praha, 1921
Pfuhl	Pfuhl. Lužicki serbski slovník. Budyšin, 1866
Pleteršnik	M. Pleteršnik. Slovensko-němski slovar. Ljubljana, 1895
Př. sl.	Příruční slovník jazyka českého, d. VIII. Praha, 1955—1957
Śl. lęz. p.	Słownik języka polskiego. Warszawa, 1953
VEW	M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Leipzig, 1950

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОНЕМЫ γ (h) В СЛАВЯНСКОМ

Когда А. Блок писал поэму „Скифы“, он был под влиянием имевших распространение в околонуучных кругах взглядов, согласно которым славяне ведут свое происхождение от скифов. С точки зрения исторической науки эти взгляды были уже в то время анахронизмом, так как иранство скифов было убедительно показано за полстолетия до поэмы „Скифы“¹.

В 30-е и 40-е годы, когда у нас царила невероятная путаница в этногенетических вопросах, „блоковская“ концепция вновь возродилась, правда, в несколько измененном виде. Формула „славяне происходят от скифов“ была заменена формулой „славяне представляют стадиальную трансформацию тех же скифов“.

Сейчас теория стадияльных трансформаций одних народов в другие оставлена, и сами авторы, надо полагать, неохотно о ней вспоминают.

Значит ли это, однако, что вопрос о взаимоотношении скифов и славян в этногенетическом плане снят с повестки как ненаучный? Думаю, что нет.

Народы и племена, сменяя друг друга на определенной территории, не исчезают бесследно. Каждое новое племя получает и сохраняет кое-что от своих предшественников. Это „кое-что“ может быть очень малым и скромным, скажем, какое-то количество топонимов, но может быть и весьма значительным, наложить свой отпечаток на материальную и духовную культуру, на антропологический тип, на язык. В последнем случае можно смело говорить об этногенетической связи.

Поясню на примере из кавказской действительности.

На запад от осетин на Кавказе живут балкарцы и карачаевцы. Осетины по языку являются иранским народом, балкарцы и карачаевцы — тюркскими. На основании топонимических данных давно установлено, что территория, заселенная ныне балкарцами и карачаевцами, была в прошлом занята предками осетин — аланами. Сам по себе этот факт ничего еще не говорит об участии алан в этногенезе балкарцев и карачаевцев, так же как индейская топонимика в Северной Америке ничего не говорит об этногенезе современных (англосаксонских) североамериканцев. Вообще топонимика, взятая изолированно, никогда не может служить этногенетическим аргументом. Тот, кто интересуется вопросами этногенеза, должен копать глубже, последовательно и настойчиво вскрывать черты преемственности в данных археологии, в антропологическом типе, в фольклоре, в языке. Конечно, топонимика и сама по себе

¹ K. Müllenhoff. Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten. „Monatsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften“. Berlin, 1866.

представляет важный исторический источник, но ее значение неизмеримо возрастает, когда топонимические обследования сочетаются с археологическими, антропологическими и ареально-лингвистическими. Совпадение топонимических данных с распространением определенных археологических комплексов, определенных антропологических признаков и в особенности определенных языковых изоглосс становится прочной основой для этногенетических выводов.

Следует при этом подчеркнуть, что лингвистические показания не все в этом плане равноценны. Лексические заимствования, если они мало или совсем не затрагивают основной словарный фонд, не имеют решающего значения. Зато фонетические и структурные изоглоссы говорят обычно о глубоких и интимных связях, об этническом взаимопроникновении и преемственности.

Если, руководствуясь этими соображениями, мы подойдем к вопросу об участии алан в этногенезе балкар и карачаевцев, мы должны будем признать, что это участие не было одинаковым для обоих народов. В самом деле, на территории Карачая мы имеем аланскую топонимику, некоторые памятники материальной культуры аланского периода и некоторое количество осетинских слов в карачаевском языке. Этого достаточно, чтобы признать, что до тюркоязычного карачаевского населения там жили аланы. Но это не дает еще права говорить о каком-либо значительном участии алан в формировании карачаевского народа, его этнической и культурной индивидуальности.

Другое дело — Балкария. Здесь, помимо обильной аланской топонимики, аланской археологии и множества осетинских слов в балкарской речи, мы находим еще знаменательную алано-балкарскую фонетическую изоглоссу — цоканье: общетюркским шипящим аффрикатам *ç* и *ǰ* в балкарском (точнее, в так называемом верхнебалкарском) отвечают свистящие аффрикаты *s* и *ʒ*. Эту черту балкарской речи следует, бесспорно, считать аланским наследием. Ни один из тюркских языков Северного Кавказа — ни карачаевский, ни кумыкский, ни ногайский — не являются цокающими. Нет цоканья и в близкородственных им тюркских языках за пределами Кавказа. В одно время высказывалось мнение, что цокающим был куманский (половецкий) язык, но это мнение не получило признания и сейчас, насколько могу судить, никем не разделяется. Стало быть, балкарское цоканье в кругу родственных тюркских языков — явление изолированное.

С другой стороны, осетинский язык, как почти все восточноиранские языки (кроме согдийского и некоторых припамирских) является традиционно цокающим: общеиранским *ç* и *ǰ* и в нем отвечают *s* и *ʒ*.

Но если аланский язык мог так серьезно повлиять на артикуляцию балкарского, значит здесь имело место очень тесное взаимодействие и взаимопроникновение двух языков, двух этносов, взаимодействие этногенетического значения. Чрезвычайная близость антропологического типа балкарцев к типу соседнего осетинского племени дигорцев служит тому дополнительным доказательством.

Предпринятый нами экскурс в сторону Балкарии поможет, как мне кажется, разобраться в одном неразъясненном явлении славянской исторической фонетики: в переходе фонемы *g* в фонему *γ* (*h*) в некоторых славянских языках.

Как известно, индоевропейские *g* и *gh* совпали в славянском (а также балтийском, иранском и кельтском) в звонкий смычный *g*. В дальнейшем в ряде славянских языков — в южнорусском, украинском, белорусском, чешском, словацком, верхнелужицком — смычный *g* перешел во фрикативный *γ* и *h*. Время, условия и причины этого перехода до сих пор не выяснены. В новейшей работе по сравнительной фонетике славянских языков читаем:

„Праславянский язык во всех своих диалектах знал только взрывной *g*, который и в настоящее время характеризует многие славянские языки. Однако еще очень рано в отдельных языках *g* утратил затвор и изменился в задненебный фрикативный *ɣ*, затем в некоторых языках стал фарингальным *ħ*. При определении хронологии этого фонетического явления мы сталкиваемся с большими трудностями. Дело в том, что древние памятники в этом отношении не всегда дают вполне надежные критерии... Нет никакого сомнения в том, что *g* первоначально изменился в *ɣ*, а затем уже в *ħ*... К какому времени следует относить начало данного процесса, т. е. когда *g* изменился в *ɣ*? Среди ученых по этому вопросу существуют глубокие разногласия. Некоторые пытаются отодвинуть этот процесс в праславянский период... Большинство исследователей относит изменение *g* в *ɣ* и затем в *ħ* к XII—XIV вв.“²

Касаясь причин изменения *g* в *ɣ*, автор справедливо подчеркивает неприменимость здесь фонологического (фонемологического) объяснения: „...переход *g* в *ɣ* (*ħ*) нельзя объяснить причинами фонологического характера. Это обычный фонетический процесс, причины которого скрываются в области физиологической“³.

Однако ссылку на физиологию тоже нельзя считать объяснением.

Никто, насколько мне известно, не обратил внимания на то, что переход *g* в *ɣ* в определенной группе славянских языков имеет полную аналогию в таком же точно переходе в определенной группе иранских языков.

В древнеиранском, так же как в древнеславянском, индоевропейские *g* и *gh* совпали в *g*. Но затем во всей восточной ветви иранских языков, к которой относятся скифо-сарматские наречия, хорезмийский, согдийский, афганский, памирские, произошло изменение смычного *g* во фрикативный *ɣ*. Дигорский диалект осетинского языка хорошо представляет этот переход: в нем всякий иранский *g* отражен как *ɣ*. В иранском диалекте начальный *ɣ* перешел в увулярный смычный *q*, но это уже позднее явление. Начался процесс перехода *g* > *ɣ* очень рано, во всяком случае до нашей эры. Уже в Авесте иранский *g* в Inlaut'e отражен как *ɣ*: иран. *bagā-*, авест. *baγa-* 'бог'.

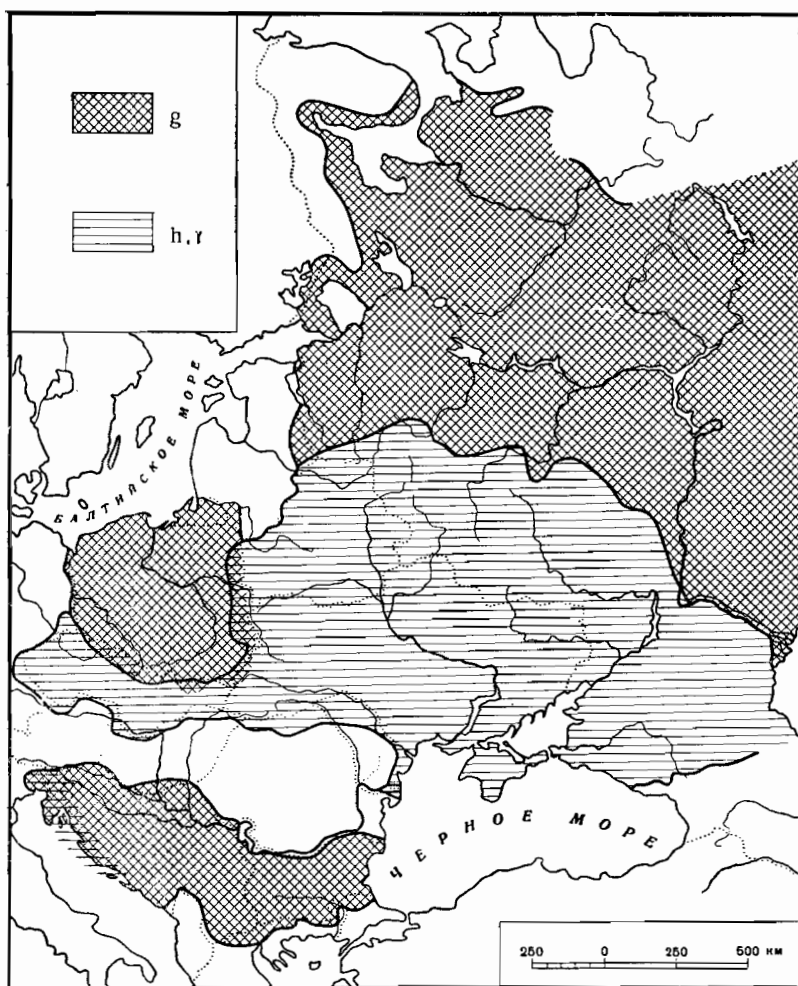
В пользу древности перехода *g* в *ɣ* говорит и то, что он характерен для всех восточноиранских языков. Он должен был совершиться тогда, когда эти языки находились еще в близком соседстве между собой и занимали относительно ограниченный ареал. Трудно думать, что подобные фонетические новшества могли распространиться в скифскую эпоху, когда восточноиранские племена были рассеяны на огромной территории от Памира до Дуная и утратили непосредственный контакт между собой. Короче: все говорит за то, что для скифо-сарматских племен фонема *ɣ* была исконной.

Можно ли думать о какой-либо связи скифского *ɣ* с фонемой *ɣ* в определенной группе славянских языков? Лучший ответ на этот вопрос дает прилагаемая карта распространения *ɣ* (*ħ*) в славянских языках: ареал распространения славянского *ɣ* (*ħ*) точно совпадает (если оставить пока в стороне чешский и словацкий) с ареалом скифской топонимики, скифской археологии и скифских влияний в Южной России. Достаточно сказать, что этот ареал включает бассейны трех больших рек, которые до сих пор сохраняют свои скифские названия: Дон, Днестр, Днепр.

М. Фасмер, анализируя топонимику Юга России, приходит к выводу, что северным пределом распространения скифо-сарматских назва-

² С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 292, 293, 294.

³ Там же.

Изоглосса взрывного и невзрывного *g* в славянском (по С. Б. Бернштейну)

ний является Орловская область⁴. Данные М. Фасмера получили подтверждение в новейшем исследовании по гидронимии Поднепровья⁵.

Стало быть, северная граница изоглоссы *γ* (*h*) проходит примерно там же, где северная граница скифо-сарматской топонимики.

Археологические данные идут в ногу с лингвистическими. По этим данным элементы скифо-сарматской культуры уверенно прослеживаются по всему Дону и Донцу с притоками, по нижнему, среднему, отчасти верхнему Днепру с притоками, по Южному Бугу, по Днестру⁶.

И когда мы видим такое разительное совпадение топонимических и археологических данных с распространением изоглоссы *γ* (*h*) в южно-русском и украинском, можно ли это фонетическое новшество в славянском приписывать физиологической случайности? Конечно, переход смычного согласного в фрикатив не выходит за рамки физиологически возможного и наблюдается во многих языках. Но стоит задуматься над тем, почему эта физиологическая возможность реализовалась почти

⁴ M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923, стр. 78.

⁵ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Л., 1962, стр. 229 и сл.

⁶ „Вопросы скифо-сарматской археологии“. М., 1954.

в точности на той территории, которая в течение ряда веков была в сфере скифского и сарматского языкового и культурного влияния. Почему „физиология“ превратила *g* в *γ* (*h*) именно в бассейне „скифских“ рек — Дона, Днепра и Днестра, а, допустим, не в бассейне Вислы или Оки?

Переход *ǰ* в *с* тоже физиологически возможен. Но почему эта возможность из тюркских языков реализовалась только в балкарском, жившем в теснейшем взаимодействии с цокающей аланской речью?

Как балкарское цоканье следует объяснять в связи с аланским цоканьем и в связи с аланской топонимикой на территории Балкарии, так фонему *γ* (*h*) в славянском надо объяснять в связи со скифо-сарматской фонемой *γ* и со скифо-сарматской топонимикой и археологией на Юго-Востоке Европы.

Скифская стихия наложила яркий отпечаток на всю культуру Юга России. Как отмечает археолог П. Д. Либеров, „...скифский этнический и культурный элемент сыграл не малую роль в развитии материальной культуры и в жизни местных племен лесостепи скифского времени. Это влияние сказалось на всем облике материальной и духовной жизни племен лесостепи, и не исключена возможность того, что в какой-то степени оно отразилось и на развитии языка“⁷.

Одним из таких отражений и является скифо-славянская фонетическая изоглосса. Изоглосса *γ* (*h*) в славянском, как исторический феномен, стоит рядом с топонимами *Дон*, *Днепр*, *Днестр*, рядом со скифским звериным стилем. Мы имеем здесь, можно сказать, идеальный случай совпадения топонимических, археологических и лингвистических данных. Вместе с тем изоглосса *γ* (*h*) информирует нас о более глубоком и значительном участии скифо-сарматского элемента в этногенетическом процессе на Юге России, чем это могут сделать топонимика и археология. Как балкарское цоканье тянет на весах больше, чем другие следы аланства в Балкарии, так фонема *γ* как этногенетический признак тянет больше, чем другие следы скифства на Юге России.

Признав, что переход *g* в *γ* (*h*) в некоторых славянских языках связан со скифо-сарматским влиянием, мы этим ничего, в сущности, не сказали о датировке этого перехода. Дело в том, что контакты славян с североиранскими племенами продолжались много веков.

К тому же фонетические изоглоссы, как показывают наблюдения, очень стойко держатся на определенной территории, в то время как этнический состав населения на этой территории может многократно меняться. Так, в Индии и смежных областях Ирана мы имеем уже несколько тысячелетий стойкий ареал церебральных согласных. На Кавказе — такой же стойкий ареал смычно-гортанных согласных. И какие бы новые народы ни попадали в эти ареалы, они усваивают в одном случае церебральные, в другом — смычно-гортанные согласные^{7а}.

Стало быть, а priori приходится принимать очень большой диапазон времени для возможного перехода *g* в *γ* (*h*) в части славянских языков. Тем не менее принимаемая некоторыми дата перехода *g* в *γ* (*h*) в некоторых славянских языках (XII—XIV вв. н. э.) представляется крайне сомнительной.

В начальный период скифско-славянских контактов естественным каналом, по которому фонема *γ* попадала в славянский, были, надо думать, заимствованные иранские слова, содержавшие этот звук. Одним

⁷ „Вопросы скифо-сарматской археологии“, стр. 167.

^{7а} В исследованиях по субстрату уже не раз отмечалось, что субстратные влияния могут выявиться с большим опозданием. См.: V. Brøndal. Substrat et emprunt en roman et en germanique. Copenhague, 1948; J. Pokorny. Das nichtindogermanische Substrat im Irischen. „Zeitschrift für keltische Philologie“, Bd. 14, стр. 105; он же. Substrattheorie und Urheimat der Indogermanen. „Mitteil. d. anthropol. Gesellschaft in Wien“, Bd. 66, 1936.

из таких слов было слав. *bogŭ* из сев.-иран. *baŭa*-. Я разделяю мнение тех, кто считает это важное в культурно-историческом плане слово не исконно славянским, а заимствованным из северноиранского. В пользу этого говорит то, что: 1) слово отсутствует в балтийских, а также других европейских языках; 2) на славянской почве оно не имеет никаких внутренних этимологических связей и стоит изолированно, тогда как на арийской — оно связано с основой *bhag-* 'подавать', 'наделять', 'дарить' со множеством дериватов; 3) значение 'бог' присуще только иранскому и славянскому, но чуждо индийскому. Правы те, кто в пользу иранского происхождения слова *бог* указывают и на то, что оно имеет звук *γ* не только в южнорусском и украинском, но и в общерусском⁸. Стремление произносить религиозный термин „правильно“, т. е. возможно ближе к первоисточнику, могло распространить произношение *boŭi* и в такую среду, которой фонема *γ* вообще не свойственна.

Но если так, то первое проникновение фонемы *γ* в славянский должно быть примерно синхронно с заимствованием таких слов, как *бог*. А это заимствование не могло быть ни в XIV, ни в XII в.

Наконец, когда мы говорим о скифо-сарматском влиянии на Юге России, не следует забывать, что в Приднэе существовала так называемая Салтово-Маяцкая культура, что эта культура принадлежала аланам и что она датируется VIII—IX вв. н. э. Стало быть, юго-восточные славяне для того, чтобы усвоить из скифо-сарматского фонему *γ*, имели больше чем достаточно времени: от начала I тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия н. э.

Показательно, что антропологический материал не вскрывает никакого разрыва между скифством и славянством на Юге России. Известный антрополог А. П. Богданов, исследовавший серию черепов из курганов Полтавской, Киевской и Черниговской губерний, не нашел разницы в типах черепов из „славянских“ и „неславянских“ курганов. Суммируя выводы своих исследований, он подчеркивает единство преобладающего типа как в курганах славянской эпохи, так и в скифских⁹.

Прежде чем расстаться с фонемой *γ* (*h*), следует сказать о ее наличии, с одной стороны, в чешском и словацком, с другой — в некоторых севернорусских говорах.

Проникновение фонемы *h* в чешский и словацкий языки может быть результатом позднейших влияний, идущих от украинских наречий Верхнего Поднестровья на запад. Но нельзя исключать и возможность того, что чешский и словацкий были охвачены данной изоглоссой еще тогда, когда предки чехов и словаков были расселены восточнее нынешней территории и жили в непосредственном соседстве с предками украинцев.

Наконец, в этой связи стоит вспомнить и любопытное свидетельство Геродота: „Один народ по ту сторону Истра я знаю по рассказам, называется он сигиннами (Σιγίνναι) и одевается по-мидийски... Они производят себя от мидян. Я не могу решить, каким образом сигинны выселились сюда из Мидии, но в течение столь долгого времени может случиться все“¹⁰. В устах Геродота „мидийцы“ — синоним иранцев, а из иранских народов речь может идти в данном случае только о скифах. Локализуется сигинны в нынешней Чехии и Словакии¹¹. Новейшая историческая наука дала немало доказательств того, что сведения Геродота даже по частным и второстепенным вопросам отличаются поразительной достоверностью. Между тем данное свидетельство, говорящее

⁸ Ф. Корш в сборнике в честь проф. Н. Ф. Сумцова, Харьков, 1919, стр. 53, Миккола в „Русском Филологическом Вестнике“, т. 48, стр. 278.

⁹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 259.

¹⁰ Геродот. История, т. II. Пер. Ф. Г. Мищенко, М., 1886, стр. 4.

¹¹ E. Meyer. Geschichte des Altertums³, I, 2, стр. 890. Ср.: O. Schrader — A. Nehrning. Realexikon der indogermanischen Altertumskunde², II, 1929, стр. 410: „...skythische Stamme sind sehr früh weit nach Westen vorgedrungen“.

о том, что со скифским субстратом надо считаться не только в Южной России, но и в Чехословакии, не привлекает должного внимания историков славянства¹².

Помимо южнорусских наречий, фонема γ проявляется островками в некоторых севернорусских, например онежском¹³. Явление это не столь странно, как может показаться. В исследованиях по осетинской этимологии выявилось немало случаев, когда осетинский смыкается именно с севернорусскими (онежскими, архангельскими) говорами, минуя южнорусские. Очевидно, в какую-то эпоху имело место передвижение некоторых южнорусских племен на север. Вспомним: былины киевского цикла сохранились не на Украине, а в области Онежского озера и Белого моря. Не стоит ли этот факт в одном ряду с появлением фонемы γ в этой же области?

Наши выводы сводятся к следующему.

1. Ареал распространения фонемы γ (h) в славянском знаменательным образом совпадает с ареалом распространения скифо-сарматской топонимики и памятников скифо-сарматской культуры.

2. Это обстоятельство заставляет думать, что фонема γ в славянском есть вклад скифо-сарматской речи, которой искони была присуща фонема γ .

3. В отличие от топонимики, которая сама по себе не является этногенетическим показателем, совпадение топонимических данных с ареальными изоглоссами имеет бесспорное этногенетическое значение.

4. Это положение хорошо иллюстрируется и на примере изоглоссы c , z (цоканье) в балкарском языке: балкарское цоканье на территории, насыщенной аланскими топонимами, есть несомненное наследие аланской речи, искони цокающей.

У читателя может возникнуть такой вопрос: почему одна и та же северноиранская речь, скифо-сарматская в Южной России, аланская на Кавказе, оставила в виде наследия в одном случае (на славянской почве) изоглоссу γ , а в другом (на балкарской почве) — изоглоссу c , z ?

Объясняется это очень просто. Влияние одного языка на другой может выявиться только в том, чего в последнем нет, а не в том, что в нем уже есть. В северноиранском (скифском, сарматском, аланском) были и фонема γ , и фонема c . В славянском до скифского периода была фонема c , но не было фонемы γ . Естественно, что влияние скифского должно было сказаться в появлении новой для славянского фонемы γ .

В балкарском до аланского периода была фонема γ , но не было фонемы c . Понятно, что аланское влияние сказалось именно в усвоении отсутствовавшей в балкарском фонемы c .

Лингвист и археолог могут добиться хороших результатов, если они работают рука об руку и стимулируют друг друга в постановке и решении исторических вопросов обоюдного интереса. Суммарное совпадение определенного археологического и топонимического ареала с определенной фонетической изоглоссой навело языковеда на мысль о возможной связи этой изоглоссы с определенным этническим субстратом на Юго-Востоке Европы. Теперь, опираясь на эту гипотезу, языковед со своей стороны может сказать археологу и историку: ищите скифов там, где вместо g произносят γ (h). Результаты таких поисков послужат хорошей проверкой выдвинутой гипотезы.

¹² Л. Нидерле („Rukověť slovanských starožitností“, 1953) даже не упоминает о сигнивах.

¹³ С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 293.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПАДЕЖЕЙ ПРИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛА В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

ПОНЯТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ И НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛА

Лексические значения глаголов и их способность сочетаться с падежами

§ 1. Сочетаемость с определенными падежами составляет одну из особенностей лексико-семантической характеристики глагола. Именно с лексическим значением связана способность глагола сочетаться или не сочетаться с именительным или другими падежами субъекта, сочетаться или не сочетаться с одним или несколькими падежами объекта. „Чтобы представить себе полностью значение того или иного слова, необходимо знать, к каким формам сильного управления оно способно“, — пишет И. С. Ильинская. Она настаивает на том, что факты управления должны быть предметом лексикологии, так как лексическое значение глагола во всей своей полноте раскрывается благодаря тому или иному способу управления¹.

Это значит, что глагольная лексема — носитель лексического значения глагола — одновременно несет в себе свойства глагола сочетаться или не сочетаться с разными падежами имени существительного в разных их функциях.

Дистрибуция глагольных лексем. Иерархия в их синтаксическом использовании

§ 2. Глагольная лексема, входя в состав разных классов слов, в простом двусоставном предложении встречается в нескольких синтаксических позициях (имеет несколько разных синтаксических функций). Личная форма глагола в предложении выступает в функции предиката (определяющего члена предикативной конструкции), причастие — в функции определения субъекта (определяющего члена атрибутивной конструкции), отглагольное имя существительное — в функции субъекта (определяемого члена предикативной конструкции), инфинитив чаще всего можно наблюдать в составе сложного глагольного сказуемого в соединении с личными формами глаголов определенных лексико-семантических групп².

Но из того факта, что лексема со значением действия или состояния способна к выражению столь различных синтаксических функций, вовсе

¹ И. С. Ильинская Управление как проблема лексики и грамматики. — „Ученые записки Московского городского пед. ин-та“, т. V, вып. 1. М., 1941, стр. 78.

² Известно, что слова названных классов могут иметь и другое синтаксическое использование. Здесь называются только наиболее типичные случаи.

не следует, что все эти функции для нее в равной мере типичны или характерны.

Между различными синтаксическими функциями лексем со значением действия и состояния существует иерархия, и на первой ступени иерархической лестницы стоит глагол в личной форме с его первичной синтаксической функцией предиката. „Сравнивая сочетания *собака лает* и *лающая собака*, — писал О. Есперсен, — мы увидим, что хотя *лает* и *лающая* явно тесно связаны друг с другом ... однако лишь первое словосочетание завершено как законченное высказывание. Сочетание же *лающая собака* лишено специфической завершенности и ставит нас перед вопросом: „Ну и что же с этой собакой?“ Такая способность создавать предложения обнаруживается у всех тех форм, которые часто называются „предикативными“ (finite) формами, но отсутствует у форм типа *лающий* и *сведенный* (причастия), *лаять*, *есть* (инфинитивы) и т. п. Причастия являются, по существу, прилагательными, образованными от глагола, а инфинитивы имеют ряд общих черт с существительными, хотя синтаксически и причастия и инфинитивы сохраняют много общего с глаголом. Таким образом, с определенной точки зрения мы имеем полное основание ограничить применение термина „глагол“ теми предикативными формами, которые обладают специфически глагольной способностью образовывать предложения; мы вправе также рассматривать „вербиды“ (причастия и инфинитивы) как особый промежуточный разряд между существительными и глаголами (ср. традиционное название „причастие“ — *participium*, т. е. то, что причастно к характеристике существительного и глагола)³.

Понятие синтаксической производности

§ 3. Отглагольное имя существительное, инфинитив, супин, причастие, некоторые имена прилагательные — грамматические классы слов с глагольной лексемой — есть основание рассматривать как синтаксические производные глагола. Основы этих классов слов, глагольные по типу лексического значения, выступают не в специфической глагольной синтаксической функции предиката, а в синтаксических функциях других классов слов.

Что такое специфическая и неспецифическая функции классов слов? Известно, что не все синтаксические функции, в которых выступает тот или иной класс слов, в равной мере существенны или характерны для него. Е. Курилович констатирует: „... слова обладают первичной синтаксической функцией в зависимости от их лексического значения (существительное: подлежащее, прилагательное: определение к существительному, глагол: сказуемое, наречие: определение к глаголу) и ... всякое употребление их в другой синтаксической функции, отличной от первичной, является, с формальной точки зрения, мотивированным и отмеченным употреблением“⁴.

Если глагольная основа с ее специфическим значением действия — состояния выступает, в составе отглагольного имени существительного, в функции субъекта предикативной конструкции, или, в составе причастия, в функции определения субъекта, то для глагольной основы эти функции явно не специфические.

а) Формальные показатели синтаксической производности

§ 4. Функциональные замены осуществляются при помощи знаков, отвлеченно выражающих категорию заимствования. Шарль Балли назы-

³ О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 95—96.

⁴ Е. Курилович. *Деривация лексическая и деривация синтаксическая*. В сб. „Очерки по лингвистике“. М., 1962, стр. 60—61.

вает эти знаки транспонирующими или категорийными знаками, Люсьен Теньер — транслативами, Ежи Курилович — синтаксическими морфемами⁵.

Синтаксические морфемы, т. е. чисто формальные критерии, и являются, по Куриловичу, объективным фундаментом разграничения первичных (т. е. специфических) и вторичных (т. е. неспецифических) функций классов слов. Отношение первичной синтаксической функции к вторичной он формулирует в виде следующего закона: „Если изменение синтаксической функции некоторой формы (некоторого слова) А влечет за собой формальное изменение А в В (при той же лексической функции), первичной синтаксической функцией является та, что соответствует исходной форме, а вторичной — та, что соответствует производной форме“⁶.

Отсюда следует, что каждое употребление основы в несвойственной для нее синтаксической функции (т. е. употребление в составе синтаксического производного) есть употребление мотивированное и характеризованное с формальной точки зрения. Так, например, показателями синтаксической производности причастия или инфинитива служат особые суффиксы этих классов слов, показателем синтаксической производности имени прилагательного, входящего в состав предиката, в русском языке служит не только краткая (именная) форма, не свойственная прилагательному в функции определения, но и вспомогательный глагол, который, в тех случаях, где он употребляется, играет роль синтаксической морфемы. На последнем примере можно убедиться, что показатели синтаксической производности могут быть заключены не только в словах, но и в группах слов, и представлять собой отдельные слова.

Одним из показателей синтаксической производности в сфере имен существительных является падежное окончание. При помощи этой синтаксической морфемы осуществляется перенос имени из первичной для него функции субъекта в функции различных определяющих глагола (например, в функции первого определяющего члена глагола, второго определяющего члена глагола, обстоятельного определения). В случаях фонетической тождественности между падежом субъекта и падежом глагольного определения на производность второго по отношению к первому указывает место второго по отношению к глаголу (например, употребление глагольного определения после глагола или непосредственно после глагола⁷).

Явление синтаксической деривации, таким образом, принципиально отличается от явления лексической или семантической деривации. Синтаксическая деривация переносит основу слова в какую-либо другую синтаксическую функцию, а лексическая деривация осуществляется внутри какой-либо одной синтаксической функции и сводится к изменению семантики слова⁸.

Понятие синтаксической производности является строго синхронным. В одном и том же языке на разных этапах его истории направление синтаксической деривации может быть различным из-за изменчивости синтаксического употребления форм.

⁵ Ш. Балли. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955, стр. 130—143; L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, стр. 361 и далее; Е. Курилович. *Деривация лексическая и деривация синтаксическая*, стр. 61—62.

⁶ Е. Курилович. Указ. соч., стр. 59.

⁷ Там же, стр. 60.

⁸ Подробнее о различии между синтаксической и семантической деривациями см. в работе: Е. Курилович. *Проблема классификации падежей*. В Сб. „Очерки по лингвистике“, стр. 190.

б) Вопрос о регулярном характере синтаксической производности

§ 5. Отношения синтаксической производности связывают не отдельные слова, а целые множества слов. Ср. отношение глаголов и отглагольных имен существительных, глаголов и инфинитивов, глаголов и причастий.

Форма-база способна преобразовываться (трансформироваться) в производную форму и обратно, а при этом, следовательно, выполняется одно из важнейших условий трансформации — условие регулярности преобразования, его применимости к целому множеству аналогичных примеров.

Значения производных форм без затруднений выводятся из значений морфем, составляющих эти формы. Например, достаточно знать значение глагола и значение словообразовательного суффикса, чтобы понять значение славянского отглагольного имени существительного — формы, произведенной от глагола⁹.

При составлении словаря для машинного перевода возникали практические вопросы, связанные с выделением слов с общим корнем и со стандартным соотношением по смыслу. „Оказалось, — пишет З. М. Волоцкая, — что слова, значения которых однозначно и стандартно выводятся из значений составляющих их морфем, можно не записывать в словарь, а синтезировать в процессе перевода (и тем самым значительно сократить объем словаря)“¹⁰.

Иногда, однако, соединение основы слова-базы с синтаксической морфемой-трансформатором создает форму, которая своим значением отличается от подобных ей по морфологическому составу и не может считаться связанной отношением производности со словом-базой. Л. Теньер констатирует существование трансляции, „застывшей в неподвижности смерти“ (*figée dans la rigidité de la mort*). Истоки такой трансляции забываются; ее первоначальное присутствие в той или иной форме языка можно восстановить только путем этимологических изысканий¹¹.

В русском языке потеря некоторыми отглагольными именами существительными глагольных свойств исключает их по этому признаку из множества отглагольных имен существительных с „живой“ глагольностью. Г. О. Винокур заметил утрату глагольности в группе русских терминов, которые по морфологическому составу представляют собой отглагольные имена существительные (например, *значение, спряжение* и т. д.)¹². Прибегая к образному сравнению Ш. Балли, можно сказать, что в этих словах знак носит маску, которая срослась с его лицом, в то время как слова с „живой“ глагольностью способны снимать свою маску¹³.

в) Роль окружений при установлении производности

§ 6. Каковы же объективные критерии для того, чтобы некоторые пары форм считать неоспоримо связанными или не связанными отношениями „живой“ синтаксической производности?

Различие между „живой“ и „застывшей“ трансляцией Л. Теньер иллюстрирует на примерах причастия и отглагольного имени прилагательного.

⁹ Л. Теньер писал, что славянские и балтийские языки особенно благоприятны для изучения отглагольных имен, которые здесь появляются в очень ясной форме (*L. Tesnière. Указ. соч., стр. 420*).

¹⁰ З. М. Волоцкая. Установление отношения производности между словами. (Опыт применения трансформационного метода). — ВЯ, 1960, № 3, стр. 100.

¹¹ L. Tesnière. Указ. соч., стр. 373.

¹² Г. О. Винокур. Глагол или имя? В Сб. „Русская речь“, новая серия, вып. III. Л., 1928, стр. 80.

¹³ См. об. этом: L. Tesnière. Указ. соч., стр. 382.

Первое, так же как и глагол, от которого оно происходит, сохраняет во французском способность управлять именем существительным — объектом, второе же утратило эту способность¹⁴.

З. М. Волоцкая поставила задачу установить, связаны ли отношения производности слова *уравниваю* и *уравнение*. Подобрав все осмысленные сочетания слов со словом *уравнение* (*квадратное уравнение, дифференциальное уравнение*), она сделала попытку преобразовать их в сочетания слов с определяемым членом в форме глагола. Полученные словосочетания (*квадратно уравниваю, дифференциально уравниваю*), будучи грамматически правильными, оказались бессмысленными. Был сделан вывод, что слова *уравниваю* и *уравнение* нельзя считать связанными отношениями производности. Слова *предлагаю* и *предложение* оказались связанными друг с другом в одних значениях и не связанными в других (ср. *целесообразное предложение, своевременное предложение, сложноподчиненное предложение* и *целесообразно предлагаю, своевременно предлагаю, сложноподчиненно предлагаю*)¹⁵.

Г. О. Винокур убедительно показал на примерах, как потеря отглагольным именем существительным глагольных свойств сопровождается освобождением его от управления: *варить—варенье ягод—чай с вареньем; печь—печенье хлеба—кондитерское печенье; гулять—гуляние с кавалером—была на гулянье*¹⁶. В приведенных примерах сохранение управления свидетельствует о сохранении отглагольным именем существительным внутренней связи с глаголом, а утрата управления — об утрате такой связи (и, следовательно, об утрате отношения синтаксической производности).

Все эти наблюдения позволяют констатировать, что формы, связанные отношениями синтаксической производности, функционируют в языке в составе подобных или сходных окружений, т. е., что синтаксическая производность переносит в новые синтаксические условия не только основу слова-базы, но и члены его окружения. Таким образом, об истинной производности можно говорить применительно к тем словам, характер окружения которых как-либо отражает окружения исходных слов, так как действительный перенос той или иной лексемы в новые синтаксические условия есть в то же время и перенос элементов ее окружения.

Все это вносит коррективы и ограничения в тезис о регулярном и массовом характере отношений синтаксической производности. Вместе с тем само понятие синтаксической производности получает важное уточнение: синтаксические морфемы выступают как показатели производности только при условии сходства окружений формы-базы и производной формы.

Можно полагать, что утрата производного характера формы, выражающаяся в своеобразной деэтимологизации ее синтаксической морфемы, имеет разные степени в разные периоды истории языка, а в синхронном плане варьируется в зависимости от разных условий употребления формы.

Важность роли окружения для установления отношений синтаксической производности ясно видна на примере славянских имен прилагательных, способных к управлению. Такие имена прилагательные можно считать производными от глагола даже в том случае, если у имени прилагательного и глагола нет общей лексемы (т. е. данное имя прилагательное по своему составу и значению не соотносительно с каким-либо глаголом. Ср. примеры из русского языка: *глубок содержанием, удобен для си-*

¹⁴ L. Tesnière. Указ. соч., стр. 373. — Следует заметить, что в славянских языках имена прилагательные, произведенные от глаголов, способность к управлению сохраняют.

¹⁵ См.: З. М. Волоцкая. Указ. соч., стр. 106—107.

¹⁶ См.: Г. О. Винокур. Глагол или имя?, стр. 84.

дения, гулок в тишине). В данном случае сходство окружений имен прилагательных и глаголов является единственным, но определяющим признаком производного характера этих имен прилагательных.

г) *Различия в характере окружений исходных и производных слов*

§ 7. Окружения исходных слов и окружения производных слов имеют не только черты сходства, но и черты различия. „Мы употребляем термин „деривация“ в широком смысле слова, понимая под деривацией не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных слов, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом окружении“, — указывает Е. Курилович¹⁷.

О некоторых свойствах синтаксических производных глагола

§ 8. Отношение производных классов с глагольной основой к личной форме глагола в плане системы всего языка может быть сформулировано следующим образом: для каждого из производных глагола глагол является формой-базой или первичной формой, по отношению к которой каждое производное глагола является вторичной формой.

Рассмотрим важнейшие черты отличия синтаксических производных глагола от их формы-базы.

а) По особенностям своего поведения в составе словосочетаний производные глагола характеризуются следующим свойством: в них объединяются правила эквивалентности глагола с правилами эквивалентности других непродеривированных (исходных) классов слов (имеются в виду правила эквивалентности для свертывания и развертывания, которые показывают сочетаемость какого-либо класса слов с другими; при этом правила эквивалентности одного исходного класса не совпадают с правилами эквивалентности другого исходного класса).

Для иллюстрации обратимся сначала к отглагольному имени существительному. Синтаксические свойства этого класса слов представляют собой сумму правил эквивалентности класса глаголов и класса имен существительных. Например, способность отглагольного имени существительного сочетаться с именем прилагательным — определяющим его членом (ср. *товарищеская помощь*) или выступать как определяющий член глагола (ср. *прошу помощи*) характеризует его как имя существительное, но в то же время характеристика этого класса слов дополняется правилами эквивалентности, которые характерны для глагола и не совпадают с правилами эквивалентности имен существительных; так, отглагольное имя может иметь при себе один или несколько определяющих членов, выраженных падежными формами имен существительных (например, *помощь отстающим, торговля одеждой в кредит* и т. п.). Нет сомнения в том, что эта двойственность поведения отглагольного имени имеет причиной его синтаксическую производность, т. е. прибывание глагольной лексемы в составе слова, оформленного как имя существительное.

Несколько по-иному объединяются правила эквивалентности глагола и имени существительного у инфинитива. С классом имен существительных его объединяет только способность быть определяющим членом гла-

¹⁷ Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая, стр. 61.

гола (*хочу читать, прошу не мешать*), в то время как способность иметь при себе определяющие члены в формах наречия (*писать вечером*) или падежей имен существительных (*писать письмо матери*) объединяет инфинитив, так же как и отглагольное имя существительное, с глаголами. Если инфинитив более глагол, чем имя, то отглагольное имя существительное — более имя, чем глагол.

Причастия действительные, подобно именам прилагательным, могут определять имя существительное (*читающий мальчик*) и, подобно глаголам, определяться при помощи падежных форм и наречий (*быстро читающий книгу*). Такие же свойства и у причастий страдательных (ср. *мельница построена, построена на реке*), с той только разницей, что роль словосочетания „страдательное причастие + именительный падеж имени существительного“ в общей структуре страдательного оборота совпадает с ролью словосочетания „глагол + винительный прямого объекта“ в действительном обороте.

б) Формы каждого из производных классов могут быть образованы далеко не от каждой глагольной основы и, следовательно, форм каждого из производных классов в языке меньше, чем глаголов. Сказанное относится, например, к отглагольным именам существительным со значением действия—состояния в современном русском языке, где образования такого рода от одних глаголов вообще невозможны, от других же — весьма непродуктивны¹⁸. Еще меньшее количество глагольных основ входит в страдательные причастия: они образуются преимущественно от переходных глаголов. Наоборот, имена прилагательные, управляющие падежами, соотносятся с непереходными глаголами. Таким образом, в русском языке возможность свободного преобразования глаголов в синтаксические производные ограничена. В этом отношении русский язык можно охарактеризовать как язык с неполной трансформацией¹⁹.

в) Но и существующие возможности образования синтаксических производных глагола в языке не используются до конца. Формы, возможные потенциально по аналогии с подобными им и существующими в языке, можно искать и не найти. В. В. Виноградов отметил, что в русском языке не употребляется отдельно, как особая форма, инфинитив от основы безличных глаголов. „Действительно, инфинитив безличных глаголов входит в состав сложных аналитических форм, образуемых сочетанием вспомогательных глаголов с инфинитивом (например, *будет тошнить, начнет смеркаться, стало подмораживать* и т. п.)“²⁰

г) Кроме количественных ограничений, характерных для всего языка (см. пункты б и в), употребление синтаксических производных глагола по сравнению с употреблением глаголов характеризуется общим уменьшением также и в речи. Это значит, что в определенном тексте или группе текстов глаголов больше, чем соотносительных с ними причастий, инфинитивов или каких-либо других синтаксических производных глагола.

ВОПРОС О ПАДЕЖНЫХ ОКРУЖЕНИЯХ ГЛАГЛОВ

§ 9. Какой-либо определенный глагол в речи может быть употреблен в составе нескольких типов окружений, но один из этих типов, самый обширный по количеству членов, представляет собой оптимальное окружение этого глагола. Каждый глагол имеет в оптимальном окружении

¹⁸ В. В. Виноградов *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М., 1947, стр. 117—118; Л. Н. Булатова. Отглагольные существительные на *-лье*, *-тье* в русских говорах. „Труды Института языкознания“, т. VII, стр. 354—355.

¹⁹ Ср.: И. И. Ревзин. *Модели языка*. М., 1962, стр. 146.

²⁰ См.: В. В. Виноградов. *Указ. соч.*, стр. 430.

определенное постоянное число членов (мест), при том каждый член выражает определенную функцию. Русские глаголы *светает*, *морозит* и т. п. лишены падежного окружения (или имеют нулевое окружение); глаголы *кажется*, *знобит*, *засыпает* имеют одноместное падежное окружение, так как способны сочетаться только с одним падежом субъекта (*мне кажется*, *меня знобит*, *он засыпает*); двухместными падежными окружениями характеризуются глаголы *учится* и *занимается*, сочетающиеся с падежом субъекта и единственным падежом объекта (*брат учится живописи*, *сестра занимается музыкой*); в трехместном падежном окружении могут быть встречены глаголы *сообщает* и *просит* (*брат сообщил мне новость*, *девочка просит у соседки книгу*); в четырехместном — глаголы *режет* и *пишет* (*мать режет сыну хлеб ножом*, *мальчик пишет письмо другу авторучкой*). По количеству мест в оптимальном окружении глаголы можно подразделить на глаголы с нулевой валентностью, одновалентные, двухвалентные, трехвалентные и четырехвалентные.

Оптимальные окружения глаголов — понятие, принадлежащее языку (в сосюрловском смысле слова). В речи они редко реализуются полностью; глаголы встречаются обычно в окружениях неполных или недостаточных (это относится в первую очередь к глаголам трехвалентным и четырехвалентным).

Глаголы, имеющие оптимальные окружения с одинаковым количеством мест, можно, далее, подразделить на группы по составу форм, образующих оптимальные окружения. Двухвалентные глаголы *учусь* и *занимаюсь* войдут по этому признаку в разные подгруппы, так как они различаются падежной формой определяющего члена: глагол *учусь* определяется дательным падежом, а *занимаюсь* — творительным.

Глаголы же *занимаюсь* и *увлекаюсь* имеют оптимальные окружения не только с одинаковым количеством мест, но и с одинаковыми формами определяющих членов, т. е. они имеют изотипные оптимальные окружения. Эти глаголы, связанные указанным общим свойством в парадигматическом плане, можно считать относящимися к одному и тому же подклассу глаголов.

Падеж, занимающий место наречия, т. е. находящийся с глаголом в отношениях свободной связи (*вечером*, *с товарищем* и т. п.), может быть членом окружения любого глагола и, таким образом, не оказывает влияния на глагольную валентность. Однако при сравнении окружений глаголов и окружений их синтаксических производных присутствие или отсутствие таких падежей будет отмечаться, так как этот показатель все же определенным образом характеризует способность разных классов слов вступать в связи с падежами.

Подклассы старославянских глаголов

§ 10. Проблема классификации старославянских глаголов по их падежным окружениям, не освещенная до сих пор в лингвистической литературе, должна стать предметом специального исследования. Не претендуя на полное разрушение этого вопроса, мы дадим здесь схематическую и очень сжатую классификацию старославянских глаголов по их связям с падежами²¹.

²¹ Более обширный материал о падежных окружениях старославянских глаголов можно найти в работе: К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М., 1963. Однако и там этот вопрос не ставится как специальный и основной и освещается лишь попутно. Об окружениях глаголов в русском языке см. статью: А. А. Холодович. Опыт теории подклассов слов. — ВЯ, 1960, № 1, стр. 32—43.

Одновалентные глаголы

I подкласс. Глаголы с дательным падежом субъекта, безобъектные: доклатѣти 'быть достаточным', достонти, подобати, ключити ѿ, прилоучити ѿ, лоучити ѿ, слоучити ѿ. Например: не достонѣтъ тебѣ имѣти жены филипа брата своего. Марк VI, 18, Мар. 136₁₆.

Сведениями о других падежах субъекта при собственно безличных глаголах в старославянском мы не располагаем.

II подкласс. Глаголы с именительным падежом субъекта, безобъектные. Сюда относятся многочисленные и разнообразные по семантике глаголы бытия, состояния, движения, употребляемые без падежа определяющего члена или с таким падежом, который состоит с определяемым глаголом в отношении свободной связи. Например: а тѣ спаше. Мат. VIII, 24, Мар. 24₂; отгызѣтъ во срѣдце людѣи си хъ. Мат. XIII, 15, Мар. 43₁₄; і тѣгда съблазнѣтъ ѿ. мѣ(но)зи. Мат. XXIV, 10, Мар. 87₂₈; слѣньце мръкнетъ. Мат. XXIV, 29, Мар. 89₁₉; придетъ гнѣ раба того. Мат. XXIV, 50, Мар. 91₂₂₋₂₃; тоу вждетъ плачь и ск(р)вжетъ зъвома. Мат. XXIV, 51, Мар. 91₂₇₋₂₈.

Двухвалентные глаголы

A. Глаголы с именительным падежом субъекта и единственным определяющим членом, связанным с глаголом отношениями тесной связи (объектом).

III подкласс. Глаголы с именительным падежом субъекта и единственным определяющим членом (объектом), выраженный формой родительного падежа: ждати, чагати, искати, просити и другие глаголы ожидания, просьбы, требования; отгърицати ѿ, отгърѣци ѿ, отгължити ѿ, лишати ѿ и другие глаголы, обозначающие отказ, отделение, лишение; оукрыити ѿ, оугаити ѿ и другие глаголы, обозначающие сокрытие, утаивание; вопати ѿ, страшити ѿ, отгъчагати ѿ, стѣдити ѿ, плакати ѿ, плакати, трепетати; напзнити ѿ, испзнити ѿ, насытити ѿ.

Например: иже не отгъречетъ ѿ всего своего имѣнїѣ. не можетъ мси быти оученикъ. Лука XIV, 33, Мар. 267₁; егоже сотъникъ оужасе ѿ. Син. евх. 51₄; видѣвъ ѿ паоуль испзни ѿ радости. Супр. 4₂₉.

IV подкласс. Глаголы с именительным падежом субъекта и единственным определяющим членом (объектом), выраженный формой дательного падежа: помошти, ослабити, запрѣтити, догдтити, поржгати ѿ и другие глаголы пользы и вреда; работати, слоутокати, слоужити, покиновати ѿ, покорити ѿ и другие глаголы подчинения, повиновения; дѣбити ѿ, съжмити ѿ и другие глаголы, выражающие изъявления чувств; сждити. Например: пласа дѣшти иродїдина по срѣдѣ и оугоди иродови. Мат. XIV, 6; Мар. 48₂₁; азъ не сждж никомуже. Ио. VIII, 15, Мар. 348₁₁.

V подкласс. Глаголы с именительным падежом субъекта и единственным определяющим членом (объектом), выраженный формой творительного падежа: клати, овладати и другие глаголы владения, обладания: пзвати, оупзвати, пешн ѿ; скржжгати, кыпѣти, конгати, дышати и др. Например: і скржжштетъ зъвы скони. Марк IX, 18, Мар. 150₅₋₆; въскыпѣ землѣ і хъ жабами. Син. пс., CIV, 30, стр. 136₁₂. Глаголы испзнити ѿ, напзнити ѿ, насытити ѿ, относящиеся, как мы отметили, ко второму подклассу, входят также и в четвертый: испзни ѿ дѣла стѣмъ енисаетъ. Лука I, 41, Мар. 193₁₁.

VI подкласс. Глаголы с именительным падежом субъекта и единственным определяющим членом (объектом), выраженным формой местного падежа без предлога: *вистѣти, коснѣти ѿ, належати, нападати, прикоснѣти ѿ, прикасати ѿ, прилежати, прилѣпѣти ѿ, припадати* и некоторые другие глаголы с приставкой *при-*. (Часть этих глаголов сочетается не только с местным, но и с другими падежами объекта). Например: *кто прик(о)снѣ ѿ ризахъ монахъ*. Лист. Унд., стр. 7—8.

VII подкласс. Глаголы с именительным падежом субъекта и единственным определяющим членом (объектом), выраженным формой падежа с предлогом²². Некоторые примеры с такими глаголами: *и шедъ прѣжде ѿмири ѿ съ братомъ своимъ*. Мат. V, 24, Мар. 12₂; *примири ѿ съ правобѣрными*. Супр. 200₆; *не вѣроуетъ ... въ стѣжъ тронцѣ*. Син. евх. 66⁶₁₇; *и нападе на храмнижъ тж*. Мат. VII, 25; Мар. 21₂.

Б. Глаголы, сочетающиеся с именительным падежом субъекта и определяющим членом — *полуобстоятельным-полуобъектным периферийным падежом*.

Связь этого падежа с глаголом может быть охарактеризована и как тесная, и как свободная в одно и то же время. Признаком тесной связи является лексическая однородность первого, определяемого члена падежной конструкции (глагола), признаком свободной связи — однородность в пределах данной функции и значения лексического состава определяющего члена (имени существительного) и периферийная позиция его по отношению к глаголу (при этом место первого определяющего члена остается незанятым)²³.

Глаголы рассматриваемой группы омонимичны одновалентным глаголам II подкласса. От последних они и отличаются наличием тех полуобъектных и полуобстоятельных падежей, которые делают их двухвалентными.

Характерный признак глаголов этой группы — колебание в употреблении формы определяющего члена. При этом из множества синтаксических синонимов чаще всего избираются для употребления падежи с предлогами, а беспредложные падежи, хотя еще и представленные в старославянском довольно богато, переходят на положение вторичных форм.

VIII подкласс. Глаголы, обозначающие направленное движение, с именительным субъекта и падежами, обозначающими направление. Например: *къ тебѣ прилѣгаемъ*. Син. евх. 15₂; *се цсръ твои градѣтъ тебѣ*. *кротскъ*. Мат. XXI, 5, Мар. 73₂₁ (*къ тебѣ Остр.*).

IX подкласс. Глаголы движения, главным образом с приставками *прѣ-* и *про-*, сочетающиеся с именительным падежом субъекта и падежами, обозначающими пространство, полностью охватывающее движение. Например: *и прохощаше исъ грады вѣса и вѣси*. Мат. IX, 35, Мар. 28₂₂.

X подкласс. Глаголы движения, главным образом с приставками *оу-*, *из-*, *отъ-*, сочетающиеся с именительным субъекта и падежами со значением исходного пункта движения. Например: *отъ колника мѣста йпаде*. Супр. 410₈; *йпаде йс породы*. Супр. 429₁₅; *останетъ его*. Син. евх. 44⁶₁.

XI подкласс. Глаголы движения, главным образом с приставкой *до-*, сочетающиеся с именительным субъекта и падежами со значением

²² Нет сомнения в том, что глаголы с разными предложно-падежными оборотами в роли определяющих членов следовало бы выделить в разные подклассы. Мы не делаем этого только потому, что вопрос о предложно-падежном управлении в старославянском языке принадлежит к числу неразработанных.

²³ О тесной и свободной связи падежей с глаголами см. в кн.: К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка, стр. 44—46.

конечного пункта движения. Например: идѣаше... до двора архіереева. Мат. XXVI, 58, Мар. 103₂; дойде іконійска града. Супр. 51₅.

XII подкласс. Глаголы движения, сочетающиеся с именительным субъекта и падежами со значением пространства, понимаемого как средство достижения цели: подвизаите сѧ взннги сквозѣ тѣсна(ѣ)а врата. Лука XIII, 24, Мар. 261₁₅; входоми дверьми. пастыръ естѣ окъцамъ. Ио. X, 7, Мар. 357₃₋₄ (примерами с личными формами глагола мы не располагаем).

XIII подкласс. Глаголы состояния, сочетающиеся с именительным субъекта и падежом локализации состояния. Например: юноша нѣкзи... ногама раслабѣ. Супр. 518₁₈. Иногда творительный локализации наблюдается и с глаголами движения: плѣтнѣ бѣгължчхъ сѧ бѣгъ тебе. из доу-хомъ сѧ товожъ ѣсмъ. Супр. 295₁₇.

Многовалентные глаголы

XIV подкласс. Мы объединяем трехвалентные и четырехвалентные глаголы в один подкласс, так как, по имеющимся у нас материалам, между теми и другими затруднительно провести четкую границу. Четырехвалентными мы называем глаголы, сочетающиеся с именительным субъекта и тремя падежами объекта, занимающими разные синтаксические позиции (места) в отношении к глаголу.

Таковы так называемые „переходные“ глаголы, т. е. глаголы, сочетающиеся с винительным первого объекта, дательным второго объекта и творительным третьего объекта или с винительным первого объекта, дательным второго объекта и местным с предлогом о третьего (делиберативного) объекта. Но при некоторых глаголах второй или третий объекты появляются весьма редко, хотя они здесь потенциально допустимы.

Употребление дательного в качестве второго объекта „переходных“ глаголов имеет при разных глаголах разную степень обязательности. Если дательный почти всегда сопровождает глаголы даяния (например, дастѣ намъ брашно. Син. евх. 17₁₅), то при других глаголах (например, ткориги, дѣлагти, магти, рѣгти и др.) дательный встречается спорадически.

Точно так же творительный третьего объекта с одними глаголами сочетается часто (это, например, глаголы сѣци, бити, рѣзати и т. п.), с другими — редко (это, например, глаголы пѣти, пнги и т. п. Но ср. пример из евангелия: видѣаше... нечистама рѣжма... дѣжштѣ хѣбѣ. Марк VII, 2, Мар. 140₁₄, Зогр. 58).

Глаголы, сочетающиеся с именительным субъекта и более чем с одним падежом объекта, удобно называть многовалентными. В старославянском многовалентные глаголы образуют наиболее многочисленный подкласс.

* * *

Выше мы отмечали, что падеж, состоящий с глаголом в отношениях свободной связи, может быть членом окружения любого глагола. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

Падеж, обозначающий время действия а) с одновалентным глаголом II подкласса: і оубижитѣ і и трети деньъ възстанетѣ. Мат. XVII, 23, Мар. 60₈; б) с многовалентным глаголом XIV подкласса: сѣтвори вечеръ прѣдание своє. Син. евх. 47₂.

Падеж, обозначающий место действия а) с одновалентным глаголом II подкласса: на мостѣгѣ сѣданици сѣдѣжъ книжници и фарисеи. Мат. XXIII, 2, Мар. 82₁₁₋₁₃; б) с многовалентным глаголом XIV подкласса: іже созда сѣожъ храмннѣ на пѣсѣцѣ. Мат. VII, 26, Мар. 21₇.

О главной, или исходной, системе старославянских падежей

§ 11. При анализе падежных окружений старославянских глаголов, выступающих в предложении в функции сказуемого, в расположении падежей обнаружилась отчетливая внутренняя перспектива. Она обозначена и подчеркнута употреблением разных падежных форм для разных синтаксических функций. Выяснилось, что по количеству сочетаний с разными глаголами в каждой из функций на первом месте стоит какой-либо один определенный падеж, который в других функциях по этому признаку занимает всегда подчиненное место²⁴. Таким образом, каждый падеж имеет первичное и вторичное употребление (или первичную и вторичную функции), и каждая синтаксическая функция имеет для своего выражения первичную и вторичную формы.

Первичной формой для функции субъекта является именительный падеж, который в этой функции соединяется с глаголами всех подклассов, кроме глаголов подкласса I. Первичная форма для функции первого определяющего члена глагола (первого объекта) — винительный падеж, который сочетается в этой функции с глаголами самого многочисленного подкласса XIV. Реже встречаются в этой функции родительный (с глаголами подкласса III), дательный (с глаголами подкласса IV), творительный (с глаголами подкласса V), местный (с глаголами подкласса VI) и падежи с предлогами (с глаголами подкласса VII).

Первичная форма для функции второго объекта — дательный падеж, для функции третьего объекта — творительный падеж. В полуобстоятельственной-полуобъектной функции при глаголах движения подклассов VIII, IX, X, XI и XII на первом месте по количеству случаев употребления стоят падежи с предлогами, на втором — беспредложные падежи. Наконец, обстоятельными падежами, находящимися с определяемым ими глаголом в отношениях свободной связи, являются главным образом также падежи с предлогами, а беспредложные падежи занимают в этой функции подчиненное место.

Это краткое изложение предложенной нами системы падежей кажется нам достаточным для того, чтобы составить представление о мощности падежных окружений старославянских глаголов, о составе форм окружений, о колебаниях в употреблении падежных форм в одной и той же функции и о количественном соотношении в употреблении падежей в одной и той же функции.

§ 12. Задача настоящей работы заключается в том, чтобы установить сходство и различие между приглагольным употреблением падежей и употреблением падежей при синтаксических производных глагола в старославянском языке.

Система падежей старославянского языка, основанная на их употреблении при личных формах глагола, является одновременно и полной, и неполной. Она полна потому, что к ней могут быть в конечном счете сведены все имеющиеся в этом языке случаи употребления падежей. Например, словосочетание падежа с причастием или с отглагольным именем существительным с помощью межклассовых трансформаций можно преобразовать в сочетание падежа с личной формой глагола и, наоборот, вывести словосочетание с причастием и отглагольным именем существительным из словосочетания с глаголом (ср. *обладание Иудеей, обладающий Иудеей, обладаю Иудеей*). Творительный с причастием или с отглагольным именем существительным занимает среди других падежей, определяющих причастие или отглагольное имя существительное, такое же место, какое занимает творительный при глаголе по отношению

²⁴ К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка, стр. 152—155.

к другим приглагольным падежам. Сказанное относится, с некоторыми поправками, и к другим падежам.

Употребление падежей при причастиях, инфинитиве, супине, отглагольных именах существительных, некоторых именах прилагательных не прибавляет ни одной функции и значения к тем функциям и значениям, которые нам уже известны из описания приглагольных падежей. Есть все основания утверждать, что сочетания падежей с этими классами слов могут быть описаны через сочетания падежей с глаголами в личной форме.

В то же время предложенная система и не полна, так как употребление падежей при синтаксических производных глагола — только слабое, своеобразно преломленное отражение основной, или исходной, системы, но не точное ее воспроизведение. Между той и другими системами кроме закономерных соответствий существуют и закономерные различия. Мы же ставим себе целью дать полную картину употребления старославянских падежей, описать их функционирование при всех классах слов.

При полном обследовании словосочетаний с падежами их функционирование предстает перед исследователем в виде иерархии систем. Кроме главной, или исходной, системы есть несколько отраженных, ослабленных, второстепенных, которые мы будем называть производными системами. Отличия каждой производной системы от главной, или исходной, могут быть выявлены путем анализа окружений каждого из производных классов слов.¹

ПАДЕЖНЫЕ ОКРУЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛА

§ 13. Отличия падежных окружений синтаксических производных глагола от падежных окружений глаголов касаются четырех аспектов характеристики падежного окружения: 1) числа мест (членов) оптимального окружения, 2) характера соотносительности падежных окружений некоторых производных глагола и падежных окружений глаголов, 3) формального состава окружения, 4) количества реализуемых мест (членов) оптимального окружения.

Рассмотрим падежные окружения синтаксических производных глагола с этих сторон в намеченной последовательности.

1) Число мест (членов) в оптимальных окружениях синтаксических производных глагола

§ 14. Оптимальные падежные окружения синтаксических производных глагола в подавляющем большинстве случаев меньше оптимальных падежных окружений соответствующих глаголов на одно место (один член).

Общее изменение синтаксических связей, происходящее с преобразованием глагола в слово другого грамматического класса, приводит к тому, что конфигурация, соответствовавшая целому предложению с глаголом-предикатом и субъектом-именем в центре, превращается в конфигурацию, охватываемую пределами только части предложения.

При трансформации глагола в инфинитив или супин падежное окружение глагола-предиката становится падежным окружением члена, определяющего предикат; при трансформации глагола в отглагольное имя существительное падежное окружение глагола-предиката становится падежным окружением субъекта; при трансформации глагола в причастие — падежным окружением атрибутивного определения субъекта.

В первом из этих преобразований непосредственная связь глагольной лексемы с падежом субъекта нарушается, субъект выпадает из ее падежного окружения. Верхние связи инфинитива и супина, т. е. их связи с определяемым ими словом, совпадают со связями существительного-дополнения или наречия-обстоятельства, определяющих глагол-предикат²⁵.

Во втором преобразовании глагольная лексема попадает в состав отглагольного имени существительного — формы, выступающей в функции субъекта. Естественно, что прежний субъект становится в этих условиях ненужным. Впрочем, он иногда сохраняется на факультативном положении в преобразованной форме, перейдя в число атрибутивных определений нового субъекта (в нашей работе см. об этом ниже, стр. 143—145).

В третьем преобразовании глагольная лексема из прежнего предикативного определения субъекта попадает в состав его атрибутивного определения. Верхние связи причастия, т. е. его связи с определяемым им словом, совпадают со связями имени прилагательного²⁶.

Действительно, для причастия былой субъект становится всего лишь определяемым членом атрибутивной группы, так как у этого субъекта появляется другой предикат. И даже там, где форма именительного падежа в окружении причастия сохраняется, она тем не менее не может считаться равноценной именительному субъекту.

Таким образом, утрата глагольной лексемой, получившей новое синтаксическое использование, ее верхних связей, т. е. связей с субъектом действия, приводит к уменьшению числа мест в падежных окружениях синтаксических производных глагола по сравнению с окружениями глаголов.

Однако нижние связи глагола, т. е. связи его с определяющими его членами, при трансформациях глагола в его синтаксические производные сохраняются. В разных высказываниях данного языка, заключающих синтаксические производные глагола, можно ожидать все звенья цепи зависимых падежей, составляющие оптимальное окружение соответствующего глагола, а также „свободные“ падежи²⁷.

2) Характер соотносительности падежных окружений некоторых производных глагола и падежных окружений глаголов

§ 15. В оптимальных окружениях некоторых синтаксических производных глагола можно не найти членов падежных окружений глаголов определенных подклассов.

Сказанное относится к страдательным причастиям, а также к именам прилагательным, обладающим свойством иметь при себе падежные формы имен существительных.

§ 16. Страдательные причастия старославянского языка соотносятся преимущественно с глаголами XIV подкласса, в оптимальные окружения которых входят винительный прямого объекта, дательный объекта-адресата, творительный объекта-орудия, а также иногда падежи делибера-

²⁵ См.: L. Tesnière. Указ. соч., стр. 107, 418.

²⁶ Там же, стр. 454.

²⁷ Л. Теньер указывает, что отглагольные имена существительные — наиболее субстантивированные формы синтаксических производных — теряют также и нижние глагольные связи, ср.: *il dîne légèrement* „он легко обедает“ и *un dîner léger* „легкий обед“ (L. Tesnière. Указ. соч., стр. 65, 285). Однако очевидно (по крайней мере для славянских языков), что речь может идти о потере нижних связей только с наречиями, соотносительными с именами прилагательными. Наречия из косвенных падежей имен существительных и вообще „свободные падежи“ сохраняются и при отглагольных именах (ср. *обед вечером*, *обед в поле* и т. п.).

тивного объекта. Страдательные причастия от глаголов других подклассов встречаются редко²⁸.

В оптимальных окружениях страдательных причастий можно найти все члены оптимальных окружений соответствующих глаголов, а также и свободные падежи. Падеж прямого объекта выступает в преобразованном виде, остальные падежи — в том же виде, что и при соответствующих глаголах.

Примеры падежей прямого объекта и объекта-адресата: дана ми естѣ каѣтка власть. на небесе и на земли. Мат. XXVIII, 18, Мар. 113₁₇₋₁₈; ѿмжцюмоу во все дано вѣдетѣ. Мат. XXV, 29, Савв., л. 91⁶.

Пример падежа орудия: затворенома выкъшемъ бѹтѹмома ѿхъ истиноѿж. Супр. 331₂₀.

Пример падежа делиберативного объекта: и законъчашѣтъ ѿ каѣт пи сана пркы. о снѣ чвѣтцѣтѣмъ. Лука XVIII, 31, Мар. 282₁₄.

Пример падежа образа действия: лютома гнѣвомъ града ѿродомъ виѣнма. Супр. 397₁₀.

Примеры падежей причины: коленѣ своеѣ прѣданъ бѣ. Клоц. 4^B₃₈; владжені изгнаніи правды раді. Клоц. 3^B₁₂.

§ 17. Описывая факты языка, отразившие результаты „застывшего“ синтаксического переноса, источник которого забыт и может быть восстановлен только путем этимологических разысканий, Л. Теньер приводит в качестве примера имена прилагательные, образованные от глаголов. Он указывает, что такие имена прилагательные, в отличие от причастий, ничего не сохраняют от своего вербального происхождения. Если причастие сохраняет способность управлять падежами, то прилагательные ее утрачивают; их нижние связи, т. е. связи с определяющими их словами, не глагольные, а чисто адъективные²⁹.

Это наблюдение Л. Теньера, справедливое по отношению к некоторым индоевропейским языкам, не может быть, однако, отнесено ко всем именам прилагательным славянских языков. Известно, что многие старославянские прилагательные, как, впрочем, и русские, способны управлять падежами. Пользуясь выражением самого Л. Теньера, можно сказать, что в этих случаях имеет место запоздание или задержка в „застывании“ синтаксической трансляции, так как форма, образованная в результате синтаксического переноса, сохраняет еще связи, характерные для своего источника³⁰.

Способность некоторых имен прилагательных иметь при себе падежные формы имен существительных коренится в лексических особенностях этих имен прилагательных. Она вызвана их соотносительностью с глаголами определенной семантики и определенных типов по окружению³¹.

§ 18. Имена прилагательные, управляющие падежами, встречаются в старославянском в подавляющем большинстве случаев в одной опре-

²⁸ Ср. примеры страдательных причастий, образованных от глаголов других подклассов: веденъ вьста къ тѣмъниѣ. ѿже нескъвѣданными аггѣлы бржженоствоуѣмъ. Супр. 431₂₉; ѿзанахъ любима ѣста вогом чѣтомъ же ѣста канавн. поклонивма же чистителей. Супр. 219—220.

²⁹ См.: L. Tesnière. Указ. соч., стр. 373, 457.

³⁰ Имеются специальные указания на то, что управление имен прилагательных было более свойственно старославянскому языку, чем греческому. Так, Б. И. Скупский установил, что целый ряд старославянских имен прилагательных, управляющих падежами, употреблен в переводах евангелия в соответствии с глаголами греческого оригинала, в то время как обратное явление не отмечено ни разу. См.: Б. И. Скупский. Из наблюдений над старославянскими прилагательными, управляющими дательным падежом. „Ученые записки Дагестанского гос. ун-та“, т. XIII. Махачкала, 1963, стр. 134—146.

³¹ Ср. „Грамматика русского языка“, т. II, ч. 1, АН СССР. М., 1954, стр. 17.

деленной синтаксической функции — в функции именной части составного сказуемого³². Имена прилагательные, входящие в состав сказуемого, по своей функции не отличаются от глагола (разница лишь в том, что для глагола эта функция первична, а для прилагательного — вторична). Э. Сепир находит между предикативным именем прилагательным и глаголом только семантическую разницу. Он пишет: «Мы говорим: „это (есть) красное“ и определяем „красное“ как качественное слово или прилагательное. Нам показалось бы странным представить себе такой эквивалент высказывания „это (есть) красное“, в котором вся предикация (прилагательное и глагол-связка) мыслились бы как глагол, совершенно так же, как мы считаем глаголами такие слова, как „потягивается“, „лежит“ или „спит“. Но стоит нам „дуративное“ представление — представление о длительном наличии красного цвета — заменить идеей становления или перехода из одного состояния в другое, как мы, минуя параллельные формы „это становится красным“, „это превращается в красное“, можем попросту сказать — „это краснеет“»³³.

Не случайно поэтому, что имена прилагательные, управляющие падежами, преимущественно наблюдаются в некоторых славянских языках в краткой форме. Для русского языка неодинаковую способность полных и кратких прилагательных сочетаться с зависимым от них существительным впервые отметил А. М. Пешковский. Он указывал, что краткая форма прилагательного уже по самой своей форме связана с предикативностью и поэтому она „подобно сказуемому обладает управлением, так как сочетание „он был способен“, „был склонен“ и т. п. без управляемого имени кажутся немислимыми, а полная в этом положении совершенно лишена управления“³⁴. Прилагательные, управляющие падежами, имеют преимущественно краткую форму и в старославянском языке³⁵.

Таким образом, способность некоторых имен прилагательных управлять падежами коренится не только в их лексической соотносительности с глаголами, но и в особенностях их синтаксического использования, которое является также глагольным по типу.

Известно, что не все имена прилагательные, управляющие падежами, соотносительны с глаголами по своему значению и морфологическому составу. И там, где отсутствует соотносительность имен прилагательных с глаголами по лексической семантике и морфологическому составу, ее возмещает соотносительность имен прилагательных с глаголами по синтаксическому использованию.

§ 19. В отличие от простых случаев синтаксического переноса, с которыми мы встречались выше, имена прилагательные, управляющие падежами, представляют собой более сложный случай. Глагольная лексема попадает в данном случае в состав имени прилагательного, т. е. происходит синтаксический перенос глагол > имя прилагательное. Однако это имя прилагательное снова подвергается синтаксической транспозиции, приобретая чисто глагольную функцию сказуемого, т. е. происходит перенос глагол > имя прилагательное > глагол. Таким образом, при употреблении в функции сказуемого имя прилагательное, управляющее падежами, приближается к глаголу не только потому, что в содержании этих частей речи может быть какой-то общий лексический момент, но и

³² См.: К. И. Ходова. Значения творительного беспредложного в старославянском языке. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. XIX, 1960, стр. 154—155; Б. И. Скупский. Указ. соч., стр. 146.

³³ Э. Сепир. Язык. М., 1934, стр. 91—92.

³⁴ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном совещании. М., 1956, стр. 225.

³⁵ См.: Б. И. Скупский. Указ. соч., стр. 146; К. И. Ходова. Значения творительного беспредложного в старославянском языке, стр. 155.

потому, что прилагательное, входящее в состав сказуемого, выступает в синтаксической роли, обычной для глагола.

Изложенная синтаксическая характеристика имен прилагательных, управляющих падежами, напоминает синтаксическую характеристику действительных и страдательных причастий, употребляемых в составе сказуемого (например, не *са ли еста сѣдани* и *просл.* Ио. IX, 2, Мар. 353₁₈; *кѣ же исанз овльченъ влады велькѣжді.* Марк. I, 6, Мар. 116₁₄).

Каковы же особенности нижних связей имен прилагательных, распространяемых падежами?

§ 20. Замечено, что в русском языке имена прилагательные, выступая в качестве определяемого члена словосочетания, могут распространяться именами существительными без предлогов и с предлогами во всех падежах, кроме винительного³⁶. Таковы же особенности падежного управления имен прилагательных и в старославянском. Старославянские имена прилагательные способны иметь при себе родительный, дательный и творительный падежи без предлогов и некоторые падежи с предлогами.

Возникает вопрос: выражается ли первый объект переходных глаголов — винительный падеж — при именах прилагательных в преобразованном виде или совсем не выражается? И вообще с какими членами падежного окружения глаголов соотносятся косвенные падежи при именах прилагательных?

§ 21. Мы выяснили, что косвенные падежи, обнаруживаемые при именах прилагательных, соотносятся со следующими приглагольными падежами:

- а) родительным, дательным и творительным падежами первого объекта непереходных объектных возвратных глаголов III, IV и V подклассов;
- б) падежом локализации состояния (преимущественно творительным) непереходных глаголов XIII подкласса;
- в) падежом внешней и внутренней причины непереходных глаголов.

§ 22. Имена прилагательные с родительным падежом соотносятся по смыслу с глаголами III подкласса, управляющими родительным падежом. Эти прилагательные обозначают:

- а) „лишенность чего-либо или свободу от чего-либо“³⁷: *видѣша грѣхъ тѣгда тѣшгѣ тѣва.* Супр. 444₂₉₋₃₀; *не бѣди никтоже лихъ радости.* Супр. 319₁₂₋₁₃; *цѣсарѣство нама бѣштаквѣши. ѿгоже ты лихъ еси.* Супр. 213₁₃₋₁₅.

При некоторых именах прилагательных этого значения с родительным беспредложным конкурирует родительный с предлогом *отъ*. Ср.: *да чистъ вѣдетъ гнѣва.* Супр. 407₅; *но: отъ всего того зла чистъ сы.* Клоц. 41₄; *и азъ ѿсма кашего племени. штоуждъ же вась дѣломъ.* Супр. 28₂; *лишити ма хота славы хѣобы, и цѣсарѣства невезнаго. ѿгоже ты штоуждъ ѿси.* Супр. 2₂; *но: штоуждъ ѿсма отъ ниухъ.* Супр. 261₁.

С именем прилагательным *сководъ* мы отметили только родительный с предлогом *отъ*: *сководъ отъ грѣха.* Супр. 244₂₀₋₂₁; *отъ всего сего сководъ ѿсгѣ.* Супр. 492₁₅.

- б) наполненность чего-либо чем-либо: *сѣждъ же стоѣаше пазнз оцѣта.* Ио. XIX, 28, Мар. 395₁₃; *и из(к)лѣче м(р)ѣжж на землѣ. пазнж вєані рыбѣ.* Ио. XXI, 11, Мар. 401₁₄; *а взнжтрѣнѣ каша пазна сѣтѣ хыштенѣ и зѣобы.* Лука XI, 39, Мар. 250₁₆₋₁₇; *бѣста ѿго пазна сѣтѣ. горести и льсти.* Супр. 426₅; *многамі млднѣамі овлаци движаште са пазни бгѣтѣ.* Супр. 6₁₇; *и се мѣжж испазна прокаженѣ.* Лука V, 12, Мар. 211₁₉₋₂₀; *испазна сгддо дха.* Син. евх. 17₁₇; *испазна благодѣти истинны.* Ио. I, 14, Мар. 315₁₃.

³⁶ См. „Грамматика русского языка“, т. II, ч. 1, стр. 303.

³⁷ А. Б. П р а в д и н. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке. — КСИС, вып. 25. М., 1958, стр. 36.

в) подобие кому-либо или чему-либо: снѣ келійсткомъ тѣла. ѿ ѿностижъ раштениа. ѿ силѣжъ тѣченъ вѣсѣхъ своіхъ. Супр. 84₂₇; ничтоже бѣтъ влѣго того тѣчѣно іестъ блаженства праведныхъ. Супр. 88₁;

г) ср. также родительный падеж при прилагательном достоинств: створитѣ сѹбо плодъ достоинъ покаяннѣ. Мат. III, 8, Мар. 6₂₃ (в. Ассем., Остр.; дат. падеж: покаяннѣ); достоинъ бо естѣ дѣлатель мѣзды своѣа. Мат. X, 10, Мар. 30₁₀; Лука X, 7, Мар. 241₈; достоинъ бѣдетѣ. . . нѣстныхъ танихъ. Син. евх. 56₂₃^a (об управлении этих имен прилагательных дательным падежом см. ниже).

§ 23. Имена прилагательные с дательным падежом соотносятся по смыслу с глаголами IV подкласса, управляющими дательным падежом. Некоторые примеры:

подобно естѣ црѣтко нѣакое чѣкоу. Мат. XIII, 24, Ассем. 253 (так же в Остр.); в других памятниках в соответствующем месте глагол: оуподоби еа црѣткнѣ нѣакое чѣкоу. Мар. 44₁₃₋₁₄ (так же в Зогр.); подобно естѣ црѣткнѣ нѣакое сѣкроуццо. Мат. XIII, 44, Мар. 46₁₉₋₂₀ (так же в Зогр.); подобно естѣ црѣткнѣ нѣакое чѣкоу коупццоу. Мат. XIII, 45, Мар. 46₂₄₋₂₅ (так же в Зогр., Ассем., Остр.); подобно естѣ црѣткнѣ нѣакое десѣти дѣбѣ. Мат. XXV, 1, Остр.; в других памятниках в соответствующем месте глагол: тѣгда оуподобитѣ еа црѣткнѣ нѣакое десѣти дѣбѣ. Мар. 92₁₋₃ (так же в Зогр., Ассем., Савв.); подобно естѣ црѣткнѣ нѣакое чѣкоу домоу. Мат. XX, 1, Мар. 69₁₃₋₁₄ (так же в Остр.); и кѣ подобни чѣкомъ чащѣемъ га своѣо. Лука XII, 36, Мар. 256₅₋₆ (так же в Зогр.); комоу подобно естѣ црѣткнѣ бѣнѣ. Лука XIII, 18, Мар. 260₂₅₋₂₆ (так же в Зогр., Ассем.); подобно естѣ црѣткнѣ нѣакое зрѣноу горюшкноу. Лука XIII, 19, Мар. 261₁₋₂ (так же в Зогр., Остр.); подобно естѣ квѣсоу. Лука XIII, 21, Мар. 261₇₋₈ (так же в Зогр., Ассем., Савв.); бѣдѣжъ подобенъ камѣ. Ио. VIII, 55, Мар. 352₁₁ (так же в Зогр., Ассем., Остр.); подобенъ емоу естѣ. Ио. IX, 9, Зогр. 153 (так же в Ассем.); подобенъ естѣ пѣсоу. Син. евх. 70₉^a.

Среди этих примеров обращают на себя внимание характерные случаи параллелизма словосочетаний „имя прилагательное в составе сказуемого с дательным падежом“ и „возвратный глагол с дательным падежом“. Б. И. Скупский обратил внимание на то, что в текстах евангелий в соответствии с местами, в которых наблюдаются колебания в выборе управляющего слова, в греческом оригинале находится глагол *ἑμαυτοῦ* в форме *ἑμαυτοῦ* (см. Мат. XXV, 1 и Мат. XIII, 24)³⁸.

равенъ еа творѣ боу. Ио. V, 18, Мар. 332₇ (так же в Зогр., Ассем. Остр.); і равны намъ сѣтворилъ еа еси. Мат. XX, 12, Мар. 70₂₁ (так же в Ассем., Остр.).

не тѣчѣнъ еа нѣа отѣцоу. Супр. 303₁₀.

покиненъ естѣ сѣдѣ. Мат. V, 21, Мар. 11₂₂ (так же в Зогр.); покиненъ естѣ сѣмърти. Мат. XXVI, 66, Мар. 104₄ (так же в Зогр., Ассем., Савв., Остр.); осѣдиша и покизноу быти сѣмърти. Марк XIV, 64, Мар. 177₂₇ (так же в Ассем., Савв., Остр.; в Зогр. — покинена); сѣмъртъ покинѣжъ сѣщѣжъ мнозѣмъ ранамъ. Син. евх. 64₂₂^a. Возвратного глагола, употребляющегося параллельно имени прилагательному покиненъ в составе сказуемого, в текстах евангелий не обнаружено³⁹. А. Б. Скупский высказывает предположение, что „конструкции типа „покиненъ естѣ + дательный падеж“ в определенной степени могли поддерживаться сочетанием глагола покинокати еа и зависимого от него слова в дательном падеже“⁴⁰.

³⁸ См.: Б. И. Скупский. Указ. соч., стр. 138.

³⁹ Там же, стр. 139.

⁴⁰ Там же.

сзтворите. . . плоды достоинзи покаяниѡ. Мат. III, 8, Ассем. 275²¹ (так же в Остр.; в Мар. — достоинзи покаяниа); сзтворите сѹбо плоды достоинны покаянию. Лука III, 8, Мар. 202²⁷ (так же в Остр.; в Зогр., Савв. — плоды достоинзи покаянию; в Ассем. родительный падеж: достоинзи покаяниѣ); достоинна бо дѣломъ наю възприемаетъ. Лука XXIII, 41, Мар. 306¹⁵ (так же в Зогр., Ассем., Остр.); достоинна творца та і оучастью стхъ. Син. евх. 92²⁰.

колицѣма дѣженз еси господиноу моемоу. Лука XVI, 7, Мар., 271¹⁷⁻²⁸ (так же в Остр.; в Зогр. — своему); дѣжнѣж тебѣ хвалѣ въздѣшиа. Син. евх. 24²⁰. В соответствии с прилагательным дѣжнѣж в греческом оригинале употребляется глагол ὀφείλω.

Имя прилагательное шгоуждз, которое выше отмечалось с родительным без предлога и с родительным + предлог отъ, может управлять также и дательным падежом: темѣный дѣволѣ и шгоуждѣ истинѣ. Супр. 74²⁸.

§ 24. Имена прилагательные с творительным падежом соотносятся по смыслу с глаголами V подкласса, управляющими творительным объекта.

Здесь нам снова встречается прилагательное винѣнз, но не в значении „подлежащий суду, наказанию“, а в значении „виновный в чем-либо“; при этом в творительном падеже стоит название вины: а ты ли разкошника възводиши. йже тѣмами зѣла и тѣмами безаконни винѣнз ѣста. Супр. 308—309.

Параллельно творительному при этом имени прилагательном может быть употреблен родительный с предлогом отъ: не повиненз елма отъ крѣве его праведнаго. Мат. XXVII, 24, Мар. 107⁹.

Имя прилагательное дѣжнѣж, которое выше мы отмечали с дательным падежом объекта, может сочетаться и с творительным объекта. Однако это не конкуренция двух форм объекта при одном и том же управляющем слове: дательный и творительный обозначают разные объекты. Творительным падежом обозначается сумма или количество долга: дѣжнѣж тѣмож талантъ. Мат. XVIII, 28, Ассем., Остр. (в Савв., л. 43⁶ — дѣжнѣжнѣж тѣмѣ талантъ); дажда ми имѣже еси дѣжнѣж. Мат. XVIII, 28, Мар. 64²⁰ (так же в Ассем., Савв., Остр.); единз вѣ дѣжнѣж пѣтиж сотъ динарь. а другы пѣтыж десѣтъ. Лука VII, 41, Мар. 224²⁵⁻²⁷ (так же в Зогр., Ассем., Остр.).

С творительным падежом отмечены имена прилагательные дѣбѣланз и богатъ: і дѣбѣлѣни вѣдетѣ. оброки вашими. Лука III, 14, Мар. 203²⁰⁻²¹ (в Савв., л. 146 — і достоини вѣдетѣ. бѣщаниі вашими); бѣрѣте бѣбѣженика сѣвж . . . въз мнозѣ сѹбо пѣдѣнѣмъ сѹбождѣтѣ ходошгемъ. доуховѣнныи же бѣгодѣтѣми богѣтомъ сѣшгемъ. Супр. 283⁸⁻¹¹.

§ 25. Имена прилагательные, управлявшие творительным локализации состояния, семантически соотносятся с непереходными глаголами, обозначающими состояние. Об этой соотносительности, однако, можно говорить лишь в самых общих чертах: привести конкретные примеры непереходных глаголов, соответствующих именным составным сказуемым, нам часто представляется затруднительным, а иногда и невозможным. Если следовать примеру Э. Сепира, который сопоставлял „дуративное“ представление, выражаемое именем прилагательным, с идеей становления или перехода из одного состояния в другое, выражаемой глаголом (см. об этом выше), то некоторые имена прилагательные, входящие вместе со вспомогательным глаголом в состав предиката, можно было бы сблизить с глаголами, отмеченными в текстах старославянского языка (ср. сѣмѣренз ѣста — сѣмѣрити сѣ, сѣбѣнз ѣста — сѣбѣити сѣ и т. д.).

Как мы уже отмечали в одной из предшествующих работ, приаждективные конструкции локализации состояния близки соответствующим приглагольным конструкциям и по лексическому значению имен суще-

ствительных, принимающих форму творительного падежа, и по лексическому значению субъекта. И в тех и в других в качестве субъекта всегда выступает имя существительное, обозначающее лицо, а форма творительного образуется от имен существительных, указывающих на его физические или психические атрибуты: части тела и органы, внутренние качества, способности, аспекты деятельности⁴¹. Например: **тѣломъ маѡ бѣ**. Лука XIX, 3, Мар. 383₂₀ (так же в Зогр.); **виждѡ бѣ мѡжи растомъ добры**. ѡ **красныи**. Супр. 175₂₃; **блаженный сѣ въздрастомъ хоудѣ бѣ**. **дшеж** же великѣ. ѡ **любви бжии**. Супр. 546₁₇₋₁₈; ѡ **ѣстѣ зѣло старѣ**. ѡ **сѣтѣлѣ лицемъ**. Супр. 302₂₀; **бѣтше добѣ вѣроѡ** ѡ **трѣпѣннѣмъ**. Супр. 47₂; **сѣтѣлѣ сѣ благодѣтнѣ**. Супр. 62₂₇; **сѣне дигбола омрачене оумомъ**. Супр. 277₄; **кротокѣ сѣмѣ и сѣмѣренѣ срдцѣмъ**. Мат. XI, 29, Мар. (так же в Зогр., Ассем.); **Орѡжие изкашѣ грѣшннѣ ... Саклати правѣ срдцѣ**. Син. п., XXXVI, 14, 47; **Блажени нишгнѣ дхомъ**. Лука IV, 20, Зогр. 91 (так же в Ассем., Савв.); **ѡже бѣстѣ мѡжа прѣз сѣненѣ дѣломъ и словомъ**. Лука XXIV, 19, Мар. 309₁₈ (так же в Зогр., Ассем.); **ровѣ же бжии грѣшнѣскомъ ѡзыкомъ бѣтше грѣвѣ ѡ небустроѣнѣ**. Супр. 48₂₈; **бѣца бѣ ѡ змѣѣ сладѣка вѣсѣдоѡ** ѡз **горѣка лѣстнѣ**. Супр. 351₈; **ѡзѣ на нашеи земѣ**. **слабенѣ сѣ пѣвненѣмъ**. **высокѣ же саномъ**. Супр. 63₈; **паулѣ нѣкто полѣскѣи рѣтай**. **ѡзрадѣ беззловѣнѣ ѡ прѣстѣ житнѣмъ**. **сѣ краснѣноѡ женоѡ сѣпраже сѣ**. Супр. 169₉.

§ 26. Имена прилагательные, управлявшие падежами внутренней и внешней причины действия, семантически соотносятся с непереходными глаголами, обозначавшими переход из одного состояния в другое. Здесь, так же как и в предыдущем случае, эта соотносительность имеет самые общие очертания и не всегда подкрепляется полным лексическим совпадением.

Некоторые примеры: **мокры бѣша ногѣ наша крѣвѣнѣ нашеѡ**. Супр. 77₂₄; **сѣмѣ скрѣбнѣи грѣхѣи нашеи**. Киев. мисс. 48; **грѣхѣ възкоушениемъ ѣко сладокѣ естѣ**. Син. евх. 197; **мрѣтѣ грѣхѣ сѣлѣзѣ** [излазиши ожикленѣ правѣдоѡ]. Хиланд. лист. 7; **морѣкѣи слѣныѣ воды**. **сладѣкѣ бѣкажѣтѣ**. **вкленнѣемъ своего вѣдѣкѣ**. Син. евх. 5₆.

Начиная описание падежного управления имен прилагательных в старославянском языке, мы поставили вопрос: чем объясняется отсутствие винительного прямого (первого) объекта при именах прилагательных? Выражается ли первый объект переходных глаголов при именах прилагательных в преобразованном виде или совсем не выражается? Изученный материал позволяет утверждать, что первый объект переходных глаголов в окружение имен прилагательных не входит ни в своем собственном, ни в преобразованном виде.

Если употребление падежей при именах прилагательных является по типу чисто глагольным, т. е. совпадает с употреблением падежей при глаголах, отсутствие винительного среди падежей, управляемых именами прилагательными, объясняется тем, что имена прилагательные, управляющие падежами, соотносятся по своим лексическим значениям только с теми глаголами, которые не могут иметь при себе винительного падежа, т. е. с глаголами непереходными (как объектными, так и безобъектными).

Таким образом, мы считаем возможным заключить, что своеобразие падежных окружений имен прилагательных (отсутствие винительного, широкое употребление падежей локализации состояния и причины

⁴¹ См.: К. И. Ходова. Значения творительного беспредложного в старославянском языке, стр. 155.

состояния) не есть следствие преобразований падежных окружений соответствующих глаголов, а следствие избирательного характера их соотносительности с глаголами.

3) Формальный состав падежных окружений синтаксических производных глагола

§ 27. Падежные окружения синтаксических производных глагола по составу падежных форм частично совпадают с падежными окружениями глаголов, но частично не совпадают с ними.

Несовпадение выражается в том, что некоторые члены глагольного окружения выступают при синтаксических производных глагола в преобразованных формах.

При дальнейшем изложении этого вопроса мы будем рассматривать те места (синтаксические позиции) глагольного окружения, в которых при синтаксическом переносе глагольной основы происходят формальные преобразования членов окружения.

Преобразования падежа, определяемого глаголом

§ 28. Выше уже отмечалось, что при переносе глагольной лексемы в неспецифические для нее синтаксические условия разрываются ее прежние связи с другими словами в предложении и возникают новые связи. Прежде всего это относится к верхним связям глагола — связям его с субъектом действия, которые при синтаксическом переносе глагола разрушаются, а форма, служившая для обозначения субъекта, в большинстве случаев вовсе исключается из окружения глагольной лексемы, перенесенной в новые синтаксические условия.

Слово, служившее для выражения субъекта, сохраняется в непосредственном окружении глагольной лексемы в тех случаях, когда она входит в состав действительных или страдательных причастий, и также отглагольных имен существительных со значением действия или состояния. Но по своим синтаксическим функциям это уже не субъект действия, т. е. не определяемый член предикативной конструкции.

Как было отмечено выше, в сочетании с действительным причастием бывшей субъект вступает с причастием не в предикативную, а в атрибутивную связь, так как глагольная лексема из предиката переходит в атрибут. В сочетаниях со страдательным причастием прежний субъект становится членом, определяющим это причастие и формально ему подчиненным. В сочетаниях с отглагольными именами существительными бывшей субъект (так же как и бывшей объект) становится членом, определяющим это отглагольное имя.

При перечисленных простейших случаях переноса глагольной основы формальные преобразования прежнего субъекта отмечаются в сочетаниях со страдательными причастиями и отглагольными именами существительными.

§ 29. Преобразованная форма субъекта является обязательным составным элементом трехчленной страдательной конструкции, соотносимой с активной, представляющей собой переходной глагол и его оптимальное окружение. При этом страдательные конструкции по степени распространения заметно уступают действительным как более обычному типу, и не каждая действительная конструкция с переходным глаголом и дополнением может быть преобразована в страдательную⁴².

Подробные сведения о формах так называемого „логического субъекта“ страдательных конструкций, т. е. о преобразованиях субъекта в условиях

⁴² См. сб. „Творительный падеж в славянских языках“ под ред. С. Б. Бернштейн а. М., 1958, стр. 128, 129.

страдательной конструкции в старославянском языке, имеются в монографии Г. Бройера⁴³. Содержание понятия „страдательная конструкция“ для старославянского языка было несколько иным, чем для славянских языков более позднего времени, в частности для русского. Обороты со страдательными причастиями и обороты с возвратно-страдательными глаголами еще не соединились в старославянском окончательно в пределах единой грамматической категории, но сохраняли известную обособленность. Эта обособленность поддерживалась существованием двух разных форм выражения деятеля в страдательных конструкциях: одной — преимущественно для оборотов со страдательными причастиями (творительный падеж, например: да съвѣдетъ еа реченое пророкомъ. ісаиель гла҃ше. Мат. VIII, 17, Мар. 23₁₂, Зо҃гр. 9, Ассем. 73₂₀₋₂₃), другой — для оборотов с возвратно-страдательными глаголами (родительный падеж с предлогом отъ, например: крѣсти еа отъ иона въ іорданѣ. Марк I, 9, Мар. 116₂₅, так же в Зо҃гр., Савв.).

Указанное соотношение в употреблении форм деятеля особенно ясно прослеживается в текстах евангелий, восходящих к первым переводам. Здесь эти две формы только в очень редких случаях совпадают по выраженной ими функции, например: они же слышавше ꙗко жикъ ѡстѣ. и видѣнъ быстѣ еж. не ѡса кѣрк. Марк XVI, 11, Мар. 184₁₂, Зо҃гр. 78; они же слышавше ꙗко жикъ естѣ. и видѣнъ быстѣ ѿ неѡ не ѡса кѣрн. Ассем. 313₄ (так же в Остр.).

В дальнейшем относительное упорядоченное использование постепенно сменяется более смешанным, обе формы начинают осознаваться как равноценные и возникает возможность выбора одной из них для употребления в обоих типах страдательных оборотов: и со страдательными причастиями, и с возвратно-страдательными глаголами.

§ 30. Преобразованная форма субъекта действия, выражаемого через отглагольное имя существительное со значением действия или состояния, встречается далеко не при каждом имени. Присутствие преобразованной формы субъекта не носит здесь обязательного характера, так как действие исходит от нового грамматического субъекта — отглагольного имени; лицо, реально производящее действие, может быть упомянуто как один из признаков этого субъекта.

Синтаксические связи, верхние для глагола, становятся нижними для отглагольного имени существительного. Став определяющим членом нового грамматического субъекта, прежний субъект преобразуется в обычные для этой функции формы: в форму родительного падежа, с которой конкурирует дательный падеж, и отыменное прилагательное. При этом количественный перевес принадлежит падежным формам имени существительного, что, бесспорно, объясняется близостью значения преобразованного субъекта при отглагольном имени к значению принадлежности, выражаемому преимущественно родительным или дательным падежом⁴⁴.

§ 31. Некоторые примеры родительного: молитва стааго пѡвнѡ. Супр. 142₁₉; житие григора папы роумьскѡго. Супр. 119₁₅; чудотвореннѡ стааго конона. Супр. 23₂₉; мѣчение стѣихъ и славньихъ новоавѣшїихъ са мѣченикѣ. Супр. 54₆₋₇; О авлени седем десѣтѣ. Лука, Мар. 187;

⁴³ См.: Н. Bräuer. Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen. Eine syntaktische Untersuchung. „Abhandlungen der Akademie der Wissenschaft und der Literatur in Mainz, geistes- und socialwissenschaftliche Klasse“. Wiesbaden, 1952, стр. 128. По этому вопросу см. также: К. И. Ходова. Значения творительного беспредложного в старославянском языке, стр. 135—139; она же. Система падежей старославянского языка, стр. 32—33.

⁴⁴ О падежных формах, выражающих принадлежность, см.: К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка, стр. 134—138.

Дне морзкына сланыа воды. сладыкы выкаятъ. абленема своего влады. Син. евх. 2⁶₄₋₇; блаженъ мѣжа іже не идетъ на с. вѣтъ не... ті в... іхъ... Син. пс., I, 1, стр. 1¹⁰; стадо василѣ... похвала б̄ м мѣченицѣхъ. Супр. 81₃₀; прѣставаѣни(е и)ва оеолог(а). Лука XXI, Савв., л. 131; къ вѣторѣ на десятѣ лето владыцѣства тивера кесара... выстѣ гла вѣки. Лука III, 1, Савв., л., 146; і възрѣва на на сѣ гнѣкомъ. скрѣва о окаменени срѣца ихъ. Марк III, 5, Мар. 124₄, Зогр. 51; тако вѣдетъ и пришееткы сна члѣвскаго. Мат. XXIV, 39, Мар. 90₂₅, Савв. 77₁₁; вѣки и ны. пришееткы рабѣ твоихъ. Син. евх. 17⁶₂₄; приди и нынѣ пришееткыма стадо твоего дѣла. Син. евх. 4⁶₂₁₋₂₃; приемзи възможно приношение вѣдовица. Син. евх. 13⁶₈₋₁₁; дѣвою члѣвоу сѣвѣдѣтельство истинно естѣ. Ио. VIII, 17, Мар. 348₁₇, Зогр. 151; дѣвнѣхъ гжси брацанаѣ. Клоц. 1^b₁₀; дѣла рѣжоу члѣвѣскоу. Супр. 49₂₆.

Легко заметить, что отглагольные имена существительные, при которых находим родительный субъекта, преимущественно образованы от глагольных лексем, входящих в одновалентные глаголы. Родительный при отглагольном имени, соотносительном с многовалентными глаголами, имеет двойственный смысл, он соотносится одновременно с двумя членами окружения соответствующего глагола: субъектом и объектом. Ср.: по възмѣштени воды. Ио. V, 4, Мар. 330₂₀ (вода взмутилась или воду взмутили?). Нужны специальные указания контекста, для того чтобы отдать предпочтение какому-либо одному (или субъектному, или объектному) пониманию этой формы⁴⁵.

§ 32. Падежом преобразованного субъекта при отглагольном имени существительном может быть также дательный. Употребление адноминального дательного рассматривалось одними исследователями старославянского языка как характерная особенность этого языка, другими — как доказательство его балканской принадлежности⁴⁶. Проникновение дательного в адноминальную сферу зафиксировано уже в древнейших памятниках старославянского языка; его употребление в этой области нарастает в хронологической последовательности.

Некоторые примеры дательного преобразованного субъекта: семоу істаѣнѣе. бжї законъ сѣказаетъ. Клоц. 1^b₂₅₋₂₆; се лежитъ сѣ на паданіе и на възтаніе многомъ къ излн. Лука II, 34, Савв., л. 139⁶.

Известны колебания между родительным и дательным в рассматриваемой функции в параллельных местах текстов евангелия. Например: кончание вѣкоу. Мат. XIII, 39, Зогр. 19 (так же в Остр.) — кончина вѣка. Мар. 46₆, Ассем. 254₁₉; начало волѣзнемъ. Мат. XXIV, 8, Ассем. 96₁₅, начало волѣзни. Савв., л. 86 об. — начало волѣзни. Мар. 87₂₄; възкрѣшение живота, възкрѣшение сѣда. Ио. V, 29, Ассем. 18₂₂ (так же в Остр.) — възкрѣшение животоу. Мар. 333₁₃, Зогр. 144, възкрѣшение сѣдоу. Мар. 333₁₅, Зогр. 144⁴⁷.

Определяющий член — преобразованный субъект — при имени существительном 'точение' 'течение' известен в древнейших текстах в трех формах — родительного, дательного и имени прилагательного: 'точение

⁴⁵ Н. Хомский называет такие группы двусмысленными на трансформационном уровне. Двузначность грамматического отношения в этих группах он объясняет разницей связей между глаголом и именем в двух исходных ядерных предложениях. См.: Н.Х о м с к и й. Синтаксические структуры. В сб. „Новое в лингвистике“, вып. II. М., 1962, стр. 500—501.

⁴⁶ См.: Karel Hořálek. Evangeliiáře a četveroevangelia. Praha, 1954, стр. 134.

⁴⁷ Там же, стр. 134—138.

крѣве. Марк V, 25, Зогр. 54, Мар. 132₂₆₋₂₇, Ассем. 256₂₅, Савв., л. 134⁶ — течение крѣви. Лист. Унд., стр. 7⁴⁸ — течение крѣвѣнок. Супр. 179₂₈.

§ 33. Формой преобразованного субъекта при отглагольном имени существительном, как видно из приведенного выше примера, может быть также и имя прилагательное. Встречается в этой функции и притяжательное местоимение. Приведем некоторые из имеющихся примеров: *хѣво порожденѣ бы.* Клоц. 14⁹; *господьскоумоу порожденю.* Клоц. 14₂₈; *цѣлованиѣ мариино.* Лука I, 41, Савв., л. 124, Мар. 193₉₋₁₀; *хѣво благочѣстѣсткоуѣтѣ рождаѣтвс.* Клоц. 14₁₈₋₁₉; *смиренаѣ братрѣне показаѣ.* Клоц. 9—9⁸; *запрѣти... вазне(н)ию водьноумоу.* Лука VIII, 24, Мар. 229₁₀, Ассем. 224₉ (в Зогр. 97 — *морьскоумоу*); *по вьскрѣсеніи же моѣмь.* карж бы вѣ галилеі. Мат. XXVI, 32, Савв., л. 95; *что естѣ знаменіѣ твоего пришѣстѣвнѣ.* Мат. XXIV, 3, Савв., л. 86⁶; Ассем. 96₁₂; *вѣстѣ бо оцѣ вашѣ. йхѣже трѣбоуѣте прѣжде прощенія вашего.* Мат. VI, 8, Савв., л. 72, Ассем. 146₂₁₋₂₂.

Имя прилагательное при отглагольном имени с основой, которая может образовывать и одновалентный, и многовалентный глагол, имеет двойственный смысл и может быть соотнесено и с исходным субъектом, и с исходным объектом: *іже вѣ крѣвѣ сѣ страха ради юдѣиска.* Клоц. 14³⁵⁻³⁶; *ка прѣселеніѣ вавилоньскоѣ.* Мат. I, 11, Савв., л. 136; *изколѣ вѣплатити сѣ спасеніѣ раді чловѣчьска.* Киев. мисс. 46.

Преобразования падежей, определяющих глагол

§ 34. „Так как собственно глагол, причастие, деепричастие и инфинитив в отношении управления абсолютно тождественны, то нет никакого смысла строить из этих четырех случаев при описании четыре различных рубрики“, — писал А. М. Пешковский⁴⁹. Руководствуясь именно этим соображением, мы непосредственно обращаемся к тем отглагольным формам, которые в отношении управления отличаются от глагола.

а) Падежи, определяющие страдательные причастия

§ 35. При изменении действительной конструкции предложения с переходным глаголом и винительным падежом прямого дополнения в страдательную главные члены, выраженные падежами, изменяют свои формы. В преобразованном типе предложения для выражения функции прямого объекта служит именительный падеж. Например: *вѣзведемѣ бы исѣ дѣхомѣ вѣ поуѣтѣнѣж.* Мат. IV, 1, Мар. 7₂₇; *вѣ шесты же мѣсѣца посланаѣ вѣстѣ анѣлѣ гавриѣлѣ отѣ вѣ. вѣ градѣ галиленскѣ.* Лука I, 26, Мар. 192₁.

Как было указано выше, остальные падежи, определяющие переходный глагол, при трансформации последнего и страдательное причастие остаются в неизменном виде.

б) Падежи, определяющие супин

§ 36. Особенность старославянского (и вообще славянского) супина состоит в том, что он имеет при себе прямой объект в форме родительного падежа (в этом отношении славянский супин сходен с супином балтийских языков). Однако в старославянском известны и отклонения от этой нормы: супин здесь связывается с винительным падежом.

⁴⁸ Е. Ф. Карский определяет эту форму как дательный падеж, так как в Листках Ундольского родительный имеет форму *крѣве* (ср. источникъ *крѣве*, стр. 66). См.: Е. Ф. Карский. Листки Ундольского. СПб., 1904, стр. 30—31.

⁴⁹ См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 289.

Каково же соотношение в употреблении двух названных падежей при супине? Чтобы ответить на этот вопрос, не требуется анализировать все те примеры, где при супине стоит падеж прямого объекта. Следует оставить в стороне те случаи, когда окончание имени, употребленного при супине, не указывает с полной определенностью на родительный или на винительный падеж. Прежде всего эти примеры с местоимениями, винительный падеж которых по форме не отличается от родительного (например: *пришед еси сѣмо... мжчигѣ насѣ*. Мат. VIII, 29, Мар. 24₁₈), затем примеры с именем существительным, мужского рода единственного числа, имеющим основу на *ѡ* (например: *придѣ во разлжчигѣ чѣвѣ*. Мат. X, 35, Мар. 33₃).

Для того чтобы установить подлинное соотношение в употреблении форм прямого объекта при супине, мы считаем необходимым исключить из рассмотрения и те конструкции, в которых появление родительного падежа могло быть вызвано не только супином, но и другими условиями грамматического или лексического порядка. Ниже эти условия подробно рассматриваются.

§ 37. Родительный при супине иногда может быть поддержан отрицанием, употребленным при глаголе, от которого зависит супин. О том, что отрицание влияло на выбор падежа при супине, свидетельствуют примеры, первая часть которых заключает отрицание, вторая же его не имеет. В первой части таких примеров прямой объект стоит при супине в форме родительного падежа, во второй же части может быть как родительный, так и винительный (второй чаще, чем первый). Характерен в этом отношении перевод одинаковых чтений из глав от Марка II, 17, от Мат. IX, 13, от Луки V, 32, который повторяется также в тексте Супрасльской рукописи. По подсчетам К. Мейера, перевод этого чтения встречается в древнейших старославянских текстах всего 11 раз (в Ассем. и Мар. по три раза, в Зогр. и Савв. по два раза, в Супр. — один раз). При этом в восьми случаях (в Ассем., Мар. и Супр. постоянно, в Зогр. — однажды) отрицаемый объект стоит в родительном падеже, не отрицаемый, несколько отделенный от супина — в винительном, например: *не придѣ призѣатѣ праведникѣ. нѣ грѣшники къ покаянне*. Марк II, 17, Мар. 122₅. В Савв. в обоих случаях родительный употреблен и при отрицании, и без отрицания: *не придѣ во праведникѣ зѣбатѣ. нѣ грѣшникѣ*. Марк II, 17, л. 79, Мат. IX, 13, л. 36; подобная расстановка падежей один раз отмечена также в Зогр. (см. Марк II, 17, стр. 50). К. Мейер указывает на возможность объяснять родительный падеж во второй части примера вторичным влиянием родительного, употребленного в первой части⁵⁰.

§ 38. Употребление родительного при супине могло быть вызвано в значительном количестве случаев и особенностями управления того глагола, от которого образован супин. При глаголах восприятия родительный употребляется чаще, чем винительный⁵¹; этим свойством данных глаголов мог быть поддержан родительный при супине в следующих примерах: *чесо изидете... видѣтѣ*. Лука VII, 24, Мар. 222—223 (так же в Зогр.); *чесо видѣтѣ изидете*. Мат. XI, 7, Мар. 34₁₅ (так же в Ассем., Зогр.); *приде... видѣтѣ гроба*. Мат. XXVIII, 1, Мар. 111₂₀ (так же в Ассем., Зогр., Савв.); *изидѣ же видѣтѣ выѣшшаго*. Лука VIII, 35, Мар. 230₂₁ (так же в Ассем., Зогр., Савв.); *къшедѣ же цѣрѣ видѣтѣ възлежацихѣ*. Мат. XXII, 11, Мар. 79₉ (так же в Ассем., Зогр.

⁵⁰ K. H. Meyer. Altkirchenslavische Studien, II. Das Supinum. Eine syntaktische Untersuchung. „Schriften der Königsberger [Gelehrten Gesellschaft. 18 Jahr. Geisteswissenschaftliche Klasse“, H. 3. Halle (Saale), 1944, стр. 286—287.

⁵¹ К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка, стр. 60—61.

См. также Син. евх. 106⁶₁₂₋₁₄); и приѣзъ видѣтъ быгъшааго. Марк V, 14, Зогр. (в Мар. 131₂₀ — что естѣ быгъшее); ѿ быстѣ исходаштѣ ѿмоу на полѣ. гладатѣ кон своѣхъ. Супр. 191₂₃₋₂₄; приде отѣ конца земля слышатѣ прѣмъдрости соломоуа. Мат. XII, 42, Зогр. 17; приде... слышатѣ прѣмъдрости соломоуа. Лука XI, 31, Зогр. 106 (в Мар. 249₁₆ в соответствующем месте инфинитив с родительным: слышати прѣмъдрости соломоуа).

§ 39. Супин часто наблюдается в условиях, которые вызывают в старославянском появление родительного партитивного (имя существительное обозначает предмет, который может быть представлен как делимое целое; действия, обозначаемые глаголами, могут распространяться и на весь объект, и на часть его)⁵². Остается неясным, вызван ли родительный падеж в этих условиях супином, или это обычный родительный партитивный. Ср., например: пошла раба скоа къ дѣлателамъ ѿматѣ вина своѣго. Мат. XXI, 34, Савв., л. 46 (в Ассем., Мар., Зогр. — приѣти плоды его); ни да взидетѣ вазатѣ чесо отѣ домоу своѣго. Марк XIII, 15, Мар. 169₁₈₋₁₉ (так же в Зогр.); взиде ѿзъ къ домъ... хлѣба тѣтъ. Лука XIV, 1, Мар. 263₇ (там же в Ассем., Зогр.); приде жена отѣ самарѣа почрѣтъ воды. Ио. IV, 7, Мар. 325—326 (так же в Зогр., в Ассем. — почрзпатѣ); изиде сѣки сѣатѣ сѣмене своѣго. Лука VIII, 5, Мар. 226₁₆ (так же в Ассем., Зогр.); чоуѣ приде хѣ. пролитѣ крѣве своѣа. за възъ възселенъжъ. Клоц. 5^b₃₃₋₃₄.

§ 40. В старославянском наблюдается употребление родительного падежа (наряду с винительным) при глаголах ѿти, имати, вазати, дати и некоторых других. Эти случаи стоят в стороне от родительного партитивного: имя существительное здесь не имеет значения вещества⁵³. Употребление родительного при супине, образованном от этих глаголов, могло быть поддержано особенностями их управления. Ср., например: изидосте: сѣ оржжѣмъ... ѿтъ мене. Мат. XXVI, 55, Ассем. 181₁₂ (в Мар., Зогр., Савв. — ѿти ма); да не вазратитѣ сѣ вазпатѣ вазатѣ ризъ своухъ. Марк XIII, 16, Мар. 169₂₁ (в Зогр. — вазати ризъ своухъ); да не вазратитѣ сѣ вазпатѣ. вазатѣ ризъ своухъ. Мат. XXIV, 18, Мар. 88₁₈ (так же в Ассем. и Савв.; в Зогр. — вазати ризы своа); изиде... наѿтъ дѣлатель виноградоу своемоу. Мат. XX, 1, Мар. 69₁₅ (так же в Ассем., Савв.; в Зогр. — наѿти дѣлатель къ винограду); придетѣ илиѣ сѣнатѣ его. Марк XV, 36, Мар. 182₁₀ (так же в Зогр.).

О. Грюненталь обратил внимание на то, что инфинитив дати, употребленный на месте супина, имеет объект в форме родительного: мирѣ приѣзъ дати на земляжъ. Лука XII, 51, Мар. 257₂₅; вазкраштѣше сѣ [сѣ] дати славы боу. Лука XVII, 18, Мар. 277₄⁵⁴.

§ 41. С глаголами ожидания, просьбы, требования (III подклассе) объект выражался в старославянском только родительным падежом⁵⁵. Супин, образованный от этих глаголов, имеет при себе объект также в форме родительного. Мы располагаем примером, повторяемым в двух евангельских чтениях, где употребление родительного могло быть связано с особенностями управления глагола взыскати, от которого образован супин: приде бо ѿнѣ члѣкы взыскатѣ. І ѿптѣ погыгъшааго. Лука XIX, 10, Мар. 284₁₂₋₁₃ (так же в Ассем., Зогр.); приде бо ѿнѣ члѣкы

⁵² Там же, стр. 56—59.

⁵³ Там же, стр. 68—69.

⁵⁴ О. Grunenthal. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung. — AfsIPh, 1910, Bd 31, H. 3, стр. 349—350.

⁵⁵ Там же, стр. 67.

взискатъ и испитъ погыбъшаго. Мат. XVIII, 11, Мар. 62₁₇ (так же в Ассем., Зогр.; в Савв. — приде... взискати и с(з)п(а)сти погыбъшаго). В Супрасльской рукописи супин от этого глагола также связывается с родительным падежом: **бѣчате погыбъшаго взискатъ градетъ бѣбо**, стр. 459₂₃₋₂₅ (в примере приде ꙗ взискатъ ѿ направитъ изгыбъшей. Супр. 402₁₈₋₂₀ появление винительного падежа можно объяснить влиянием супина от глагола направити).

§ 42. Случаи подлинной зависимости родительного от супина (и только от супина) в старославянском относительно немногочисленны. С большей или меньшей уверенностью мы относим сюда следующие примеры).

Из текстов евангелий: **посла и... пастъ свинни**. Лука XV, 15, Мар. 268₂₇ (так же в Ассем., Зогр., Савв.); **придж обрѣзатъ отрочате**. Лука I, 59, Мар. 194₁₈ (так же в Ассем., Зогр.); **идж рыбъ локитъ**. Ио. XXI, 3, Мар. 400₁₀ (так же в Ассем., Зогр.); **идж обготоватъ мѣста камъ**. Ио. XIV, 2, Савв., л. 100 (в Мар. винительный падеж: **оуготокати мѣсто камъ**, так же в Зогр.); **огнѣ придж бакрѣштъ къ землѣ**. Лука XII, 49, Мар. 257₂₁ (в Зогр. **прѣдъ** — описка вместо **придъ**); и **пришедъ онъ обличитъ мира**. о грѣсѣ и о правдѣ и о сждѣ. Ио. XVI, 8, Мар. 381₁₉ (в Зогр., Ассем. — **всего мира**, в Савв. — **миръ**). Из Синайского требника: **послана... шкѣтитъ омраченыхъ**. ꙗко **векѣтъмъж тѣмъж**, 33^{*}₁; **ты единъ на свѣтѣ приде грѣшникъ избавитъ**, 72^{*}₁₁. Из Супрасльской рукописи: **баниде антихрѣстъ къ градъ**. **погоубитъ крѣстиан**, 221₃₋₄; **благословѣнъ градъ сѣмрѣти проклатъ**. **ѧ въскрѣсеннѣ намъ бѣнокитъ**. **работы избавитъ**. **ѧ сыновежѣстниа податъ**, 342₉₋₁₁; **посланъ быстъ гаурѣилъ къвѣститъ късеому миру сѣпасеннѣ**, 244₅₋₆; **градетъ ко истыи чловѣколюбѣцъ**. **извѣстъ вѣчнѣйхъ жж'никъ мж'жѣтвомъ**, 460₄₋₆.

§ 43. Прямой объект при супине в форме винительного падежа в текстах евангелий — большая редкость.

Выше мы отмечали случаи появления винительного на месте родительного в параллельных местах текста евангелия. Очень редко эти замены наблюдаются при условии сохранения супина (см., например, Ио. XVI, 8, Савв.); обычно они связаны с изменением супина в инфинитив (см. Мат. XX, 1, Зогр., Ио. XIV, 2, Ассем., Мар., Зогр., Мат. XXI, 34, Ассем., Мар., Зогр., Мат. XXVI, 55, Мар., Зогр., Савв.).

К. Мейер полагает, что в чтении из евангелия от Луки IV, 18, где отмечены формы винительного, они представляют собой вторичное явление, так же как и сам супин, который появился здесь на месте более раннего инфинитива⁵⁶. Это чтение в своем первоначальном виде представлено в Ассем. 225₁₅₋₂₆: **посла ма ицѣлитъ сѣкроушеныхъ срдцемъ**. **проповѣдати пѣтланикомъ опоущение**. **сѣпымъ прозврѣннѣ**. **опоущити сѣкроушеныхъ къ отзрадж**. **проповѣдати лѣто гнѣ**. Здесь единственный супин **ицѣлитъ**, непосредственно зависящий от глагола движения, т. е. употребленный в соответствии с нормами языка, имеет объект в родительном — **сѣкроушеныхъ**. В Мар. сохраняется супин **ицѣлитъ**, но инфинитивы также переходят в формы супина, которые, однако, управляют винительным падежом: **проповѣдатъ пѣтланикомъ отпоущение**. **и сѣпымъ прозврѣннѣ**. **опоущитъ сѣкроушеныхъ къ отзрадж**. **проповѣдати лѣто гнѣ**, 207₁₃₋₁₇. В Савв. также находим супин **проповѣдатъ** с формами винительного падежа **отпоущение**, **прозврѣннѣ**, но вместо супина — инфинитив

⁵⁶ К. Н. Meyer. Указ. соч., II, стр. 287.

цѣлѣти с винительным; инфинитив отъпоустити связан также с винительным (см. л. 123 об.).

В Клоц. винительный с супином встречается один раз: $\overline{\text{бѣ}} \overline{\text{ѣна}}$ $\overline{\text{ѣсого}}$ послала... $\overline{\text{сѣшгана}}$ подз закономз $\overline{\text{ѣскупѣгз}}$, б^б₆; в Супр. винительный при супине—уже частое явление⁵⁷. Примеры из Супр.: послана же быста. трофимз ѿ $\overline{\text{ѣукарпѣиѣнз}}$. мжчигз рекомыа равы $\overline{\text{вожѣа}}$, 210₁₅₋₁₇; благословѣнз градыи... положитз $\overline{\text{доушѣ}}$ своѣж за $\overline{\text{ѣбца}}$ $\overline{\text{ѣсоя}}$, 328₂₂; благословѣнз градыи... ѿзказитз $\overline{\text{ништѣ}}$ родѣ $\overline{\text{чловѣчьскѣ}}$. $\overline{\text{ѣтз}}$ ржкы $\overline{\text{крѣплѣшиѣхз}}$ $\overline{\text{ѣго}}$, 329₂₁₋₂₄; благословѣнз градыи... $\overline{\text{роушѣгз}}$ $\overline{\text{прѣлѣстѣ}}$. $\overline{\text{ѣскѣтитз}}$ $\overline{\text{тѣмѣныа}}$. $\overline{\text{ѣупразнитз}}$ $\overline{\text{капиштѣмз}}$ $\overline{\text{прѣлѣштѣник}}$, 329₁₅₋₁₇; благословѣнз градыи... $\overline{\text{ѣл}}$ злови $\overline{\text{сѣшгана}}$ змиѣ. $\overline{\text{пѣѣнѣ}}$ разграбитз, 329₆; благословѣнз градыи. мжчениѣу $\overline{\text{дрѣжавѣ}}$ $\overline{\text{сѣтратз}}$ ... $\overline{\text{ѣдова}}$ $\overline{\text{сѣлишта}}$ ѿспразнитз. $\overline{\text{ѣ}}$ небесаа $\overline{\text{жилишта}}$. $\overline{\text{многѣѣхз}}$ $\overline{\text{сѣпасѣиѣштѣхз}}$ $\overline{\text{ѣа}}$. ѿспалнитз, 342₁₋₆; $\overline{\text{приде}}$ $\overline{\text{ѣ}}$ $\overline{\text{взискатз}}$ ѿ $\overline{\text{направитз}}$ $\overline{\text{ѣзгѣвѣшѣѣ}}$, 402₁₈₋₂₀; ѿ $\overline{\text{нына}}$ $\overline{\text{почѣто}}$ $\overline{\text{ѣнидохома}}$ $\overline{\text{ѣа}}$ $\overline{\text{ѣлѣи}}$ $\overline{\text{слышатѣ}}$ $\overline{\text{нѣчѣто}}$ $\overline{\text{ѣ}}$ $\overline{\text{крѣстѣ}}$, 431₈₋₉; $\overline{\text{ѣуѣгж}}$. $\overline{\text{ѣт'}}$ $\overline{\text{ѣтратѣи}}$ $\overline{\text{раздрѣшитз}}$. градетз, 459₂₇₋₂₈; $\overline{\text{идж}}$ $\overline{\text{длѣгѣ}}$ $\overline{\text{ѣама}}$ $\overline{\text{ѣтздатз}}$, 498₁₄; $\overline{\text{придохз}}$ $\overline{\text{ѣама}}$ $\overline{\text{сѣказатз}}$ $\overline{\text{ѣомѣ}}$, 498₁₅₋₁₆.

Как видно из приведенных материалов, в выборе формы прямого объекта при супине уже в текстах евангелий наблюдаются колебания; употребление винительного в старославянском постепенно нарастает, и в Супрасльской рукописи винительный столь же часто связывается с супином, что и родительный.

Число примеров родительного при супине не было слишком большим и в евангелиях; здесь следует тщательно разграничить родительный, употребление которого вызвано только супином, и родительный, появившийся под влиянием других причин грамматического или лексического характера.

§ 44. Супин, образованный от объектных непереходных глаголов, имел при себе тот же падеж объекта, что и соответствующий глагол.

Примеры с дательным объекта: $\overline{\text{придохома}}$ $\overline{\text{поклонитз}}$ (ѣа) $\overline{\text{ѣмоу}}$. Мат. II, 2, Мар. 3—4 (так же в Савв.); $\overline{\text{грѣдетз}}$ $\overline{\text{сѣдитз}}$ $\overline{\text{ѣемлѣ}}$. Син. пс., ХСV, 13, 126₁⁶.

Пример творительного с предлогом $\overline{\text{ѣз}}$, выступающим в функции объекта взаимного действия: $\overline{\text{ѣди}}$ $\overline{\text{прѣвѣѣ}}$ $\overline{\text{сѣмирѣгз}}$ $\overline{\text{ѣа}}$ $\overline{\text{сѣ}}$ $\overline{\text{ѣратомѣ}}$ $\overline{\text{ѣсвоѣмѣ}}$. Клоц. 9^в₂₀.

§ 45. Имена существительные, выступающие в функциях дальнейших объектов переходных глаголов, наблюдаются при супине в тех же самых падежных формах, что и при соответствующих глаголах. Дательный второго объекта (объекта-адресата) при супине: $\overline{\text{идж}}$ $\overline{\text{ѣготовкатз}}$ $\overline{\text{мѣстѣ}}$ $\overline{\text{ѣамѣ}}$. Ио. XIV, 2, Савв., л. 100; $\overline{\text{идж}}$ $\overline{\text{длѣгз}}$ $\overline{\text{ѣамѣ}}$ $\overline{\text{ѣтздатз}}$. Супр. 498₁₄; $\overline{\text{послана}}$ $\overline{\text{ѣыстз}}$ $\overline{\text{гаурѣиѣлз}}$ $\overline{\text{взвѣститз}}$ $\overline{\text{ѣвсѣмоу}}$ $\overline{\text{мироу}}$ $\overline{\text{сѣпасѣниѣа}}$. Супр. 244₄₋₆; благословѣнз градыи... $\overline{\text{взѣкрѣсенѣиѣ}}$ $\overline{\text{намѣ}}$ $\overline{\text{ѣбновитз}}$. Супр. 342₉₋₁₁; $\overline{\text{благѣѣститз}}$ $\overline{\text{ништѣнимѣ}}$ $\overline{\text{посла}}$ $\overline{\text{ма}}$, Лука IV, 18, Мар. 207₁₁ (в Савв., Ассем. — $\overline{\text{благѣѣститѣ}}$).

Родительный с предлогом $\overline{\text{отз}}$ в функции второго объекта при супине: $\overline{\text{ѣуѣгж}}$. $\overline{\text{ѣт'}}$ $\overline{\text{ѣтратѣи}}$ $\overline{\text{раздрѣшитз}}$. градетз. Супр. 459₂₇₋₂₈.

⁵⁷ К. Мейер насчитывает в Супрасльской рукописи при супине девять случаев родительного и десять — винительного (К. Н. Meyer. Указ. соч., II, стр. 288). Однако позднее были высказаны сомнения в достоверности этих статистических выводов. Так, А. Матл в рецензии на работу К. Мейера отметил, что цифры этого автора не точны, и указал много пропущенных им примеров супина как с родительным, так и с винительным падежом (А. Matl. Рецензия: К. Н. Meyer. Altkirchenslavische Studien, II. Das Supinum. Eine syntaktische Untersuchung. Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, 18. Jahr. Geisteswissenschaftliche Klasse, N. 3. Halle. „Listy Filologické“, roč, 71, č. 3-4. Praha, 1947, стр. 148).

Местный с предлогом о в функции делиберативного объекта при супине: ѿ нынѣ почто сѣнидохомы са бѣси слышатъ нѣчто о крѣстѣ. Супр. 431₈₋₉.

Творительный орудия при супине: благослокоєєнѣ грады... помѣтѣтъ масломѣ ѿ виномѣ. кападышааго кѣ разкойники ѿ прѣзѣртна. Супр. 329₂₆₋₂₈; благослокоєєнѣ градыѣ .. сѣпаетѣ насѣ совоѣж. Супр. 329₃₀.

При супине, образованном от глагола исплнити, управляющего как родительным, так и творительным падежами второго объекта, в Супр. мы отметили родительный: благослокоєєнѣ градыѣ... небесѣна жимишѣтъ. многыѣхъ съспасѣштитѣхъ са. ѿсплнитѣ, 342₂₋₃.

Падежи, связанные с глаголами отношениями свободной связи, также не изменяют свою форму при супине. Ср. сохранение формы творительного образа действия, употребленного при супине: градетѣ ко ѿстыи чловекомѣдѣцѣ. ѿкѣстѣ вѣчѣнѣиѣхъ жѣжника мѣжѣствомѣ. Супр. 460₄₋₆. Винительный с предлогом ка в значении образа действия: сѣдитѣ въ прѣдѣж. Син. евх. 16^a₁₅. При супине сохраняется также местный с предлогом ка в значении места действия: прѣиде отѣ тѣдѣ оучитѣ. ѿ пропокѣдатѣ въ градѣхъ. Мат. XI, 1, Мар. 34₂ (так же в Зогр., Ассем.); послѣдѣи ма крѣститѣ въ водѣ. тѣ манѣ рече. Ио. I, 33, Мар., 317₇ (так же в Ассем., Зогр., Савв.).

§ 46. Падежные окружения супина напоминают по составу форм падежных окружений причастий и инфинитива. Определяющие члены супинов, образованных от переходных глаголов, располагаются в такой же синтаксической перспективе, что и определяющие члены соответствующих глаголов, инфинитивов и причастий; синтаксическая перспектива создается различием падежных форм для выражения первого объекта и дальнейших объектов. Определяющий член супинов, образованных от непереходных объектных глаголов, имеет ту же форму, что и определяющий член соответствующих глаголов, инфинитивов или причастий.

Своеобразие падежных окружений супинов, образованных от переходных глаголов, состоит в способе выражения их первого определяющего члена. В этой функции в евангелиях и Синайском требнике находим родительный, хотя уже в евангелиях наблюдаются случаи замены его винительным; в Супр. форма винительного употребляется столь же часто, что и форма родительного. Однако свойства этого родительного отличаются от свойств родительного приименного: родительный при супине не входит в синонимические отношения с дательным и именами прилагательными⁵⁸.

Особенности падежного окружения супина ясно указывают на то, что в эпоху создания первых переводов супин воспринимался более как инфинитив, чем как отглагольное имя. Окончательное сближение окружений инфинитива и супина было той почвой, которая подготовила вытеснение супина инфинитивом в старославянском языке.

в) Падежи, определяющие отглагольные имена существительные

§ 47. При отглагольных именах существительных со значением действия—состояния, а также со значением деятеля, образованных от основы трехвалентного или четырехвалентного (переходного) глагола, пер-

⁵⁸ В свете этих фактов нам кажется правдоподобным предположение П. Троста, считающего, что употребление родительного с супином основывается не на приименном родительном, а на приглагольном родительном цели. Употребление родительного цели известно при глаголах движения в восточнобалтийских языках. См.: П. Трост. Супин в балтийских и славянских языках. — КСИС, 38. М., 1963, стр. 26.

вый объект преимущественно выражался не винительным, а родительным или дательным падежами. В параллельных местах текстов иногда наблюдаются колебания в употреблении этих падежей. Вместо родительного и дательного — падежей приименного определения — может быть отмечено также имя прилагательное, в данных синтаксических условиях всегда деноминативное. Некоторые примеры родительного падежа: *гѣ мои отъземетъ строение домоу отъ мене*. Лука XVI, 3, Мар. 271¹⁰; *и таждко си сътвориши δ съкроушениі коу мира своіего*. Супр. 35²⁰; *о погребени тѣла гнѣ*. Клоц. 12^a₃₃; *къзлюбилъ ма еси. прѣжде [съ]ложеноу мира*. Ио. XVII, 24, Мар. 387⁵⁻⁶, Савв., л. 108⁶; *і вѣ [на]писание вини его написано*. Марк XV, 26, Мар. 181⁹, Савв., л. 118; *кънесениѣ стѣла вѣда*. Савв., л. 135⁶; *къздѣнженіе крста на δтро съ*. Савв., л. 128; *(на δ)мѣбениѣ ногѣ*. Савв., л. 98⁶; *о локитѣ рывѣ*. Лука V, 9, Мар. 211¹²; *градъ вѣжий. ікоже хыгрца и сѣдѣтелѣ вѣ*. Супр. 84¹³; *ѡле бѣдштіи хранителѣ рода чловѣчѣскаго*. Супр. 96²⁸.

Некоторые примеры дательного падежа: *крѣштениѣ стѣкльницамъ и чѣваномъ. і котѣломъ и одромъ*. Марк VII, Мар. 140²³; *вѣста во рывамъ локца*. Мат. IV, 18, Савв., л. 32 (в Мар., Зогр.—*риварѣ*); *сътвори жъ вы выти локца чловѣкомъ*. Марк I, 17, Мар. 117¹⁷⁻¹⁸; *і живымъ і мртввымъ сѣдѣтелѣ*. Клоц. 11^a₂; *ω развоіиче... іудѣомъ овлѣчителю. състабаниче правѣдѣ*. Клоц. 11^b₁₀₋₁₂; *ω оучителю чкомъ*. Клоц. 11^b₂₅; *валѣтко недѣгомъ*. Син. евх. 6⁶₁₉; *валѣтко сѣбениѣ трапезѣ*. Син. евх. 17^a₂₃; *на пострѣженіе власомъ и врадѣ*. Син. евх. 8⁶₂₋₃; *дѣгослоужью подателѣ. благошью дакеца*. Син. евх. 92⁶₁₇; *на истребѣніе кладѣзю*. Син. евх. 21^a₁₆; *отъ сѣложеноу вѣкоу*. Син. евх. 99⁶₁₂; *съпасениѣ доуши и тѣлоу*. Супр. 212⁵⁻⁶.

Среди примеров колебаний между родительным и дательным падежами, выявленных К. Горалек в текстах евангелий, некоторые имеют прямое отношение к рассматриваемой синтаксической позиции. Это следующие примеры: *къ сѣрѣтениѣ емоу*. Мат. XXV, 6, Ассем., Остр.—*къ сѣрѣтениѣ его*. Мар., Зогр., Савв. (в этом примере колебаний, как думает К. Горалек, могло быть отражено различие между первоначальным апракосом и тетром)⁵⁹; *къ оставленіе (отъ)поущеніе грѣховѣ*. Марк. I, 4, Ассем., Остр.—*къ отъпоуштеніе грѣхомъ*. Мар., Зогр., Савв. Старые рукописи колеблются в выборе формы для передачи греч. *εις ἀφεσιν ἀμαρτιῶν* и в других местах евангелий, и можно допустить, что здесь не было единства уже в первом переводе. (Ср.: *къ оставленіе (отъ)поущеніе) грѣховѣ*. Мат. XXVI, 28, Остр.—*грѣхомъ*. Мар., Зогр., Савв.; *къ отъпоуштеніе (оставленіе) грѣхъ нашихъ*. Лука I, 77 (в Зогр., Мар.—*грѣховѣ ихъ*) во всех текстах евангелий (кроме кратких, где нет этого стиха); *грѣховѣ*. Лука III, 3, Зогр., Остр.—*грѣхомъ*. Мар.; *грѣховѣ*. Лука XXIV, 47, Мар., Ассем.—*грѣхомъ*. Остр.⁶⁰ Добавим к этим примерам еще форму имени прилагательного, которая употреблена в Хиландарских листках: *крѣсти же сѣ. не да грѣховъное прииметъ оставленіе*. Хиланд. лист., I Aa (в греч. здесь родительный падеж: *Ἐβαπτίσθη δὲ, οὐχ ἰνα ἀμαρτιῶν λάβῃ συγχώρησιν...*).

Интересен пример из Синайского требника с перемежающимися формами родительного и дательного падежей в одной и той же синтаксической функции: *сътвори ж... грѣховѣ раздрѣшеніе. недѣгомъ валѣтко. Демонѣомъ гоувитѣлѣтко*. Син. евх. 54⁴⁻⁶.

⁵⁹ См.: К. Нора́лек. Указ. соч., стр. 136.

⁶⁰ Там же, стр. 136—137.

Несколько примеров имени прилагательного как формы преобразованного первого определяющего члена трех- и четырехвалентных глаголов: *ω горькы іудинѣ облічїтємь*. Клоц. 11³⁵⁻³⁶; *манастырѣскоє ст҃роїтелѣстѣво*. Супр. 285²³; *сѣтворѣ въ ловѣца чловѣчѣскыа*. Супр. 496³; *жажда водѣнаа*. Супр. 135⁷; *бѹмрѣшт҃кненїе бѹдѣнок*. Супр. 249²²; *кѣ мирѣстѣмѣ сѣтворенїи*. Супр. 317¹⁵; *їсоѹхристосово оубїтїиє*. Супр. 388³⁰; *повѣжденїє дїаволовоє*. Супр. 486²⁸ 61. Вместо дѣлатель неправдѣ. Лука XIII, 27, Мар. 262³ — в Савв. дѣлатель неправдѣнїи, л. 61.

В Супрасльской рукописи мы отметили пример с перемежающимися формами родительного падежа и имени прилагательного в одной и той же синтаксической функции: *почѣто шїце на малѣ продаѣши. небесе ѣ земнаго тѣорѣца*. Супр. 425¹⁵⁻¹⁶.

Употребление в рассматриваемой функции формы винительного падежа (глагольного типа управления) было отмечено в старославянском языке впервые Миклошичем. Он указывал, что в древний период истории славянских языков „в отдельных случаях... и в употреблении названных существительных запечатлена их глагольная природа“. Однако Миклошич признает, что „такое управление для отглагольных имен существительных убывает и уступает именному“ 62. Действительно, примеров с винительным падежом в текстах немного: *кѣзлѣтѣкѣши бо ѣи мѹрс на тѣло мое на погребенїе ма сѣтвори*. Мат. XXVI, 12, Мар. 98⁵⁻⁶, Савв., л. 92⁶; *о оуслышани гю гласѣ молитѣи нашеѣ*. Син. евх. 60²⁰; *бѣди кѣ дѣверо брашѣно дѣнїк мѣсто соухѣдеца*. Син. евх. 70²⁴; *по сѣтворенїи же комїсоу бѣыченнѣж позоры*. Супр. 226⁷; *прежде бо тѣ рече филипока кѣзѣканиѣ*. [Супр. 350⁷; *їванѣна дрѣтїппа златооусѣаго слово кѣ великїи кѣторникѣ. ѣ δ сѣкраниѣ сѣворѣ на га*. Супр. 384¹⁰; *по приѣтїи ми бѣтѣ чловѣкомѣвїкааго кѣ великїи дарѣ*. Супр. 525¹⁵.

В первом из этих примеров, как полагает Р. Вечерка, писец мог понимать винительный падеж *ма* как объект глагола *сѣтворити*, а не отглагольного имени *погребенїе*; во втором примере, по мнению того же автора, употребление винительного можно было бы связать с особенностями широкого контекста, в котором приведенный пример окружен инфинитивами, управляющими винительным; в третьем примере, как думает Р. Вечерка, связь винительного с отглагольным именем могла быть затемнена 63. Последние четыре примера, которые извлечены из Супрасльской рукописи, А. Вайан считает плохими переводами с греческого: здесь отглагольное имя стоит в славянском переводе на месте греческого инфинитива, сочетающегося с винительным 64.

В то же время аналогичные явления, отмеченные в славянских языках, дают возможность расценивать винительный приименной и как чисто-славянскую особенность 65.

61 Ср.: R. Večerka. Ke konkurenci adnominálního genitivu a adjektiva v staroslovenštině. „Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university“, roč. VI, 1957, řada jazykovědná, č. 5, стр. 26.

62 F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Syntax. Wien, 1870, стр. 879—880.

63 R. Večerka. Указ. соч., стр. 97.

64 А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 383.

65 В. В. Виноградов сообщает, что в приказном канцелярском русском языке почти до конца XVIII — начала XIX в. имена существительные на *-ше*, образованные от переходных глаголов, могли сочетаться с винительным прямого объекта („об убиении купчиху Васильеву“). См.: В. Виноградов. Указ. соч., стр. 118. Я. Гебауер приводит примеры винительного при отглагольных именах существительных из старочешского языка (например: *díže pro chleb řešení*). См.: J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, Díl IV. Skladba. Praha, 1929, стр. 633, 330.

§ 48. При именах существительных, образованных от двухвалентных глаголов (объектных непереходных), преобразования глагольного объекта подчинены тем же закономерностям, что и в предыдущем случае. Глагольный объект становится применным определением с оттенком значения принадлежности; это обуславливает и выбор формы: в старославянском здесь обычны родительный или дательный падежи, иногда употребляются имена прилагательные. „Глагольное“ управление в ряде случаев трудно отграничить от форм применного определения: как известно, многие двухвалентные объектные глаголы в качестве управляемой формы имеют родительный или дательный падежи. Зато при именах существительных, образованных от глаголов, управляющих творительным, форма глагольного определения и форма именного определения легко отличаются друг от друга.

§ 49. При существительных, образованных от двухвалентных глаголов, управляющих дательным падежом, дательный как форма глагольного определения и дательный как форма именного определения взаимно поддерживают друг друга. Это совпадение создает затруднения при квалификации формы дательного: остается неизвестным, преобразованный это глагольный объект или не преобразованный. Значительное количество примеров родительного, который иногда употребляется в тех же условиях, что и дательный, указывает на то, что по крайней мере часть примеров дательного ассоциируется с формами определения имени.

Примеры дательного падежа: повелѣ же коекогда призвахти ѿнѣхъ корабѣ на помощьгъ ꙗмоу. Супр. 151₉; помощьгъ ми бжегъ. Син. пс. 33₂₂; бже всемогы. вжди ми помощьникъ. Син. евх. 72₅; гъ мнѣ помощьникъ. Супр. 17₂₉; помощьникъ і зацѣлникъ ѿмоу естѣ. Син. пс. 150₂₁; сѣроу ты вжди помощьникъ. Син. пс. 11₃; не вжди догадитекъ владыкамъ въсемъ вселенымъ. Супр. 13₅; сътворѣ е блгво и съцено. въ послужение твоимъ рабомъ. Син. евх. 21₂₂₋₂₃.

Примеры родительного падежа: на помощьгъ стаго конона. Супр. 51₁; подвижнѣмъ ѿ на подражаніе довлѣйшиихъ. ѿ приснѣйшиихъ подражанимъ. Супр. 83₂₀; на простыкыши ны како блага бога слоужителница. помоли ѿ хгоу. Супр. 3₂₀⁶⁶.

Примеры притяжательных местоимений: помощь моѣ отъ ба спажцаго правьѣ рдцемъ. Син. пс. 6₁₃; взыми помощь моѣ. гѣ спикъ моего. Син. евх. 77₅.

§ 50. При существительных, образованных от двухвалентных (объектных „непереходных“) глаголов, управляющих родительным падежом, форма глагольного определения и родительный как форма именного определения взаимно поддерживают друг друга. Примеры родительного падежа: о испрошении тѣлесе гнѣ. Мар. 313₁₈ (в перечислении глав евангелия от Иоанна); ѿ оудражани людыцѣма. и чанни блгодѣти стаго дха. Син. евх. 61₇; прѣтрѣпѣние обиды. Син. евх. 69₂₅; заповѣди стыхъ ѿца.

⁶⁶ Ф. Пап замечает, что, как ему кажется, в русском языке дательный падеж труднее всего трансформировать в родительный: *изменить убеждениям* — *изменение убеждениям* (а не *убежденій*), *ответить товарищу* — *ответ товарищу*, *обучать грамоте* — *обучение грамоте*, *помогать бедным* — *помощь бедным*. Причину этого он видит в перегруженности родительного функциями применных определений. „Так как ни именительный, ни беспредложный винительный при существительных не могут стоять, а дательный — может, то, если только есть возможность, объект, выраженный в дательном падеже, остается в дательном“ (Ф. Пап. Трансформационный анализ русских присустановительных конструкций с зависимой частью — существительным в родительном падеже. „Studia slavica academiae scientiarum hungaricae“, t. VII. Budapest, 1961, стр. 195). В старославянском языке, в отличие от русского, трансформация дательного приглагольного в родительный применной оказывается явлением достаточно распространенным.

о показани развоѣ. і о кѣма грѣѣт. Син. евх., 102^a₆; вѣкоушениема воды
гѣт. Син. евх. 6^a₁₆₋₁₇.

При имени существительном трепетѣ, образованном от двухвалентного глагола, управляющего родительным, мы обнаружили определяющий член в форме притяжательного местоимения: да ты ми просѣктиши оумъ і срдчанѣ очн. твоѣ разоумѣвати. твои страхъ и трепетъ прино каинмати. Син. евх. 79^a₂₃.

§ 51. При именах существительных, образованных от двухвалентных глаголов, управляющих творительным падежом, формы глагольного управления отличаются от форм приименных определений и легко отделяются от последних.

Родительный и тесно связанный с ним дательный наблюдаются здесь наряду с творительным падежом⁶⁷. Глагольный объект, ставший определением имени, может также принимать форму отыменного прилагательного. Творительный объекта наблюдается, например, при отглагольном имени существительном величание: вѣ нухъже много величание и вѣнѣшнѣмъ одѣваннѣмъ. и многомъ различнѣмъ трепезы. Супр. 491₁₄.

Часто встречающиеся в старославянском словосочетании с отглагольными именами существительными *скръжатъ, скръжатанне*, образованными от глаголов, управляющих творительным, имеют при себе определяющий член в трех разных формах: дательного падежа — *тѣгда вѣдетъ плача и скръжетъ зѣбомъ*. Мат. XIII, 42, Мар. 46₁₅, Зогр. 19, Ассем. 255, Лист. Унд., стр. 6; имени прилагательного — *скръжетъ зѣбьныи*. Супр. 554₂₅; творительного падежа — *скръжетъ зѣбы*. Син. евх. 44^a₂₀, 45^a₂₀; *зѣбы скръжатанне*. Син. евх. 54^b₂₄.

Отглагольные имена существительные *власть, владыка*, образованные от глаголов, управляющих творительным, имеют следующие формы определяющего члена: родительный падеж — *далъ емоу еси власть вѣсѣкоюа пакти*. Ио. XVII, 2, Мар. 384₁₈, Зогр. 168, Савв. 98₂₉; *се бо открьзз вѣка. чрътога скоего*. Син. евх. 85^a₂₅; творительный падеж — *имѣшггагоа власть небесы и земьж и вѣсѣцѣмъ дьханнѣмъ*. Супр. 257₂₈₋₂₉⁶⁸.

Имя существительное *дѣлжаникъ* имеет две разные формы определяющего члена. Творительный падеж при этом слове употреблен в Мар. и Ассем.: *привѣла емоу дѣлжаникъ единъ. тѣмож талантъ*. Мат. XVIII, 24, Мар. 64₈ (в Ассем. 87 — *дѣлжаникъ... дѣлженъ тѣмож талантъ*). В Савв., однако, на этом месте другая форма: *дѣлжаникъ тѣмѣ талантъ*, л. 43^b (так же в Зогр.). Касаясь формы *тѣмѣ*, Я. Бауер склоняется к тому, что это адноминальный дательный падеж, соответствующий греческому родительному (*οφειλέτης μισίων τάλαντων*), а не местный падеж, как расценивали эту форму Миклошич и Грюненталь⁶⁹.

По аналогии с русским языком можно допустить, что родительный и творительный при именах существительных, образованных от глаголов,

⁶⁷ Р. Мразек называет эту функцию творительного функцией объектно-дополнительного определения. См.: Р. Мразек. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа (на материале русского языка). „Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university“, Roč. IX, 1960, стр. 48.

⁶⁸ При именах существительных *власть, область* определяющий член возможен также в формах местного с предлогом на и винительного с предлогом на. Например: *дѣстѣ намъ власть на дѣсѣхъ нечистыхъ*. Мат. X, 1, Мар. 29₉₋₁₀, Савв., л. 133^b, Зогр. 11, Ассем. 252; *даше намъ власть на дѣсѣхъ нечистыхъ*. Марк. VI, 7, Мар. 135₁₅, Зогр. 55; *дѣстѣ намъ снаж и власть на вѣсѣхъ вѣсѣхъ*. Лука IX, 1, Мар. 233₁₀ (в Савв. здесь винительный с предлогом на: *власть на всѣ вѣсѣм*, л. 53); *не имашн области на мьнѣ никоемъже*. Ио. XIX, 11, Мар. 393₇, Зогр. 171, Савв., л. 128^b, Ассем. 205; *область далъ естѣ на нечистыхъ вѣсѣхъ*. Клоц. 4^b₃₉₋₄₀.

⁶⁹ См.: J. Bauer. *Bezpredložkový lokál ve staroslověnských evangeliích*. „Slavia“, roč. XX, s. 1. Praha, 1950, стр. 49.

управляющих творительным, сообщали определяемому слову разные степени субстантивности. Отглагольное имя существительное с родительным, возможно, было более „субстантивным“, а с творительным — более „глагольным“. Ср. примеры из русского языка: *руководство группы* и *руководство группой*.

Интересно отметить такую особенность старославянского языка, как употребление творительного при отглагольном имени существительном со значением деятеля (дѣлѣаникъ... тѣломѣ таланѣтъ). В русских именах существительных со значением деятеля оттенок глагольности утрачен: определяющий член стоит при них в форме родительного (ср. *владение имуществом*, но *владельцу имущества*).

§ 52. Замена глагольного типа управления на именной наблюдается и в сфере „дальнейших“ объектов. На месте дательного, творительного, разных падежей с предлогами, выполняющих при трехвалентном или четырехвалентном („переходном“) глаголе функцию второго или третьего объекта, при соответствующих отглагольных именах существительных находим не только эти падежи, но и родительный без предлога.

Так, родительный наблюдается на месте второго определяющего члена — дательного падежа — при имени существительном, образованном от глагола оучити: оученими *благыа вѣры* *вѣскрѣсила*. Супр. 96₁₈; да ни оучениа *правыа вѣры*. без дѣла *благѣ* *приаѣтана боу*. Хил. лист. II В 6₃₋₅; на месте второго определяющего члена — винительного с предлогом на — при имени существительном, образованном от глагола осъждити: *прѣдѣша...* на *осъждение смърти*. Лука XXIV, 20, Мар. 309₁₉. При именах существительных, образованных от глаголов речи, мышления, знания и т. д. или близких этим глаголам по семантике, имеющих „делиберативный“ объект в форме локатива с предлогом о, также наблюдаются случаи родительного: *скажи намѣ* *пригачѣ* *пѣвель сельныхъ*. Мат. XIII, 36, Мар. 45₂₈; егда же оуслышите *слоухы* *брани* не оужасите *са*. Марк. XIII, 7, Мар. 168₁₀; да *имѣтъ* *памѣта* *домашнѣго* *житѣѣ*. Клоц. 7^в₃₆₋₃₇.

Локатив с предлогом о здесь все же более распространен. В. Н. Топоров отмечает множество примеров этой формы при именах существительных отглагольных, *слоуха*, *пѣсна*, *пѣние*, *свѣтъ*, *вспомявание*, *рѣчатѣ*, *шумѣ* и т. д.⁷⁰ Очень любопытен случай сохранения глагольного типа управления — винительного с предлогом о — при имени существительном *сказание*: *сказание о блаженнаго Давида*. Супр. 5₁₉.

Приименной и приглагольной падежи совпадают в форме родительного при именах существительных, образованных от глаголов, управляющих родительным второго объекта. Таков родительный при имени существительном *избавление*: *пророци* же и *правдѣвни*... *бога* *отѣтѣдоу* *молаахъ*. *избавления* *просаште*. *прѣскръвѣнаго* *того* *оумиленаго* *обладаниа* *вражиа*. Супр. 461₁₈.

Существительные, образованные от глаголов, управляющих как родительным, так и творительным второго объекта, обычно имеют соответствующий определяющий член в форме родительного: *колико* *кошѣвницѣ* *испазненнѣ* *оукроухъ* *казасте*. Марк VIII, 20, Мар. 146; *штѣ* *испазненнѣ* *кѣпѣли* *твоѣа* *благостына*. Син. евх. 8^а₇₋₈.

При существительных, образованных от четырехвалентных глаголов, форма третьего объекта (объекта-орудия) сохраняется обыкновенно в творительном падеже: *чоудеа* *нажи* *слышахомѣ* *выкша* *отѣ* *блаженнаго* *ианѣ*. *наша* *видимѣ* *выкша* *ржкож* *твоюж* *сѣбрѣшенѣа*. Супр. 551₁₈; *Гѣ* *оутѣрѣжене* *мѣдемѣ* *скоимѣ*. и *заштѣгелѣ* *спнѣемѣ* *хѣ* *скоего* *естѣ*. Син. пс. XXVII, 8, 33^б₆.

⁷⁰ См.: В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 198.

§ 53. Форма падежа, связанного с глаголом движения, может быть сохранена и при имени существительном, образованном от этого глагола. Некоторые примеры падежей с предлогами при именах существительных, образованных от глаголов движения: и обрати *ѡ* на вѣжаніе кѣ своі-палеі'никомъ. Супр. 560; і не імѣти казкращеніѣ кѣ нему. Син. евх. 48⁶₂₂.

Вместе с тем известны случаи преобразования приглагольной формы в родительный падеж. Интересный пример колебания между приглагольной и приименной формой наблюдается в главе XIX от Луки, 37. В Мар. находим в этом месте беспредложный дательный направления: кѣ низхожденію горѣ елесаѣцѣи, стр. 287₄. В Никольском евангелии, однако, здесь родительный падеж: кѣ низхожденію горы елионы, стр. 194.

§ 54. Формы падежей, связанных с непереходными глаголами преимущественно со значением состояния, сохраняются и при именах существительных, образованных от этих глаголов. Так, мы засвидетельствовали два случая творительного со значением внешней причины с именами существительными *ѡ*причастникѣ и причастникѣ: молимъ *ѡ* небесаго цѣсарѣтѣка *ѡ*причастаници имѣ быти *ѡ*благодѣтъѣж и *ѡ*чловѣколюбимъ хса *ѡ*нашего. Супр. 543₉; *ѡ*гоже молитвами причастаници вѣдемъ цѣсарѣтѣка небесакаго. Супр. 174₅.

Однако мы располагаем примером употребления имени прилагательного на месте творительного ограничения: да *ѡ*пѣтъноумоу его пришествію океѣланици вѣкаше. Хиланд. лист. I A а (в этом примере употребление имени прилагательного поддержано греческим оригиналом: *ѡ*на τῆς ἐνθάρκου παρουσίας αὐτοῦ κοινοὶ γενόμενοι).

§ 55. Формы падежей, связанных с глаголами отношения свободной связи, обычно сохраняются и при именах существительных, образованных от этих глаголов.

Так, творительный образа действия сохраняет свою форму и при отглагольном имени существительном: гѣ вѣже нашѣ. дакъи петроки *ѡ*сѣзѣми покаяние. Син. евх. 77^а₁₁. Вместе с тем существуют свидетельства о возможности преобразованная творительного образа действия в родительный и дательный падежи. Так, вместо ожидаемого творительного от имени существительного *ѡ*нѣ при отглагольном *ѡ*узыпение в текстах евангелия наблюдаются родительный и дательный падежи: они же *ѡ*манѣша *ѡ*ко о *ѡ*узыпении сѣна глѣтъ. Ио. XI, 13, Мар. 361₂₄, Зогр. 157, Савв. 69 (в Остр. 137 об. — о *ѡ*узыпении сѣноу).

§ 56. В употреблении падежей, определяющих отглагольные имена существительные, ясно замечаются две противоборствующие тенденции.

С одной стороны, здесь наблюдается сохранение глагольного типа управления.

Падежи, определяющие имена существительные, образованные от многовалентных глаголов, могут сохраняться в том же виде, который они имеют в приглагольном употреблении: в функции первого объекта изредка используется винительный, в функции второго объекта — преимущественно дательный, в функции третьего объекта — преимущественно творительный. Различиями в формах выражения первого, второго и третьего определяющих членов поддерживается синтаксическая перспектива, типичная для приглагольного функционирования имен существительных.

При именах существительных, образованных от двухвалентных глаголов, управляющих или родительным, или дательным, или творительным, или местным падежами, эти падежи могут быть сохранены без преобразований. При именах существительных, образованных от глаголов движения и глаголов состояния, падежи направления, локализации состояния, причины состояния сохраняются без преобразований. Падежи,

связанные с глаголами отношения свободной связи, можно наблюдать в неизменном виде и при отглагольных именах существительных.

С другой стороны, здесь ясно прослеживается процесс утраты глагольного типа управления.

При именах существительных, образованных от многовалентных глаголов, синтаксическая перспектива стирается. Одна из трех конкурирующих форм приименного определения — родительный падеж, дательный падеж, деноминативное имя прилагательное — может быть употреблена в каждой из трех последовательных позиций: первого, второго и третьего определяющих членов.

Какую-либо из трех форм приименного определения мы постоянно наблюдаем в соответствии с формой приглагольного определения, связанного с глаголом отношениями тесной связи, при отглагольных именах существительных, образованных от двухвалентных глаголов, управляющих или родительным, или дательным, или местным падежами, а также при существительных, образованных от глаголов движения и глаголов состояния.

Отдельные примеры падежных форм приименного типа встречаются при отглагольных именах существительных также и на месте падежей, связанных с соответствующими глаголами отношениями свободной связи.

4) Количество реализуемых мест (членов) оптимальных окружений синтаксических производных глагола

§ 57. Выше отмечалось, что оптимальные окружения глаголов, в особенности трехвалентных и четырехвалентных, в речи редко реализуются полностью. В тексте чаще всего встречаются недостаточные окружения этих глаголов: многие места в их окружениях остаются незанятыми.

Однако в окружениях синтаксических производных глагола мест, занятых определяющими членами, бывает еще больше. В окружениях классов слов, образованных от трехвалентных и четырехвалентных глаголов, реализованным оказывается преимущественно один из двух или трех возможных определяющих членов. Инфинитивов, причастий, отглагольных имен существительных, „свободных“ от падежа как определяющего их члена, встречается гораздо больше, чем „свободных“ объектных глаголов.

В работе „Глагольность как выразительное средство“ А. М. Пешковский писал: „... только глагол обладает полной силой управления (в отличие от отглагольного существительного)“⁷¹. „Главное достоинство глагола — это способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и зависящих друг от друга слов и предложений, словом, создавать то, что Потембня называл синтаксической перспективой“⁷². „Глагол может вытягивать не только слова, но и целые предложения в ряд зависимых друг от друга величин, а отглагольное существительное редко на это способно“⁷³. Эти различия в реализации окружений отглагольных имен существительных и глаголов А. М. Пешковский считает „прямым следствием одного первородного греха: воплощения основных глагольных представлений в форму существительного“⁷⁴.

Если в окружении глагола уменьшение числа реализуемых мест по сравнению с оптимальным следует рассматривать как явление речи,

⁷¹ А. М. Пешковский. Глагольность как выразительное средство. „Избранные труды“. М., 1959, стр. 104.

⁷² Там же, стр. 11.

⁷³ Там же, стр. 107.

⁷⁴ Там же.

то общее уменьшение числа реализуемых мест в окружениях синтаксических производных глагола по сравнению с окружениями соответствующих глаголов есть основания расценивать как явление языка.

Действительно, это явление носит всеобщий характер и касается всего языка. Бедность падежных окружений синтаксических производных глагола есть следствие их вторичности в системе всего языка.

К сожалению, ограниченность нашего материала ставит серьезные препятствия на пути статистического обследования размеров падежных окружений производных глагола в сравнении с окружениями глаголов. Сплошной подсчет падежей, употребляемых в окружениях исходных и производных классов слов, не дал результатов, так как есть много глаголов, производные которых в текстах отсутствуют, и много производных, для которых невозможно найти соответствующих глаголов. Выборочное обследование падежных окружений отдельных глаголов и их синтаксических производных дало отчетливые результаты только в части случаев.

Заключение

§ 58. В начале настоящей работы было сформулировано отношение производных классов слов с глагольной основой к личной форме глагола в плане всего языка: для каждого из производных глагола глагол есть форма-база, по отношению к которой каждое производное глагола есть вторичная форма.

Мы констатировали, что глагол и другие классы слов, связанные с глаголом отношениями синтаксической производности, имеют сходные или близкие падежные окружения. Требовалось установить, чем отличаются падежные окружения синтаксических производных глагола от падежных окружений глаголов, т. е. чем отмечено синтаксическое окружение глаголов, выступающих в разных вторичных синтаксических употреблениях.

Изученный материал позволяет сделать вывод, что оптимальные падежные окружения некоторых синтаксических производных глагола по сравнению с окружениями соответствующих глаголов имеют меньшее число мест (членов), что вызвано отличием их верхних связей (связей с определяемым членом) от верхних связей глагола. Нижние связи синтаксических производных глагола (связи их с определяющими членами) более близки к нижним связям глагола. Однако и в сфере определяющих членов между падежными окружениями глаголов и окружениями их производных имеются существенные различия.

Прежде всего один из классов производных глагола — страдательные причастия, будучи соотносительными лишь с переходными глаголами, не могут иметь в качестве определяющих членов те падежи, которые входят в окружения непереходных глаголов. Другой класс производных глагола — имена прилагательные, управляющие падежами, будучи соотносительными лишь с непереходными глаголами, не могут иметь в качестве определяющих членов те падежи, которые определяют переходный глагол: винительный первого объекта, дательный второго объекта, творительный третьего объекта (объекта-орудия). Соотносительность падежных окружений страдательных причастий и имен прилагательных, управляющих падежами, с падежными окружениями глаголов имеет, таким образом, избирательный характер.

Падежные окружения страдательных причастий, супина и отглагольных имен существительных отличаются, в сфере определяющих членов, от падежных окружений глаголов по составу форм.

Своеобразие падежных окружений страдательных причастий состоит в способе выражения их первого определяющего члена. Винительный

прямого объекта в условиях страдательной конструкции преобразуется в именительный падеж.

Своеобразие падежных окружений форм супина, образованных от переходных глаголов, состоит в способе выражения их первого определяющего члена. В древнейших памятниках в этой функции наблюдается преимущественно родительный падеж. Употребление винительного, который в этой функции в древних памятниках еще очень редок, нарастает, как показывают специальные изыскания, в хронологическом порядке.

Своеобразие падежных окружений отглагольных имен существительных состоит в том, что все их определяющие члены имеют тенденцию выражаться формами приименного определения. Определяющий член отглагольных имен существительных, соответствующий прямому объекту переходных глаголов, винительным падежом выражается в единичных случаях; обычный способ выражения этой синтаксической функции — родительный падеж, с которым конкурирует дательный и имена прилагательные. Формы приглагольного типа лучше сохранились для выражения определяющего члена, соответствующего объекту непереходных двухвалентных глаголов, а также для выражения определяющих членов, соответствующих второму и третьему объекту многовалентных переходных глаголов и „свободным“ падежам. Однако и в этих позициях заметен процесс замещения форм приглагольного типа формами приименного типа.

В старославянском языке заметно сближение форм определяющих членов супина с формами определяющих членов инфинитива и формы определяющих членов отглагольных имен существительных с формой определяющего члена имен существительных предметного значения.

В оптимальных окружениях всех синтаксических производных глагола мест, не занятых определяющими членами, бывает больше, чем в оптимальных окружениях соответствующих глаголов.

Считаем возможным заключить, что падежное окружение глагольной лексемы, находящейся в нетипичных для нее синтаксических условиях, претерпевает мощное влияние этих синтаксических условий. Система падежей, входящих в окружение каждого из типов синтаксических производных глагола, заметно отличается от системы падежей, входящих в окружение глаголов, и по мощности (в сторону ее уменьшения), и по составу форм, и по количеству случаев употребления (в сторону их уменьшения).

В этих фактах нельзя не заметить подчинения сокращенных структур полным структурам⁷⁵. Весьма характерно, что это подчинение вытекает из подчинения опорных членов сокращенных структур, т. е. отглагольных образований, опорному члену полной структуры, т. е. глаголу.

Имеются основания констатировать наблюдаемую в синхронном плане иерархию падежных систем. Кроме главной, или исходной, системы (системы-базы), есть системы второстепенные, подчиненные (производные системы).

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente*, von D-r V. Jagić. Wien, 1890 — Киев. мисс.
2. С. М. Кульбакин. Хиландарские листки. Спб., 1900 — Хиланд. лист.
3. Е. Ф. Карский. Листки Ундольского. СПб., 1904 — Лист. Унд.
4. Antonín Doštal. Clozianus. Staroslověnský hlaholský sborník tridentský a innsbrucký. Praha, 1959 — Клоц.
5. И. В. Ягич. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883 — Мар.

⁷⁵ О подчинении сокращенных структур полным структурам см.: Е. Курилович. Лингвистика и теория знака. В сб. „Очерки по лингвистике“, стр. 18.

6. V. Jagić. Quattuor evangeliorum. Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879 — Зорг.
7. Evangeliarum Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. Tomus II. Edidit Josef Kurz. Prage, 1955 — Ассем.
8. А. Востоков. Остромирово евангелие. СПб., 1843 — Остр.
9. В. Н. Щепкин. Саввина книга. СПб., 1903 — Савв.
10. С. Северьянов. Синайская псалтырь. Пг., 1922 — Син. пс.
11. Euchologium sinaiticum, starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Izdajo priredil d-r Rajko Nachtigal. II Del. Ljubljana, 1942 — Син. евх.
12. С. Северьянов. Супрасльская рукопись. СПб., 1904 — Супр.
13. Ѓ. Даничић. Никольско јеванђеље. У Биограду, 1864 — Ник.

С л о в а р и

1. Karl H. Meyer. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935.
2. F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
3. L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
4. Stanisław Słonski. Index verborum do Euchologium Sinaiticum. Warszawa, 1934.

**ВИДОВОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ТИПА
ПРИНЁСТИ : ПРИНÒСИТИ
В СЕРБСКО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ**

§ 1. Тип видового противопоставления в группе глаголов движения (*принести : приносить*) не совсем обычен для морфологической структуры современного славянского вида тем, что здесь глаголом несовершенного вида является приставочный бессуффиксальный глагол.

Есть несколько точек зрения на природу приставочных глаголов несовершенного вида от „неопределенных“ основ (*-носить, -водить, -ходить* и т. д.), которые, однако, сводятся к двум основным теориям: сторонники первой не считают возможным рассматривать глаголы несовершенного вида типа *приносить* как приставочные, приверженцы второй теории признают, что эти глаголы приставочного образования.

1. Первую концепцию можно охарактеризовать как формально-морфологическую. Ее сторонники, подходя к приставочным „неопределенным“ глаголам несовершенного вида с меркой современного словообразования, не хотят видеть в этих глаголах отступления от общей структуры. Они не считают эти глаголы приставочными образованиями от „неопределенных“ основ на том основании, что в современной славянской видовой структуре не может быть бессуффиксальных приставочных глаголов несовершенного вида.

Н. А. Янко-Триницкая, опираясь на мысль Ф. Ф. Фортунатова и С. Карцевского о порядке развертывания цепи внутривидового словообразования, говорит о двух ступенях производства приставочных глаголов в современном русском языке: на первой ступени с помощью приставочного образования получается глагол совершенного вида (*принести*), на второй ступени путем суффиксального образования получается суффиксальный глагол несовершенного вида, содержащий приставку (*приносить*)¹.

Эту мысль разделяет и Э. Н. Стрекалова в диссертации о польских глаголах движения². Возникновение глаголов типа *приносить* она объясняет результатом чередования *нес/нос, вед/вод* и т. п.³

В югославской лингвистике именно так объясняется образование глаголов *донòсити, до̀водити, до̀возити* и т. д. А. Белич говорит о двойном положении этих глаголов в сербско-хорватском языке: „...они только

¹ Н. А. Янко-Триницкая. Особенности префиксации глаголов движения. „Ученые записки МГПИ им. В. И. Потемкина“. М., 1953, стр. 53 и сл.

² Э. Н. Стрекалова. Словообразование глаголов движения в современном польском языке. Автореферат. М., 1955, стр. 11—12.

³ Против точки зрения Н. А. Янко-Триницкой и Э. Н. Стрекаловой возражает Г. К. Венедиктов („Морфологические типы видовых корреляций глаголов движения в болгарском языке“. — КСИС АН СССР, 30. М., 1961, стр. 93), считая, что сторонники такого взгляда смешивают два момента: чисто деривационный и семантический. Глаголы, соотносимые по виду, отмечает Г. К. Венедиктов, не обязательно должны быть одного образования, например *brać* (несов. в.)—*взять* (сов. в.)

формально связаны с простыми глаголами *вѣдѣти*, *вѣзѣти*, а в действительности представляют собой производные глаголы от совершенного вида *довѣсти* (*довѣдѣм*), *извѣсти* (*извѣдѣм*) и т. п.⁴ Как аргумент для доказательства своего вывода А. Белич использует посылку, из которой он исходит, а именно: глаголы, образованные с помощью приставок, всегда совершенного вида, глаголы же несовершенного вида, содержащие приставку, образованы от других глаголов совершенного вида. Однако, как известно, посылка не может служить доказательством.

Дж. Грубор дал наиболее отчетливую формулировку взглядов сторонников формально-морфологической концепции: „Если только приставочный глагол не перфективный, а имперфективный, это значит, что он образован не присоединением приставки, а расширением основы“⁵. Дж. Грубор иллюстрирует это высказывание примером с глаголом *извѣдѣти*, который, по его мнению, образован от *извѣсти*.

Вероятно, формально-морфологическая теория вполне допустима для объяснения глаголов несовершенного вида типа *приноситъ* в современной видовой структуре. Однако она не может дать правильного ответа на вопрос о происхождении этих глаголов, поскольку лишена исторического подхода.

2. Существует несколько теорий, объясняющих глаголы несовершенного вида типа *приноситъ* как приставочные образования.

а) Очень старой, до сих пор признаваемой теорией является следующая. Несовершенный вид приставочных глаголов она объясняет характером основы, от которой они образованы. Кратко основное положение данной концепции можно сформулировать так: итеративные основы при взаимодействии с приставками не перфективируются. Так, Ф. Миклошич считал, что от итеративных глаголов приставочные обычно несовершенного вида⁶.

Того же взгляда придерживался и А. Мейе, полагавший, что „неопределенные глаголы несовершенного вида типа *водити*, *носити* не могут становиться глаголами совершенного вида посредством присоединения приставки“⁷.

Н. Ван-Вейк объясняет несовершенный вид приставочного *prinositi* „неопределенным характером основы *positi*, от которой он образован“⁸. Теорию Ф. Миклошича поддерживает и Герад Арношт, возводя ее в общеславянский закон⁹. А. Герарду кажется правильнее дополнить эту теорию доводами из другой концепции, которую наиболее подробно разработал болгарский исследователь Д. Матеев (см. ниже).

Очевидно, правило, будто итеративы при взаимодействии с приставками не становятся глаголами совершенного вида, нельзя считать неизблемым для всех времен. Возможно, оно было верным для раннего периода развития славянской видовой системы¹⁰; А. Достал и С. Слонь-

⁴ А. Белич. Прилози историје словенских језика. — ЈФ, књ. IV. Београд, 1924, стр. 5; см. также: А. Белич. Историја српскохрватског језика, књ. II, св. 2. Београд, 1951, стр. 197.

⁵ Ђуро Грубор. Аспектна значења. — Rad JAZU, knj. 293. Zagreb, 1953, стр. 7.

⁶ Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV (Syntax). Wien, 1868—1874, стр. 284.

⁷ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 237 и 239; см. также: А. Мейе. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I. Paris, 1902, стр. 46; вслед за А. Мейе правоту такой концепции признает и А. Мазон, см.: А. Мазон. Morphologie des aspects du verbe russe. Paris, 1908, стр. 5.

⁸ N. Van Wijk. Sur l'origine des aspects du verbe slave. — RES, t. 9. Paris, 1929, стр. 247.

⁹ См.: Gerard Arnošt. Verba *ходити*, *носити*, *водити*, *лазити*. — „Slavia“, гоџ. XVII. Praha, 1939/40, стр. 54—56.

¹⁰ Так как будто считает А. Мейе: „... в общеславянском языке присоединение приставки преобразовывало в совершенный вид лишь те глаголы, значение которых соответствовало этому виду. Глаголы же по существу несовершенные („неопределен-

ский признавали его для старославянского языка¹¹. Однако в современных языках оно вряд ли имеет силу. Во всяком случае в современном сербско-хорватском языке „многочратные“ глаголы взаимодействуют с приставками как обычные имперфективные глаголы, т. е. все приставочные от них совершенного вида¹².

б) Другие исследователи, например Д. Матеев, объясняют несовершенный вид приставочных глаголов движения характером приставки. Д. Матеев различает приставки пространственного и временного значения. Приставка с пространственным значением, присоединяясь к глаголу с повторительно-имперфективной основой, давала глагол несовершенного вида¹³. Староболгарские глаголы типа *доносити* были, по Д. Матееву, глаголами с пространственной приставкой. Со временем приставка семантически эволюционировала и стала приставкой с временным значением. Так Д. Матеев объясняет превращение староболгарского *донося* (несов. в.) в современный *донося* (сов. в.).

Также с лексическим значением приставки связывает вид глагола П. С. Кузнецов: „Если приставка придает значение направления (т. е. имеет пространственное значение), то глагол не всегда будет совершенного вида, часто он остается несовершенного вида“¹⁴.

Эта теория страдает отсутствием четких критериев для определения характера приставки.

в) Наиболее приемлемой и, как нам кажется, верной является концепция, которую мы назвали бы исторической. Основные моменты ее разработаны в трудах К. Регнелля, А. А. Шахматова, Т. Милевского, Т. П. Ломтева, А. Достала, Р. Ружича и др. Данная концепция ценна своим подходом к материалу, хотя в деталях, может быть, недостаточно разработана.

Как совершенно справедливо отмечал Е. Кошмидер¹⁵, в современной славянской видовой системе необходимо различать черты, относящиеся к индоевропейскому периоду, к балто-славянскому, к общеславянскому и к периоду развития каждого славянского языка в отдельности. О том же писал Т. Милевский¹⁶, призывавший выделять видовые оппозиции различного происхождения.

Сторонники настоящей теории исходят из этих положений, имея в виду, что группа глаголов движения представляет собой древний пласт в славянской глагольной системе не только соотношением своих бесприставочных основ, но и приставочными образованиями, которые можно понять и объяснить, лишь учитывая своеобразие бесприставочных основ. К. Регнелль¹⁷ пишет, что неверно считать глаголы типа *приносити* отступлением от правил видообразования (стр. 61). К. Регнелль правильно определяет историческое место и время возникновения этих глаголов (стр. 60)¹⁸, указывая, что приставочные глаголы *приносити*: *принести*,

ные“ глаголы несом. вида) сохраняли свой вид, несмотря на наличие приставки“ (А. Мейе. Указ. соч., стр. 239).

¹¹ A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954, стр. 20; St. Słoiński. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937, стр. 223—226.

¹² А. Белић. Прилози историји словенских језика, стр. 4.

¹³ Д. Матеев. Елементите пространство и време в историјата на глаголитите видови значења. „Slavia“, роџ. XIV, сеџ. 1-2. Praha, 1935—1936, стр. 1—42.

¹⁴ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 174.

¹⁵ Erwin Koschmieder. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Wilno, 1934, стр. 125.

¹⁶ T. Milewski. Kilka uwag o genezie aspektów słowiańskich. „Зборник лингвистичних и филолошких расправа посвећен А. Белићу о четрдесетогодишњици његовог научног рада“. Београд, 1937, стр. 436—437.

¹⁷ Carl Yöran Regnell. Über den Ursprung des slawischen Verbalaspektes. Lund, 1944.

¹⁸ Ту же идеју о невојможности образовања в современих славјанских језицима приставочних глаголов несовершенного вида высказывает Т. П. Ломтев, который,

нападати: *напасти* возникали рано, по образцу соотношения определенных и неопределенных глаголов (стр. 65).

Также „старой и непродуктивной оппозицией глаголов совершенного и несовершенного вида“ считает *privesti*:*privoditi* и Т. Милевский¹⁹. Он полагает, что некогда оппозиции типа *nesti*:*nositi* и *zanesti*:*zanositi* были однородны, но со временем во второй паре противопоставление сменилось „на оппозицию совершенного и несовершенного вида“²⁰.

А. А. Шахматов подчеркивает еще один очень важный момент для понимания происхождения и существования видового противопоставления *приносить*:*принести*. Он объясняет сохранение несовершенного вида у приставочных глаголов от неопределенно-моторных основ тем, что сложные глаголы совершенного вида, как *отнести*, *завести*, *налететь* и т. д., получили при себе в качестве несовершенного вида *относить*, *заводить*, *налетать*—и это в виду существования при *нести*, *вести*, *лететь*—*носить*, *водить*, *летать*²¹.

Мысль о том, что нельзя рассматривать несовершенный вид приставочных глаголов движения типа *приносить* как нечто самостоятельное, обособленное, но надо иметь в виду, что они находятся в связанном состоянии, в видовой оппозиции, высказывает и Р. Ружич относительно соответствующих сербско-хорватских глаголов: „Тот факт, что глаголы *гонити*, *возити*, *водити* не становятся перфективными при присоединении к ним приставки, не является важным для глагольного противопоставления, потому что эти приставочные глаголы служат имперфективными соответствиями к перфективным глаголам: *доводити*—*довести*, *догонити*—*догнати*, *доносити*—*донести*“²².

В пользу такой интерпретации приставочных несовершенного вида от неопределенно-моторных основ А. А. Шахматов приводит пример с приставочными глаголами от тех же неопределенно-моторных основ, но совершенного вида: *поносить*, *слетать*, которые не ассоциируются по значению (и не могут быть поэтому соотносимы по виду) с глаголами *понести*, *слететь*²³. Точно так же объясняет перфективность глаголов от „неопределенных“ основ Т. П. Ломтев: „Приставочные глаголы, имперфективность которых не была оформлена и защищена противостоянием соответствующему перфективному глаголу, имели тенденцию получать перфективность: такого происхождения глаголы *заношу*, *завожу*, *выношу*, *вывожу*“²⁴.

Итак, отметим основные моменты теории, которая, нам кажется, дает единственно правильное объяснение происхождения общеславянских видовых противопоставлений типа *принести*:*приносить*.

а) Приставочные глаголы от „определенных“ и „неопределенных“ основ существовали в славянских языках издавна, еще до видов. Возможно, что некоторые из ныне соотносимых глаголов появились независимо друг от друга²⁵.

б) Характер соотношения между *донести*:*доносить* был тогда иным, чем в современных языках. Может быть, он был таким же, как у бес-

однако, считает, что глаголы этого типа появились в глубокой древности, когда подобного рода образования были еще возможны. См.: Т. П. Ломтев. Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени. „Доклады и сообщения филологического ф-та МГУ“, вып. 3. М., 1947, стр. 24.

¹⁹ Т. Milewski. Указ. соч., стр. 436.

²⁰ Там же, стр. 437.

²¹ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 182.

²² R. Ružić. The aspects of the verb in Serbo-Croatian. Berkeley and Los Angeles, 1943, стр. 41, а также см. стр. 44.

²³ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 152.

²⁴ Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 25.

²⁵ См. А. Dostál. Указ. соч., стр. 516.

приставочных основ. С оформлением видовых корреляций в славянских языках противопоставление приставочных глаголов *донести*: *доносить* „переродилось“ в видовое, поскольку в них было такое значение (вносимое приставкой), которое способствовало переходу их в видовую оппозицию. У бесприставочных глаголов этого значения не было, и они, как большинство бесприставочных, попали в класс глаголов несовершенного вида.

в) С развитием категории вида видовые отношения в группе глаголов движения оформлялись по образцу старой оппозиции „определенный“ глагол + приставка: „неопределенный“ глагол + приставка, которая стала теперь носителем видовой корреляции²⁶.

* * *

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы показать судьбу приставочных образований от „определенных“ и „неопределенных“ глаголов в сербско-хорватском языке, проследить эволюцию способа морфологического оформления видového противопоставления в приставочных глаголах движения со времени существования соотносимых бесприставочных основ в древнесербском языке до современного языка, когда оппозиция бесприставочных основ утрачена.

Однако, прежде чем приступить к анализу сербско-хорватского материала, остановимся на двух работах, с которыми мы полемизируем по ряду основных вопросов.

В 1940 г. появилась уже упоминавшаяся статья А. Герада, где на болгарском материале эволюция приставочных глаголов типа *донося* (несовершенный вид в староболгарском → совершенный вид в современном болгарском) объяснялась изменением характера основы *нося*. В болгарском языке произошел процесс, аналогичный сербско-хорватскому: были утрачены „определенные“ основы в некогда соотносимых парах *неса:нося*, *веда:вода* и т. д., в результате чего „неопределенная“ основа взяла на себя функции утраченной „определенной“ основы, изменив, таким образом, свою специфику. По теории А. Герада, сербско-хорватские приставочные от „неопределенных“ основ должны были пережить ту же судьбу, что и болгарские глаголы типа *донося*, т. е. с утратой *нѣсти* приставочные от *нѣсити* должны стать глаголами совершенного вида.

Недавно со своей концепцией о природе глаголов несовершенного вида типа *доносити* в славянских языках (в первую очередь в русском и словацком) выступил А. В. Исаченко²⁷, который развивает формально-морфологическую концепцию, считая глаголы несовершенного вида типа *приносить* неприставочными образованиями. Однако, в отличие от других сторонников данной концепции, А. В. Исаченко не ограничивается материалом современных языков, а пытается найти подтверждение для своей концепции в истории славянских языков.

А. В. Исаченко полагает, что приставочные от „определенных“ основ (*принести*) имели исконные формы вторичного несовершенного вида типа *прижаждать*, *принашивать* (в русском языке)²⁸, *прохѣждати*, *принѣ-*

²⁶ Однако не все приставочные группы глаголов движения оформляли видовые отношения с помощью „определенных“: „неопределенных“ основ. Например, русск. *плыть*: *плавать* пошли по пути большинства глаголов, образуя глагол несовершенного вида путем суффиксации (*переплыть*: *переплывать*). То же можно сказать о трех глагольных парах в сербско-хорватском языке: *јѣхати*—*јѣздити*, *бѣжати*—*бѣгати*, *пѣзити*—*пѣзати*.

²⁷ См.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. II. Братислава, 1960, стр. 326—343; он же. Глаголы движения в русском языке. — РЯШ, 1961, № 4, стр. 15—16.

²⁸ А. В. Исаченко. Глаголы движения. . . , стр. 15.

шати (в сербско-хорватском языке)²⁹ и т. п., которые позднее в литературном языке были заменены новыми формами типа *приносить*³⁰ (с.-хорв. *принѡсити*). Возникновение этих последних форм А. В. Исаченко объясняет, ссылаясь на К. Регнелля, аналогией с бесприставочными глаголами³¹.

Таким образом, полемика с А. В. Исаченко будет полемикой с формально-морфологической концепцией прежде всего. Проверка же положений А. Герада на сербско-хорватском материале может в какой-то мере показать справедливость его заключений для болгарского языка.

Приставочные глаголы движения в сербско-хорватском языке анализируются лишь в одном аспекте — как эволюционировали здесь способы морфологического оформления видového противопоставления со времени существования соотносимых бесприставочных основ в древнесербском до современного языка, когда оппозиция бесприставочных основ утрачена. Этот аспект имеет две стороны: а) собственно эволюция способов видовой корреляции в приставочных глаголах (так ли она происходила, как полагает А. В. Исаченко) и б) ее связь с эволюцией в бесприставочных основах, где утрачивалась в XVI—XVIII вв. одна из соотносимых основ и характер оставшейся основы изменялся (верна ли теория А. Герада для сербско-хорватских глаголов).

Поскольку приставочные глаголы рассматриваются в связи с эволюцией образующих основ, анализ их дается по следующим хронологическим узлам: древнесербский язык XII—XV вв. — период, когда сохранялись пары типа *нѡсти* : *носити*; XVII—начало XIX в. — утрата старых соотносимых пар и появление „многократных“ образований типа *носати*; и наконец, современный литературный язык, где глаголы *носити*, *водити*, *ѡћи* и т. д. не сохраняют соотносимых пар и обозначают все типы движения³².

§ 2. Древнесербский материал находится в менее выгодном положении, чем материал позднейших периодов сербско-хорватского языка. Из-за узости тематики и сравнительно небольшого числа древние письменные памятники отражали ограниченный слой лексики. Поэтому надо иметь в виду, что не все имевшиеся тогда приставочные глаголы могли быть засвидетельствованы в текстах (например, от *возити* зафиксирован всего один приставочный).

По данным словаря Дж. Даничича³³ и текстам XII—XV вв., использованным нами, была составлена таблица, отражающая образование приставочных глаголов от восьми пар глаголов движения: *ити*—*ходити*, *лѡсти*—*лазити*, *нести*—*носити*, *вести*—*водити*, *везти*—*возити*, *гнати*—*гонити*, *летѡти*—*лѡтати*, *вѡшти*—*вѡчити* (см. табл. 1):

- а) глаголы, соотносимые по виду, соединены дугой;
- б) у глаголов, представляющих собой разные лексемы и потому несоотносимых по виду, указываются значения;
- в) перевернутой дугой соединены глаголы, которые Дж. Даничич дает как разные лексемы, а имеющиеся у нас примеры показывают, что они при одном лексическом значении соотносимы по виду;
- г) от глаголов, имеющих два имперфективных соответствия, идут две дуги, причем указан второй имперфектив.

²⁹ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка..., стр. 329.

³⁰ А. В. Исаченко. Глаголы движения..., стр. 15.

³¹ Там же, стр. 15.

³² См. нашу статью „Судьба соотносимых пар глаголов движения в сербско-хорватском языке“ (глаголы *ѡћи*—*ходити*, *нѡсти—*носити*, *вѡсти—*водити*, *вѡсти—*водити*). „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. XXVII. М., 1963.

³³ Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, тт. I—III. Београд, 1863—1864.

Образование приставочных глаголов движения в древнесербском языке

	ИТИ	ХОДИТИ	ЛѢСТИ	ЛѢВТИ	НЕСТИ	НОСИТИ	ВЕСТИ	ВОДИТИ	ВЕСТИ	ВОЗИТИ	ГНАТИ	ГОНИТИ	ЛЕГѢТИ	ЛѢТАТИ	ВАШТИ	ВАЧИТИ
въ-	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +								
въз-	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +					+ ( ) +			
до-	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +								
допро-																
за-	+ ( ) +															
из-	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +								
изна-	+ ( ) +															
мимо-	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +								
на-	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +	+ ( ) +								
над-																
низ-	+ ( ) +	+ ( ) +														
об-	+ ( ) +	+ ( ) +														
обна-	+ ( ) +															
от-	+ ( ) +	+ ( ) +														
по-	+ ( ) +	+ ( ) +														
при-	+ ( ) +	+ ( ) +														
про-	+ ( ) +	прохѣждати														
произ-	+ ( ) +															
прѣ-	+ ( ) +	+ ( ) +														
прѣвъз-	+ ( ) +	+ ( ) +														
прѣвро-	+ ( ) +															
раз-	+ ( ) +															
съ-	+ ( ) +	+ ( ) +														

Как видно из табл. 1, приставочные глаголы в XII—XV вв. образовывались и от „определенных“, и от „неопределенных“ основ, хотя от первых их зафиксировано несколько больше.

Приставочные глаголы, образованные от „определенных“ и „неопределенных“ основ, находились в древнесербском языке как бы в двойной связи, которую можно передать следующей схемой:

Значение этой схемы можно раскрыть в трех пунктах:

1) бесприставочные глаголы составляют оппозицию как глаголы „определенные“: „неопределенные“; в древнесербском языке они соотносились как глаголы единичного и повторяющегося действия³⁴;

2) приставочные глаголы соотносятся с соответствующими бесприставочными как пространственно ограниченные глаголы, или глаголы с пространственной конкретизацией;

3) приставочные глаголы от „определенных“ и „неопределенных“ основ составляют видовую корреляцию.

Последние два пункта раскрывают две связи приставочных глаголов движения: а) связь приставочного с образующей основой и б) взаимосвязь приставочных от разных основ между собой.

Первая связь (а), более раннего происхождения, была, по-видимому, когда-то основной. В период древних письменных памятников XII—XV вв. она теряла свою определяющую силу, однако о ее существовании в прошлом может свидетельствовать следующий примечательный факт. В древнесербских текстах (особенно в грамотах) в случаях, когда контекст допускает употребление обоих видов, пространственно ограниченное действие, независимо от того, завершено оно или незавершенное, выражалось приставочным глаголом от такого бесприставочного, которым ранее было обозначено определенное или неопределенное действие, т. е. приставочный глагол как бы тяготел к своему бесприставочному. В результате контексты, которые могли быть абсолютно тождественны в отношении характера действия, о котором в них говорилось, различаются видом приставочного глагола (образец таких контекстов: „...торговцы, которые *ходят* [*идут*] по моей земле, и когда *приходят* [*придут*] в мой город, пусть платят налог“).

Да (!) си *идоу* доуброкчане по нашии земли *с* своимма добиткомма и *с* своимма рѣчми. *спени* боудоу. *стоекке. придоукке. пондоукке* а правина да еста. а ваша члѣкз ки *приде* ѿ нашии землю. неколоба комуу е искана правина и неиспалнена боуде... ако ли *приде* така члѣка комуу не искана правина да мѡ се не ѡзме ни чоуакз коуаца... (Ст. П. п. I, 5; 1247—1249 гг.); ср.: ...*ходе* по змли кралевѣтва ти *свѣна* трага *с* коуѡ ни не рекло *ходити* кралевѣто ти да что бѡде *хѣтѣние* ѡчинити *ѡ* ныхѣ то да ѡчини. И ако кон

³⁴ См. нашу статью „Судьба соотносимых пар глаголов движения...“, § 5, 9.

года князь приходи к намъ выиш да стоимо ѿ сиема шѣтѣ... (там же, 21; 1254 г.);

и да идете свободно ка царствѣ ми беза бѣагога страха и шпета да си поидете почтено шда царствѣ ми ѿ Дѣрвоника како мои почтени влаетеле (Мон. ser., 174; 1356—1367 гг.); ср.: такмо да си ходе дѣрвочане свободно... и да си походе свободно шпета ѿ Дѣрвоника беза забѣке и беза задражаниа (там же, 15; 1357 г.).

Иногда одинаковые по характеру действия выражаются в двух контекстах приставочными от разных основ, очевидно, не без влияния употребленного выше бесприставочного глагола (см. ниже: приходи вместо приде под влиянием ходе):

а тѣ имѣ милостѣ створи кралевѣство ми ѿ Призрена ѿ граде, а страич кралевѣтка ми бешѣ слѣга Драгослава... а тѣ имѣ милостѣ створи кралевѣство ми, кади приде Лѣкарѣ Миханловики... (Мон. ser., 55; 1289 г.); ср.: да ходе свободно по земли кралевѣтка ми и сию милостѣ створи кралевѣство ми ѿ Брадалаби, кади приходи кралевѣствѣ ми покласарѣ шѣ Дѣрвоника Никола Крѣника (там же, 52; 1240—1272 гг.).

Описанные случаи могут, очевидно, свидетельствовать не только о бывшей когда-то тесной связи приставочного глагола с образующей основой, но и о связи, близости их значений: если в каком-то замкнутом контексте речь идет о ряде „определенных“ (или „неопределенных“) действий, то они выражались глаголами с „определенной“ (или „неопределенной“) основой — бесприставочным или приставочным.

Эта связь теряет свою актуальность с появлением и утверждением в языке другого типа связи между приставочными глаголами от соотносимых основ. Второй тип связи (б) должен быть определен как видовой.

Определение вида глагола в древнесербском языке, как в любом другом мертвом языке, имеет свои трудности. При установлении вида приставочного глагола были взяты в качестве критериев следующие признаки.

Парадигматические: а) глагол является глаголом совершенного вида, если от него образуются формы аориста и причастий, и деепричастий* прошедшего времени; б) соответственно от глагола несовершенного вида образуются формы имперфекта и причастий, и деепричастий настоящего времени³⁵.

* Под деепричастием подразумевается сокращенная форма причастия (пришлѣ, приходяще).

³⁵ Здесь нужно оговорить случаи употребления глаголов совершенного вида в имперфекте и глаголов несовершенного вида в аористе. Такие примеры очень редки, и они занимают особое место. Что касается первых случаев (имперфект совершенного вида), нам они не встретились, но соответствующий пример из XIII в. и его интерпретацию можно найти в работе: Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках — ВСЯ, вып. 1. М., 1952, стр. 101: „Lav učini, ča tu sveti Jerolim zapovida; za č s poslenikom u pašu grediše kad se napasiše, doma ga dorenīše; a lav kako na vol sino jidiše“ („Živ. Jerol. Starine“, 1, 231).

Случаи аориста несовершенного вида глаголов доходи, неходи, приходи встретились в летописях: неходи царь Базилиъ с вонскомъ на Софию. Тоже лето ходи на Ирканесе и прѣгна нхъ прѣз море (Ст. Р. л., 257); *за доходнише покласари оугръски въ Цариградъ (там же, 257). Значение глагола несовершенного вида здесь близкое тому, что отмечал Ю. С. Маслов в современном болгарском языке (Ю. С. Маслов. Из наблюдений над категорией вида и времени в современном болгарском языке. Аорист глаголов несовершенного вида. Доклады и сообщения филологич. ин-та ЛГУ“, вып. 1. Л., 1949, стр. 148—149). Им обозначается действие, результат которого неизвестен или неважен в момент речи, в отличие от аориста совершенного вида, которым обозначается действие (обычно датированное) с указанием его результата. Ср.: *шидѣ нзде кракъ Матѣашъ и Боукъ деспотъ и прѣше Заслонъ феър. .еѣ (Ст. Р. л., 250); Къ лето *шидѣ донде царь на Скедѣръ-вега и ѣзе мѣ Свети Гратъ (там же, 119); В лето *шидѣ шѣнде царь Бѣлема(нъ) на земѣхъ ѣгарьско на Бѣднѣмъ и расипа Бѣднѣмъ (там же, 126).

Синтаксические: а) глагол несовершенного вида может сочетаться с показателями фазовости действия, т. е. глаголами *почетн*, *престати* и т. д.; б) глагол обычно употребляется в окружении глаголов того же вида, т. е. вид приставочного глагола движения могут помочь установить соседние глаголы, вид которых заведомо известен; в) значение презенса несовершенного вида — это действие, протекающее непосредственно в момент речи (конкретно-процессное значение), презенс от глаголов совершенного вида обозначает будущее время³⁶.

Поскольку ни один из перечисленных критериев не может считаться абсолютным, мы стремились применять их по возможности совокупно. Например, вид глаголов *прити* и *приходити* устанавливался так: все встретившиеся в текстах формы аориста образованы от *прити*, формы же имперфекта — от *приходити*:

Тѣма ѿ мнѣзи ѣзѣци тогдѣ придѣше поклонити се ѣмоу ѿ съ великою почѣстїю ѿдѣти пѣніе (Фор., 171); ср.: Къ истиню во вѣсѣма живѣущима ѿкрѣстными странама ѿ дивецим се ѣмоу, зрѣце на немѣ неизр(е)чѣнна в(о)жѣа съхожденѣа ѿ приходѣахоу къ нѣмоу на вл(аго)с(ло)вѣніе (там же, 164).

В первом примере *придѣше* в форме аориста (3 л. мн. ч.) обозначает завершённое в прошлом действие, во втором *приходѣахоу* в имперфекте (3 л. мн. ч.) обозначает длившееся и не законченное в прошлом действие, *приходѣахоу* стоит в окружении причастий настоящего времени (*живѣущима*, *дивецим се*).

Кроме того, все встретившиеся в сборнике „Списи светог Саве“ причастия прошедшего времени образованы исключительно от глагола *прити* (*пришьдѣшоу*. Фор. 26; *пришьдшоумоу*, 112; *пришьд(ь)шоу*, 151; *пришьд(ь)ши* 156; *пришьд(ь)шоу* 2 р., 168; *пришьд(ь)шоу*, 169; *пришьд(ь)ше*, 171; *пришьд(ь)ше*, 173), а причастия настоящего времени — от *приходити* (*приходеще*. Фор. 6; *приходеще*, 106; *приходеще*, 130; *приходѣцимь*, 163; *приходѣще*, 170).

Примеры с этими глаголами в презенсе показывают, что *прити* обозначает действие в будущем, *приходити* имеет процессно-конкретное значение:

...ако ли *приде* така чѣвка комоу не искана пракина да мѣ се не ѣзме ни чѣнка копаца докоу поиде ѿ свое мѣсто и тамо да ѣчини пракиноу... (Ст. П. п. I, 5; 1247—1249 гг.); ...и када *придѣ* ѿ дѣврованика да на ме не ѣстане никаторе дѣ: ѣ сама сѣда ѿ своеи земли... (там же, 7; 1234 г.); ср.: И *приходить* дръжавниа господина къ сръбьскыи землю и поемметѣ и за рѣкоу ѡта сѣветѣхѣ двари и приходитѣ его къ прѣсѣтѣти и казѣма стапа тако и ѡта роуке саме прѣсѣтѣи и подаветѣ его игоумоу... (Фор. 78).

Таким образом, все примеры свидетельствуют о том, что *прити* в древнесербских текстах употребляется как глагол совершенного вида, *приходити* — как глагол несовершенного вида³⁷.

Для того чтобы проследить образование грамматических форм от приставочных с „определёнными“ и „неопределёнными“ основами, были

³⁶ Общеизвестно мнение, что этот критерий является основным при установлении вида глагола для восточно- и западнославянских языков и не может служить критерием для южнославянских языков (см.: A. Vaillant. L'aspect verbal du slave commun. — RES, t. XIX. Paris, 1939, fasc. 3-4, стр. 310 и сл.). Однако бесспорным является факт, что в условных и временных (содержащих условие) предложениях глаголы совершенного вида в настоящем времени обозначали действие в будущем. Поэтому применение последнего критерия для глаголов совершенного вида ограничивается соответствующими придаточными предложениями.

³⁷ Приставочные глаголы, вид которых устанавливался с помощью названных выше критериев, обозначены в табл. 1 продолговатыми крестиками.

составлены две таблицы по двум группам памятников³⁸. Все встретившиеся в этих текстах формы аориста (Гор. — 33 глагола, Mon. ser. — 167), причастий прошедшего времени (Гор. — 21, Mon. ser. — 29) и деепричастий прошедшего времени (Гор. — 11, Mon. ser. — 28) образованы от приставочных с „определенной“ основой. Соответственно все формы имперфекта (Гор. — 1, Mon. ser. — нет), причастий настоящего времени (Гор. — 17, Mon. ser. — 20), деепричастий настоящего времени (Гор. — 1, Mon. ser. — 3) образованы от приставочных с „неопределенной“ основой.

Анализ примеров и таблицы показывают, что в древнесербском языке приставочные от „неопределенных“ основ употреблялись как глаголы совершенного вида, а приставочные от „неопределенных“ основ — как глаголы несовершенного вида и что приставочные глаголы с одинаковой приставкой от соотносимых основ составляли видовые пары (см. табл. 1).

Как видно из той же таблицы, у ряда глаголов с одинаковыми приставками от соотносимых основ Дж. Даничич указывает неодинаковые значения, что как будто является препятствием для их видовой соотносимости. Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что значения этих глаголов очень близки, если не тождественны, например *proggnati* 'expellere' (выгнать, удалить, изгнать), *progoniti* 'depellere' (отстранять, удалять). Примеры с такими глаголами подтверждают, что они имеют общее лексическое значение и составляют видовую пару:

„I dobri kralj poče iskati da *pognati* sina... I skupi vojske, i pojde, i postupi odmetnike, i pogazi jih“ (Kr. hrv. Arkiv, I, 27); ср.: „I vele karstjane ljubjaše, i nedadiše *progoniti* jih“ (там же, 9).

Контекст, где употреблен глагол *prognati*, передает завершённые действия, окружающие глаголы совершенного вида (*skupi, pojde, postupi* и т. д.): „захотел *proggnati* сына“. В контексте с *progoniti* речь идет о незавершённых повторяющихся действиях, *progoniti* стоит в окружении глаголов несовершенного вида (*ljubjaše, nedadiše* — имперфект): „христиан любил и не давал их *прогонять*“.

Есть в табл. 1 и одиночные глаголы (больше от „определенных“, меньше от „неопределенных“ основ), не имеющие соответствующего приставочного от коррелятивной основы³⁹. Таких приставочных или не было, или они не засвидетельствованы в текстах. Однако показательно, что эти одиночные приставочные употреблялись соответственно как глаголы совершенного вида (приставочные от „определенных“ основ) и как глаголы несовершенного вида (приставочные от „неопределенных“ основ):

³⁸ Первая таблица составлена по материалам шести памятников, собранных В. Чоровичем в сборнике „Списи светог Саве“ (Београд — Ср. Карловци, 1928): Хиландарская грамота 1198—1199 гг., Карейский типикон конца XII—начала XIII в., Хиландарский типикон в списке XIII в., Живот св. Симеона в списке начала XVII в., Служба св. Симеону в списке XIV в., Письмо Спиридону в списке XV в. (в сокращениях — Гор.). Вторая таблица составлена по сборнику грамот Сербии, Боснии, Дубровника XII—XVI вв., собранных Ф. Миклошичем: Fr. Miklosich. Monumenta serbica. Vienna, 1858 (в сокращениях — Mon. ser.). Таблицы даются в кандидатской диссертации „Глаголы движения в сербско-хорватском языке“. М., 1964.

³⁹ Надо сказать, что в древнесербском языке, как и в современном, были случаи, когда лексическое значение глагола допускало употребление только одного вида. Это могло быть как с глаголами, формально имевшими соответствующий по виду приставочный (глаголы соотносились по виду не во всех значениях), так и с одиночными приставочными (непарность которых как раз объясняется этим фактом). Например, *снести* (сов. в.) в значении 'снести' имел соответствующий приставочный *сносити* (несов. в.) 'сносить'; *снести* 'перенестись, очутиться' был одиночным глаголом (обрати се дошше мси въ покон твон и снесе и въ приправоу црквиноу. Дан. Жив. Саве, 76); глагол *обнести* в значении 'носить имя' (именоваться) тоже выступал как непарный глагол несовершенного вида (ути нху же, си рѣчь и родителен моух, шкому бѣш знаніе имоушоу Гѣргѣ, сен же обносиа именованіе дѣна; таже по тѣмъ и оучителю моего, нарицаемого кѣр Нифона. Ст. 3. н., 100; 1466 г.). Такие случаи оправданной видовой непарности глаголов не принимались во внимание.

... разидоше се каждо кь своа си (Ст. 18 — Дан. Рјечн.); ... како вѣсте били на кѹпѣ, и пакѣ се разишли (П. 54 — там же).

В первом примере **разити се** в форме аориста, во втором — в форме перфекта, который явно обозначает однократное завершённое действие, о чем свидетельствует плюсквамперфект придаточного предложения (**вѣсте били**).

... иже слетѣвъ с небесе, радость кь дѣвѣ принесе (Г. XV. 265 — Дан. Рјечн.).

О совершенном виде глагола **слетѣти** свидетельствует форма деепричастия прошедшего времени (**слетѣвъ**) и соседний глагол совершенного вида **принесе** (в аористе).

оулазеще на поуга **приадакмы** и **лазеще** на **кровоу** **Бодоу** (Г. XI. 134 — Дан. Рјечн.); **вѣлазеще** (Г. XI. 134 — там же).

Примеры с глаголом **вѣлазити** дают его в форме причастия настоящего времени, которая является показателем несовершенного вида.

смѣреннѣши **помысла** кь **овниженѣ** **моудрованѣ** **овношааше** (Г. XI. 66 — Дан. Рјечн.). Глагол **овносити** встретился в имперфекте, который, как правило, образовывался от глаголов несовершенного вида.

Только один приставочный с „неопределенной“ основой употреблялся в древнесербских текстах как глагол совершенного вида. Это глагол **проводити**. Соответствующего приставочного от „определенной“ основы (**провести**) в древнесербском или не было, или он не засвидетельствован в текстах.

Глагол **проводити** имел два значения, не связанные непосредственно с понятием перемещения в пространстве: ‘*comitari*’ (‘сопроводить, проводить до чего-то’) и ‘*agere vitam*’ (‘проводить время’). В обоих значениях он выступал как глагол совершенного вида.

‘*Comitari*’: **штга** **отаца** **моего** **до** **зде** **проводи** **ме** (Д. 18 — Дан. Рјечн.); **до** **прѣдѣла** **гравчакыя** **земле** **проводи** **въ** **юго** (Д. 117 — там же); и **тѣ** **соуластана** **дава** **юмоу** **проводителя** **сѣ** **запрѣштити** **ма** **великими** **и** **сѣ** **страхомъ** **проводити** **юго** **кь** **великимъ** **Югипта**, **и** **прѣдати** **юго** **пакы** **соуластану** **югиптакому**, **тако** **и** **быста** (Дан. Жив. Саве, 311).

В первом примере **проводити** употреблен в форме аориста, во втором — в форме деепричастия прошедшего времени, что характерно для глагола совершенного вида. В третьем примере **проводити** также передает явно завершённое действие, находясь в окружении глаголов совершенного вида (**дава**, **прѣдати**).

‘*Agere vitam*’: **И** **кь** **вогоданѣ** **ми** **власти** **проводи** **хъ** **житѣя** **моего** **крѣме**, **еликѣ** **благомѣ** **изколи** **се** **вогѣ** **лѣта** **тако** **л.и.** (Ст. 3. н. 77; 1427 г.). Форма аориста (1 л. ед. ч.) свидетельствует о совершенном виде глагола.

Совершенный вид глагола **проводити** подтверждают, кроме того, имевшие при нем имперфективные соответствия **проваждати** для значения ‘*comitari*’ (**до** **края** **гравчакыя** **прѣдѣла** **проважда** **юшту**. Д. 40; **когом** **проважда** **емь**. Д. 132; **кь** **своеи** **его** **земли** **проважда** **етъ**. Л. 63 — все примеры из Дан. Рјечн.) и **проваждати** для значения ‘*agere vitam*’ (**кь** **многѣхъ** **крѣвехъ** **житие** **проважда** **ють**. М. 244. — Дан. Рјечн.).

Некоторые сходства и различия, которые обнаруживаются при сравнении древнесербского материала с древнерусским, помогают лучше понять место древнесербского **проводити** в группе глаголов движения.

В древнерусском был известен глагол с „определенной“ основой **провести**, который имел значение ‘*traducere*’ (переместить, провести через что-то) и в этом значении соотносился по виду с глаголом несовершенного вида **проводити**. **Проводити** (сов. в.) в свою очередь имел еще два значения, аналогичные древнесербскому глаголу **проводити**, — ‘со-

mitari' и 'agere vitam' и так же, как древнесербский глагол, имел имперфективное соответствие — одно для обоих значений — *проважати* (и вариант *проважати*)⁴⁰.

Древнерусский материал дает основания предположить, что глагола *провести* в древнесербском языке в период первых памятников письменности не было. Потому что именно с данным глаголом связано значение 'traducere', и это значение, связанное с понятием перемещения в пространстве, оформлялось видовой парой *провести* (сов. в.): *проводити* (несов. в.). Сравни старославянский, где в значении 'traducere' выступает глагол *прокажѣти* с имперфективным соответствием *прокодити* (правда, глагол *прокаждати* в старославянском также мог употребляться в значении 'traducere')⁴¹, и современный сербско-хорватский язык (см. § 4).

Таким образом, факт существования приставочного совершенного вида от „неопределенной“ основы в древнесербском языке имеет „оправдание“ в том, что *прокодити* был приставочным с лексическим значением, оторванным от лексического значения основы, он не обозначал собственно движения. Оказавшись оторванным от группы глаголов движения в лексическом плане, *прокодити* и в видообразовании участвовал самостоятельно. Поэтому тип видовой оппозиции, представленный *прокодити* (сов. в.): *прокаждати* (несов. в.), нельзя причислять к группе глаголов движения.

Однако отметим, что в группе глаголов движения были известны производные несовершенного вида типа *прѣвѣзнашати*, *изгнати*, *отгнати*, *разгнати* (см. табл. 1), роль и место которых были совсем иные, чем глагола *прокаждати*. Эти глаголы употреблялись как имперфективные соответствия к глаголам совершенного вида от „определенных“ основ *прѣвѣзнести*, *изгнати*, *отгнати*, *разгнати* параллельно с более обычными (регулярно употреблявшимися) имперфективными соответствиями от „неопределенных“ основ *прѣвѣзнути*, *изгнати*, *отгнати*. Только *разгнати* не встретился в текстах.

Тѣм же ѿ в(о)г)а прѣвѣзнесе ѿ ѿ дароѡд ѡмѡ ѿме, ѡже паче вѣзакѡг)ѡ ѿмени, ѿмени ѡго вѣзѡи ѡзѣци пок)л)нѡише се (Гор. 152) — видѣх)а неч)стивааго прѣвѣзносеш)а се (Д. 109. — Дан. Р)чечн.), ср.: Г)дани оубо рад)и никако же речѡи трап)л)у, г)о)под)оу да коудет)а приг)ано врат)и по в(о)з)ѣ жикоуци и николиже завидѣти ѡ ст)д)алици раб)ано с)а мир)ак)ими, и зд)ѣ сами себе ш)д)а ин)ѣх)а оуказати, сами себе т)а)ци)ма се прѣвѣзнаш)аеми, т)же соут)а ѡ соует)анѡи сл)ав)ѣ, а в(о)г)оу мраз)има, воим)а се (Гор., 56).

...на бы вси в(о)ж)иен) в)а)д)од)ѣт)и)у провѣш)ени соуце его казни и како н)х)а х)оцете ш)агнати (Гор. 137) — и Стефан)а, из)в)л)енно ест)а рече, о царю презирающему пастырю, кол)ч)и) иже в)а ст)адо х)о)ды и не)от)гон)ающ)у сего такоу же быти и тому з)в)ѣрю. а)це и пастыря ногит)а име, небо имена д)ѣла почит)ающ)а, и еже злоб)ак)ных)а от)га)в)л)ати, и не от)гонити м)о)ущ)е)му, злоб)ок)н)у быти судит)а (К.-С. Жив. Деч. 6); ср.: В)а ст)ѡи бо, т)ко речено, с)в)ло)уд)ати себе исп)ыт)ано и т)ко паче в)ѣт)кого помыш)лени)а т)ран)ов)ного, неч)и)ст)аго и нед)ост)о)и)наго, в)а ст)раш)нои ѡ)нои сл)оуж)ав)ѣт) ѡ в)а)с)а ѡт)г)ан)ѣти и в)а)к)ом)а о)б)раз)ом)а себе ѡ)чи)ц)ати... (Гор., 38).

Подобные вторичные имперфективные образования были известны и старославянскому языку: *отг)а)в)л)ати*, *прог)а)в)л)ати*⁴².

⁴⁰ Выводы о значениях древнерусских глаголов сделаны по материалам словаря И. И. Срезневского („Материалы для словаря древнерусского языка“. СПб., 1893—1903).

⁴¹ См.: А. Х. Востоков. Словарь церковнославянского языка. СПб., 1858—1861.

⁴² См.: А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 360.

По теории А. В. Исаченко, в XII—XV вв. в славянских языках, в частности в сербско-хорватском, не должно быть приставочных от „неопределенных“ основ, если же такие приставочные были возможны, то они должны быть глаголами совершенного вида. Имперфективными соответствиями у приставочных глаголов от „определенных“ основ, по А. В. Исаченко, должны быть вторичные образования типа *принашати*.

Анализ древнесербского материала приводит к совершенно противоположным выводам.

1. Приставочные глаголы в древнесербском языке образовывались не только от глаголов с „определенными“ основами, но также и от глаголов с „неопределенными“ основами. Последних было лишь немногим меньше (54 глагола), чем первых (67 глаголов).

О том, что приставочные, содержащие „неопределенную“ основу, действительно образованы с помощью приставки от этой основы, свидетельствует также их связь с образующей основой при употреблении в контекстах, допускающих оба вида (связь *a*, см. выше). Иное образование, чем приставочное, для такого большого числа глаголов с „неопределенной“ основой трудно представить в период древнейших письменных памятников.

2. Приставочные глаголы, образованные от „определенных“ и „неопределенных“ основ, были соответственно совершенного и несовершенного вида. Это значит, что видовое противопоставление в группе приставочных глаголов движения в древнесербском языке было очень четким, приставочные от „неопределенных“ основ регулярно использовались для образования имперфективных соответствий к приставочным с „определенными“ основами⁴³. Оппозиция бесприставочных основ стала способом видового противопоставления для приставочных глаголов данной группы.

3. Вторичные имперфективные соответствия типа *принашати*, которые А. В. Исаченко считает исконными формами несовершенного вида, были только дублетами соответствующих глаголов несовершенного вида с „неопределенной“ основой, число их очень незначительно (6 глаголов), употреблялись они нерегулярно, случайно. Появление таких глаголов в старославянском языке А. Мейе объяснял проникновением общей тенденции имперфективации в группу глаголов движения. А. Мейе писал: „...если образование *-ganjati* и не является общеславянским, то оно, во всяком случае, соответствовало общей тенденции славянских языков“⁴⁴. Именно такое объяснение должны получить и древнесербские глаголы типа *принашати*.

§ 3. Период XVII—начала XIX в. характеризуется двумя моментами: развитием и укреплением способа видовой оппозиции, основанного на противопоставлении соотносимых основ; процессом активного образования имперфективных и итеративных суффиксальных глаголов.

Составленная по данным словарей XVII—начала XIX в.⁴⁵ табл. 2 наглядно отражает оба указанных момента.

⁴³ Так же определяет А. Вайян роль соответствующих приставочных в старославянском языке (указ. соч., стр. 359).

⁴⁴ См.: А. Мейе. Указ. соч., стр. 239. Интересно, что А. Вайян подобные образования в старославянском языке также считает новыми (указ. соч., стр. 360).

⁴⁵ J. Micalia. Blago jezika slovinskoga illi slovník u komu izgovaraju se rječi Slovinske, Latinske i Diacki. Laureti, 1649 (словарь отражает далматинскую лексику); J. Habelić. Dictionar ili reči slovenske (t. j. hrvatske) z vekšega v kup zebrane, v red postavljene i dijačkemi zlahkotene. Gradec, 1670 (кайтавский словарь); Pavle Ritter Vitezović. Lexicon Latino-Illyricum, rokopis iz druge pol. 17 ali zač.

1. На таблице отражены все известные по словарям XVII—начала XIX в. приставочные образования от всех основ глаголов движения. Они обозначаются крестиком.

2. Приставочные, соотносимые по виду, соединяются дугой.

3. В таблице показаны вторичные суффиксальные имперфективные образования. Таких образований было два типа.

а) Суффиксальные образования от приставочных совершенного вида, служащие последним имперфективными соответствиями, указываются в той же ячейке, где обозначен приставочный совершенного вида, через косую черту, причем дается суффикс, с помощью которого образован данный имперфективный глагол (см. у приставочных от *-летети*, *-вући*).

б) Вторичные имперфективные образования, полученные от имперфективных же глаголов, которые или являются их дублетами (т. е. служат имперфективными соответствиями к приставочным совершенного вида), или имеют итеративный оттенок, даются рядом с имперфективными глаголами старого образования (т. е. приставочными от „неопределенных“ основ). Здесь приняты следующие обозначения: глагол с удлиненным корневым гласным (*донашати*) отмечен дужкой наверху ($\overset{\cup}{\text{ш}}$); глагол с итеративным значением (*доваћати*) дается в кружке ($\oplus$). Для различения суффиксов употребляются обозначения: значком $\ddagger$ обозначены глаголы с суффиксом *-jjava-*, $\ddagger$ обозначены глаголы с суффиксом *-ива-*.

При сравнении данной таблицы с таблицей по древнесербскому периоду видно, что не только выросло число приставочных совершенного вида от „определенных“ основ (их теперь насчитывается 101), но соответственно появились имперфективные приставочные от „неопределенных“ основ (их известно 105; число последних больше, чем приставочных от „определенных“ основ, за счет параллельных образований от *-ходити* и *-лазити*).

Можно сказать, что все глаголы от соотносимых основ с одинаковой приставкой составляют корреляцию по виду. Исключение составляют глаголы *понети* сов. в., *поносити* сов. в. Если в древнесербском эти глаголы составляли видовую пару (в значении 'gestare'), то в словаре Вука они даны под разными значениями (*понѣти* 'porto, fero', *понѡсити* 'gesto paululum') и оба помечены как глаголы совершенного вида. Здесь наблюдается то же явление, что и с соответствующим русским *поносить* — развитие у сербско-хорватского *понѡсити* деминутивного оттенка, сопровождаемое изменением вида.

Способ видовой корреляции в группе глаголов движения, основанный на соотношении бесприставочных основ, окреп и прочно утвердился в языке. Это хорошо видно на судьбе приставочных от *ћи*—*ходити*.

Как мы видели, в древнесербском языке приставочные от *ити*—*ходити* составляли видовую оппозицию. Независимо от них существовали приставочные от основ *лѣзити*—*лазити*, которые также соотносились по виду (с приставками *вѣ-*, *из-*) и имели значение 'идти—ходить'⁴⁶.

До XVIII в. приставочные от *лазити* употребляются регулярно только с приставками *вѣ-*, *вѣз-*, *из-*, наряду с соответствующими приставочными от *ходити*:

18 stoletja (словарь отражает чакавское и кайкавское наречия); Ardelio Della Bella. Dizionario italiano, latino, illirico. Benetke, 1728; Ivan Belostenec. Gazophylacium seu latino-illyricorum onomatum Aerarium. Zagreb, 1740 (словарь отражает все три диалекта сербско-хорватского языка, особенно полно кайкавский); Franjo Sušnik — Andrija Jambrešić. Lexicon latinum interpretatione illyrica, germanica et hungarica. Zagreb, 1742 (словарь сделан на кайкавской основе); Jose Voltiggi. Riscoslovník illiricskoga, italianskoga i nimacskoga jezika. Dunaj, 1803 (основа словаря штокавско-чакавская); Gioachino Stulli. Lexicon latino-italiano-illyricum, I. Budim, 1801; II. Dubrovnik, 1806; III. Dubrovnik 1810; Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем ријечима. Београд, изд. 1, 1818; изд. 3, 1898.

⁴⁶ В том же значении находим соответствующие глаголы в старославянском языке (А. Востоков. Указ. соч.: *вѣлазити* 'входить', *вылазити* 'выходить' и т. д.) и древнерусских памятниках (И. Срезневский. Указ. соч.: *вѣлазити* 'входить', *вылазити*, *излазити* 'выходити' и т. д.).

да **вънидоуѣ** въ цр(а)ковѣ и да
 промыслетъ себѣ игоумена (Фор. 77) —
 аще ли оубо случитъ се праздника
 нѣкимъ брат(и)иамъ празноуемъ случитъ
 се, **сѧ** свѣстнѣю игоумена да не хранитъ
 се снѣ исправление на беч(е)ри, на ꙗко
 почитанцоумоу годѣ тако творите.
 И да **въходитъ** поддикомомъ на вто-
 рогоу деннѣ (там же, 62).

И мимошад(а)шѣ ми тѣ ѿ лѣт(а)
 вѣсташе мнѣши метежи въ странѣ
 той, пришад(а)ше во Латиніе и рѣ-
 еше Ц(е)с(а)рград... и **вълѣзше**
 и тоу въ с(в)етое мѣсто (Фор. 171) —
 паче тко би се го^лѣ нашаш такови
 члѣкѣ панкаваца а или клеветника чим
 би го^лѣ **блзнила** коѣ зла вома а или
 неправ^ла ме^лѣ рѣ^ннѣ гпо^лѣ да не^ле
 ни може такобоган панкаваца заглати
 г^лна херцегѣ ѿ гпо^ле еле^н (Ст. П. п. II,
 67; 1453 г.).

С XVIII в. начинается активное образование недостающих приставочных от *лазити*⁴⁷ и вытеснение ими приставочных от *ходити*. К началу XIX в. наблюдается явное преобладание приставочных от *лазити* как имперфективных соответствий к приставочным от *ѣти* (см. табл. 2).

Здесь надо особо подчеркнуть, что факт видовой соотносимости приставочных от *ѣти* и *лазити* нельзя объяснить ни фонетически (чередованием в основе, как это делают сторонники формально-морфологической концепции), ни морфологически (аналогическим образованием по типу бесприставочных основ: *ѣти* и *лазити* не воспринимались как соотносимые глаголы). Замена приставочных от *ходити* приставочными от *лазити* стала возможной только в условиях, когда способ видового противопоставления, основанный на соотносимости основ „определенного“ и „неопределенного“ класса, стал признанным, прочно утвердился в данной группе глаголов, именно как способ видообразования. Приставочные глаголы, воспринимавшиеся как глаголы одного лексико-семантического значения от основ „определенной“, с одной стороны, и „неопределенной“ — с другой, могли стать коррелятами одной видовой оппозиции.

В чем причина такой смены имперфективных коррелятов у приставочных от *ѣти* — это вопрос особый и решить его не так просто. Однако хронологическое совпадение двух явлений (вытеснение приставочных от *ходити* и начало утраты бесприставочного *ходити* в XVIII в.) и диалектные данные (показывающие, что приставочные от *лазити* появляются в первую очередь в тех говорах, где оппозиция *ѣти*: *ходити* нарушена, и *ходити* теснят, с одной стороны, *ѣти*, с другой — *ходати*)⁴⁸ приводят

⁴⁷ Одними из первых словари XVIII в. (Вольтижи, Стулли) фиксируют приставочные *длазити*, *облазити*, *одлазити*.

⁴⁸ Например, в штокавских говорах Славонии („Zbornik za narodni život i običaje Južnih slavena“, knj. XXI, sv. 1. Zagreb, 1916), где *ѣти* является универсальным глаголом и *ходити* не встретился ни разу, приставочным от *ѣти* регулярно соответствуют приставочные от *лазити*. О полном господстве приставочных от *лазити* свидетельствует материал по говорам Боснии, Герцеговины, Сербии конца XIX — начала XX в., взятый нами из сборника В. Чайкановича („Српске народне приповетке“, књ. I. Београд—Земун, 1927). В этих говорах *ѣти* является универсальным глаголом.

Совсем иную картину представляет штокавский говор галипольских сербов, сохраняющий оппозицию *ѣти*: *ходити*. Здесь регулярными имперфективными соответствиями к приставочным от *ѣти* являются приставочные от *ходити* (см.: П. И в ѣ. О говору галипольских Срба. Београд, 1956). Интересно отметить, что приставочные от *лазити* с теми же приставками, что и в древнесербских текстах (*у-*, *с-*), употребляются у галипольских сербов как имперфективные соответствия к глаголам *уле^ннем* (*уле^нзем*) ‘войти’ и *сле^ннем* (*сле^нзем*) ‘сойти’.

к мысли о возможной зависимости двух фактов: замены приставочных от *хѡдити* приставочными от *лазѣти* и утраты глагола *хѡдити*.

Большое число имперфективных и имперфективно-итеративных суффиксальных образований, которые представлены в словарях XVII—XVIII вв., отражает диалектные разновидности чакавской, кайкавской и штокавской основ. Так, образования с суффиксом *-ja-* (при удлинении корневого гласного) были характерны в первую очередь для кайкавских и чакавских диалектов, потому их находим в словарях Белостенца, Ямбрешича, Хабделича. Позднее, к началу XIX в., они получили распространение в штокавских диалектах (находим их в словаре Вука). Имперфективные глаголы с суффиксами *-[j]ava-/ива-* характерны для штокавских и чакавских (*-ива-*) говоров, фиксируются они словарями Белли, Вольтижи.

Эти глаголы играли разную роль в видообразовательной системе. Здесь имеется в виду не только их имперфективный или имперфективно-итеративный характер. Одни из глаголов были единственными имперфективными соответствиями к приставочным совершенного вида от „определенных“ основ (например, в словаре Вольтижи *изнѡшати* — единственный имперфективный глагол к *изнѣсти*, или *повѡђати* несов. в. к *повѣсти* в словарях Вранчича и Поповича), другие употреблялись параллельно с имперфективными глаголами от „неопределенных“ основ, являясь их дублетами (например, у Белостенца *изнѡшати*—*изнѡсити* несов. в. к *изнѣсти*, или *извѡђати* у Белостенца и Вольтижи дается параллельно с *извѡдити* как несов. в. к *извѣсти*).

Отметим, что особое место вторичные имперфективные глаголы типа *донѡшати* заняли в дальнейшем в чакавских и кайкавских говорах. Вытесняя приставочные несовершенного вида от „неопределенных“ основ, вторичные имперфективные образования становятся имперфективными соответствиями к приставочным с „определенной“ основой. Таким образом, для большей части современных чакавских и кайкавских говоров характерным типом видовой оппозиции в группе глаголов движения стал тип *донѣсти*—*донѡшати*, который, однако, нередко сосуществует со старым способом, основанным на оппозиции основ.

В словарях начала XIX в. (Стулли, Вук) можно встретить редкие приставочные от новых „многократных“ глаголов типа *нѡсати*, которые были глаголами совершенного вида, как правило, не имели имперфективных соответствий. Это были сативные или деминутивные глаголы.

§ 4. В современном литературном сербско-хорватском языке, где утрачена оппозиция бесприставочных основ, видовое противопоставление приставочных глаголов движения оформляется с помощью когда-то соотносимых основ. Все новые глаголы (с приставками *над-*, *под-* и др.) образуют видовые пары по образцу *принѣсти*: *принѡсити*. Так, глагол *провѣсти*, который не засвидетельствован в древнесербских текстах (см. § 2), в современном языке (в значении 'traducere' и 'agere vitam') получил в качестве имперфективного соответствия глагол с „неопределенной“ основой—*провѡдити* (ср. др.-серб. *проводити* сов. в. 'agere vitam'—*провождати* несов. в. 'agere vitam').

Таким образом, способ видового противопоставления, основанный на корреляции „определенных“: „неопределенных“ основ, в современном литературном сербско-хорватском языке не имеет тенденции разрушаться, скорее, напротив, он окреп.

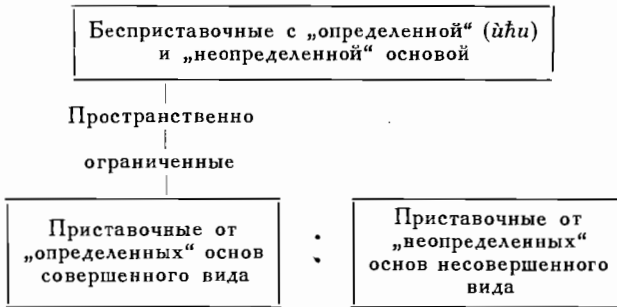
Составленная по материалам словарей и текстов ⁴⁹⁻⁵⁰ табл. 3 показывает

⁴⁹⁻⁵⁰ Л. Бакотић. Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936; J. Broz, F. Iveković. Rječnik hrvatskoga jezika, sv. 1, 2. Zagreb, 1901; С. Ристић, J. Кангрга. Речник српскохрватског и немачког језика. Београд, 1928;

образование приставочных глаголов движения и их видовых пар в современном литературном сербско-хорватском языке.

Устанавливая видовую соотносимость двух приставочных, мы не разбирали все возможные лексические значения каждого глагола, для нас было достаточно, если два приставочных соотносятся по виду хотя бы в одном значении. Такие глаголы считаются видовыми коррелятами и объединяются в одну группу. Вторую группу составляют глаголы, которые ни в одном своем лексическом значении не соотносятся по виду.

С утратой одной из бесприставочных основ изменилась взаимосвязь приставочных глаголов с бесприставочными, очевидно, эта утрата повлияла и на взаимодействие приставочных глаголов от разных основ. Если изобразить связь современных приставочных глаголов движения с бесприставочными и между собой в виде схемы, аналогичной той, которая приводилась для древнесербского состояния, то получится следующее:

Из этой схемы видно, что с бесприставочными глаголами связаны только глаголы совершенного вида как глаголы, выражающие пространственно ограниченное действие. Глаголы же несовершенного вида от „неопределенных“ основ сохранили только одну связь — видовую — с соответствующими приставочными от „определенных“ основ. В современном языке эти глаголы существуют только как имперфективные соответствия, или, наоборот, — они только потому и существуют, что играют роль имперфективных соответствий в современной видовой системе.

Можно сказать, что утрата одной из бесприставочных основ укрепила видовую корреляцию приставочных глаголов. Приставочные от глаголов, которые в языке уже не употребляются, стали восприниматься не как приставочные от этих глаголов, а как видовые соответствия к приставочным от другой основы.

Оставляя в стороне глаголы, образующие видовые пары, обратимся к приставочным, несоотносимым по виду.

Среди них есть глаголы от „неопределенных“ основ несовершенного вида, которые по своим лексическим значениям далеки от понятия движения. Все эти глаголы *imperfectiva tantum* (кроме *походити* 'посетить — посещать', являющегося двувидовым глаголом) — *опхóдити се* 'обращаться с кем-то определенным образом', *претхóдити* 'предшествовать',

J. Dayre, M. Deanović, R. Maixner. Hrvatskosrpsko-francuski rječnik. Zagreb, 1956. — Часть литературы указана в конце статьи. Кроме того, мы имели возможность использовать некоторый материал из картотеки словаря народного и литературного языка Сербской АН, за что, пользуясь случаем, сердечно благодарим сотрудников Института сербского языка в Белграде. (После примеров из этой картотеки стоит КС САН — картотека словаря Сербской АН.)

Образование приставочных глаголов движения и их имперфективных соответствий в современном литературном сербско-хорватском языке

	ићи	лазити	ходати	нести	носити	носеати	нести	војати	војати	вести	возати	возати	гнати	гонити	гонати	ластати	ластати	лазити	лапати	лапати	лапати	лапати	лапати	лапати	лапати	лапати	лапати	лапати	
до-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
за-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
из-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-на	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
на д-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
об-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
од-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
по-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
под-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
пре-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
при-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
про-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
раз-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
с-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
у-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
уз-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

* Только в словаре Л. Бакотича как имперфективное соответствие к *превати*.

Примечание. В табл. 3 отражены: а) случаи видовой соотносимости между приставочными от "определенной" (сов. в.) и "неопределенной" (несов. в.) основ (глаголы соединяются дугой; если дуга дана пунктиром, значит видовая соотносимость подтверждается только единичными примерами); б) случаи, когда приставочные не соотносятся по виду (глаголы не соединяются дугой). В таблице также отмечены имперфективные суффиксальные образования.

поносити се 'гордиться', *односити се* 'относиться', *износити* 'составлять', *наносити се* 'случаться', *изводити* 'совершать', *поводити* 'угрожать'.

Утратив лексическую связь с образующей основой, эти глаголы перестали восприниматься в современном языке как производные.

Особый интерес представляют приставочные от „неопределенных“ основ совершенного вида. Таких глаголов в сербско-хорватском языке всего три (не считая приставочных от *идити*, о которых речь пойдет ниже): *наносити се* 'вдоволь наноситься' (красивых платьев, например), *поносити* 'немного поносить платье' и *износити* 'износить платье'.

Наносите се — сативный глагол. Аналогичные образования от глаголов с „неопределенной“ основой находим в русском языке (*находиться*, *наноситься*, *налетаться* и т. д.). В сербско-хорватском языке сативные глаголы образуются от новых „многократных“ основ: *исходати се*, *находати се* 'вдоволь нагуляться'.

Глагол *поносити* имеет значение ограниченной длительности. В отличие от русского языка значение ограниченной длительности, которое имеют глаголы от „неопределенных“ основ с приставкой *по-*, не всегда в сербско-хорватском языке сопровождается изменением вида глагола. Например, сербско-хорватские *полетати*, *поидити* остаются глаголами не совершенного вида, имея значение ограниченной длительности.

Совершенный вид *износити* объясняется тем, что он служит перфективным глаголом к бесприставочному *носити*, который в значении 'носить платье' никогда не был парным с *нести*, поэтому участвовал в видообразовательном процессе как любой другой простой глагол.

Приставочные от *идити*, среди которых находим глаголы совершенного вида (*одидити*, *предидити*), занимают особое место. Они употребляются как равнозначные дублиеты соответствующих приставочных от „определенной“ основы.

Покушала је да приклучи отромбољену снагу и изиђе из себе, изгледало је чак да јој се десна рука мало подигла и *одигнула* невидљиве нападаче (Вучо, 62); ср.: Драган није могао да *одагне* слику свог првог сусрета са окупираним Београдом (там же, 91);

Разабра да је то њемачки авион, који су Нијемци изгурали из хангара, и сад се *прегонили* да се што прије dignу с њим и полете (Самоковлија. Из прип. 231—КС САН); ср.: ... не верујем да се игде на другом месту могу лако *прегнати* кола... (М. Б. Милићевић. Писма о историји Срба и Бугара. 132 — КС САН).

Результатом такого совпадения вида у приставочных от соотносимых основ (при тождестве в лексическом значении) является утрата одного из приставочных. Так, не употребляется в современном языке глагол *подидити*, который находим еще в словаре Вука (1898 г.), очень редкими стали глаголы *преидити* и *одидати*.

Утрата видовой соотносимости и отдельных приставочных от *идати* — *идити* не означает, однако, разрушения данного способа видового противопоставления у этих глаголов. В противном случае на смену этому способу должен прийти другой, казалось бы, уже готовый (*одидати* — *одидати*), но факты языка не подтверждают второго предположения. Можно думать, что причина утраты приставочных образований от *идати* — *идити* состоит в сужении сферы их употребления в результате активизации синонимичного глагола *терати* и приставочных от него, которые претендуют если не на монопольное, то на преимущественное употребление в значении 'гнать/гонять'⁵¹.

⁵¹ От *терати* известно 13 приставочных пар (типа *дотерати* — *дотеривати*), от *идати* — *идити* — их 11. Заметим, что есть говоры, где глаголы *идити* — *идати* не известны, а употребляется только глагол *терати*. См.: S. Ivšić. Šapinovačko narječje. — „Rad JAZU“, knj. 168. Zagreb, 1907, стр. 152.

Вторичные имперфективные образования (типа *донáшати*, см. табл. 3), которые даются словарями и изредка употребляются в текстах, называются в грамматиках сербско-хорватского языка имперфективно-итеративными глаголами. Анализ примеров с ними показал, что никакого специфического (итеративного) значения глаголы типа *донáшати* не имеют. Они употребляются как обычные имперфективные глаголы, являясь дублетами соответствующих приставочных с „неопределенными“ основами.

Из Тоскијанске *донашао* јој смокве (I. Игњатовић. Вечити младожења. 1910, 142—КС САН); ср.: Он је Вери *доносио* колаче... Сигурно пет пута (Грбић, 106); ... с којом мораш вијек *провађати* (С. Љубиша, Вила IV, 246—КС САН); ср.: И тако *проводи* вијек (А I, 137).

Эти глаголы еще в начале XX в. квалифицировались как „провинциализмы и архаизмы“, и журнал „Наш језик“, ведущий борьбу за чистоту литературного языка, призывал избегать их⁵².

§ 5. Анализ сербско-хорватских приставочных глаголов движения (тип видового противопоставления *принѐсти: принòсити*) подтверждает основные моменты так называемой „исторической“ концепции.

а) Приставочные глаголы издавна существовали как от „определенных“, так и от „неопределенных“ основ глаголов движения.

б) О характере отношений между приставочными от соотносимых основ в довидовой период трудно судить определенно, поскольку мы имеем возможность наблюдать их только в первых письменных памятниках, когда видовые отношения затрудняют вычленение каких-то иных отношений. Однако есть предположения, что отношения между ними были аналогичными с беспривставочными глаголами⁵³. Косвенным свидетельством тому может служить факт, видимо, отражающий старое состояние: в древнесербских текстах нет случаев, когда бы повторяющееся действие выражалось приставочным от „определенной“ основы (в основе корреляции древнесербских беспривставочных глаголов движения лежал признак единичность: повторяемость. См. § 2)⁵⁴.

Процесс постепенного складывания видовой системы охватывал не все глаголы одновременно. Поскольку суть перехода к современной видовой системе заключается в образовании глагольных видовых пар, а в глаголах движения пары были готовы давно, с момента образования приставочных глаголов, то можно полагать, что данная лексическая группа глаголов была охвачена видовой дифференциацией одной из первых. Это был один из ранних (пусть лексически очень ограниченный) способов видового противопоставления, для которого сравнительно поздно возникшая имперфективация, как справедливо отмечает К. Регнелль, не могла служить образцом. Именно для раннего периода К. Регнелль и полагает аналогическое образование *принести: приносить* по образцу *нести: носить*. А. В. Исаченко же, принимая данное положение К. Регнелля, смещает его в более поздние эпохи, пытаясь объяснить имперфективность *приносить* и т. д. поздних, книжных (какими их считает А. В. Исаченко). Объяснить сербско-хорватские глаголы несовершенного вида типа *приносить* поздней аналогией с беспривставочными глаголами нельзя, поскольку оппозиция беспривставочных глаголов в сербско-хорватском языке была рано утрачена (к XVI в.).

⁵² См. „Наш језик“, 1934, стр. 188; 1935, стр. 95 и 223.

⁵³ Так полагает ряд лингвистов. См., например: Г. Milewski. Указ. соч., стр. 437; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка..., стр. 337—338.

⁵⁴ В современном языке такое употребление приставочного от „определенной“ основы вполне допустимо: „Бар двапут преко дана он *дође* под прозоре и неразумљивим мумљањем дозива Анику“ (А., I, 233).

Материал сербско-хорватского языка показывает, что данный способ видовой оппозиции был очень старым, что он креп и развивался подчас в конкуренции с другими способами в той группе глаголов, в которой был издавна. А такие типы видовой оппозиции, как *привести—приваждати*, которые, по мнению А. В. Исаченко, являются исконными, были и остаются в данной группе глаголов (и в сербско-хорватском, и в русском языках) поздними, диалектными.

Тот факт, что в современном сербско-хорватском языке (как и в других славянских языках) есть приставочные бессуффиксальные типа *приносити* несовершенного вида, который вызывает столько недоумений у сторонников формально-морфологической концепции, вполне объясним с позиций концепции, из которой мы исходим. Несовершенный вид у этих глаголов сохраняется потому, что они являются в видовой системе связанными глаголами, а именно — имперфективными соответствиями к приставочным совершенного вида.

Поскольку эти глаголы издавна утвердились в языке как глаголы несовершенного вида, они „поставляют“ в категорию *Aktionsart* в основном имперфективные глаголы (*изно́сити* ‘составлять’, *изво́дити* ‘совершать’, *претхо́дити* ‘предшествовать’ и т. д.). Вот почему, наряду с *изно́сити* несовершенного вида как имперфективным соответствием, есть одиночный *изно́сити* *imperfectiva tantum*.

Приставочных глаголов несовершенного вида от „неопределенных“ основ в сербско-хорватском языке единицы. Их отличает позднее происхождение, лексическое значение, не связанное с понятием движения, кроме того, они имеют особое значение, характеризующее способ действия (сативное, деминутивное, финитивное).

Таким образом, при анализе типа видовой оппозиции *принёсти: прино́сити* надо иметь в виду два фактора: 1) для объяснения появления этого типа видовой оппозиции — корреляцию бесприставочных глаголов *нести: носити*; 2) для объяснения утверждения этой видовой оппозиции в языке — формирование ее в способ видовой корреляции.

В теории, предложенной Герадом, связь приставочных глаголов движения с бесприставочными положена во главу угла. Утратой одного из парных бесприставочных А. Герад объясняет изменение вида у приставочных глаголов болгарского языка. Однако в сербско-хорватском языке после утраты одного из коррелятов бесприставочной пары видовая корреляция приставочных глаголов не нарушилась. Естественно, возникает вопрос, правильно ли объяснять изменение вида у болгарских приставочных глаголов типа *донося* утратой бесприставочных глаголов, как делает А. Герад. Не лучше ли искать причину разрушения старой видовой корреляции типа *донеса* (сов. в.): *донося* (несов. в.) и замены ее корреляцией *донеса* (сов. в.): *донесвам* (несов. в.), *донося* (сов. в.): *донасям* (несов. в.) в тенденции установления единой системы имперфективации, которая так сильна в современном болгарском языке⁵⁵ и которая подчиняет себе и глаголы движения?

В других славянских языках, где нет такой сильной тенденции к установлению единой системы имперфективации, независимо от того, существует ли там оппозиция бесприставочных глаголов (русский язык), или она утрачена (сербско-хорватский язык), видовая корреляция приставочных глаголов, основанная на оппозиции парных основ, сохраняется как анахронизм в системе глагольного вида.

⁵⁵ См.: Л. Андрейчин. Към морфологичната характеристика на видовата система в съвременния български език. „Славистичен сборник“, т. I. Езикознание. София, 1958, стр. 259, а также: Г. К. Венедиктов. Указ. соч., стр. 97.

СОКРАЩЕНИЯ

А.	Иво Андрић. Одабране приповетке, I, II. Београд, 1954
Вучо	Александар Вучо. Мртве јавке. Београд, 1960
Грбић	Драгослав Грбић. Живи међу мртвима. Београд, 1956
Дан. Жив. Саве.	Ђ. Даничић. Живот св. Симеуна и св. Саве. Београд, 1865
Дан. Рјечн.	Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, I, II. Београд, 1863
Kr. hrv.	Iv. Kukuljević-Sakcinski. Kronika hrvatska iz XII. vjeka. „Arhiv za povjestnicu Jugoslavensku“, knj. I. Zagreb, 1851
Mon. ser.	Fr. Miklosich. Monumenta serbica. Viennae, 1858
Ст. З. н.	Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902
Ст. П. п.	Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма. Књ. I, први део. Београд — Ср. Карловци, 1929; књ. I, други део. Београд — Ср. Карловци, 1934
Ст. Р. л.	Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927
Ђор.	Вл. Ђоровић. Списи св. Саве. Београд — Ср. Карловци, 1928

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИМЕНИ В ЯЗЫКАХ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА*

I. Анализ и синтез имени существительного в румынском языке

В качестве исходного материала берется фрагмент системы существительного в письменной форме румынского литературного языка (дако-румынский диалект).

АНАЛИЗ

Анализ румынского существительного ведется фоморфологическими и синтаксическими средствами. Некоторые особенности румынского языка (о них будет сказано ниже) заставляют четко разграничить морфологический и синтаксический уровень анализа с соответственным выделением граммем, получающих выражение либо на обоих уровнях поразному (например, граммема падежа), либо только на одном уровне (например, граммема одушевленности на синтаксическом). На морфологическом уровне румынское существительное характеризуется сочетанием трех граммем: рода, числа и падежа. Различаются два рода — мужской (m) и женский (f)¹; два числа — единственное (Sing.) и множествен-

* Настоящая статья представляет собой часть более обширного исследования в области структурной типологии на материале балканского языкового союза. В этом исследовании дается описание имени существительного в новогреческом, болгарском, сербско-хорватском, албанском и турецком языках с точки зрения анализа и синтеза, а также — в заключительной части — устанавливаются типологические критерии сравнения этих языков, выделяются так называемые исходные схемы („эталоны“), принимаемые за точку отсчета при сравнении (речь идет о максимальной схеме, представляющей собой теоретико-множественную сумму общих черт в балканском имени, и о минимальной схеме, представляющей собой теоретико-множественное произведение этих же общих черт), и, наконец, предлагается классификация исследуемых языков по степени их вхождения в балканский языковый союз.

¹ Проблеме существования в румынском языке среднего рода и выбора критериев для его выделения посвящено много работ; из последних см., например: А. Росетти. *Slavo-romanica* (о категории среднего рода и категории личности в румынском языке). — *ВСЯ*, вып. 4, 1959, стр. 3—7; он же. *Despre genul neutru și genul personal în limba română*. „*Studii și cercetări lingvistice*“, VIII, 1957, № 4 стр. 407—414; он же. *Remarques sur la catégorie du genre en roumain*. „*Studia linguistica*“, 1959, № 2, стр. 133—136; он же. *Neutru în română*. „*Studii și cercetări lingvistice*“, I, 1950, стр. 233—234; Al. Graur. *Discuții în jurul genului neutru*. „*Viața românească*“, 1957, № 5, стр. 147—150; он же. *Genul neutru în românește*. „*Limba română*“, 1954, № 1, стр. 30—44; R. Jakobson. *On the Rumanian neuter*. „*Cercetări lingvistice*“, III, 1958, supl., стр. 237—238; E. Vasiliu. *Observații asupra categoriei genului în limba română*. — „*Studii și cercetări lingvistice*“, XI, 1960, № 3, стр. 769—770; S. Marcus. *Le genre grammatical et son modèle logique*. „*Cahiers de linguistique théorique et appliquée*“, 1962, № 1, стр. 107—108; он же. *O analiză sincronică a genului grammatical*. „*Studii și cercetări lingvistice*“, XIII, 1962, № 3, стр. 340—341. I. Pătruș. *Despre substantivele ambigene românește*. „*Roma-*

ное (Pl.) и два падежа — прямой (Dir.) и косвенный (Obl.). Насчитывается восемь разных сочетаний граммем (I—VIII).

I Dir. Sing. m	V Dir. Pl. m
II Obl. Sing. m	VI Obl. Pl. m
III Dir. Sing. f	VII Dir. Pl. f
IV Obl. Sing. f	VIII Obl. Pl. f

Эти сочетания граммем обслуживаются 10 флексиями, способными образовать 30 словоформ, что само по себе свидетельствует о наличии нейтрализации граммем; в то же время существует синонимия флексий (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение флексий имени существительного
в румынском языке (Анализ)***

Флексия	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
1. -#	+	+						
2. -i	+	+		+	+	+	+	+
3. -e	+	+	+	+			+	+
4. -u	+	+						
5. -ă	+	+	+					
6. -a			+					
7. -ea			+					
8. -ale				+			+	+
9. -ele				+			+	+
10. -uri							+	+

* 10 флексий образуют 30 словоформ.

Система склонения в румынском языке крайне редуцирована: различие Dir и Obl. проявляется только в Sing. f, определенные группы существительных не имеют особой формы для Pl. (например, m на -i), исходная форма существительного не всегда может однозначно определить его род. Возможность выделения восьми указанных выше сочетаний граммем обеспечивается наличием так называемого членного склонения, т. е. склонения существительного вместе с определенным артиклем, обычно постпозитивным, составляющим с ним единое целое и в общем являющемся показателем падежа, своего рода флексией² (см. табл. 2). Табл. 2 показывает наличие нейтрализации и синонимии в формах определенного артикля.

poslavica", VIII, 1963, стр. 55—67. В данной работе оказалось возможным исключить средний род из рассмотрения (не отказываясь, однако, от этого понятия вообще, но считая его существующим в парадигматическом плане), так как анализ ведется в синтагматическом плане (т. е. по тексту) и, следовательно, невозможно найти ни одной формы, где бы средний род отличался одновременно от мужского и женского.

² См.: E. Vasiliu. Observații asupra flexiunii nominale în limba română. „Studii și cercetări lingvistice“, IV, 1953, стр. 137—146. См. также постановку проблемы

Членное склонение румынского существительного *

Артикль **	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
a. x + -(u) l	+							
b. x + -le	+					+		
c. x + -lui		+						
d. x + -i				+	+			
e. x + -lor						+		+
f. x + -ua			+					
g. x √ y + -a			+					

* 7 форм артикля образуют 10 словоформ.

** x — флексия существительного, y — последний согласный основы. Имеется в виду случай *casă—casa*, где считается, что форма определенного артикля заменяет собой флексию существительного.

Для целей анализа следует перечислить все виды нейтрализации, тем более что она существует не только в каждом виде склонения в отдельности, но и между ними.

Нейтрализация в нечленном склонении *

I. По падежу:

1) № 1 → I √ II. Читается: если флексия № 1 (-~~ă~~), то это либо I (Dir. Sing. m), либо II (Obl. Sing. m) сочетание граммем, например *muncitor -~~ă~~* (Dir. √ Obl. Sing. m);

2) № 4 → I √ II, например *codr-u* (Dir. √ Obl. Sing. m);

3) № 10 → VII √ VIII, например, *mărf-uri* (Dir. √ Obl. Pl. f).

II. По падежу и роду:

1) № 5 → I √ II √ III, например *tat-ă* (Dir. √ Obl. Sing. m), *cas-ă* (Dir. Sing. f).

III. По падежу и числу:

1) № 8 → IV √ VII √ VIII, например *mant-ale* (Obl. Sing. √ Dir. √ Obl. Pl. f);

2) № 9 → IV √ VII √ VIII, например *st-ele* (Obl. Sing. √ Dir. √ Obl. Pl. f).

IV. По падежу, роду и числу:

1) № 2 → I √ II √ III √ IV √ VII √ VIII, например *och-i* (Dir. √ Obl. Sing. √ Dir. √ Obl. Pl. m), *cărț-i* (Obl. Sing. √ Dir. √ Obl. Pl. f).

Нейтрализация в членном склонении

I. По роду:

1) e → VI √ VIII, например *ochi-lor* (Obl. Pl. m), *cărți-lor* (Obl. Pl. f).

склонения в работе Моисила: G. Moisil. Problèmes posés par la traduction automatique. La déclinaison en roumain écrit. „Cahiers...”, 1962, № 1, стр. 123—129.

* В записи использованы знаки импликации (→) и дизъюнкции (√).

- II. По роду и числу:
 1) $b \rightarrow I \vee VII$, например *frate-le* (Dir. Sing. m), *case-le* (Dir. Pl. f).
 III. По роду, числу и падежу:
 1) $d \rightarrow IV \vee V$, например *ochi-i* (Dir. Pl. m), *luni-i* (Obl. Sing. f).

Нейтрализация между членным и нечленным склонением

- I. По члену:
 1) № 6 (g) $\rightarrow$ III s. A. $\vee$ c. A. Читается: если флексия № 6 (форма артикля g), то это либо Dir. Sing. f без члена (*sine articulo*), либо с членом (*cum articulo*), например *mant-a* (III s. A.), *cas-a* (III c. A.).
 2) № 7 (g) $\rightarrow$ III s. A. $\vee$ c. A., например, *st-ea* (III s. A.), *cart-ea* (III c. A.).
 II. По роду, числу, падежу и члену:
 1) № 9 (b) $\rightarrow$ I c. A. $\vee$ IV s. A. $\vee$ VII s. A. $\vee$ VIII s. A. $\vee$ VII c. A., например *frate-le* (Dir. Sing. m c. A.), *ste-le* (Obl. Sing. $\vee$ Dir. $\vee$ Obl. Pl. f s. A.), *cărți-le* (Dir. Pl. f c. A.).

Нейтрализация в членном склонении менее существенна, так как она в большой степени снимается сочетанием флексий существительного с формой артикля, например № 3 + $e \rightarrow VIII$ (*cas-e-lor*).

На синтаксическом уровне румынское существительное характеризуется сочетанием четырех граммем: рода, числа (выражаются согласованием), падежа и одушевленности (хотя и в ограниченных масштабах).

В отличие от морфологического, на синтаксическом уровне выделяется по крайней мере шесть условных падежей (далее — „падежей“):

- 1) „падеж“ субъекта (Cas. Subj.), например: *țărani* (Cas. Subj.) *văzură și auziră*; 2) „падеж“ прямого объекта (Cas. Obj. dir.), например: *scrie lucrarea*; 3) „падеж“ наречный (Cas. Adv.)³, например: *niște dulăi alcați covrig* (Cas. Adv.); 4) „падеж“ с предлогом (Cas. Praep.), например: *el lucrează la un birou*; 5) „падеж“ адъективный (Cas. Adj.), например: *Cazul obiectului direct*; 6) „падеж“ косвенного объекта (Cas. Obj. obl.), например: *datorăm recunoștință părinților*.

Обычно грамматики придерживаются четырехпадежной системы румынского языка: N, A, G, D. Критерием служит возможность замены существительного соответствующими формами личного местоимения⁴; это в данном случае неприемлемо, так как анализ ведется в синтагматическом плане, и притом в пределах простого предложения, так что могут быть использованы только безударные формы личных местоимений, являющихся репризой существительного.

Табл. 3 показывает, как соответствуют „падежи“, выделенные на синтаксическом уровне, падежам морфологического уровня и обычно выделяемым четырем падежам румынского языка.

На синтаксическом уровне не будет рассматриваться каждое в отдельности значение „падежа“ с предлогом, так как оно определяется

³ О наречном (в нашей терминологии) „падеже“ см.: T. Fotitch. The linguistis physiognomy of modern Rumanian. „Orbis“, I, стр. 481. Кроме того, об адвербиальном употреблении существительных (без предлога, в роле обстоятельств) см.: „Gramatica limbii române“, II. București, 1954, стр. 135; I. Iordan. Gramatica limbii române. București, 1937, стр. 223—224. — Существительное выступает как в членной, так и в нечленной форме, может сопровождаться определением (*fiecare dimineața*), следовательно, это употребление нельзя считать переходом существительного в категорию наречия, хотя Гийерму придерживается противоположного мнения о членных формах существительных, употребленных в значении обстоятельств времени. См.: A. Guilletou. Manuel de langue roumaine. Paris, 1953, стр. 196.

⁴ Из последних работ см.: P. Diaconescu. Le système casuel du roumain. „Cahiers...“, 1962, № 1, стр. 31; V. Hořejší. Cazul direct și syntaxa lui în limba română. „Studii și cercetări lingvistice“, XI, 1960, № 3, стр. 496.

Таблица 3*

Синтаксический уровень	Морфологический уровень	Деление в грамматиках
1. Cas. Subj.	Dir.	N
2. Cas. Obj. dir.		A
3. Cas. Adv.		N**
4. Cas. Praep.	Dir. et. Obl.	A и G
5. Cas. Abj.	Obl.	G и D
6. Cas. Obj. obl.		D

* В Cas. Obl. нейтрализуются A и G, что несущественно, так как эта нейтрализация разрешается на морфологическом уровне. Нейтрализация G и D в Cas. Adj. тоже несущественна: употребление D в роли G, сейчас восстанавливаемое только исторически, не вносит никаких новых семантических оттенков в значение Cas. Adj., о чем см. ниже.

** Предположительно, так как нельзя найти пример с заменой существительного в Cas. Adv. личным местоимением (*пришел бегом — им*).

семантикой конкретного предлога; исключение делается только для предлога *pe*, имеющего в некоторых положениях чисто грамматическое значение (категория одушевленности). Анализ предполагается вести отдельно по уровням, с учетом разного количества и содержания сочетаний грамем на каждом из них.

Для анализа выбираются следующие средства:

1. Флексия существительного.
2. Форма артикля (определенный, неопределенный, притяжательный, определительный).
3. Флексия согласованного определения (прилагательное, числительное, местоимение, причастие).
4. Безударные формы личных местоимений.
5. Сведения, заключенные в форме глагола.
6. Порядок слов.

Предполагается умение: а) правильно отделять флексию, б) правильно соотносить артикль, согласованное определение, безударную форму личного местоимения с определяемым существительным.

А. Морфологический уровень

Единственная определенная информация, которую можно извлечь из флексий нечленного склонения, заключается в следующем: № 2 ≠ III, т. е. если флексия *-i*, то это не может быть Dir. Sing. f. Поэтому анализ начинается со второго шага: флексия + определенный артикль. Определенный артикль⁵ выбирается по некоторым общим соображениям типологического характера. В румынском языке он не является средством с наибольшей разрешающей способностью, уступая в разнообразии форм неопределенному артиклю (правда, если с некоторой натяжкой принять для Dir. Pl. формы *unii* и *unele*), определительному артиклю, указательным местоимениям.

II шаг. Флексия + определенный артикль (две операции). См. табл. 4.

⁵ Систематическое изложение функций определенного артикля в румынском языке см. в работе Хансена: A. R. Hansen. Artikel systemet i rumænsk. København, 1952.

**Разрешающая способность определенного артикля
в румынском языке**

Флексия	Артикль								
	-l	-ul	-i	-le	-lui	-lor	-a	-ua	-ului
1. -#		I							II
2. -i		I	IV√V	VII		VI√VIII			II
3. -e			IV	I√VII	II	VIII	III		
4. -u	I				II				
5. -ă	I						III *		
6. -a								III	
7. -ea								III	
8. -ale			IV	VII		VIII			
9. -ele			IV	VII	II	VIII			
10. -uri				VII		VIII			

* См. примечание к табл. 2.

Читается: если флексия № 1 и форма артикля *-ul*, то это I сочетание граммем, например, *tuncitor-~~ul~~-ul* (Dir. Sing. m).

II шаг разрешает 24 формы из 30.

IIa шаг. Флексия + флексия прилагательного с основой на твердый согласный (тип *bun, -ă*) (две операции).

IIa шаг определяет два сочетания граммем и две словоформы из шести оставшихся:

1. № 2 + *-ilor* → VI, например: *bun-ilor tovarăș-i* (Obl. Pl. m).

2. № 2 + *-elor* → VIII, например: *bun-elor vulp-i* (Obl. Pl. f).

III шаг. Флексия + определенный артикль + определительный артикль (3 операции).

1. № 2 + *-i + celei* → IV, например: *lun-i-i celei...* (Obl. Sing. f).

2. № 2 + *-i + cei* → V, например: *och-i-i cei...* (Dir. Pl. m).

3. № 3 + *-le + cel* → I, например: *frat-e-le cel...* (Dir. Sing. m).

4. № 3 + *-le + cele* → VII, например: *cas-e-le cele...* (Dir. Pl. f).

III шаг определяет четыре сочетания граммем и четыре словоформы из четырех оставшихся. В III шаге определенный артикль избыточен, так как определительный артикль содержит исчерпывающую информацию о сочетании граммем. Однако от этой избыточности нельзя освободиться, так как определительный артикль может появляться только при членной форме существительного. Анализ на морфологическом уровне этим заканчивается. В синтаксический уровень переносится только снятие нейтрализации между членным и нечленным склонением.

В. Синтаксический уровень

I. Снятие нейтрализации по члену

1. S + Art. adj. → S с. А. Читается: если после существительного следует определительный артикль, то существительное стоит в членной форме, например *casa* (S с. А.) *cea mare*.

2. Art. indef. + S → S s. A. Читается: если существительному предшествует неопределенный артикль, то существительное стоит в нечленной форме, например *o manta* (S s. A.).

3. Adj. c. A. + S → S s. A. Читается: если существительному предшествует прилагательное (причастие) в членной форме, то существительное стоит в нечленной форме, например *buna manta* (S s. A.).

4. Praer. + S → S s. A. Читается: если существительному предшествует предлог (кроме *cu*), при том, что оно не имеет при себе определения, то существительное стоит в нечленной форме, например *pe stea* (S s. A.).

5. Adj. dem. + S → S s. A. по положению указательного прилагательного *acest*, например *acea-sta stea* (S s. A.), но *cartea* (S c. A.) *această*.

Перечислены основные, наиболее обозримые способы разрешения нейтрализации между членным и нечленным склонением. Дальнейшей задачей синтаксического уровня является определение граммем шести „падежей“ и граммы одушевленности.

II. Определение граммем специально синтаксического уровня.

Casus Directus

Из табл. 3 явствует, что в Dir. морфологического уровня нейтрализуются четыре „падежа“, которые и предполагается выделить на синтаксическом уровне. Наименьшую трудность представляет Cas. Praer., определяемый наличием предлога перед существительным (различение Dir и Obl. происходит на морфологическом уровне, о чем было сказано выше).

Предстоит снять нейтрализацию трех падежей: Cas. Subj., Cas. Obj. dir и Cas. Adv.

Предварительно выделяются основные словосочетания, в которые входит существительное в Dir. и где происходит отмеченная нейтрализация: существительное с существительным и существительное с глаголом; при этом существительным является взаимное положение членов словосочетания.

a. 1) $S_{Dir.} + V \rightarrow Subj. + Praed.$, например: *luna* (Subj.) *se ridică*. Читается: если существительное в прямом падеже морфологического уровня стоит перед предикатом, ему может приписываться субъектный „падеж“ синтаксического уровня.

2) $S_{Dir.} + V \rightarrow Obj. dir. + Praed.$, например: *casa* (Obj. dir.) *am văruit-o*.

b. 1) $V + S_{Dir.} \rightarrow Praed. + Subj.$, например: *de aici decurge o tendință* (Subj.) *nouă*.

2) $V + S_{Dir.} \rightarrow Praed. + Obj. dir.$, например: *Eu vă trimit o scrisoare* (Obj.) dir.).

3) $V + S_{Dir.} \rightarrow Praed. + Adv.$, например: *a venit fuga* (Adv.).

c. 1) $S_{Dir.} + S_{Dir.} \rightarrow Subj. + Subj. \vee Obj. dir + Obj. dir.$ (аппозиция, например: *Ion pădurarul*).

2) $S_{Dir.} + S_{Dir.} + (V) \rightarrow Adv. + Subj. \vee Obj. dir. (+ Praed.)$, например: *Fiecare dimineața* (Adv.) *tatăl* (Subj.)...

3) $(V) + S_{Dir.} + S_{Dir.} \rightarrow (Praed.) + Subj. \vee Obj. dir. + Adv.$, например: *eu am văzut caștanii* (Obj. dir.) *primăvara* (Adv.).

В с существенно разрешить нейтрализацию Cas. Adv. и остальных двух „падежей“. Нейтрализация последних снимается в a и b.

Описанные словосочетания комбинируются в последовательности, представляющие собой некоторые общие конструкции фраз румынского

языка. Достаточно выделить две такие фразы, перечислив все их возможные воплощения на синтаксическом уровне:

- I. $S_{Dir.} + V + \bar{S}_{Dir.} \rightarrow Subj. + Praed. + Obj. dir. \vee Obj. dir. + Praed. + Subj. \vee Adv. + Praed. + Subj. \vee Subj. + Praed. + Adv. \vee Subj. + Praed. + Subj.,$
например:

1. În limba romînă actuală *articolul* (Subj.) are și *rolul* (Obj. dir.) de morfem al cazului oblic.

2. Toate *sunetele* (Obj. dir.) unii limbi date le-descrie *fonetică* (Subj.).

3. *Primăvara* (Adv.) cîntă *privighetorile* (Subj.).

4. *Lacrimi* (Subj.) pică *șiroaie* (Adv.)

5. *Nominativul* (Subj.) este *cazul* (Subj.) subjectului.

- II. $S_{Dir.1} + S_{Dir.2} + V + S'_{Dir.} + S''_{Dir.} \rightarrow Subj. + Subj. + Praed. + Obj. dir. + Obj. dir. \vee Obj. dir. + Obj. dir. + Praed. + Subj. + Subj. \vee Adv. + Subj. + Praed. + Obj. dir. + Adv. \vee Adv. + Obj. dir. + Praed. + Subj. + Adv. \vee Adv. + Subj. + Praed. + Obj. dir. + Obj. dir. \vee Subj. + Subj. + Praed. + Obj. dir. + Adv. \vee \dots$

Прочие комбинации, подобные двум последним, не приводятся ввиду того, что они не вносят ничего качественно нового.

Вводить $S_{Dir.3}$ и т. д. излишне, так как это может быть только аппозиция (например: *primăvara cavalerul Dimitru Dăscălescu...* — все $S_{Dir.}$). Приведенные конструкции представляют собой крайний случай, пик нейтрализации, так как в них исключаются другие вспомогательные средства: вместо некоторых S могут стоять другие части речи (местоимение, наречие), играющие ту же синтаксическую роль, но с большей легкостью и точностью определяемую благодаря большему, например, морфологическому разнообразию форм. При наличии таких вспомогательных средств „падеж“ существительного может определяться методом исключения, например: *el avea ochi verzi* — *el* — Subj., следовательно, *ochi* — Obj. dir.

Конструкция первая и особенно вторая свидетельствуют о том, что порядок слов играет довольно относительную роль: фиксировано, пожалуй, только взаимное положение Cas. Adv. и двух других „падежей“ в зависимости от положения перед предикатом или после него, и то, что Cas. Subj. и Cas. Obj. dir. обязательно должны быть разделены предикатом.

Основным средством распознавания оказывается предикат. Предикат может указывать на возможность присутствия во фразе Subj., Obj. dir., в некоторых случаях Adv. (если $S_{Dir.}$ не есть Subj., а Praed. выражен непереходным глаголом). Его различающая способность ограничена тем, что он не может отличить Cas. Subj. от Cas. Obj. dir. Средствами для распознавания являются сведения о лице и числе (где это возможно), переходности и залоге, что можно раскрыть следующим образом (положение S относительно Praed. безразлично).

1. $S_{Dir.} + V$ 1—2 л. $\rightarrow$ Obj. dir., например: *am văruit casa* (Obj. dir.).

2. $S_{Dir.} + V$ intrans. $\rightarrow$ Subj., например: *din limbile slave a intrat în limba romînă consoană* (Subj.) *laringală* h.

3. $S_{Dir.} + V$ pass. $\vee$ refl. $\rightarrow$ Subj., например: *au fost renovate 5 pavilioane* (Subj.).

4. $S_{Dir.} + V$ (a fi) + $S_{Dir.}$ $\rightarrow$ Subj. + Praed. + Subj., например: *Creangă este un artist rafinat.*

5. $S_{Dir.} + V$ intrans. $\vee$ pass. $\vee$ refl. + $S_{Dir.}$ $\rightarrow$ Subj. + Praed. + Adv. $\vee$ Adv. + Praed. + Subj., например: *o scrisoare a venit azi dimineață.*

6. Если в предикате есть указание на число, а $S_{Dir.1}$ и $S_{Dir.2}$ различаются по числу, то Subj. будет $S_{Dir.1}$, которое согласуется в числе с глаголом, например: *elevele* (Pl. — Subj.) *au scris* (Pl.) *o scrisoare* (Sing.).

Если в предложении есть по крайней мере два существительных, о которых известно, что одно из них может быть Subj., а другое Obj. dir.

(S Dir. + V + S Dir.), то стоящее перед предикатом S_{Dir.} есть Subj., а после — Obj. dir., если нет указания на инверсию, например: *concertul* (Subj.) *a oferit melomanilor o seară* (Obj. dir.) *memorabilă*. Указанием на инверсию, т. е. на начальное положение Obj. dir., является реприза безударной формы личного местоимения в „падеже“ Obj. dir., например: *un rol important l'au avut cercurile științifice*; однако это не всегда соблюдается, например: *un loc* (Obj. dir.) *aparte ocupă formațiile* (Subj.) *în -ism și -ist...*⁶ Вообще эффективным средством анализа в румынском языке является так называемая отрицательная информация, получаемая в результате дихотомического деления. Особое значение она приобретает при снятии нейтрализации Cas. Subj., Obj. dir., Adv., когда для того, чтобы приписать S_{Dir.} Cas. Adv. или Obj. dir., надо доказать, что S_{Dir.} не стоит в Cas. Subj.

Предполагается, что в предложении всегда содержится указание на возможность присутствия в нем субъекта (что извлекается в основном из предиката, из контекста и т. п.).

Рассуждение ведется следующим образом:

1. Если есть последовательность Sq (S_{Dir.} + Praed.), где предикат может или не может иметь субъект, то: если в предложении не может быть субъекта (предикат выражен безличной или неопределенно-личной формой глагола), S_{Dir.} → Cas. Obj. dir. √ Cas. Adv.

2. Если предикат должен иметь при себе субъект, то нейтрализация снимается указанными выше способами.

В целом ряде случаев нейтрализация может разрешаться только на лексико-семантическом уровне, что особенно касается Cas. Adv., где возможно смешение с аппозицией (*doamna Maria* и *toamna Maria*); синтаксически этот случай может быть разрешен только, если S_{Dir.1} и S_{Dir.2} не согласованы по числу, например: *toamna copii...*

Casus Obliquus

Obl. морфологического уровня сочетает в себе Cas. Adj. и Cas. Obj. obl. синтаксического. Как и для Dir., выделяются основные словосочетания, в которые входит существительное в Obl.; при этом обычно оно занимает последнее место:

1. Adj. + S_{Obl.} → Obj. obl. читается: если с прилагательным сочетается существительное Obl., то ему приписывается Cas. Obj. obl., например: *credincios țării* (Obj. obl.) *sale*.

2. V + S_{Obl.} √ S_{Obl.} + V → Obj. obl. Читается: если существительное в Obl. стоит перед или после предиката, то ему приписывается Cas. Obj. obl., например: *am dat calcului* (Obj. obl.) *apă*.

3. S + S_{Obl.} → Cas. Adj. √ Obj. obl., например: *cazul objectului* (Adj.), *recunoștință părinților* (Obj. obl.)

Трудность представляет только третий случай, где нейтрализация Cas. Adj. и Obj. obl. может вызвать двусмысленность (*imnul moldovenilor* и *imn moldovenilor* — гимн молдаван или гимн молдаванам).

Существуют следующие возможности снятия нейтрализации:

1. S + Art. poss. + S_{Obl.} → Cas. Adj., например: *stăpîn al casei*.

2. S c. A. + S obl. → Cas. Adj., например: *scrisoarea vecinului* (Adj.).

S s. A. + S obl. → Obj. obl. например: *scrisoare vecinului* (Obj. obl.).

⁶ I. Iordan. *Limba română contemporană*, I. București, 1956, стр. 113. См. также: E. Asan. *Reluarea complementului în limba română*. „Studii de gramatică”, III, 1961, стр. 93—105, где говорится о зависимости местоименной репризы от членованности существительного.

Однако в ряде случаев $S_{Obl.}$, стоящее после S s. A., имеет значение $Cas. Adj.$ ⁷ (в грамматиках это классифицируется как употребление D в роли G , обычно приводимый пример: *preot deșteptării noastre*). Они немногочисленны, имеют скорее стилистическое значение⁸ и без затруднений разрешаются на лексико-семантическом уровне.

Нельзя не упомянуть еще об одной особенности румынского языка, заключающейся в том, что в определенных положениях $Dir.$ может иметь значение $Obl.$: если существительное m или $Pl.$ входит в сочетание с другими словами, то только первое ставится в $Obl.$, например: *cuvintele batrinului Radomir*⁹; *Tatăl Annei Frank, fetița de 13 ani*. Средством, обнаруживающим эту особенность, является правильное синтагматическое разбиение, т. е. правильное соотнесение определяющего и определяемого, что в данном варианте анализа дается в условии.

Категория одушевленности

Категория одушевленности обнаруживается лишь в некоторых положениях:

1) если S $n \rightarrow S$ $inanim.$ (что соответственно выделяется уже на морфологическом уровне, если ввести грамему среднего рода);

2) если перед существительным, стоящим в $Cas. Obj. dir.$, стоит предлог *pe* (который имеет грамматическое значение только после переходных глаголов), то это одушевленное существительное, например: *Pavele bate pe ciine* ($Subst. anim.$);

3) внутри категории одушевленности румынский язык выделяет категорию личности. Категория личности проявляется в $Obl.$ путем препозиции определенного артикля при собственных и некоторых нарицательных существительных m , например: *arta lui Creangă* ($S. anim.$).

На этом процедура анализа заканчивается.

СИНТЕЗ

Синтез румынского существительного, как и анализ, осуществляется последовательно на двух уровнях — морфологическом и синтаксическом. Каждое существительное с помощью собственно флексии может образовывать самое большее две разные формы, в которых осуществляется противопоставление $Sing.$ — $Pl.$ (а для f — $Dir. Sing.$ — $Obl. Sing.$ и $Pl.$). Набор флексий переносится из анализа без каких бы то ни было изменений, однако распределение флексий меняется из-за введения грамемы среднего рода (n) (см. табл. 5). Принятие среднего рода оказалось необходимым потому, что синтез ведется от исходной формы к искомой, таким образом, в операции участвуют две формы, что автоматически разбивает существительные на три группы, соответствующие m , f и n (см. „Анализ“). При синтезе возникает необходимость и в некоторых дополнительных сведениях, к которым относятся огласовка основы, исход основы, ударение. Все эти сведения должны содержаться в словаре, правила же их применения будут даны непосредственно в ходе синтеза. Правильный выбор флексии для исходной формы, за которую принимается $Dir. Sing.$, осуществляется путем обращения к словарю (если основа x , то флексия исходной формы y). При том, что флексия $Dir. Sing.$

⁷ См.: A. Rosetti. Grammaire de la langue roumaine. București, 1944, стр. 124—125.

⁸ См. об этом: I. Iordan. Limba română contemporană, I, стр. 604.

⁹ Подробно это описывается в кн.: Kr. Sandfeld, H. Olsen. Syntaxe roumaine. I. Paris, 1936, стр. 64.

Распределение флексий имени существительного в румынском языке (Синтез)*

Флексия	Sing.						Pl.					
	m		f		n		m		f		n	
	Dir. I	Obl. II	Dir. III	Obl. IV	Dir. V	Obl. VI	Dir. VII	Obl. VIII	Dir. IX	Obl. X	Dir. XI	Obl. XII
1. -#	+	+			+	+						
2. -i	+	+		+			+	+	+	+	+	+
3. -e	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+
4. -u	+	+			+	+						
5. -ă	+	+	+									
6. -a			+									
7. -ea			+									
8. -ale				+					+	+		
9. -ele				+					+	+		
10. -uri									+	+	+	+

* 10 флексий образуют 42 словоформы.

дается в словаре, задачей синтеза на морфологическом уровне остается определение рода существительного и образование второй формы парадигмы.

А. Морфологический уровень

Основная трудность синтеза состоит: а) в синонимии флексий, образующих Pl. f (от основ на -ă) и n (от основ на -# и -u) и б) в нейтрализации по роду, проявляющейся в Sing. и Pl.

а) 1. Pl. f → № 2 √ № 3 √ № 10, например: *pietr-e*, *creng-i*, *mărf-uri*;

2. Pl. n → № 3 √ № 10, например: *fruct-e*, *dor-uri*.

Синонимия может быть частично разрешена, например, отсылкой к суффиксу (для существительных f на -uă, -ană и т. д. Pl. имеет флексию -e)¹⁰. Реальным способом ее разрешения является список¹¹.

б) Распределение флексий по родам (для Sing. и Pl. отдельно) происходит следующим образом:

Sing. № 1 → m √ n,	например: <i>sac-#</i> (m), <i>fruct-#</i> (n)
№ 2 → m	„ <i>och-i</i> (m)
№ 3 → m √ f √ n	„ <i>frat-e</i> (m), <i>cart-e</i> (f), <i>num-e</i> (n)
№ 4 → m √ n	„ <i>socr-u</i> (m), <i>tablo-u</i> (n)
№ 5 → f √ m	„ <i>cas-ă</i> (f), <i>tat-ă</i> (m)
№ 6 → f	„ <i>mant-a</i> (f)
№ 7 → f	„ <i>st-ea</i> (f)

¹⁰ См.: I. Iordan. Gramatica limbii române, стр. 88.

¹¹ В данной работе не будут рассматриваться вариантыные формы Pl. для существительных f, составляющие сравнительно небольшое число, не поддающиеся никаким формальным правилам и относящиеся скорее к семантическому уровню (см. об этом: S. Por. Grammaire roumaine. Berne, 1948, стр. 121).

Основным препятствием для синтеза является полная нейтрализация *n* и *m*, не разрешаемая никакими способами, кроме априорного знания, и препятствующая правильному выбору флексии для Pl¹².

- Pl. № 2 → *m* √ *f* √ *n*, например: *socr-i* (*m*), *cărț-i* (*f*), *studi-i* (*n*)
 № 3 → *f* √ *n* „ *cas-e* (*f*), *num-e* (*n*)
 № 8 → *f* „ *mant-ale* (*f*)
 № 9 → *f* „ *st-ele* (*f*)
 № 10 → *f* √ *n* „ *mărf-uri* (*f*), *vrem-uri* (*n*)

Более точные сведения о роде можно получить на основании сочетания флексий Sing. и Pl. Табл. 6 разворачивается следующим образом:

1. № 1, № 2 → *m*, например: *sac-~~u~~*, *sac-i* (*m*);
 2. № 1, № 3 √ № 10 → *n* „ *fruct-~~u~~*, *fruct-e* (*n*); *dor-~~u~~*, *dor-
 uri* (*n*);
 3. № 2, № 2 → *m* „ *och-i*, *och-i* (*m*);
 4. № 3, № 2 → *m* √ *f* „ *frat-e*, *frăț-i* (*m*); *cart-e*, *cărț-i* (*f*);
 5. № 3, № 3 → *f* √ *n* „ *servitoar-e*, *servitoar-e* (*f*); *num-e*,
num-e (*n*);
 6. № 4, № 3 → *m* √ *n* „ *fi-u*, *fi-i* (*m*); *studi-u*, *studi-i* (*n*);
 7. № 4, № 3 √ № 10 → *n* „ *noro-i-u*, *noroai-e* (*n*); *tablo-u*, *tablo-
 uri* (*n*);
 8. № 5, № 2 → *m* √ *f* „ *tată*, *taț-i* (*m*); *creang-ă*, *creng-i* (*f*);
 9. № 5, № 3 √ № 10 → *f* „ *cas-ă*, *cas-e* (*f*); *marf-ă*, *mărf-uri* (*f*)
 (8 и 9 можно объединить: № 5, № 2 √ № 3 √ № 10 → *m* √ *f*);
 10. № 6, № 8 → *f*, например: *mant-a*, *mant-ale* (*f*)
 11. № 7, № 9 → *f* „ *st-ea*, *st-ele* (*f*)

Флексия Pl. и род являются функциями друг от друга, но по крайней мере что-нибудь одно должно быть приписанным извне, для того чтобы определить другое. Возникает вопрос, что целесообразнее: приписать существительному в словаре род (тогда придется прибегнуть к спискам во

Т а б л и ц а 6

Образование множественного числа в румынском языке

Sing.	Pl.				
	2. -i	3. -e	8. -ale	9. -ele	10. -uri
1. - ~~u~~	<i>m</i>	<i>n</i>			<i>n</i>
2. -i	<i>m</i>				
3. -e	<i>m</i> √ <i>f</i>	<i>n</i> √ <i>f</i>			
4. -u	<i>m</i> √ <i>n</i>				<i>n</i>
5. -ă	<i>m</i> √ <i>f</i>	<i>f</i>			<i>f</i>
6. -a			<i>f</i>		
7. -ea				<i>f</i>	

¹² А. Гийерму (A. Guillermon. Указ. соч., стр. 36—37) дает таблицу распределения румынского существительного по родам в зависимости от исхода основы (три звука и более). Таблица подтверждает полную нейтрализацию *m* и *n*. В какой-то степени можно воспользоваться категорией одушевленности (не *n*), но этот способ не может различить неодушевленные *m* и *n*, не говоря уже о том, что его нельзя считать формальным критерием.

2, 7 и 9) или приписать флексию Pl. (тогда придется избавляться от нейтрализации по роду в 4, 5 и 8. В 4 и 5 придется пользоваться списком, причем в 5 он будет очень коротким — приблизительно 10 существительных; в 8 показателем f будет суффикс *-toare*). Пожалуй, более экономным будет приписать в словаре флексию Pl., выводя род из сочетания флексий Sing. и Pl.

Таблица 7

**Графические изменения в основе
существительного при образовании Pl.**

Изменения гласных

Гласный основы	Флексия Pl.		
	-i	-e	Примеры
1. -a-	ă√e *	e	ispravă—ispăvi, sarpe—serpi, fată—fete,
2. -ă-	e	e	măr—meri, băț—bețe,
3. -ea-	e	e	seară—seri, mireasă—mirese,
4. -oa-	o		comoara—comori,
5. -î-		i	cuvînt—cuvinte,
6. -o-		oa	bob—boabe

Изменения согласных

Согласный основы	Флексия Pl.		
	-i	-e	Примеры
1. -d-	z		aprod—aprozi,
2. -s-	ș		pas—pași,
3. -t-	ț		frate—frați,
4. -sk-, -șk-	șt	șt	casă—căști, broască—broaște, morișcă—moriști,
5. -st-	șt	șt	veste—vești
6. -str-	ștr		astru—ăștri
7. -l-	i		copil—copii

* Разрешается с помощью списка.

Благодаря этому для синтеза второй формы парадигмы остается только воспользоваться табл. 7, определяющей графические изменения, происходящие в основе при присоединении к ней окончаний Pl. В результате этой процедуры существительные разбиваются по родам и для каждого из них устанавливается две формы:

Для m: Dir. √ Obl. Sing. и Dir. √ Obl. Pl.
 Для f: Dir. Sing. и Obl. Sing. √ Dir. √ Obl. Pl.
 Для n: Dir. √ Obl. Sing. и Dir. √ Obl. Pl.

Синтез румынского существительного

Исходная форма	Сочетания граммем											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1. -#, -i, (m)	№ 1 +-ul	№ 1 +-ului					№ 2 +-i	№ 2 +-lor				
2. -#, -e, -uri, (n)					№ 1 +-ul	№ 1 +-ului					№ 3 +-le	№ 3 +-lor
3. -i, -i, (m)	№ 2 +-ul	№ 2 +-ului					№ 2 +-i	№ 2 +-lor				
4. -e, i, (m) \ (f)	№ 3 +-le	№ 3 +-lui	№ 3 +-a	№ 2 +-i			№ 2 +-i	№ 2 +-lor	№ 2 +-le	№ 2 +-lor		
5. -e, -e, (f) \ (n)			№ 3 +-a	№ 3 +-i	№ 3 +-le	№ 3 +-lui			№ 3 +-le	№ 3 +-lor	№ 3 +-le	№ 3 +-lor
6. -u, -i, (m) \ (n)	№ 4 +-l	№ 4 +-lui			№ 4 +-l	№ 4 +-lui	№ 2 +-i	№ 2 +-lor			№ 2 +-le	№ 2 +-lor
7. -u, -e, -uri, (n)					№ 4 +-l	№ 4 +-lui					№ 3 +-le	№ 3 +-lor
8. -ă, -i, (m) \ (f)	№ 5 +-l	№ 5 +-lui	(-ă) -a	№ 2 +-i			№ 2 +-i	№ 2 +-lor	№ 2 +-le	№ 2 +-lor		
9. -ă, -e -uri, (f)			(-ă) -a	№ 3 +-i					№ 3 +-le	№ 3 +-lor	№ 3 +-le	№ 3 +-lor
10. -a, -ale, (f)			№ 6 +-ua	№ 8 +-i					№ 8 +-le	№ 8 +-lor		
11. -ea, -ele, (f)			№ 7 +-ua	№ 9 +-i					№ 9 +-le	№ 9 +-lor		

Следующим этапом синтеза должно быть разрешение нейтрализации по падежу для *m* и *n* и по числу и падежу для *f*. Эта нейтрализация снимается применением форм определенного артикля, например:

Dir. Sing. *m* → № 1 + *-ul* ∨ № 2 + *-ul* ∨ № 5 + *-l*;
Obl. Sing. *m* → № 1 + *-ului* ∨ № 2 + *-ului* ∨ № 5 + *-lui* и т. д.

Так как род определен в самом начале процедуры, нейтрализация определенного артикля по роду (*-le* для *m* и *f*) не принимается во внимание. Так как нейтрализация определенного артикля по роду всегда (кроме *-lor*) является и нейтрализацией по падежу и числу, то знание рода автоматически определяет падеж и число (*-le* (*m*) → Dir. Sing.; *-le* (*f*) → Dir. Pl.) и таким образом снимает нейтрализацию. Все задачи синтеза на морфологическом уровне (полностью он приведен в табл. 8) оказываются выполненными. Можно добавить, что замена в исходных данных флексии Pl. родом никак не изменила бы процедуру в отношении введения новых приемов — разница заключалась бы только в введении более громоздких списков.

В. Синтаксический уровень

Задачей синтеза на синтаксическом уровне является развертывание двух падежей — Dir. и Obl. — в шесть: Cas. Subj., Cas. Obj. dir., Cas. Adv., Cas. Praep., Cas. Adj. и Cas. Obj. obl. Из шести „падежей“ наименьшую трудность представляет, очевидно, синтез Cas. Praep., достигающийся простым присоединением предлога к соответствующему падежу морфологического уровня. Что же касается синтеза остальных падежей, то здесь чрезвычайно трудно обойтись только формальными синтаксическими приемами, не прибегая к семантическому уровню. Семантический же уровень нежелателен потому, что трудно сказать что-нибудь более точное, чем „выбрать такое $S_{Dir.}$ и такой глагол, чтобы в сочетании они давали Subj. и Praed., а не Obj. и Praed. и не Cas. Adv. и Praed.“. Поэтому возникает противоречие: практически (скажем, при первых шагах в изучении языка) синтезирование фраз типа Subj.—Praed. является элементарным, однако вывести формальные правила, по которым осуществляется синтез таких фраз, весьма затруднительно. Главным препятствием является нейтрализация Cas. Subj. и Cas. Adv. Распознавание этих падежей представляло все-таки меньшую сложность, чем их синтезирование. Может быть, целесообразно дать случаи Cas. Adv. списком, куда войдут существительные, играющие роль обстоятельств времени (днем, ночью), а остальные случаи объявить редкими и исключить из рассмотрения. Такой выход из положения, естественно, нельзя считать лучшим, единственное оправдание ему заключается в несоизмеримости трудности различения Cas. Subj. и Cas. Adv. и распространения (частоты встречаемости) последнего в румынском языке. Кроме того, ниже будут указаны некоторые случаи, в которых Cas. Adv., хотя бы отчасти, может быть определен синтаксическими средствами.

Принятые ограничения облегчают синтез Cas. Subj.: Cas. Subj. → $S_{Dir.} + V$ intrans. ∨ reflex. (положение *S* относительно *V* несущественно).

По аналогии с анализом синтез Cas. Obj. dir. осуществляется, имея отправной точкой Cas. Subj.: Obj. dir. → Subj. + *V* trans. + $S_{Dir.}$ ∨ $S_{Dir.} + Pron. at. + V$ trans. + Subj., где $S_{Dir.} = Cas. Obj. dir.$ (во втором варианте переходность глагола избыточна, так как наличие перед ним безударной формы личного местоимения в прямом падеже вполне достаточно для того, чтобы приписать стоящему перед ним существительному Cas. Obj. dir.).

Можно найти и вариант для синтеза Cas. Adv.: Cas. Adv. → Subj. + V intrans. √ reflex. + S_{Dir.}, где S_{Dir.} = Cas. Adv.

Для синтеза „падежей“, нейтрализованных в Obl. морфологического уровня, т. е. для Cas. Adv. и Cas. Obj. obl., без каких бы то ни было ограничений и добавлений могут быть использованы приемы, установленные для анализа (сочетаемость с различными частями речи).

Cas. Adj.

1. Cas. Adj. → Art. Adj. + S_{Obl.}, например: (tatăl) al *Annei Frank*.
2. Cas. Adj. → S_{c.A.} + S_{Obl.}, например: tatăl *Annei Frank*.

Cas. Obj. obl.

1. Obj. obl. → V + S_{Obl.}, например: datorăm *părinților...*
2. Obj. obl. → Adj. + S_{Obl.}, например: credincios *țării...*
3. Obj. obl. → (V) + S_{Dir.} s. A. + S_{Obl.}, например: fură *oaie ciobanului.*

Синтез категории одушевленности в Cas. Obj. dir. осуществляется с помощью предлога *pe*, а в Cas. Adj. и Cas. Obj. obl. (для собственных имен *m*) путем препозиции определенного артикля, при условии, что одушевленность/неодушевленность существительного известна заранее.

На этом процедура синтеза заканчивается.

ДИАЛЕКТЫ

Нужды типологических сопоставлений внутри балканского языкового союза и необходимость определения направления движения письменного языка по сравнению с другими (нелитературными) формами языка заставляют обратиться к многочисленным диалектам румынского языка и, приняв литературный язык за эталон, с одной стороны, в несколько ином аспекте рассмотреть проблему близости его к диалектам и близости диалектов друг к другу и, с другой стороны, попытаться выяснить, как проявляется в диалектах по сравнению с литературным языком тенденция к балканизации, т. е. попытаться проследить этот процесс на чрезвычайно пестром лингвистическом пространстве.

К сожалению, невозможность непосредственного знакомства с диалектами именно в их нынешнем состоянии и отсутствие полных, исчерпывающих диалектных описаний заставляют ограничиться достаточно краткими замечаниями, способными дать лишь общую картину и никак не претендующими на полноту.

Неравноценность и разнородность материала затрудняют составление вариантов анализа и синтеза, полностью соответствующих описанию, сделанному для литературного языка.

Поэтому целесообразно произвести сравнение по некоторым достаточно общим основаниям, которые в то же время являются определяющими степень трудности анализа и синтеза. За такие основания принимаются:

- 1) разрешающая способность флексий существительного;
- 2) разрешающая способность форм определенного артикля;
- 3) разрешающая способность флексий согласованного определения;
- 4) возможность синтеза других форм морфологического уровня на основании информации, заключенной в исходной форме (т. е. возможность синтеза Pl. по Sing.);
- 5) возможность анализа—синтеза „падежей“ синтаксического уровня;
- 6) возможность анализа—синтеза категории одушевленности*.

* Будут отмечаться только моменты расхождения.

С первого взгляда обнаруживается сходство в морфологическом отношении между диалектами и литературным языком: категория среднего рода может быть определена только по двум формам (Dir. Sing. и Dir. Pl.), в парадигме существительное различает две формы: Dir. Sing.—Dir. Pl. (за исключением *f*, где противопоставляется Dir. Sing.—Obl. Sing. и Dir. Pl.) и т. д., вплоть до того, что основной набор флексий остается постоянным ($\text{-}\#$, -u , -e , -i , $\text{-}\check{a}$, -a , -uri), претерпевая несущественные фонетические изменения (e исторорум. соответствует $\check{a}$ дакорум.).

Однако разное распределение одинакового материального набора, с одной стороны, некоторые его варианты, с другой, в достаточной степени влияют на уменьшение или увеличение трудности анализа и синтеза.

1. Разрешающая способность флексий существительного*

В табл. 9—11 интересны не столько новые, по сравнению с дакорумынским, флексии (см., например, № 6 исторорумынского, сводимая к № 5 дакорумынского; № 7, 1 арумынского; № 7 мегленорумынского), сколько иное распределение уже имеющихся.

Так, характерной особенностью исторорумынского диалекта является распространение флексии № 1 ($\text{-}\#$) на Pl. всех родов, что сразу значительно увеличивает степень нейтрализации по числу¹³.

Однако в том же исторорумынском флексия № 4 (-ure), в отличие от литературного языка, образует Pl. только у существительных -n (что

Т а б л и ц а 9

Распределение флексий имени существительного
в исторорумынском диалекте*

Флексия	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
1. $\text{-}\#$	+	+			+	+	+	+
2. -u	+	+						
3. -e			+	+	+	+	+	+
4. -ure							+	+
5. -i					+	+	+	+
6. -e	+	+	+					

* 6 флексий образуют 23 словоформы.

* Основой для составления таблиц по диалектам послужили следующие работы, на которые в дальнейшем не будет сделано специальных ссылок: S. Pușcariu. Studii istororomîne, т. I—II. București, 1921; T. Cantemir. Texte istororomîne. Cluj, 1959; I. Popovici. Dialectele romîne din Istria. Halle, 1909; Th. Capidan. Aromîni. București, 1932; он же. Die Mazedo-Rumänen. București, 1941; он же. Meglenoromanii, I—III. București, 1925; G. Weigand. Vlacho-Meglen. Leipzig, 1892; он же. Die Aromunen. Leipzig, 1894 и др.

¹³ Интересно аналогичное неразличение Sing. и Pl. у существительных с исходной формой на твердый согласный в одном из говоров в районе Клузы, что, как и для исторорумынского, вызвано чисто фонетическими причинами (см.: Gr. Rusu. Glosar dialectal din comuna Șieu Măgheruș, raionul Bistrița reg. Cluj. „Materiale și cercetări dialectale“, I, 1960, стр. 277—278).

**Распределение флексий имени существительного
в арумунском диалекте ***

Флексия	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
1. -#	+	+						
2. -u	+	+						
3. -e	+	+	+	+			+	+
4. -ă	+	+	+	+	+	+	+	+
5. -o	+	+	+	+				
6. -i				+	+	+	+	+
7. -adi (-ati)					+	+	+	+
8. -a			+					
9. -le							+	+
10. -ani/-îni					+	+		
11. -ate							+	+
12. -uri							+	+

* 12 флексий образуют 40 словоформ.

в табл. 9 не получило отражения, так как по аналогии с дакорумынским в ней даны только m и f). Истрорумынский отличается от остальных диалектов (включая дакорумынский) более скудным набором флексий. Наборы, которыми располагают арумунский и мегленорумынский, гораздо обширнее, хотя степень распространения отдельных флексий различна. Так, арумунский в основном использует для Pl. флексии № 3, 6, 7, 9 и 12. Степень нейтрализации по числу увеличена в арумунском и мегленорумынском за счет распространения флексии -ă на Pl.¹⁴ Следует отметить и тенденцию диалектов к неразличению Dir. и Obl. Sing. f. Если в дакорумынском они различаются регулярно по всему женскому роду, то, например, в истрорумынском это затрагивает только существительные с исходной формой на -e, в Obl. меняющие его на -e¹⁵. (Данная работа не будет касаться падежных форм типа *za țiru*, возникших под славянским влиянием и имеющих ограниченное применение)¹⁶.

¹⁴ Подобное явление в диалектах метрополии отмечено, например, для говоров Черного Криша. См.: T. Teahă. Graiul din valea Crișului Negru. București, 1961, стр. 88.

¹⁵ См.: S. Pușcariu. Указ. соч., I, стр. 142; I. Coteanu. Cum dispăre o limbă (istroromîna). București, 1957, стр. 29.

¹⁶ Вообще в диалектах существуют интересные, остаточные или заимствованные, падежные формы. Например, в говорах Олтени Гамильшег отмечает формы Obl. Sing. обычно в значении Dat. Poss. для существительных m *frate* и *tată* [*kasa frățî nimiu*] (F. Gamißscheg. Oltenische Mundarten. Wien, 1919, стр. 83). В некоторых говорах существительные f различают Obl. Sing. и Dir.—Obl. Pl., т. е. имеют трехчленную парадигму, например: *casă* (Dir. Sing.)—*căsi* (Obl. Sing.)—*căs* (Dir.—Obl. Pl.) (T. Marcu. Glosar dialectal din comuna Deda. „Materiale și cercetări dialectale“, I, 1960, стр. 153).

**Распределение флексий имени существительного
в мегленорумынском диалекте***

Флексия	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
1. -#	+	+						
2. -u	+	+						
3. -e	+	+		+			+	+
4. -i	+	+		+	+	+	+	+
5. -ă	+	+	+	+			+	+
6. -a			+					
7. -az					+	+		
8. -le (li)			+				+	+
9. -ur							+	+

* 9 флексий образуют 30 словоформ.

В диалектах не обнаружено никаких новых граммем по сравнению с литературным языком¹⁷. Набор флексий приблизительно одинаков. Существительным является его распределение. По изменениям распределения можно судить о степени сохранения противопоставления Sing.—Pl. и соответственно этому распределить диалекты в пространстве.

Основанием для сохранения или исчезновения противопоставления по числу является сохранение или утрата флексии *-i* в Pl. для основ на согласный (*-#*) в Sing., так как статистически они составляют большинство, определяющее характер словоизменительной системы существительного. Падение конечного *-i* в истрорумынском позволяет говорить о том, что в нем почти нет противопоставления по числу¹⁸. К точке максимального различия Sing.—Pl. тяготеет, пожалуй, дакорумынский диалект. В отношении же различия Dir. и Obl. Sing. f можно сказать об общей тенденции диалектов к ликвидации этого противопоставления (при том, что оно явно существует).

2. Разрешающая способность форм определенного артикля

Основное отличие диалектов от литературного языка заключается в существовании препозитивного артикля для Obl. (см. табл. 12). В истрорумынском это единственный способ для образования Obl. Sing. и Pl. m, f, n, в мегленорумынском он дублируется в Sing. формами *-lui* для m и *-lă* для f, в арумынском он функционирует в форме *ali*

¹⁷ Если не считать двух примеров Dualis, приведенных Гамильшегом (E. Gamillscheg. Die Mundart von Șerbănești-Titulțești. Jena & Leipzig, 1936, стр. 131).

¹⁸ См.: I. Coteanu. Cum dispăre o limbă (istroromână).

Формы артикля в диалектах *

I. Истрорумынский

Артикль	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.
1. S +- -(l) u	+							
2. S +- -i					+			
3. S +- -le	+						+	
4. S +- -a			+					
5. lu +- S		+		+		+		+

II. Мегленорумынский

Артикль	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.
1. S +- -(u) (l)	+							
2. S +- -(u) lui		+						
3. S +- -a			+					
4. S +- -lă				+				
5. S +- li					+		+	
6. lu +- S		+		+		+		+

III. Арумынский

Артикль	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.
1. S +- -(l) (u)	+							
2. S +- -le	+							
3. S +- -lui		+						
4. S +- -li					+			
5. S +- -lor						+		+
6. S +- -a			+					
7. S +- -lei				+				
8. ali +- S				+				

* S — существительное.

только для f Sing. (иногда отмечается препозиция *lui*¹⁹). Однако даже сравнительно ограниченное употребление препозитивного артикля в арумунском значительно шире, чем проклита *lui* перед личными именами в дакорумынском²⁰ (мегленорумынский и арумунский для собственных имен используют конструкции с посессивным артиклем *al, ali*). Наименьшую степень нейтрализации форм определенного артикля и, следовательно, наиболее благоприятные условия для анализа и синтеза дает арумунский (единственный случай нейтрализации — форма *lor* для Obl. Pl. m и f). Нейтрализация увеличена в мегленорумынском и особенно в истрорумынском из-за того, что форма артикля *lu* несет информацию только о падеже. Эта нейтрализация может сниматься сочетанием артикля *lu* с членной формой существительного (в отличие от литературного языка препозиция не исключает употребление второго определенного артикля — постпозитивного, таким способом в истрорумынском может сниматься, например, нейтрализация по роду для Obl. Pl. m и f). Наличие формы артикля *-u* для Dir. Sing. m и p создает в истрорумынском и фершеротском диалектах нейтрализацию по члену, при этом следует принять во внимание, что существительные, оканчивающиеся в нечленной форме на *-u*, в членной форме остаются без изменения (то же самое в истрорумынском для формы артикля *-i*).

Одновременное употребление двух артиклей вообще характерно для румынского языка (Art. poss. + Art. def. → Cas. Adj., что в большинстве случаев избыточно, так как указание на падеж содержится в обоих артиклях). Однако в диалектах оно представляет особый интерес именно благодаря четкому разделению функций каждого из них, что в полной мере устранило избыточность. Пожалуй, наиболее определенно это выражено в мегленорумынском (*lu ampirat-u—lu un ampirat*), где постпозитивный артикль выражает род, число и определенность, а препозитивный — только падеж. Стремление к аналитическому выражению падежа приводит к использованию предлогов, с одной стороны, и к ослаблению формы Obl. у определенного артикля, с другой, как это происходит в фершеротском диалекте, где Cas. Obl. = a + S_{Dir.} c. a. например, *om-u* (Dir.) — *a om-u* (Obl.)²¹.

3. Разрешающая способность флексий согласованного определения

В данном случае интерес представляет истрорумынский диалект, где под славянским влиянием определенная группа прилагательных различает три рода. Однако вряд ли это можно считать регулярным средством для распознавания, так как форма употребляется главным образом в адвербиальном значении.

4. Синтез Pluralis

Синтез Pl. в литературном языке по сведениям, заключенным в исходной форме, представлял настолько значительную трудность, что

¹⁹ Проклитическое употребление *lu* наблюдается в банатских и кришанских говорах (в последних иногда встречается старая форма *li*); см.: R. Flora. Graiurile românești din Banatul iugoslav. „Fonetica și dialectologie“, I, 1958, стр. 123—124. Интересный случай препозиции артикля *f i* отмечен в диалекте Марамуреша: *la casa i Docă* (*la casa Docăi*). См.: I. Coteanu. Elemente de dialectologie a limbii romine. București, 1961, стр. 112.

²⁰ Некоторые вариации проклиты *lui* замечены в одном диалекте района Клужа (R. Todoran. Material dialectal, II. Graiul din Vlcele. „Materiale și cercetări dialectale“, I, 1960, стр. 32), где эта форма употребляется при терминах родства безразлично для m и f (*bani lui mămă*).

²¹ См.: M. Saragiu-Marioșeanu. În legătură cu articolul enclitic al masculinelor în aromână (cu privire specială la graiul fărșeroșilor). „Fonetica și dialectologie“, IV, 1962, стр. 95—100.

**Образование множественного числа
по диалектам**

I. Истрорумынский

Sing.	Pl.			
	1. -#	3. -e	4. -ure	5. -i
1. -#	m	n	n	
2. -u				m√n
3. -e	f	f	f√n	
6. -e	f	f		f

II. Мегленорумынский

Sing.	Pl.					
	3. -e	4. -i	5. -ă	7. -az	8. -le	9. -ur
1. -#		m√n				n
2. -u		m				n
3. -e		m√f				
4. -i		m		m		n
5. -ă	f	m√f	f			f
6. -a					f	

III. Арумынский

Sing.	Pl.								
	6. -i	4. -ă	7. -adzi	3. -e	9. -le	11. -ate	12. -uri	10. -ani	
1. -#	m	m√n		n			n	m	
2. -u	m	n		n			n		
3. -e	m	m√f√n	m	f			f		
4. -ă	f	f	m√f	f	f	f	f	m	
5. -o			m						
6. -i			m						
8. -a			m		f				

необходимым оказывалось либо заранее дать сведения о роде, чтобы определить флексию Pl., либо флексию Pl., чтобы определить род (при этом для литературного языка существуют нормативные грамматики с правилами образования Pl., т. е. с основными правилами синтеза).

Что же касается диалектов, то для них имеются описания, основным достоинством которых является их предполагаемая полнота. Часто по такому описанию бывает трудно выяснить, насколько распространен тот или иной способ образования Pl., чтобы на этом основании сформулировать более или менее точные правила. Однако сопоставление с литературным языком и использование знаний фонетических особенностей диалекта позволяют хотя бы приблизительно составить некоторые правила синтеза Pl. (см. табл. 13). Так же, как и в литературном языке, в диалектах флексии Pl. и род взаимосвязаны и являются функциями друг от друга, так что одной только исходной формы (Dir. Sing.) недостаточно для полной характеристики имени, т. е. для определения рода и флексии Pl. Случаев нейтрализации по роду в среднем меньше, чем в литературном языке, но за счет того, что приблизительно одинаковому набору флексий Sing. соответствует большее, чем в дакорумынском, количество флексий в Pl., синонимия флексий заметно возрастает. Это касается в особенности флексий Sing. -ă в арумынском, которой в Pl. могут соответствовать все восемь флексий Pl. Поэтому целесообразно при синтезе на материале диалектов принять совершенно такую же процедуру, как и при синтезе литературного языка, т. е. указывать при исходной форме флексию Pl. и однозначно выводить род из сочетания флексий Sing. и Pl., в трудных случаях прибегая к спискам. В сравнение с литературным языком следует сказать, что если там возникали некоторые колебания по поводу того, что указывать при исходной форме — флексию Pl. или род, то для диалектов выбор флексии Pl. представляется очевидным (если помнить об оговорке, что описанный материал считался полным; изменить такой выбор могут, кроме того, статистические данные, которыми мы не располагаем: может оказаться более удобным дать существительные с редкими флексиями списком и в таком случае указывать при исходной форме род).

5. Анализ—синтез „падежей“ синтаксического уровня

По существующим данным можно считать, что в анализе—синтезе „падежей“, соответствующих Dir. морфологического уровня, по диалектам не нашлось сколько-нибудь заметных изменений (хотя, например, в мунтянском встретилось употребление Cas. Obj. dir. с предлогом *la* — *mănincă la oamenii*)²².

Поэтому далее речь пойдет только о „падежах“ Adj. и Obj. obl. Как известно, в литературном языке они различаются в основном в зависимости от окружения (см. „Анализ“). Кроме того, Cas. Adj. может заменяться конструкциями с предлогом (например, *de, din*). В диалектах наблюдаются некоторые явления, свидетельствующие о стремлении к отысканию более определенных синтаксических способов для различения Cas. Adj. и Cas. Obj. obl. Крайний случай представляет мегленорумынский, где существует регулярное и обязательное различие Cas. Adj. и Cas. Obj. obl.:

1. Cas. Adj. → S_{Obj.} с. А. √ lu + S_{Dir.} с. А. √ s. А., например: *featală, lu feată, lu feata*.

2. Cas. Obj. obl. → la + S_{Dir.} с. А. √ s. А., например: *la feată, la feata*.

Замена Cas. Obj. obl. существительным в Dir. с предлогом *la* отмечается в банатских и кришанских говорах. В последних, кроме того, существуют конструкции с другими предлогами (*cîtă, cătă*), соответствующие Cas. Obj. obl. Независимо от существования различия между Cas. Adj. и Cas. Obj. obl. намечается тенденция к образованию Obl. с помощью предлогов (см. Obl. в арумынском: *a + S + -lui*).

²² См.: I. Coteanu. Elemente de dialectologie a limbii române, стр. 79.

Если говорить о балканистических процессах, захватывающих диалекты, то, пожалуй, более существенной окажется именно эта тенденция к аналитизму, стремление выразить косвенные падежи либо с помощью предлогов (Cas. Obj. obl = $la + S_{Dir}$ и т. д.), либо с помощью других частей речи, играющих роль предлогов. В самом деле, в форме *lu* определенный артикль для большинства диалектов опознается только этимологически; если же описать его в синхронии, т. е. как „неизменяемую часть речи, которая ставится перед существительным для выражения косвенного падежа“, то такое описание скорее соответствует предлогу. Не потому ли вызывает разногласия *a* перед Cas. Obl., которое трактуют то как предлог (восходящий к *ad*), то как форму посессивного артикля (*al*), в то время как по функции (например, в арумьнском) оно может быть только предлогом²³. Если в литературном языке существует возможность выражать Cas. Adj. с помощью предлогов (например *de*), то в диалектах к этому прибавляется возможность образования Cas. Obj. obl. с помощью предложных конструкций, причем универсальным считается сочетание предлога $la + S_{Dir}$ (или в *A*, по обычно принятой терминологии). Существование регулярных средств для различения Cas. Adj. и Cas. Obj. obl., естественно, облегчает анализ и особенно синтез (так как значительно уменьшает необходимость обращаться к семантическому уровню). Однако в ряде диалектов аналитические конструкции для Cas. Adj. и Cas. Obj. obl. совпадают и тем самым заставляют прибегать к более тонким синтаксическим и другим приемам. В целом следует сказать, что от литературного языка диалекты отличаются более высокой степенью аналитизма.

Впрочем, аналитизм не достиг такой степени, при которой каждому падежу соответствуют собственные специальные конструкции, поэтому при анализе и синтезе придется изыскивать дополнительные средства для разрешения нейтрализации Cas. Adj. и Cas. Obj. obl., хотя такие средства и будут применяться более ограниченно, чем в литературном языке.

Нельзя не упомянуть и еще об одном интересном способе выражения Cas. Obj. obl., отмеченном Гамильшегом в говоре Шербанешть-Титулешть: в функции Cas. Obj. obl. некоторых существительных употребляется Cas. Dir., а падежная форма выражается соответствующим падежом личного местоимения²⁴.

б. Анализ—синтез категории одушевленности

Известно, что о категории одушевленности в румынском литературном языке можно говорить главным образом благодаря существованию конструкции с предлогом *pe* для выражения прямого дополнения, так как другие способы являются частными и служат скорее для выражения категории личности (см. „Анализ“). Диалекты не знают конструкции с предлогом *pe*, имеющей какое-либо другое значение, кроме адвербиального. Из всего сказанного выше это, пожалуй, единственное отличие от литературного языка, не имеющее никаких вариантов или отклонений. Для диалектов остается в силе категория личности (например, в арумьнском и мегленорумынском существительные собственные могут образовывать Cas. Adj. с помощью артикля *al*), однако о регулярном выражении категории одушевленности говорить, пожалуй, нельзя.

Сравнение литературного румынского языка с диалектами, проведенное на перечисленных выше основаниях, позволяет прийти к некото-

²³ См. об этом: Th. Capidan. Aromîni, стр. 385.

²⁴ E. Gamiltscheg. Die Mundart von Şerbaneshi-Tituleshi, стр. 172.

рым выводам, которые, правда, могут носить только предварительный характер.

1. По первым трем пунктам (морфологические характеристики) истрорумынский диалект противопоставлен литературному языку и остальным диалектам. Ограниченные морфологические средства, которыми он располагает для имени существительного, приводящие к значительному ослаблению противопоставления Sing.—Pl., и исчезновение постпозитивного артикля для Cas. Obj. приближают истрорумынский к „собственно аналитическим“ языкам, отделяя от литературного языка и диалектов, в большей степени сохраняющих на морфологическом уровне различия по роду, числу и падежу. С другой стороны, наличие среднего рода у прилагательных, падежные формы, которыми истрорумынский обязан славянскому влиянию, выделяют его из общерумынского лингвистического пространства, хотя и не делают более балканским.

По степени применения препозитивного артикля диалекты располагаются в следующем порядке: дакорумынский—арумынский—мегленорумынский—истрорумынский (от меньшего к большему); по степени нейтрализации (в том же направлении): арумынский — дакорумынский — мегленорумынский — истрорумынский.

Т а б л и ц а 14

Диалекты	1	2	3	4
Дакорумынский	+	—	—	+
Мегленорумынский	+	+	+	—
Арумынский	+	+	—	—
Истрорумынский	—	+	—	—

2. Четвертый пункт, касающийся синтеза, менее показателен из-за недостатка материала. Поэтому о нем можно сказать лишь, что литературный язык и диалекты не обладают сколько-нибудь существенными, бросающимися в глаза различиями — различия носят частный характер и должны быть описаны при более подробном и тонком исследовании.

3. Анализ—синтез „падежей“ на синтаксическом уровне проводит заметную грань между литературным языком и диалектами: а) проявляющими тенденцию к аналитическому выражению косвенных падежей и б) проявляющими тенденцию к образованию стабильных конструкций для выражения Cas. Adj. и Cas. Obj. obl. В этом смысле законченную картину представляет мегленорумынский, где для каждого из падежей существует особая обязательная конструкция.

4. Что же касается категории одушевленности, то остается повторить, что она существует только в литературном языке.

Выводы, изложенные выше, можно представить в виде таблицы соотношения между литературным языком и диалектами в зависимости от следующих признаков (см. табл. 14):

1) наличие противопоставления Sing. Pl. — (истрорумынский = 0); 2) наличие препозитивного артикля (дакорумынский = 0); 3) различие Cas. Adj. и Cas. Obj. obl.; 4) наличие категории одушевленности.

Дакорумынский совпадает с мегленорумынским по одному признаку, с арумынским по двум.

Мегленорумынский совпадает с арумынским по трем признакам, с истрорумынским по двум.

Арумынский совпадает с истрорумынским по трем признакам.

В целом румынский язык и его диалекты достаточно сходны в морфолого-синтаксическом отношении, для того чтобы процедура анализа и синтеза, примененная к ним, оставалась в общем единой и претерпевала только частные изменения. Это единство морфолого-синтаксического строения в своем роде замечательно, так как в остальном (т. е. в плане

фонетики и лексики) диалекты расходятся настолько (см. пример Вейгана относительно арумынского в книге „Ethnographie der Makedonien“²⁵), что это дает основание считать их самостоятельными языками²⁶.

Если же рассматривать румынский язык и его диалекты в свете балканистики, то, пожалуй, общебалканистические процессы более активно проявляются в диалектах, а не в литературном языке.

---

²⁵ G. Weigand. Ethnographie der Makedonien. Leipzig, 1924, стр. 66.

²⁶ См. об этом, например: I. Coteanu. Criteriile de stabilire a dialectelor limbii române. „Limba română“, VIII, 1959, N 1; он же. Elemente de dialectologie a limbii române; R. Flora. Despre stadiul actual al istroromânei. „Fonetica și dialectologie“, IV, 1960, стр. 135—170. — Р. Флора вообще исключает истрорумынский из числа румынских диалектов.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. М. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты	3
Я. Сафаревич. Развитие формативов времени в индоевропейской глагольной системе	13
В. В. Шеворошкин. Карийский язык. Современное состояние дешифровки и изучения	18
Вяч. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания	40
В. В. Вертоградова. О двух фонологических моделях праkritа махараштри	45
В. Н. Топоров. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топонимастики	52
А. Сабалаяускас. Из истории терминологии животноводства в балтийских языках	59
В. Мажюлис. Заметки по прусской этимологии (1—2)	66
В. Гринавекис. Две заметки по литовской диалектологии.	
I. Особенности западных и южных литовских говоров, общие с прусским языком	70
II. Связи восточнолитовских говоров с белорусским языком	74
Т. М. Судник. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят)	79
В. И. Абаев. Провербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе	90
О. Н. Трубачев. „Молчать“ и „таять“. О необходимости семасиологического словаря нового типа	100
Г. П. Клепикова. Значения славянских орнитологических названий, входящих к <i>*žb/na</i>	106
В. И. Абаев. О происхождении фонемы <i>γ</i> (<i>h</i>) в славянском	115
К. И. Ходова. Употребление падежей при синтаксических производных глагола в старославянском языке	122
Р. В. Булатова. Видовое противопоставление типа <i>принѣсти</i> : <i>принѣсити</i> в сербско-хорватском языке	161
Т. В. Цивьян. Исследования грамматической структуры имени в языках балканского языкового союза	185
I. Анализ и синтез имени существительного в румынском языке	185

Проблемы индоевропейского языкознания

Этюды по сравнительной грамматике
индоевропейских языков

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. С. Кожухова*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*

Сдано в набор 28/XII 1963 г. Подписано к печати 8/VI 1964 г.
Формат 70×108^{1/16}. Печ. л. 13,25 = 17,85 усл. л. Уч.-изд.
л. 17,8. Тираж 2000 экз. Изд. № 2360. Темплан 1964 г. № 403.

Тип. зак. № 554

Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
19	5 св.	„Кирийский	„Кирийский
40	10 сн.	MU, KAM	MU. KAM
40	10 сн.	DUMUMEŠ	DUMU ^{MEŠ}
47	17 сн.	<i>siṁvara</i>	<i>siṁvara</i>
47	18 сн.	<i>aṁsa</i>	<i>aṁsā</i>
47	26 сн.	<i>ādha</i>	<i>ādha</i>
49	табл. 4, 1-й стлб.	—	m
49	11 сн.	<i>ajja</i>	<i>ajjā</i>
59	9 св.	Земгаре	Земгаре
92	18 сн.	sans	sens
193	3 сн.	E. Asan	F. Asan
200	8 св.	(tatāl)	(tatā)

Проблемы индоевропейского языковедения (Отюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков)

1 р. 10 к.

21864 RUS